

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук
(Япония, Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Н. Д. Ходжаева, доктор исторических наук
(Республика Таджикистан, Душанбе)

А. Х. Атаходжаев, кандидат исторических наук
(Республика Узбекистан, Самарканд)

Редакционная коллегия:

Н. Н. Крадин, доктор исторических наук,
академик РАН (Россия, Владивосток)

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук
(Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук
(Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнев (отв. секретарь), доктор
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Л. С. Марсадилов, доктор культурологии
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук
(Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия, Оренбург)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

А. Д. Таилов, доктор исторических наук
(Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Баулю, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

И. И. Юрганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

The journal was founded in 2007 by the Altay State University

Executive Editor:

P.K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International Council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences
of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A.S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

S.D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N.I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z.S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

A.M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy
(Germany, Berlin)

N.D. Khodjaeva, doctor of historical sciences
(Republic of Tajikistan, Dushanbe)

A.Kh. Atakhodjaev, candidate of historical sciences
(Republic of Uzbekistan, Samarkand)

Editorial Team:

N.N. Kradin, doctor of Historical science,
Academician of the RSA
(Russia, Vladivostok).

S.A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

N.L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A.P. Zabiyaiko, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A.A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

N.A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)

T.D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O.M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M.M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E.S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L.I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A.G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M.M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K.A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E.A. Shershneva (executive secretary), doctor
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L.N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

L.S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G.G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A.V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K.A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A.K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S.A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S.V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

Yu.A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

A.D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D.V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

A.V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

I.I. Yurganova, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. The magazine is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications. Registration number PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

Editorial Office Address: 656049, Altai Region, Barnaul, Dimitrova St, 66, Office 312,

Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Бочарова Е. Н.</i> Основные исследовательские подходы к изучению составных пазовых орудий конца палеолита-неолита Евразии.....	7
<i>Марченко Д. В., Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гунчинсуре Б.</i> Распределение находок как отражение природных и культурных процессов (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия)	31
<i>Савельева А. С.</i> Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка тагарской культуры (по материалам раскопок В. В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи)	47
<i>Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю., Тишкин Ал. Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П.</i> Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения.....	66

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ерохина О. В., Захаров В. Ю.</i> «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг.	85
<i>Кобец О. В.</i> Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния	103
<i>Смирнова Т. Б.</i> Народы Сибири, их численность и динамика в постсоветский период.....	121
<i>Уваров С. Н.</i> Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г.	142
<i>Черказьянова И. В.</i> Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX — первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития	155
<i>Чернышева Н. В., Ситникова Е. А., Ажигулова А. И.</i> Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизводства	172

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Габдрахманова Г. Ф.</i> Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан	194
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.	223
<i>Чеджемов С. Р.</i> Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX вв.	238

ДЛЯ АВТОРОВ	257
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 3

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Bocharova E. N.</i> The principal approaches to the study of composite slotted tools in the Late Paleolithic-Neolithic of Eurasia	7
<i>Marchenko D. V., Khatsenovich A. M., Rybin E. P., Gunchinsuren B.</i> Distribution of finds as a reflection of natural and cultural processes (evidence from archaeological horizon 4 of the Tolbor-4 site, Northern Mongolia)	31
<i>Savelieva A. S.</i> Elemental composition of the metal of the accompanying inventory from the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground of the Tagar culture (based on the materials of the excavations of V. V. Bobrov in 1974, 1975 in the northern forest-steppe)	47
<i>Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu., Tishkin Al. Al. (Jr.), Erdenepurev P.</i> Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study	66

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Erokhina O. V., Zakharov V. Yu.</i> "Strict supervision or eviction?": toward a question of the situation of germans in Petrograd province in 1914–1916	85
<i>Kobets O. V.</i> New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province	103
<i>Smirnova T. B.</i> Nations of Siberia, their number and its dynamics in the post-Soviet period	121
<i>Uvarov S. N.</i> Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus	142
<i>Cherkazyanova I. V.</i> German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX — first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development	155
<i>Chernysheva N. V., Sitnikova E. L., Azhigulova A. I.</i> Ethnic minorities in Siberia and the Far East in 1939–1959: the main trends of reproduction	172

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Gabdrakhmanova G. F.</i> The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan	194
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> The ethno-religious factor in the socio-economic adaptation of the Muslim population of the Yenisei province in the XIX — early XX centuries	223
<i>Chedzhemov S. R.</i> State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries	238

FOR AUTHORS	257
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902

DOI 10.14258nreur(2025)3–01

Е. Н. Бочарова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОСТАВНЫХ ПАЗОВЫХ ОРУДИЙ КОНЦА ПАЛЕОЛИТА-НЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

В статье приводится обзор основных методологических подходов к изучению костяных и роговых орудий с пазами: от первых попыток классификации конца XIX в. до современных междисциплинарных исследований. Данная категория орудий важна для понимания технологических аспектов жизнеобеспечения древних обществ. Поскольку эти артефакты являются одними из первых составных орудий, компонентами которых являются костяные основы, вкладыши (геометрические и негеометрические микролиты), а также клеящие составы, то их изучение является более сложной задачей по сравнению с исследованием не составных каменных или костяных орудий из-за применения нескольких материалов, миниатюрности пазов и невозможности применения деструктивных методов. Экспериментально-трассологический метод, позволяющий определить функциональную принадлежность и методы использования пазовых орудий, долгое время являлся общепринятым для их изучения. В последние десятилетия он дополняется методами трехмерного моделирования, рентгенограммой и компьютерной томографией, позволяющих исследовать внутреннюю и внешние структуры орудий. Химические методы анализа клеящих веществ, использованных в пазовых орудиях, в тех случаях, когда удастся зафиксировать их остатки, позволяет реконструировать уровень технологического развития социумов (сложный или простой в производстве состав) и способы адаптации человеческих коллективов к условиям окружающей среды, когда для изготовления клеев использовались наиболее доступные ресурсы (битум, деготь, клеящие составы из животного или рыбного коллагена). Получение

абсолютных дат для органических основ орудий позволяет исследователям определять их позицию в древних культурах Евразии, и даже составлять на их основе культурно-хронологические схемы развития вкладышевых технологий в обширных регионах. Вся совокупность перечисленных научных подходов позволяют на высоком научном уровне реконструировать методы охоты, разделки добычи и основные трудовые операции, осуществлявшиеся на стоянках, что было недоступно исследователям в еще конце XX в.

Ключевые слова: составные пазовые орудия, вкладыши, функциональный анализ, методологические подходы, трасологический анализ, УМС-датирование.

Для цитирования:

Бочарова Е. Н. Основные исследовательские подходы к изучению составных пазовых орудий конца палеолита-неолита Евразии // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 7–30. DOI 10.14258neur(2025)3–01.

Бочарова Екатерина Николаевна, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** bocharova.e@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>.

E. N. Bocharova

Institute of Archaeology and Ethnography Siberian branch Russian academy of sciences, Novosibirsk (Russia)

THE PRINCIPAL APPROACHES TO THE STUDY OF COMPOSITE SLOTTED TOOLS IN THE LATE PALEOLITHIC-NEOLITHIC OF EURASIA

This article provides a review of the principal methodological approaches of slotted bone and antler tools studying from the earliest classification attempts made in the end of 19th century to contemporary interdisciplinary research. This category of tools is crucial for understanding technological aspects of subsistence in ancient societies. Because these artifacts are one of the earliest composite tools, incorporating bone bases, inserts (geometric and non-geometric microliths), and adhesive compounds, their study presents a more complex challenge compared to non-composite stone or bone tools. This complexity arises from the usage of multiple materials, the miniature nature of the slots, and the limitations imposed by the non-destructive analysis required. The experimental use-wear analysis, which has long been the standard for determining the functional characteristics and utilization methods of slotted tools, has recently been supplemented by three-dimensional modeling, X-Ray photo and computed tomography techniques. These advancements allow researchers to examine both the internal and external structures of the tools. Additionally, chemical analysis of the

adhesives used in slotted tools, when residues are detectable, enables the reconstruction of the technological development of the societies (whether the adhesive composition was simple or complex) and their adaptive strategies to environmental conditions, where the most readily available resources (bitumen, tar, or adhesives derived from animal or fish collagen) were utilized in glue production. Obtaining absolute dates from the organic bases of tools allows researchers to determine their place within ancient Eurasian cultures and even construct cultural-chronological frameworks for the development of microlithic technologies across vast regions. The comprehensive application of these scientific approaches facilitates a high-level reconstruction of hunting methods, butchery practices, and primary operations carried out at ancient sites — insights that were inaccessible to researchers even in the late 20th century.

Keywords: composite slotted tools, bone tools, inserts, functional analysis, methodological approaches, use wear analysis, AMS dating

For citation:

Bocharova E. N. The principal approaches to the study of composite slotted tools in the Late Paleolithic-Neolithic of Eurasia. *Nations and religions Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 7–30 (in Russian). DOI 10.14258nneur(2025)3–01

Ekaterina Nikolaevna Bocharova, junior researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** bocharova.e@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>.

Вкладышевые составные орудия являются примером революционного развития орудийного комплекса, в котором изменение одной из составных частей не требует изменения всей конструкции. Существует несколько гипотез, объясняющих их широкое распространение в конце плейстоцена в Евразии. Основная гипотеза появления вкладышевых орудий связывает их с возросшей мобильностью древнего населения в период последнего оледенения и после него, которая повлекла за собой эффективное использование сырья. Серийное производство микролитов снизило вес преформ/нуклеусов, что позволяло расширить территорию, где происходил поиск пищи (например, [Goebel et al., 2000; Hartz et al., 2010; Yi et al., 2013; Barton et al., 2007]). В случае поломки достаточно было быстро заменить сломанный вкладыш, что снижало затраты на транспортировку сырья и уменьшало риск остаться без необходимого орудия.

Другая гипотеза подобна первой и объясняет необходимость использования вкладышевых орудий минимизацией рисков поломки оружия и безрезультатной охоты в суровых природных условиях (например, [Elston et al., 2011; Graf, 2010; Qu et al., 2012]), что подтверждается свидетельствами непрерывного использования таких орудий в течение позднеледникового максимума в Северном Китае [Barton et al., 2007]. Еще одна гипотеза объясняет распространение вкладышевых основ из костей и рогов исчезновением мамонта в Сибири. Без этого вида исчезает и сырье для изготовления охотничьего инвентаря (массивные стержневидные острия из бивня). В поисках альтернатив древний человек был вынужден использовать новые орудия — орудия из кости,

по форме напоминающие острия, оснащённые каменными вкладышами. Составные пазовые орудия получили широкое распространение в Сибири как раз в то время, когда мамонт больше не встречается на этой территории [Питулько, 2010].

Целью данного исследования является обзор различных методологических подходов, используемых для анализа составных вкладышевых орудий с конца XIX в. до наших дней, а также оценка их научной эффективности. В рамках проведенного исследования описаны как традиционные методы исследования (формально-типологический подход), так и новые методологические подходы в исследованиях пазовых орудий (например, компьютерная томография (КТ) и 3D-сканирование, химические методы анализа). Необходимо отметить, что термины «вкладышевое», «пазовое» и «составное» орудие в настоящей статье синонимичны и применяются для определения орудия, которое состоит из нескольких материалов: костяная или роговая основа с одним или двумя пазами, клеящего вещества, которым закреплялись каменные вкладыши (геометрические или негеометрические микролиты).

Исследование костяных и роговых орудий с пазами представляет собой важную область археологических исследований, направленных на реконструкцию промысловых, технологических аспектов жизни древних обществ. Научные исследования пазовых орудий начались в конце XIX в., когда археологи предпринимали попытки классифицировать находки. Первые попытки изучения таких орудий включали их формальное описание и сравнение с аналогичными артефактами из других географических и хронологических контекстов. Одним из первых исследователей был сэр Джон Эванс, английский археолог и нумизмат, который опубликовал свои работы, посвященные древним орудиям из кости и рога, во второй половине XIX в. В своей работе «Ancient Stone Implements, Weapons, and Ornaments of Great Britain» Эванс описал находки, включая те, которые, как он предполагал, могли быть вставлены в деревянные или костяные рукоятки [Evans, 1897].

Габриэль де Мортилье классифицировал различные типы палеолитических орудий (иглы, гарпуны (плоские и закруглённые), наконечники, среди которых есть орудия с пазами [Mortillet, 1885]. Одну из первых и, вероятно, наиболее известных типологических классификаций костяных наконечников Северной Европы создал в 1930-х гг. Д. Г. Д. Кларк [Clark, 1936]. Различные по формам орудия были разделены на типы. Например, простые острия круглого сечения — тип № 1, наконечники треугольного сечения — № 13, пазовые острия с кремневыми вставками — тип 21A и 21B. [Clark, 1936]. Классификация в рамках формально-типологического подхода только опосредованно помогала в определении функционального назначения орудий.

Первые находки пазовых орудий в России датируются также концом XIX в. При раскопках Афонтовой горы на Енисее в 1884 г. И. Т. Савенковым были найдены орудия с пазом, которые в 1896 г. были атрибутированы как вкладышевые Ж. де Баем [Акимова, Вдовин, Макаров, 1996]. В 1920-х гг. Н. К. Ауэрбах выделял вкладышевые орудия с узким продольным пазом, используя термин «зубцеватая техника», который затем закрепился в научной литературе [Ауэрбах, 1930].

Формально-типологический подход с этнографическими сравнениями был использован В. В. Питулько при исследовании Жоховской стоянки, расположенной в высоко-

широтной Арктике. На памятнике зафиксировано одно из наиболее многочисленных собраний составных пазовых орудий в Северной Азии — 25 орудий с пазами. Исследователь выделяет как металлический, так и колющий типы орудия. Орудия имеют и один, и два паза. Также в коллекции выделены игловидные вкладышевые наконечники [Гиря, Питулько, 1995; Питулько, 1998]. Изготавливались они в основном из рога оленя и кости, единичными экземплярами представлены пазовые обоймы из бивня мамонта и клыка моржа [Питулько, 1998]. Изучая быт современных коренных народов, исследователь проводит параллели между современными практиками и древними техниками изготовления инструментов: сходство пазовых орудий с древнеэскимосскими наконечниками поворотных гарпунов с боковыми вкладышами [Питулько, 2001]. Также некоторые этноархеологические наблюдения сделаны по вкладышам-резцам/резчикам. Шлифованные каменные резцы с прямоугольным и V-образным профилями режущих краев, датируемые поздним мезолитом, далее распространенные в ымыяхтахской культуре, фиксируются в культурах древних зверобоев Чукотки и Аляски [Гиря, Лозовский, 2014].

М. Г. Жилиным была представлена функциональная классификация кинжалов и охотничьих ножей лесной зоны Восточной Европы, основанная на данных трасологического анализа, анализа формы орудий и данных о предполагаемой модели эксплуатации (нанесение глубоких колотых ран или глубоких и широких колото-резаных ран) [Жилин, 2019]. Рассматриваемые исследователем орудия часто имели U-образные пазы для вкладышей. Эти пазы, шириной и глубиной от 1 до 2 мм, начинались у самого острия, что, по мнению исследователя, придавало изделиям большую прочность и долговечность. Важную роль в их производстве играли строгание и шлифовка. Технологические приемы, применяемые при изготовлении этих орудий, были стандартными для мезолита всей лесной зоны Восточной Европы. Согласно типологии автора, кинжалы и ножи отличаются как по конструкции, так и по функциональному назначению. Кинжалы, как правило, более массивные и длинные, имеют двояковыпуклую форму в сечении и оснащены двумя пазами для вкладышей по обеим сторонам. Они использовались преимущественно в качестве оружия, предназначенного для нанесения колющих и режущих ударов. Ножи, напротив, обычно меньшего размера, с одним пазом для вкладышей на одной стороне. Они предназначались для более тонкой и точной работы, такой как разделка добычи и другие бытовые задачи [Жилин, 2019].

Экспериментально-трасологические методы применяются исследователями с целью реконструкции как методов изготовления, так и вариантов использования вкладышевых изделий [Bjørnevad et al., 2019; Osipowicz et al., 2020; Жилин, 2019; Савченко, Жилин, 2018; Жилин и др., 2020; Лозовская, 2001; Волков, Жамбалтарова, 2011; Поплевко, Гречкина, 2015; Молодин и др., 2023]. Так, исследование функциональной принадлежности микролитов как элементов составного метательного оружия провела А. Ярошевич. Исследование включало экспериментальное изучение микролитических комплексов позднего плейстоцена Леванта; анализ характеристик стрел разной конструкции; исследование макро- и микроповреждений на экспериментальных микролитах; исследование повреждений на микролитах с памятников кебаранской, геометрической кебаранской и натуфийской культур [Yaroshevich, 2010]. Эксперимент включал изго-

товление и стрельбу с использованием 102 составных основ разных конструкций, известных из этнографических и археологических источников, с использованием 265 реплик микролитов, характерных для кебаранской, геометрической, кебаранской и натуфийской культур.

Составные основы имели различные типы наконечников, включая прямые и скошенные острия, наконечники с шипами и боковыми лезвиями и др. Проведённый анализ производительности наконечников выявил, что конструкция дротика влияет на его эффективность. Дротики с боковыми лезвиями имели лучшие результаты по глубине проникновения, долговечности и частоте рикошетов. Однако эти дротики были самыми сложными в изготовлении и ремонте. Стрелы с одним микролитом, напротив, показали высокие результаты по этим параметрам, будучи относительно простыми в подготовке и обслуживании. Изучение макро- и микроповреждений показало, что типы повреждений характерны для определённых способов крепления микролитов. Например, множественные переломы на обоих концах микролита указывали на прямое крепление, тогда как поперечные переломы встречались только на поперечных наконечниках. Частота повреждений, характерных для удара наконечника, также зависела от конструкции стрелы и типа микролита.

Исследование микролитов из кебаранской, геометрической кебаранской и натуфийской культур выявило внутрикультурную и межкультурную вариабельность типов и частоты повреждений, что отражает изменения в конструкции метательного оружия. Изменения в морфологии микролитов в течение эппалеолита были тесно связаны с трансформациями в конструкции метательного оружия. Различные типы микролитов использовались в качестве наконечников и боковых элементов дротиков, и их форма эволюционировала в зависимости от требований к эффективности оружия. Прекращение использования микролитов в Леванте после перехода к земледелию и животноводству служит доказательством того, что эти инструменты использовались как элементы охотничьего оружия.

Экспериментальная археология играет важную роль не только в реконструкции технологических процессов изготовления, но и реконструкции процессов использования пазовых орудий [например, Roux et al., 2020; Pétillon et al., 2011, Savchenko, 2010; Tomasso et al., 2018]. Исследования мезолитических памятников Евразии позволили реконструировать последовательность операционных стадий в производстве составных орудий (например, David, 2003; Savchenko, 2010, Zhilin, 2017). Следы различных операций, таких как пропиливание паза, скобление или шлифовка, часто предшествуют окончательной обработке костяных артефактов. Следы этих операций могут быть обнаружены на различных частях костяных изделий, незаконченных или заготовках орудий. На законченных изделиях такие следы сложно идентифицировать из-за наложения их друг на друга. Изучение последовательностей таких следов, а также заготовок позволяет установить очередность операций и реконструировать этапы производства, например, составных наконечников стрел (например, Savchenko, 2010, Zhilin, 2017; Molin, Gummesson, 2021). С. Н. Савченко и М. Г. Жилиным описан следующий порядок изготовления пазового наконечника из кости лося: грубое продольное/косое скобление костяной заготовки → продольное расщепле-

ние (получение пластины-заготовки) → шлифовка заготовки → прорезка паза → тонкая полировка → яркая гладкая полировка и орнаментация [Savchenko, 2010; Жилин, 2018]. Еще один процесс изготовления пазовых наконечников описан для скандинавских позднемезолитических пазовых наконечников. Процесс начинался с удаления диафизов с плюсневой кости благородного оленя. Затем заготовку формировали каменным отбойником, оставляя негативы отщепов. Далее продольным скоблением удаляли следы ударной обработки, придавали необходимую форму и прорезали пазы для вставок. Затем пазы заполняли смолой и вдавливались вкладыши, формируя лезвие [Molin, Gummeson, 2021].

Данные об использовании пазовых метательных орудий при дистанционной охоте, оценке их эффективности и прочности были получены в результате серии экспериментов, имитирующих сценарии дистанционной охоты с использованием составных орудий в древности [Pétillon et al., 2011].

Исследователи использовали материалы, аналогичные тем, что применялись в магдаленском периоде юго-западной Франции и Парижского бассейна: олени рога для основы наконечника и кремль для вкладышей. Вкладыши закреплялись в пазах, на роговых основах с использованием клеящих веществ, таких как смола. Созданные реплики были протестированы в условиях, имитирующих охоту. Дротики металась с помощью копьеметалки в туши оленей, что позволило сделать выводы о проникающей способности, долговечности и общей эффективности оружия. Эксперименты были нацелены на наблюдение за роговыми и кремневыми компонентами при ударе, а также за их способностью наносить смертельные ранения крупным животным. Эксперименты показали, что наконечники были довольно эффективными, хотя и наблюдались значительные различия в прочности в зависимости от конструкции и использованных материалов. Олений рог оказался прочным, но кремневые лезвия часто повреждались при ударе, так же, как и зона крепления наконечника к древку. Это требовало частого ремонта основы и замены вкладышей.

Составные орудия были эффективны для охоты, но требовали регулярного обслуживания или замены кремневых вкладышей непосредственно во время охоты. При сравнении полученных экспериментальных данных с археологическими образцами было обнаружено значительное совпадение в характере износа и поломок, что подтверждает корректность проведенных экспериментов. Однако были отмечены и некоторые различия, например, степень повреждения кремневых лезвий, что по мнению авторов, отражает различные охотничьи техники или окружающие условия, не воспроизведённые в эксперименте [Pétillon et al., 2011].

Экспериментальное моделирование также позволяет реконструировать форму орудий, которые были утрачены или разрушены. Группой французских ученых было обнаружено 11 каменных острий, располагающихся в непосредственной близости друг от друга в раскопе, с удлинённым костяным предметом плохой сохранности на стоянке Лес-Пре-де-Лор (Франция, финальный палеолит, гравет). Анализ следов износа и технико-типологический анализ каменных артефактов, а также данные планиграфического анализа позволили предположить, что находка представляет собой составное острие, состоящее из костяной основы и каменных вкладышей с зубчатым контуром.

В ходе эксперимента с целью реконструкции формы обнаруженного орудия были воспроизведены точные копии вкладышей и протестированы четыре возможных способа крепления с разными вариантами крепления вкладышей на костяном основании. Результаты показали, что разные конструкции наконечников оставляли специфические следы повреждений. Сравнение экспериментальных результатов с археологическими позволило реконструировать форму наконечника до его разрушения: острокопечная костяная двухпазовая основа с вкладышами на равном расстоянии друг от друга [Tomasso et al., 2018].

Трасологическое исследование мезолитического костяного «кинжала» с пазами из Ульби, случайной находки из южной Эстонии, было проведено с акцентом на изучение процесса его изготовления и возможного использования. Анализ микроследов использования кремневых вкладышей показал, что объект применялся преимущественно для резания или строгания, о чем свидетельствуют параллельные царапины на одном из вкладышей. Отсутствие следов износа, связанных с колющими движениями, предполагает, что предмет, вероятно, был ножом, а не кинжалом или наконечником копья, хотя авторы не исключают возможность того, что он мог использоваться как наконечник копья, учитывая заостренное острие [Bjørnevad et al., 2019].

Изучение составного костяного орудия с сохранившимися кремневыми вкладышами в двух пазах из стоянки Тлоково (северо-восточная Польша, ранний мезолит) включало технологический и функциональный анализы. Технологический анализ выявил, что орудие было тщательно обработано кремневыми инструментами. Пазы для вставок были сделаны путём распиливания, а основание — с помощью строгания. Обнаруженные следы на поверхности пазового орудия из Тлоково указывают на выполнение различных функций, не только как возможного наконечника, но и как инструмента для обработки туш животных. Анализ показал наличие следов смолы на вкладышевой основе, вероятно, использовавшейся для крепления наконечника к древку. Также были найдены следы, указывающие на длительное применение или многократное повторное насаживание наконечника. Анализ кремневых вставок в пазах показал, что они имеют двустороннюю ретушь. На поверхности вкладышей также видны стёртости и линейные следы, указывающие на их длительное использование для резания [Osipowicz et al., 2020].

Для мезолитического комплекса стоянки Замостье 2 (Волго-Окское междуречье, Россия) было установлено, что вкладышевые орудия использовались для выполнения разнообразных задач: для дистанционной охоты и разрезания. Также были найдены следы воздействия органических материалов, таких как кость или древесина, что указывает на использование орудий в обработке этих материалов [Лозовская, 2001].

Трасологическое изучение случайной находки наконечника треугольной формы с двумя пазами из бивня мамонта арктической зоны Северо-Восточной Азии (река Крестях, Республика Якутия), датируемого финальным палеолитом, включало в себя детальный анализ формы, размеров и методов изготовления наконечника. По мнению авторов, после пропиливания пазов на заготовке отделяли продольный фрагмент от основного тела бивня. Яркий блеск с хаотичными линейными следами разных размеров и направлений указывает на интенсивную полировку на финальной стадии обработ-

ки [Kandyba et al., 2023]. Наконечник такой же формы из бивня мезолитического возраста найден на Жоховской стоянке [Питулько, 1998].

Одним из направлений исследований композитных орудий были работы по изучению технологии их изготовления [Чаиркин, Жилин, 2005; Савченко, 2014]. На основе проведенных экспериментов исследователями было выделено несколько типов поперечных профилей пазов: V-образное, W-образное, U-образное сечение, трапециевидное (_/_). V-образный паз получался при движении резчика в одном направлении, при условии, что лезвие в процессе работы не выкрашивалось, в противном случае пазы приобретали U-образный профиль. W-образный профиль паза получался в том случае, когда в процессе направление движения менялось на противоположное [Савченко, 2014]. Если кромка оформлялась резцом, тогда паз приобретал _/_-образное сечение [Чаиркин, Жилин, 2005].

Современные исследования часто включают анализ клеящих веществ, оставшихся в пазах, — инфракрасную спектроскопию с преобразованием Фурье (Фурье-ИКС, FTIR), которая является относительно новым методом в археологии [Aveling, Heron, 1998; Helwig et al., 2008, Cârciuamaru, 2012; Fauvelle, 2012; Helwig et al., 2014; Koch et al., 2024 и др.]. В результате исследований археологических образцов выявляют композитные клеящие составы на основе веществ растительного (смола или березовый деготь, мед), животного происхождения, озерного ила, гипса, угольная пыль [Helwig et al., 2008; Shaham et al., 2010; Wadley, Trower, Backwell, 2015; Сериков, 1999; Косинская и др., 2018]. Например, для костяных изделий мезолита Урала был проведен анализ остатков клея из пазов двух орудий (святилище Камень Дыроватый), который показал наличие в образцах вещества, содержащегося в смоле хвойных деревьев [Косинская и др., 2018]. Использование газовой хроматографии-масс-спектрометрии (GC–MS) также широко применяется для установления состава клеящих веществ для закрепления вкладышей в пазах [Bjørnevad et al., 2019; Kabaciński, 2023; Osipowicz et al., 2020].

Сканирующая электронная микроскопия (SEM) использовалась для установления элементного состава красноватых и коричневатых частиц, обнаруженных на острие, а также на «вкладышах» случайной находки костяного орудия, имитирующего по форме пазовое орудие с вкладышами с реки Пярну (юго-западная Эстония). В результате было установлено, что красный оттенок придавала красная охра, а коричневый может происходить от умбры [Jonuks et al., 2023].

Метод абсолютного датирования определяет культурно-хронологический контекст археологических комплексов, содержащих пазовые орудия [Osipowicz et al., 2020; Manninen et al., 2021; Jonuks et al., 2023; Kabaciński, 2023]. Используя методы абсолютного датирования, М. Маннинен с соавторами определяет хронологическую вариативность технологии вкладышевых орудий в Северной Европе и на Восточно-Европейской равнине. Ими представлен обзор радиоуглеродного датирования вкладышевых костяных орудий, включающий 17 новых прямых дат, полученных из смолы этих орудий. Эти даты охватывают период от позднего плейстоцена до середины голоцена, что позволило детально реконструировать изменения в технологии и утилизации исследуемых орудий. Новая серия радиоуглеродных дат позволили доказать изменения в каменной технологии, происходившие с потеплением в голоцене. Авторы пред-

полагают, что технологические решения часто адаптировались к конкретным условиям, что приводило к независимой эволюции конструкций орудий в разных регионах. Эволюция этих орудий была обусловлена несколькими факторами, включая доступность сырья, природные условия и конкретные потребности сообществ, использовавших их [Manninen et al., 2021].

Получение большой серии прямых датировок составных пазовых орудий может быть основой для дальнейшего исследования взаимосвязей изменчивости в конструкции и использовании орудий в контексте широких климатических и культурных изменений в конце плейстоцена-начале голоцена, сложных адаптационных стратегий древних людей [Yaroshevich, 2010; Kolobova et al., 2011; Ranov et al., 2012; Manninen et al., 2021; Tomasso et al., 2018; Kuhn, Shimelmitz, 2023].

Использование цифровых изображений и трехмерного моделирования в последние годы становится все более востребованным для документирования и анализа артефактов [Чистяков и др., 2019]. Все возможности трехмерного моделирования, такие как высокоточные метрические измерения, создание серий продольных и поперечных сечений, реконструкция артефактов с зеркальной симметрией доступны для применения [Grosman, Smikt, Smilansky 2008; Kolobova et al., 2019; Valletta et al. 2020; Колобова и др., 2020]. Эти методы позволяют создавать детальные реконструкции и проводить высокоточные метрические измерения, например, определение глубины и ширины пазов на разных участках, определение углов схождения пазов, углов расположения паза к борту, угол между бортами, при наличии «ступеньки» в пазах — угол расположения «ступеньки» ко дну паза и т.д.

Ранее, из-за хрупкости и миниатюрных размеров пазов, проведение мануальных измерений, а также изучение их поперечных сечений имело большую степень погрешности или были невозможны вовсе. Применение трехмерного сканирования составных костяных орудий позволило создавать двухмерные модели поперечных сечений пазов с целью классификации и реконструкции процессов их изготовления. Например, было проведено исследование двух пазовых обоев из раннеголоценового местонахождения Казачка (Красноярский край). В результате трехмерного сканирования были получены масштабируемые модели в высоком разрешении, на основе которых были созданы серии поперечных сечений и сделаны метрические измерения. Сравнение этих сечений позволило определить изменяющуюся на разных участках форму и размеры паза: одно орудие имеет пазы V- и U-образных форм; пазы второго орудия — U- и W-образных форм (рис. 1, 1). Разнообразие форм сечений паза при сопоставлении с данными экспериментального моделирования может указывать на применение различных приемов обработки кости при их изготовлении [Бочарова, Чистяков, Жданов, 2021].

Использование трехмерных моделей с высоким разрешением сделало возможной реконструкцию обломанных бортов паза при наличии сохранившейся оси симметрии артефакта. Реконструкция проводится с использованием сохранившихся участков пазов путем создания серии поперечных сечений и их дальнейшего заполнения (рис. 1, 2). Этот метод позволяет создавать реконструированные трехмерные модели артефактов с зеркальной симметрией на основе моделей фрагментированных орудий [Бочарова и др., 2023].

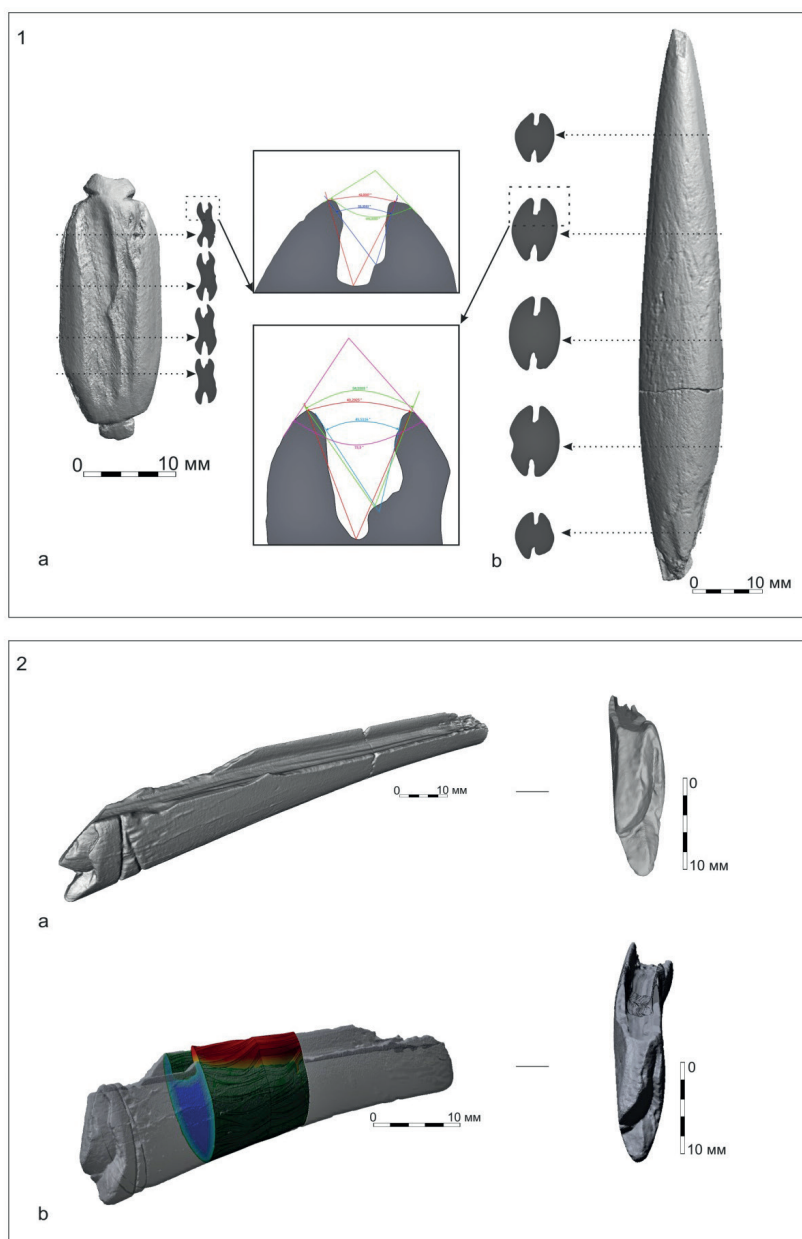

Рис. 1. Пример использования 3D-моделирования для изучения составных пазовых орудий: 1 — поперечные сечения пазовых орудий со стоянки Казачка: а — составные пазовые орудия стоянки Казачка из горизонта 11, пример метрических измерений паза; б — составные пазовые орудия стоянки Казачка из горизонта 19, пример метрических измерений паза; 2 — реконструкция паза составного пазового орудия со стоянки Усть-Ёдарма II: а — 3D-модель составного пазового орудия со стоянки Усть-Ёдарма II и профиль составного орудия с разрушенным бортом паза; б — реконструированная

часть орудия, объединенная с моделью сохранившейся части и профиль орудия
с реконструированным бортом паза

Fig. 1. Example of 3D modeling application. 1 — Cross-sections of slotted tools from the Kazachka site: a — Composite slotted tools from the Kazachka site, horizon 11, example of slot metric measurements; b — Composite slotted tools from the Kazachka site, horizon 19, example of slot metric measurements; 2 — Reconstruction of the slot in a composite slotted tool from the Ust-Yodarma II site: a — 3D model of a composite slotted tool from the Ust-Yodarma II site and profile of the composite tool with a damaged slot edge; b — Reconstructed part of the tool combined with the model of the preserved section and profile of the tool with a reconstructed slot edge

Информацию о внутреннем строении пазовых орудий может предоставить компьютерная томография (КТ) [Osipowicz et al., 2020]. Исследователи провели КТ пазовой обоймы, в которой сохранились вкладыши, в результате чего было установлено, что начало паза имеет асимметричное V-образное поперечное сечение. По мнению исследователей, это может указывать на использование неретушированного кремневого лезвия, ориентированного так, что прямой борт паза получился в результате контакта с плоской вентральной поверхностью скола-орудия, а стенка расположена под углом с дорсальной. Эти выводы могут быть впоследствии подтверждены или опровергнуты экспериментально. Томографирование центральных участков пазов показало симметричный профиль сложной формы, что может указывать на использование неретушированного орудия и различного направления движения им [Osipowicz et al., 2020].

Первый опыт КТ составных пазовых основ с археологических объектов Восточной Сибири был реализован на материалах раннеголоценовых слоев памятника Казачка (Красноярский край). Исследование двухпазовой обоймы с четырьмя, сохранившимися в пазах, вкладышами (12 к. г.) проводилось на базе системы микротомографии высокого разрешения «Продис. Компакт» (рис. 2).

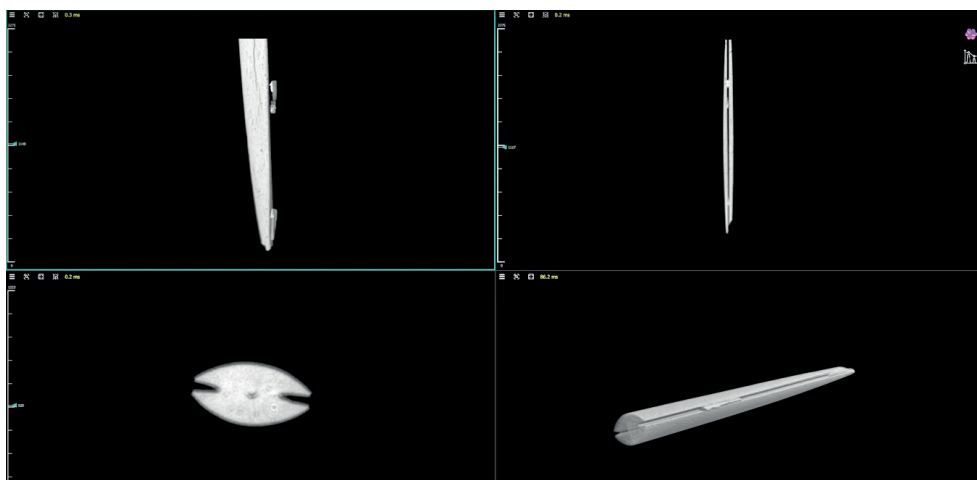

Рис. 2. Возможности КТ составных пазовых орудий на примере костяной основы со стоянки Казачка

Fig. 2. CT of composite slotted tools, on the example of a bone base from the Kazachka site

Предварительный анализ полученных изображений показывает, что пазы имеют V-образную форму по всей длине. Вкладыши, представленные медиальными частями микропластин, вставлены в паз неравномерно, не образуя ровной линии лезвия (возможно, постдепозиционные изменения). Это лишь предварительные результаты, более дательный анализ будет представлен в ближайшее время. Помимо КТ для получения изображений внутренней части составных орудий может использоваться рентгенограмма (рентгеновская фотография). Этот метод использовался для неинвазивного выявления внутренней структуры композитного инструмента, датированного ранним мезолитом, найденного на стоянке Кшиж-Велькопольский 7 в Польше. Орудие хорошей сохранности, состоит из костяного острия и деревянного древка, однако 2/3 части орудия покрыто черным аморфным слоем. Рентгенограмма позволила обнаружить два набора связок под черным покрытием, которыми костяное острие было закреплено на деревянном древке. Они связывают две составные части вместе на проксимальном конце деревянного стержня и дистальном конце острия [Kabaciński, 2023].

Заключение

В контексте изучения позднеплейстоценовых и раннеголоценовых археологических культур принято считать, что разнообразные формы вкладышевых орудий являются культурными маркерами. Комплексные исследования этих артефактов доказывают, что вариативность форм пазовых обоей является следствием адаптивных технологических решений [Yaroshevich, 2010; Manninen et al., 2021; Tomasso et al., 2018; Kuhn, Shimelmitz, 2023]. Технологические инновации, такие как переход к более простым и эффективным видам дистанционного оружия, играли важную роль в выживании и процветании древних сообществ [Yaroshevich, 2010].

Число публикаций, касающиеся изучения различных аспектов технологии изготовления и использования пазовых орудий, в последние годы значительно возросло. В современной археологической науке наблюдается две основных тенденции: с одной стороны, это внедрение новых методов исследования пазовых орудий, таких как КТ и 3D-сканирование. С другой стороны, продолжается публикация новых материалов в парадигме формально-типологического подхода. Интеграция и применение новых методологических подходов и технологий, таких как цифровая реконструкция, компьютерная томография, рентгенография и трасологический анализ, позволяют получить новые, ранее не доступные данные о пазовых орудиях. До внедрения трехмерного моделирования в практику археологических исследований было невозможно исследование внутреннего пространства пазов, их формы, размеров и положения вкладышей. Эти методы также позволяют исследователям проводить виртуальные реконструкции разрушенных предметов.

Трасологический анализ, основанный на изучении микро-следов на поверхности артефактов, предоставляет детализированную информацию о способах их использования: определение типов материалов, с которыми взаимодействовали орудия, и реконструкция действий, выполняемых с их помощью. Экспериментальное моделирование направлено на реконструкцию технологических процессов изготовления и формы орудий, оценить их эффективности и прочность.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: проект № 24–28–01157 «Вкладышевые технологии Восточной Сибири конца плейстоцена-начала голоцена».

Автор выражает благодарность кандидату исторических наук, доценту кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ Н.А. Савельеву за предоставленную возможность работы с археологическим материалом стоянки Казачка; кандидату исторических наук, сотруднику лаборатории Цифра ИАЭТ СО РАН Д.В. Кожевниковой за выполнение компьютерного томографирования; сотруднику НИЦ «Байкальский регион» Д. Н. Лохову за предоставленную возможность работы с археологическим материалом стоянки Усть-Ёдарма II.

Acknowledgements and funding

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation: project No. 24–28–01157 «Composite Slotted technologies of Eastern Siberia in the late Pleistocene-early Holocene.» The authors express their gratitude to N.A. Saveliev Candidate of Historical Sciences and Associate Professor of the Department of World History and International Relations at ISU, for providing the opportunity to work with archaeological materials from the Kazachka site; to D.V. Kozhevnikova, Candidate of Historical Sciences, researcher of the Laboratory of Digital Archaeology of IAET SB RAS for providing of CT scans, to D.N. Lokhov, the researcher of the «Baikal Region» Research Center, for providing the opportunity to work with archaeological materials from the Ust-Yodarma II site.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акимова Е. В., Вдовин А. С., Макаров Н. П. Пазовые орудия Красноярского археологического района // Древности Приенисейской Сибири. 1996. Вып. 1. С. 62–82.

Ауэрбах Н. К. Палеолитическая стоянка Афонта III // Труды общества изучения Сибири и ее производительных сил. 1930. Вып. 7. 59 с.

Бочарова Е. Н., Чистяков П. В., Жданов Р. К. Применение трехмерного сканирования для исследования составных пазовых орудий раннего голоцена Восточной Сибири (на примере орудий из комплексов стоянки Казачка 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. XXVII. С. 57–65. <https://orcid.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065>.

Бочарова Е. Н., Чистяков П. В., Зоткина А. В., Лохов Д. Н. Использование 3D-моделирования для реконструкции артефактов с зеркальной симметрией // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. XXIX. С. 75–80. <https://orcid.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0075-0080>.

Волков П. В., Жамбалтарова Е. Д. Кинжалы фофоновского могильника (из коллекции музея Бурятского научного центра СО РАН): экспериментально-трассологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 22–28.

Гиря Е. Ю., Лозовский В. М. Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб. : МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. С. 52–84.

Гиря Е. Ю., Питулько В. В. Вкладышевые орудия и индустрия обработки камня мезолитической стоянки на острове Жохова // Российская археология. 1995. № 1. С. 91–109.

Жилин М. Г. Вкладышевые кинжалы и охотничьи ножи в мезолите Восточной Европы // Краткие сообщения Института археологии. 2019. № 255. С. 50–70. <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.255.50-70>.

Жилин М. Г., Савченко С. Н., Косинская Л. А., Сериков Ю. Б., Косинцев П. А., Александровский А. А., Лаптева Е. Г., Корона О. М. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. 368 с.

Колобова К. А., Шалагина А. В., Чистяков П. В., Бочарова Е. Н., Кривошапкин А. И. Возможности применения трехмерного моделирования для исследований комплексов каменного века // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 240–260. <https://orcid.org/10.17223/2312461X/30/12>.

Косинская Л. А., Усачева И. В., Остроушко А. А., Юдина Е. А., Кулеш Н. А., Гржегоржевский К. В. Реконструкция некоторых технологических приемов изготовления мезолитических костяных вкладышевых наконечников стрел (по данным физико-химических анализов находок из пещерного святилища Камень Дыроватый) // Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Тюмень : ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 118–121.

Лозовская О. В. Вкладышевые орудия стоянки Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры : материалы Международной конференции. Сергиев Посад, 2001. С. 273–291.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Селин Д. В., Зоткина Л. В., Пархомчук Е. В., Рендю У. Ранненеолитическое святилище урочища Таи. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 187 с.

Питулько В. В. Жоховская стоянка. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. 189 с.

Питулько В. В. Мегафауна и микропластинки (микропластинчатые традиции позднего палеолита Сибири в контексте проблемы вымирания мамонтов) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2010. Вып. 5. С. 90–104.

Питулько В. В. Общие тенденции в развитии вкладышевых орудий // Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры : материалы Международной конференции. Сергиев Посад, 2001. С. 161–167.

Поплевко Г. Н., Гречкина Т. Ю. Вкладышевые орудия стоянки Байбек по данным трасологического анализа // Методы изучения каменных артефактов. СПб. : ИИМК РАН, 2015. С. 98–104.

Савченко С. Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum Plus. 2014. № 1. С. 181–208.

Савченко С. Н., Жилин М. Г. Шигирские находки в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) // Camera praehistorica. 2018. № 1 (1). С. 94–105. [https://orcid.org/10.33291/26583828.2018\(1\)-5](https://orcid.org/10.33291/26583828.2018(1)-5).

Сериков Ю. Б. Некоторые аспекты изготовления и использования вкладышевых наконечников стрел эпохи мезолита в Среднем Зауралье // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб. : ИИМК РАН, 1999. С. 110–112.

Чаиркин С. Е., Жилин М. Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М. : Academia, 2005. С. 252–273.

Чистяков П. В., Ковалев В. С., Колобова К. А., Шалагина А. В., Кривошапкин А. И. 3D-моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 102–112.

Aveling E., Heron C. Identification of Birch Bark Tar at the Mesolithic Site of Star Carr // *Ancient Biomolecules*. 1998. Т. 2. № 1. Р. 69–80.

Barton L., Brantingham P. J., Ji D. Late Pleistocene climate change and Paleolithic cultural evolution in Northern China: implications from the Last Glacial Maximum // *Developments in Quaternary Sciences*. 2007. Т. 9. Р. 105–128. [https://doi.org/10.1016/S1571-0866\(07\)09009-4](https://doi.org/10.1016/S1571-0866(07)09009-4).

Bjørnevad M., Jonuks T., Bye-Jensen P., Manninen M. A., Oras E., Vahur S., Riede F. The life and times of an Estonian Mesolithic slotted bone “dagger”. Extended object biographies for legacy objects // *Estonian Journal of Archaeology*. 2019. Т. 23. № 2. Р. 103–125. <https://doi.org/10.3176/arch.2019.2.02>.

Cârciumaru M., Ion R.-M., Nițu E.-C., Ștefănescu R. New evidence of adhesive as hafting material on Middle and Upper Palaeolithic artefacts from Gura Cheii-Râșnov Cave (Romania) // *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39. Issue 7. Р. 1942–1950. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.02.016>.

Clark J. G. D. The Mesolithic settlement of Northern Europe: a study of the food-gathering peoples of Northern Europe during the early post-glacial period. Cambridge University Press, Cambridge, 1936. 284 p.

David E. The Contribution of a Technological Study of Bone and Antler Industry for the Definition of the Early Maglemose Culture // *Mesolithic on the Move. Papers presented at the 6th International Conference in the Mesolithic in Europe*, Stockholm, 4–8 September 2000. Exeter: Oxbow Books, 2003. Р. 649–657.

Elston R. G., Guanghui D., Dongju Z. Late Pleistocene intensification technologies in Northern China // *Quaternary International*. 2011. Т. 242. Vyp. 2. Р. 401–415. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2011.02.045>.

Evans J. The ancient stone implements, weapons, and ornaments of Great Britain. London: Longmans, 1897. 747 p.

Fauvelle M., Smith E. M., Brown S. H., Lauriers M. R. D. Asphaltum hafting and projectile point durability: an experimental comparison of three hafting methods // *Journal of Archaeological Science*. 2012. Т. 39. Vyp. 8. Р. 2802–2809. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.04.014>

Goebel T., Waters M. R., Buvit I., Konstantinov M. V., Konstantinov A. V. Studenoe-2 and the origins of microblade technologies in the Transbaikalian, Siberia // *Antiquity*. 2000. T. 74. № 285. P. 567–575. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00059925>.

Graf K. E. Hunter — gatherer dispersals in the mammoth-steppe: technological provisioning and land use in the Enisei River valley, south-central Siberia // *Journal of Archaeological Science*. 2010. T. 37. Vyp. 1. P. 210–223. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2009.09.034>.

Hartz S. T., Terberger T., Zhilin M. New AMS-dates for the Upper Volga Mesolithic and the origin of microblade technology in Europe // *Quartär*. 2010. Vol. 57. P. 155–169. https://doi.org/10.7485/QU57_08.

Helwig K., Monahan B., Poulin J., Andrews T. D. Ancient projectile weapons from ice patches in northwestern Canada: identification of resin and compound resin-ochre hafting adhesives // *Journal of Archaeological Science*. 2014. T. 41. P. 655–665.

Helwig K., Monahan V., Poulin J. The identification of hafting adhesive on a slotted antler point from a southwest Yukon ice patch // *American Antiquity*. 2008. T. 73. №. 2. P. 279–288.

Jonuks T., Chen S., Kriiska A., Oras E., Presslee S., Uueni A. Stone Age imitation of a slotted bone point from Pärnu River (south-western Estonia) // *Estonian Journal of Archaeology*. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 54–79. DOI: <https://doi.org/10.3176/arch.2023.1.03>.

Kabaciński J., Henry A., David É., Rageot M., Cheval C., Winiarska-Kabacińska M., Regert M., Mazuy A., Orange F. Expedient and efficient: an Early Mesolithic composite implement from Krzyż Wielkopolski // *Antiquity*. 2023. T. 97. №. 392. P. 295–313. <https://doi.org/10.15184/aqy.2023.3>.

Kandyba A. V., Zotkina L. V., Grigoriev S. E., Fedorov S. E., Cheprasov M. Y., Novgorodov G. P., Petrozhitskiy A. V., Kuleshov D. V., Parkhomchuk V. V. Stone Age Ivory Points from the Arctic Zone of Northeast Asia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2023. Vol. 51 (4). P. 25–34. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2023.51.4.025-034>.

Koch T. J., Kabaciński J., Henry A., Marquebielle B., Little A., Stacey R., Regert M. Chemical analyses reveal dual functionality of Early Mesolithic birch tar at Krzyż Wielkopolski (Poland) // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2024. T. 57. P. 104591. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2024.104591>.

Kolobova K. A., Fedorchenko A. Y., Basova N. V., Postnov A. V., Kovalev V. S., Chistyakov P. V., Molodin V. I. The Use of 3d-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2) // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2019. T. 47 (4). P. 66–76.

Kolobova K. A., Krivoshepkin A. I., Derevianko A. P., Islamov U. I. The Upper Paleolithic Site of Dodekatym-2 in Uzbekistan // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2011. T. 39 (4). P. 2–21.

Kuhn S. L., Shimelmitz R. From Hafting to Retooling: Miniaturization as Tolerance Control in Paleolithic and Neolithic Blade Production // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2023. T. 30. P. 678–701. <https://doi.org/10.1007/s10816-022-09575-5>

Manninen M. A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A. N., Vashanau A., Riede F., Persson P. Using Radiocarbon Dates and Tool Design Principles to Assess the Role of Composite Slotted Bone Tool Technology at the Intersection of Adaptation

and Culture-History // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2021. T. 28. № 2. P. 845–870. <https://doi.org/10.1007/s10816-021-09517-7>

Molin F., Gummesson S., Dwellings and workspaces at Strandvägen, 5600–5000cal. BC // *L'Anthropologie*. 2021. T. 125. Vyp. 4. P. 102926. <https://doi.org/10.1016/j.anthro.2021.102926>

Mortillet de G. [Мортилье де Г.] *Le Préhistorique, antiquité de l'homme* [Доисторическая древность человека]. Paris: C. Reinwald, 1885, 642 p. (на фр. языке).

Osipowicz G., Orłowska J., Bosiak M., Manninen M. A., Targowski P. and Sobieraj J. Slotted bone point from Tłokowo — rewritten story of a unique artefact from Mesolithic Poland // *Praehistorische Zeitschrift*. 2020. T. 95. № 2. P. 334–349. <https://doi.org/10.1515/pz-2020-0023>

Pétillon J.-M., Bignon O., Bodu P., Cattelain P., Debout G., Langlais M., Laroulandie V., Plisson H., Valentin B. Hard core and cutting edge: experimental manufacture and use of Magdalenian composite projectile tips // *Journal of Archaeological Science*. 2011. T. 38. Vyp. 6. P. 1266–1283. [10.1016/j.jas.2011.01.002](https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.01.002)

Qu T., Bar-Yosef O., Wang Y., Wu X. The Chinese Upper Paleolithic: geography, chronology, and techno-typology // *Journal of Archaeological Research*. 2012. T. 21 (1). P. 1–73. <https://doi.org/10.1007/s10814-012-9059-4>.

Ranov V. A., Kolobova K. A., Krivoshepin A. I. The Upper Paleolithic Assemblages of Shugnou, Tajikistan // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2012. T. 40 (2). P. 2–24.

Roux E. G., Cattin M.-I., Yahemdi I., Beyries S. Reconstructing Magdalenian hunting equipment through experimentation and functional analysis of backed bladelets // *Quaternary International*. 2020. T. 554. P. 107–127. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.06.038>.

Savchenko S. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals // *Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: cultural, technological and functional signature*. Oxford: Archaeopress, 2010. P. 141–147.

Shaham D., Grosman L., Goren-Inbar N. The red-stained flint crescent from Gesher: new insights into PPNA hafting technology // *Journal of Archaeological Science*. 2010. T. 37. P. 2010–2016.

Tomasso A., Rots V., Purdue L., Beyries S., Buckley M., Cheval C., Cnuts D., Coppe J., Julien M.-A., Grenet M., Lepers C., M'hamdi M., Simon P., Sorin S., Porraz G. Gravettian weaponry: 23,500-year-old evidence of a composite barbed point from Les Prés de Laure (France) // *Journal of Archaeological Science*. 2018. T. 100. P. 158–175. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.05.003>;

Wadley L. Putting ochre to the test: replication studies of adhesives that may have been used for hafting tools in the Middle Stone Age // *Journal of Human Evolution*. 2005. T. 49. P. 587–601.

Yaroshevich, A. Microlithic variability and design and performance of projectile weapons during the Levantine Epipaleolithic: experimental and archaeological evidence: thesis submitted for the degree “doctor of philosophy”. University of Haifa, 2010. 244 p.

Yi M., Barton L., Morgan C., Liu D., Chen F., Zhang Y., Pei S., Guan Y., Wang H., Gao X., Bettinger R. L. Microblade technology and the rise of serial specialists in north-central China //

Journal Anthropological Archaeology. 2013. T. 32 (2). P. 212–223. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2013.02.001>.

Zhilin M. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7 (central Russia): Technology of the manufacture and use-wear traces // *Quaternary International*. 2017. T. 427. P. 230–244. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.09.095>

REFERENCES

Akimova E. V., Vdovin A. S., Makarov N. P. Pazovye orudiya Krasnoyarskogo arkheologicheskogo rayona [Slotted Tools of the Krasnoyarsk archaeological area]. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* [*Antiquities of Prienisei Siberia*]. 1996, iss. 1, pp. 62–82 (in Russian).

Auerbakh N. K. Paleoliticheskaya stoyanka Afontova III [The Paleolithic Site of Afontova III]. *Trudy obshchestva izucheniya Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil* [Proceedings of the Society for the Study of Siberia and Its Productive Forces]. 1930, iss. 7, 59 p. (in Russian).

Bocharova E. N., Chistyakov P. V., Zhdanov R. K. Primenenie trekhmernogo skanirovaniya dlya issledovaniya sostavnykh pazovykh orudii rannego golotsena Vostochnoi Sibiri (na primere orudii iz kompleksov stoyanki Kazachka 1) [The Use of 3D Scanning for the Study of Composite Grooved Tools of the Early Holocene of Eastern Siberia (on the Example of Tools from the Kazachka 1 Site Complex)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2021, vol. XXVII, pp. 57–65. (in Russian). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065>.

Bocharova E. N., Chistyakov P. V., Zotkina L. V., Lokhov D. N. Ispol'zovanie 3D-modelirovaniya dlya rekonstruktsii artefaktov s zerkal'noy simmetriey [Using 3D Scanning to Study Composite Slotted Tools from the Early Holocene of Eastern Siberia (the Case of Kazachka-1 Site)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2023, vol. XXIX, pp. 75–80 (in Russian). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0075-0080>.

Chairkin S. E., Zhilin M. G. Mezoliticheskie materialy iz peshchernykh pamiatnikov lesnogo Zaural'ya [Mesolithic materials from cave monuments of the forest Trans-Urals]. *Kamennyy vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ya* [Stone Age of the forest zone of Eastern Europe and Trans-Urals]. Moscow: Academia, 2005, pp. 252–273 (in Russian).

Chistyakov P. V., Kovalev V. S., Kolobova K. A., Shalagina A. V., Krivoschapkin A. I. 3D modelirovanie arkheologicheskikh artefaktov pri pomoshchi skanerov strukturirovannogo podsveta [3d modeling of archaeological artifacts by structured light scanner]. *Teoriya i Praktika Arkheologicheskikh Issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019, no. 3 (27), pp. 102–112 (in Russian).

Giria E. Yu., Lozovskii V. M. Sravnitel'nyi morfologicheskii analiz polnoty tekhnologicheskikh kontekstov kamennykh industrii [Comparative morphological analysis of the completeness of technological contexts of stone industries]. *Kamennyy vek: ot Atlantiki do Patsifiki* [Stone Age: from the Atlantic to the Pacific]. Saint Petersburg: MAE RAN; IIMK RAN, 2014, pp. 52–84 (in Russian).

Girya E. Yu., Pitul'ko V. V. Vkladyshovye orudiya i industriya obrabotki kamnya mezoliticheskoi stoyanki na ostrove Zhokhova [Tools and the Stone Industry from the Mesolithic Site on Zhokhova Island]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology]. 1995, no. 1, pp. 91–109 (in Russian).

Kolobova K. A., Shalagina A. V., Chistyakov P. V., Bocharova E. N., Krivoschapkin A. I. Vozmozhnosti primeneniya trekhmernogo modelirovaniya dlya issledovaniya kompleksov kamennogo veka [Three-Dimensional Modelling Application for Studying Stone Age Assemblages]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2020, no. 4, pp. 240–260 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/12>

Kosinskaya L. L., Usacheva I. V., Ostroushko A. A., Yudina E. A., Kulesh N. A., Grzhegozhevsky K. V. Rekonstruktsiya nekotorykh tekhnologicheskikh priemov izgotovleniya mezoliticheskikh kostyanykh vkladyshovykh nakonchnikov strel (po dannym fiziko-khimicheskikh analizov nakhodok iz peshchernogo svyatilishcha Kamen Dyrovatyy) [Reconstruction of Some Technological Methods for the Production of Mesolithic Bone Inset Arrowheads (Based on Physical and Chemical Analysis of Finds from the Kamen Dyrovatyy Cave Sanctuary)]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii, Tyumen, 2–6 aprelya 2018 g.* [Man and the North: Anthropology, Archaeology, Ecology: Proc. of the All-Russian Scientific Conference, Tyumen, April 2–6, 2018]. Tyumen: FIC TyumNTS SO RAN, 2018, iss. 4, pp. 118–121 (in Russian).

Lozovskaya O. V. Vkladyshovye orudiya stoyanki Zamost'e 2 [Inset Tools of the Zamostie 2 Site]. *Kamennyy vek yevropeyskikh ravnin: obekty iz organicheskikh materialov i struktura poselenii kak otrazhenie chelovecheskoi kultury. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [The Stone Age of the European Plains: Organic Material Objects and Settlement Structure as Reflections of Human Culture. Proc. of the International Conference]. Sergiev Posad, 2001, pp. 273–291 (in Russian).

Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Kobeleva L. S., Selin D. V., Zotkina L. V., Parkhomchuk E. V., Rendu U. *Ranneneoliticheskoye svyatilishche urochishcha Tai* [Early Neolithic Sanctuary of the Tai Tract]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2023, 187 p. (in Russian).

Pitul'ko V. V. Megafauna i mikroplastinki (mikroplastinchatye traditsii pozdnego paleolita Sibiri v kontekste problemy vymiraniya mamontov) [Megafauna and microblades (Late Paleolithic microblade traditions of Siberia in the context of the mammoth extinction problem)]. *Zapiski Instituta Istorii Material'noi Kul'tury RAN* [Transactions of the Institute for the history of material culture]. 2010, iss. 5, pp. 90–104 (in Russian).

Pitul'ko V. V. Obshchie tendentsii v razvitii vkladyshovykh orudii [General Trends in the Development of Inset Tools]. *Kamennyy vek yevropeyskikh ravnin: obekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazhenie chelovecheskoi kultury. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [The Stone Age of the European Plains: Organic Material Objects and Settlement Structure as Reflections of Human Culture. Proc. of the International Conference]. Sergiev Posad, 2001, pp. 161–167 (in Russian).

Pitul'ko V. V. *Zhokhovskaya stoyanka* [The Zhokhov Site]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998, 189 p. (in Russian).

Poplevko G. N., Grechkina T. Yu. Vkladyshevye orudiya stoyanki Baibek po dannym trasologicheskogo analiza [Slotted tools of the Baibek site according to the data of use-wear analysis]. *Metody izucheniya kamennykh artefaktov* [Methods of studying stone artifacts]. Saint Petersburg: IIMK RAN, 2015, pp. 98–104 (in Russian).

Savchenko S. N. Preemstvennost' i innovatsii v razvitii kostyanoi industrii mezolita gornolesnogo Zaural'ya [Continuity and innovations in the development of the mesolithic bone industry in the forest zone of Eastern Urals]. *Stratum Plus* [Stratum Plus]. 2014, no. 1, pp. 181–208 (in Russian).

Savchenko S. N., Zhilin M. G. Shigirskie nakhodki v sobranii Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Shigir Finds in the Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera)]. *Camera Praehistorica* [Camera Praehistorica]. 2018, no. 1 (1), pp. 94–105 (in Russian). [https://doi.org/10.33291/26583828.2018-\(1\)-5](https://doi.org/10.33291/26583828.2018-(1)-5).

Serikov Yu. B. Nekotorye aspekty izgotovleniya i ispol'zovaniya vkladyshevykh nakonechnikov strel epokhi mezolita v Srednem Zaural'e [Some aspects of manufacture and use of liner arrowheads of the Mesolithic epoch in the Middle Trans-Urals]. *Sovremennye eksperimental'no-trasologicheskie i tekhniko-tekhnologicheskie razrabotki v arkheologii* [Modern experimental-trasological and technical-technological developments in archeology]. Saint Petersburg: IIMK RAS publ., 1999, pp. 110–112 (in Russian).

Volkov P. V., Zhambaltarova E. D. Kinzhali Fofonovskogo mogil'nika (iz kollektsii muzeya Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN): eksperimental'no-trasologicheskii aspekt [Daggers of the Fofonovo Burial Ground (from the Collection of the Museum of the Buryat Scientific Center: Experimental- Use-Wear Analysis)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia], 2011, no. 4 (48), pp. 22–28 (in Russian).

Zhilin M. G. Vkladyshevye kinzhali i okhotnichie nozhi v mezolite Vostochnoi Evropy [Daggers-Inserts and Hunting Knives in the Mesolithic of Eastern Europe]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2019, no. 255, pp. 50–70 (in Russian). <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.255.50-70>.

Zhilin M. G., Savchenko S. N., Kosinskaya L. L., Serikov Yu. B., Kosintsev P. A., Aleksandrovskiy A. L., Lapteva E. G., Korona O. M. *Mezoliticheskie pamyatniki Gorbunovskogo torfyanika* [Mesolithic Sites of the Gorbunovsky Peat Bog]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020, 368 p. (in Russian).

Aveling E., Heron C. Identification of Birch Bark Tar at the Mesolithic Site of Star Carr. *Ancient Biomolecules*. 1998, vol. 2, no. 1, pp. 69–80.

Barton L., Brantingham P. J., Ji D. Late Pleistocene Climate Change and Paleolithic Cultural Evolution in Northern China: Implications from the Last Glacial Maximum. *Developments in Quaternary Sciences*. 2007, vol. 9, pp. 105–128. [https://doi.org/10.1016/S1571-0866\(07\)09009-4](https://doi.org/10.1016/S1571-0866(07)09009-4).

Bjørnevad M., Jonuks T., Bye-Jensen P., Manninen M. A., Oras E., Vahur S., Riede F. The Life and Times of an Estonian Mesolithic Slotted Bone “Dagger”. Extended Object Biographies for Legacy Objects. *Estonian Journal of Archaeology*. 2019, vol. 23, no. 2, pp. 103–125. <https://doi.org/10.3176/arch.2019.2.02>.

Cârciumaru M., Ion R.-M., Nițu E.-C., Ștefănescu R. New Evidence of Adhesive as Hafting Material on Middle and Upper Palaeolithic Artefacts from Gura Cheii-Râșnov Cave (Romania). *Journal of Archaeological Science*. 2012, vol. 39, no. 7, pp. 1942–1950. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.02.016>.

Clark J. G. D. *The Mesolithic settlement of Northern Europe: a study of the food-gathering peoples of Northern Europe during the early post-glacial period*. Cambridge University Press, Cambridge, 1936, 284 p.

David E. The Contribution of a Technological Study of Bone and Antler Industry for the Definition of the Early Maglemose Culture // *Mesolithic on the Move. Papers presented at the 6th International Conference in the Mesolithic in Europe, Stockholm, 4–8 September 2000*. Exeter: Oxbow Books, 2003, pp. 649–657.

Elston R. G., Guanghui D., Dongju Z. Late Pleistocene Intensification Technologies in Northern China. *Quaternary International*. 2011, vol. 242, no. 2, pp. 401–415. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2011.02.045>.

Evans J. *The ancient stone implements, weapons, and ornaments of Great Britain*. London: Longmans, 1897, 747 p.

Fauvelle M., Smith E. M., Brown S. H., Lauriers M. R. D. Asphaltum Hafting and Projectile Point Durability: An Experimental Comparison of Three Hafting Methods. *Journal of Archaeological Science*. 2012, vol. 39, no. 8, pp. 2802–2809. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.04.014>.

Goebel T., Waters M. R., Buvit I., Konstantinov M. V., Konstantinov A. V. Steneno-2 and the Origins of Microblade Technologies in the Transbaikalia, Siberia. *Antiquity*. 2000, vol. 74, no. 285, pp. 567–575. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00059925>.

Graf K. E. Hunter — Gatherer Dispersals in the Mammoth-Steppe: Technological Provisioning and Landuse in the Enisei River Valley, South-Central Siberia. *Journal of Archaeological Science*. 2010, vol. 37, no. 1, pp. 210–223. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2009.09.034>.

Hartz S. T., Terberger T., Zhilin M. New AMS-Dates for the Upper Volga Mesolithic and the Origin of Microblade Technology in Europe. *Quartär*. 2010, vol. 57, pp. 155–169. https://doi.org/10.7485/QU57_08.

Helwig K., Monahan B., Poulin J., Andrews T. D. Ancient Projectile Weapons from Ice Patches in Northwestern Canada: Identification of Resin and Compound Resin-Ochre Hafting Adhesives. *Journal of Archaeological Science*. 2014, vol. 41, pp. 655–665.

Helwig K., Monahan V., Poulin J. The Identification of Hafting Adhesive on a Slotted Antler Point from a Southwest Yukon Ice Patch. *American Antiquity*. 2008, vol. 73, no. 2, pp. 279–288.

Jonuks T., Chen S., Kriiska A., Oras E., Presslee S., Uueni A. Stone Age Imitation of a Slotted Bone Point from Pärnu River (South-Western Estonia). *Estonian Journal of Archaeology*. 2023, vol. 27, no. 1, pp. 54–79. <https://doi.org/10.3176/arch.2023.1.03>.

Kabaciński J., Henry A., David É., Rageot M., Cheval C., Winiarska-Kabacińska M., Regert M., Mazuy A., Orange F. Expedient and Efficient: An Early Mesolithic Composite Implement from Krzyż Wielkopolski. *Antiquity*. 2023, vol. 97, no. 392, pp. 295–313. <https://doi.org/10.15184/aqy.2023.3>.

Kandyba A. V., Zotkina L. V., Grigoriev S. E., Fedorov S. E., Cheprasov M. Y., Novgorodov G. P., Petrozhitskiy A. V., Kuleshov D. V., Parkhomchuk V. V. Stone Age Ivory Points from the Arctic Zone of Northeast Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2023, vol. 51, no. 4, pp. 25–34. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2023.51.4.025-034>.

Koch T. J., Kabaciński J., Henry A., Marquebielle B., Little A., Stacey R., Regert M. Chemical Analyses Reveal Dual Functionality of Early Mesolithic Birch Tar at Krzyż Wielkopolski (Poland). *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2024, vol. 57, p. 104591. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2024.104591>.

Kolobova K. A., Fedorchenko A. Y., Basova N. V., Postnov A. V., Kovalev V. S., Chistyakov P. V., Molodin V. I. The Use of 3d-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2019, vol. 47 (4), pp. 66–76.

Kolobova K. A., Krivoschapkin A. I., Derevianko A. P., Islamov U. I. The Upper Paleolithic Site of Dodekatym-2 in Uzbekistan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2011, vol. 39, no. 4, pp. 2–21.

Kuhn S. L., Shimelmitz R. From Hafting to Retooling: Miniaturization as Tolerance Control in Paleolithic and Neolithic Blade Production. *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2023, vol. 30, pp. 678–701. <https://doi.org/10.1007/s10816-022-09575-5>.

Manninen M. A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A. N., Vashanau A., Riede F., Persson P. Using Radiocarbon Dates and Tool Design Principles to Assess the Role of Composite Slotted Bone Tool Technology at the Intersection of Adaptation and Culture-History. *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2021, vol. 28, no. 2, pp. 845–870. <https://doi.org/10.1007/s10816-021-09517-7>.

Molin F., Gummesson S. Dwellings and Workspaces at Strandvägen, 5600–5000 cal. BC. *L'Anthropologie*. 2021, vol. 125, no. 4, p. 102926. <https://doi.org/10.1016/j.anthro.2021.102926>.

Mortillet de G. *Le Prékhistorikve, antikvité de l' 'khomme* [La préhistoire, l'antiquité de l'homme]. Paris: C. Reinwald, 1885, 642 p. (In French)

Osipowicz G., Orłowska J., Bosiak M., Manninen M. A., Targowski P., Sobieraj J. Slot ted Bone Point from Tłokowo — Rewritten Story of a Unique Artefact from Mesolithic Poland. *Praehistorische Zeitschrift*. 2020, vol. 95, no. 2, pp. 334–349. <https://doi.org/10.1515/pz-2020-0023>.

Pétillon J.-M., Bignon O., Bodu P., Cattelain P., Debout G., Langlais M., Laroulandie V., Plisson H., Valentin B. Hard Core and Cutting Edge: Experimental Manufacture and Use of Magdalenian Composite Projectile Tips. *Journal of Archaeological Science*. 2011, vol. 38, no. 6, pp. 1266–1283. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.01.002>.

Qu T., Bar-Yosef O., Wang Y., Wu X. The Chinese Upper Paleolithic: Geography, Chronology, and Techno-Typology. *Journal of Archaeological Research*. 2012, vol. 21, no. 1, pp. 1–73. <https://doi.org/10.1007/s10814-012-9059-4>.

Ranov V. A., Kolobova K. A., Krivoschapkin A. I. The Upper Paleolithic Assemblages of Shugnou, Tajikistan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2012, vol. 40 (2), pp. 2–24.

Roux E. G., Cattin M.-I., Yahemdi I., Beyries S. Reconstructing Magdalenian Hunting Equipment through Experimentation and Functional Analysis of Backed Bladelets. *Quaternary International*. 2020, vol. 554, pp. 107–119. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.05.036>.

Savchenko S. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals. *Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: cultural, technological and functional signature*. Oxford: Archaeopress, 2010, pp. 141–147.

Shaham D., Grosman L., Goren-Inbar N. The Red-Stained Flint Crescent from Gesher: New Insights into PPNA Hafting Technology. *Journal of Archaeological Science*. 2010, vol. 37, pp. 2010–2016.

Tomaso A., Rots V., Purdue L., Beyries S., Buckley M., Cheval C., Cnuds D., Coppe J., Julien M.-A., Grenet M., Lepers C., M'hamdi M., Simon P., Sorin S., Porraz G. Gravettian Weaponry: 23,500-Year-Old Evidence of a Composite Barbed Point from Les Prés de Laure (France). *Journal of Archaeological Science*. 2018, vol. 100, pp. 158–175. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.05.003>.

Wadley L. Putting Ochre to the Test: Replication Studies of Adhesives That May Have Been Used for Hafting Tools in the Middle Stone Age. *Journal of Human Evolution*. 2005, vol. 49, pp. 587–601.

Yaroshevich, A. Microlithic variability and design and performance of projectile weapons during the Levantine Epipaleolithic: experimental and archaeological evidence: thesis submitted for the degree “doctor of philosophy”. University of Haifa, 2010. 244 p.

Yi M., Barton L., Morgan C., Liu D., Chen F., Zhang Y., Pei S., Guan Y., Wang H., Gao X., Bettinger R. L. Microblade Technology and the Rise of Serial Specialists in North-Central China. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2013, vol. 32, no. 2, pp. 212–223. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2013.02.001>.

Zhilin M. Mesolithic Bone Arrowheads from Ivanovskoye 7 (Central Russia): Technology of the Manufacture and Use-Wear Traces. *Quaternary International*. 2017, vol. 427, pt. B, pp. 230–244. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.09.095>.

Статья поступила в редакцию: 28.08.2024

Принята к публикации: 15.05.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 903.2

DOI 10.14258nreur(2025)3–02

*Д. В. Марченко, А. М. Хаценович, Е. П. Рыбин**Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)**Б. Гунчинсүрэн**Институт археологии МАН, Улан-Батор (Монголия)*

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАХОДОК КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия)

Целью статьи является реконструкция пространственной организации человеческой деятельности на стоянке Толбор-4 в финале раннего верхнего палеолита по материалам археологического горизонта 4, а также определение степени деформации горизонта природными процессами. В качестве основного источника исследования используются данные о местоположении (координаты) находок, извлеченных раскопками 2005 г. С помощью статистических методов выявляются закономерности в распределении находок, интерпретируемые с учетом результатов обработки коллекции артефактов и естественно-научных данных. Для построения наглядных карт плотности распределения находок применяется метод оценки плотности ядер. Два алгоритма кластеризации используются для изучения распределения находок различных категорий (нуклеусы, орудия и др.).

В результате на части исследованной площади выявлены пространственные структуры, образованные в результате склонового смещения, и представленные вытянутыми поперек склона концентрациями мелких и более крупных находок, чередующимися с пустыми участками тех же очертаний. Северная и юго-западная части раскопа определены как менее нарушенные, сохранившие следы пространственно-организованной человеческой деятельности, включавшей использование орудий (северный участок) и производственные операции, сочетавшиеся с орудийной деятельностью (юго-западный участок). Имеющиеся данные позволяют судить о всё более интенсивном освоении пространства стоянки человеком в хронологическом интервале от начального до финального раннего верхнего палеолита.

Ключевые слова: Северная Монголия, ранний верхний палеолит, планиграфия, кластерный анализ, кластеризация k-средних, неограниченная кластеризация, метод оценки плотности ядер.

Цитирования статьи:

Марченко Д. В., Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гунчинсүрен Б. Распределение находок как отражение природных и культурных процессов (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 31–46. DOI 10.14258neur(2025)3–02

Марченко Дарья Валерьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории «ЦифрА» Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** dasha-smychagina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3021-0749>.

Хаценович Арина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «ЦифрА» Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** archeomongolia@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8093-5716>.

Рыбин Евгений Павладьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** ryber@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7434-2757>.

Гунчинсүрэн Бямбаа, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии каменного века Института археологии МАН, Улан-Батор (Монголия). **Адрес для контактов:** bgunchinsuren@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0001-5052-5081>.

D. V. Marchenko, A. M. Khatsenovich, E. P. Rybin

Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

B. Gunchinsuren

Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar (Mongolia)

DISTRIBUTION OF FINDS AS A REFLECTION OF NATURAL AND CULTURAL PROCESSES (EVIDENCE FROM ARCHAEOLOGICAL HORIZON 4 OF THE TOLBOR-4 SITE, NORTHERN MONGOLIA)

The aim of this article is to reconstruct the nature of human activity at the Tolbor-4 site during the final stages of the Early Upper Paleolithic based on materials from Archaeological Horizon 4, as well as to determine the degree of deformation of the horizon by natural processes. The primary source of this research is the spatial data (i. e., coordinates) of finds

recovered during the 2005 excavations. Statistical methods are used to identify patterns in the distribution of finds, which are interpreted in conjunction with the results of artifact collection analysis and stratigraphic and lithological data. The kernel density estimation method is employed to create visual density distribution maps of the finds. Two clustering algorithms are used to study the distribution of different categories of finds (cores, tools, etc.).

As a result, spatial structures were identified in part of the studied area, formed by slope displacement and represented by concentrations of small and larger finds aligned perpendicular to the slope, alternating with empty areas of similar shapes. The northern and southwestern parts of the excavation are identified as less disturbed, preserving traces of spatially organized human activity, including tool use (northern section) and operations combined with tool-related activities (southwestern section). Available data suggest an increasing intensity of human occupation at the site from the initial to the final Early Upper Paleolithic.

Keywords: Northern Mongolia, Early Upper Paleolithic, spatial analysis, cluster analysis, k-means clustering, unconstrained clustering, kernel density estimation

For citation:

Marchenko D. V., Khatsenovich A. M., Rybin E. P., Gunchinsuren B. Distribution of finds as a reflection of natural and cultural processes (evidence from archaeological horizon 4 of the Tolbor-4 site, Northern Mongolia). *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30. №3. P. 31–46 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–02.

Marchenko Daria Valerievna, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Laboratory of Digital Archaeology of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** dasha-smychagina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3021-0749>

Khatsenovich Arina Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Digital Archaeology of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** archeomongolia@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8093-5716>

Rybin Evgeny Pavladievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Stone Age Archaeology of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** rybep@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7434-2757>

Gunchinsuren Byambaa, Doctor of Historical Sciences, Head of Division of Stone Age of Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar (Mongolia). **Contact address:** bgunchinsuren@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0001-5052-5081>

Введение

Толбор-4 является одним из ключевых стратифицированных памятников палеолита Северной Монголии, послуживших основой для периодизационной шкалы верхнего палеолита региона. Здесь прослежена постепенная трансформация технокомплекса начального верхнего палеолита в ранневерхнепалеолитический [Рыбин, Хаценович,

Марченко, 2019]. Финальная стадия раннего верхнего палеолита представлена археологическим горизонтом 4 (далее — АГ4). Находясь у источника каменного сырья, памятник неизбежно функционировал в качестве мастерской, о чем свидетельствуют результаты анализа каменной индустрии АГ4, 5 и 6 [Деревянко и др., 2007]. Отмечаются также изменения в стратегии использования каменного сырья, выражающиеся в усилении роли приносных подготовленных изделий из желвачного сырья в АГ4 [Деревянко и др., 2007]. В свою очередь результаты планиграфического анализа АГ6 и 5 показывают увеличение разнообразия деятельности на стоянке в период накопления АГ5 [Марченко, Хаценович, Рыбин, 2022]. Планиграфическое исследование вышележащего АГ4 призвано выяснить, изменился ли характер организации пространства на памятнике на завершающей стадии раннего верхнего палеолита.

Характер распределения находок служит дополнительным источником для исследования человеческой деятельности, следы которой содержит археологический горизонт, а также и для изучения условий формирования культурных отложений. Первое исследование планиграфии АГ4 Толбора-4, проводившееся с использованием иерархической кластеризации, показало наличие зонирования каменных артефактов и перспективность дальнейшего анализа [Марченко, Рыбин, Хаценович, 2020]. В данной работе задействованы другие методы кластеризации (алгоритм *k*-средних и неограниченная кластеризация), а также метод оценки плотности ядер с целью подробнее изучить закономерности распределения находок и определить, какую роль в нём сыграли естественные процессы. Последнее представляется особенно актуальным, учитывая стратиграфическое положение АГ4 на верхней границе пачки солифлюцированных отложений. Результаты анализа направлений по материалам 2017 г. реконструируют деформацию археологических горизонтов слоя 4 (АГ4А и 4В) во влажных условиях, наиболее выраженных в нижней части слоя [Марченко, Хаценович, Рыбин, 2022].

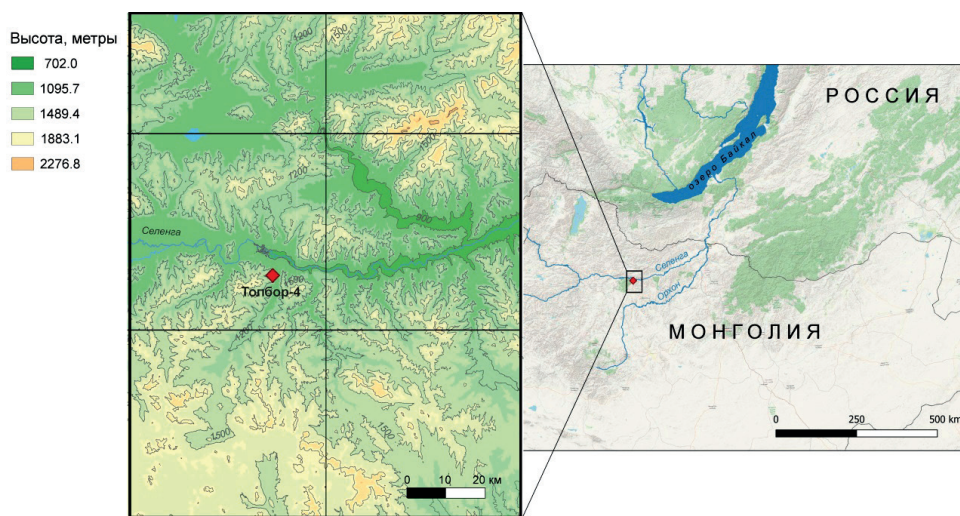

Рис. 1. Географическое положение памятника Толбор-4

Fig. 1. Geographical location of the Tolbor monument-4

Материалы и методы

Стоянка Толбор-4 (рис. 1) находится на реке Их-Тулбурийн-гол (49,28997 N, 102,96536 E), на пологом склоне делювиального шлейфа, в непосредственной близости от выходов силицитов, служивших источником каменного сырья для древнего населения. Раскопки проводились в 2004–2005 гг. (руководитель А. Н. Зенин), в 2006 г. (руководитель С. А. Гладышев), в 2017 и 2021 гг. (руководитель Е. П. Рыбин), охватив в общей сложности 72 кв. м; на протяжении этой площади стратиграфия претерпевает некоторые изменения [Коломиец и др., 2009].

В своих исследованиях мы опираемся на результаты новейших раскопок и аналитики, позволивших выстроить культурно-стратиграфическую шкалу, представленную в работах одного из соавторов [Рыбин, 2020]. В соответствии с ней культурные остатки раннего верхнего палеолита включены в слой 4, представленный солифлюцированными лессовидными отложениями, маркированными в кровле прослоями глыбовника и плиток. Выделяются линзы 4a и 4b, включающие одноименные археологические горизонты (4A и 4B). В основании слоя находится прослой плотной супеси (5–7 см) с горизонтально залегающим гравием, содержащий археологический горизонт 4C/5.

Радиоуглеродные определения, полученные по разрезу 2017 г., датируют слой 4b в пределах 35 000–34 000 кал. л. н., слой 4a — 29 000–30 000 кал. л. н. [Рыбин, 2020].

Для планиграфического анализа используются материалы раскопок 2005 г., вскрывших наибольшую площадь (37 кв. м). При этих раскопках археологические находки в слое 4 рассматривались как единый археологический горизонт [Деревянко и др., 2007]. Артефакты из прослоя плотной супеси, залегавшей в основании слоя 4 и обозначенные нами выше как АГ4С/5, в 2005 г. рассматривались в рамках слоя 5. Таким образом АГ4 2005 г. соответствует археологическим горизонтам 4A и 4B, описанным выше. Местоположение находок АГ4 2005 года отражено на миллиметровочных планах. Используя точные координаты находок, снятые с планов, мы изучили плотность распределения артефактов (с помощью метода оценки плотности ядер) и провели кластерный анализ.

Необходимо, однако, отметить, что точные координаты имеются не во всех случаях: часть незафиксированных на планах находок в шифровальных тетрадах имеют только привязку к квадрату, а для осколков, обломков и чешуек, составляющих значительное число, данные для координатной привязки отсутствуют [Марченко, Рыбин, Хаценович, 2020]. Для того чтобы максимально использовать имеющуюся информацию о местоположении артефактов в АГ4 2005 г., в данном исследовании, помимо находок с точными координатами, снятыми с планов (466 экз.), нами учтены находки, имеющие привязку с точностью до квадрата (всего — 1253 экз.). Последние учитывались при построении поквadratных карт плотности и при анализе состава находок; их координаты генерировались в пределах известного квадрата функцией СЛУЧМЕЖДУ в Microsoft Excel.

С целью изучения состава находок на различных участках все артефакты подразделялись на следующие основные категории: 1) преформы и материал со следами обработки; 2) нуклеусы и нуклевидные обломки; 3) нецелевые сколы (отходы производства); 4) целевые сколы (все пластины шириной более 1,5 см); 5) орудия. В материалах АГ4 2005 г. нет данных для координатной привязки технических сколов, по-

этому при планиграфическом анализе эти находки учитывались в категории нецелевых сколов.

Пространственный анализ включал оценку плотности точек и два алгоритма кластеризации. Плотность изучалась с помощью метода оценки плотности ядер (англ. «Kernel Density Estimation»), позволяющего построить контурную карту, наглядно показывающую основные тенденции в распределении находок [Baxter et al., 1997]. Метод широко применяется при анализе плотности находок в палеолитических слоях [Spagnolo et al., 2020; Gabucio et al., 2023]. В качестве единицы площади для оценки плотности ядер нами используется квадратный метр как наиболее интуитивно понятная единица, упрощающая сопоставление с поквadratными картами плотности.

Кластерный анализ — многомерная статистическая процедура, упорядочивающая объекты в сравнительно однородные группы [Ким и др., 1989, с. 141]. Однородность определяется мерой сходства, которой в случае пространственной кластеризации служит евклидово расстояние. Алгоритм k-средних (англ. «k-means clustering», далее — КС) выполняет неиерархическую кластеризацию множества артефактов таким образом, чтобы минимизировать сумму квадратов ошибки — сумму возведенных в квадрат расстояний от каждого артефакта до центра кластера, к которому он отнесен [Kintigh, Ammerman, 1982]. Центром кластера является среднее значение координат всех артефактов, включенных в него. Преимуществом данного алгоритма является итеративность: алгоритм многократно воспроизводит себя до тех пор, пока не будет найдено оптимальное решение с минимальной суммой квадратов ошибки для всех кластеров.

Для того, чтобы определить, какое количество кластеров оптимально, как правило, тестируются решения от 1 до 15 кластеров и определяется, при каком из разбиений кластеры имеют наименьшую дисперсию и наибольшую отделимость между собой (проверяется сумма квадратов ошибки и другие индексы качества полученных кластеров). Другой алгоритм, названный его автором «неограниченной кластеризацией» [Whallon, 1984], работает с процентными соотношениями находок на разных участках. В каждом квадратном метре подсчитывается процентное соотношение категорий находок. На основе этих данных выполняется кластеризация, в результате чего каждый квадрат относится к кластеру в соответствии с составом находок в нём. Затем оценивается, как много соседних квадратов относится к одному кластеру. Кластеры, включающие наибольшее число смежных квадратов (с проверкой p-уровня значимости), рассматриваются как надежные. В отличие от вышеописанной кластеризации КС, данный алгоритм позволяет исследовать качественный состав находок даже в тех случаях, когда они имеют только привязку к квадрату.

Все статистические процедуры выполнялись с помощью свободно распространяемого ПО R [R Core Team, 2023]. Построение поквadratных карт плотности осуществлялось с использованием пакета «sp» [Bivand, Pebesma, 2013], карты оценки плотности ядер — с пакетом «spatstat» [Baddeley, Turner, 2005]. Для кластеризации k-средних использовался базовый пакет «stats», для определения оптимального количества кластеров — пакет «NbClust» [Charrad et al., 2014]. Неограниченная кластеризация производилась с помощью программного кода, опубликованного М. Пиплом [Peeples, 2020].

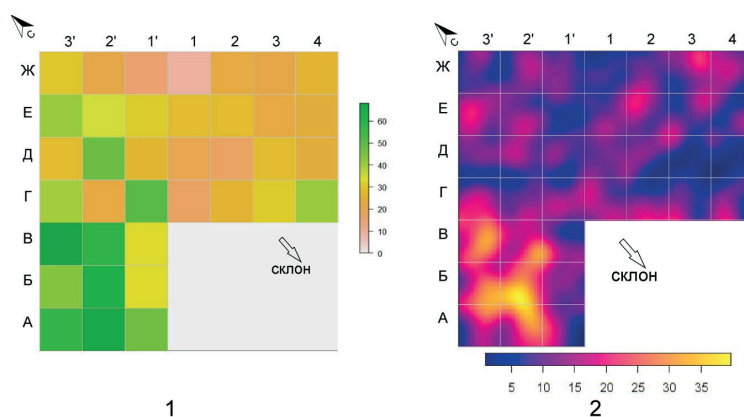

Рис. 2. Карты плотности распределения находок в археологическом горизонте 4:
 1 — поквратно, с учетом находок без точной координатной привязки; 2 — с помощью
 оценки плотности ядер, только по находкам с точными координатами
 Fig. 2. Maps of the density of the distribution of finds in the archaeological horizon 4:
 1 — square, taking into account the finds without precise coordinate reference;
 2 — using estimates of the density of cores, only for finds with precise coordinates

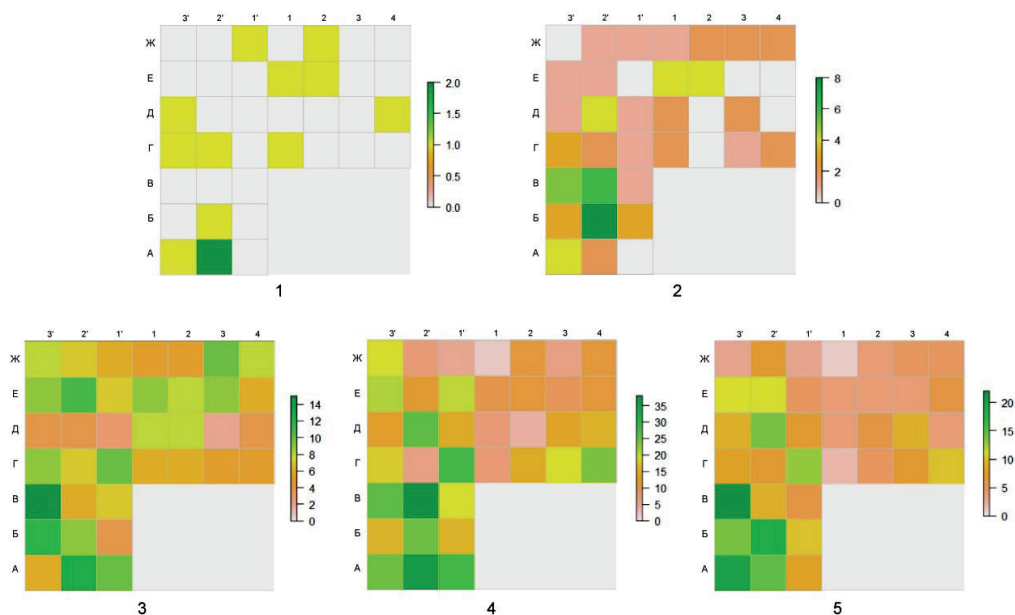

Рис. 3. Карты плотности распределения находок в археологическом горизонте 4
 по категориям: 1 — преформы и материал со следами обработки; 2 — нуклеусы
 и нуклеидные обломки; 3 — нецелевые сколы; 4 — целевые сколы; 5 — орудия
 Fig. 3. Maps of the distribution density of finds in the archaeological horizon 4 by category:
 1 — preforms and material with traces of processing; 2 — nuclei and nucleoid fragments;
 3 — non — target chips; 4 — target chips; 5 — tools

Результаты

Анализ плотности показал, что находки образуют скопление в кв. А, Б, В-2', В3' (рис. 2). Как видно из карт плотности распределения находок по категориям (рис. 3), в этом скоплении сосредоточена основная часть орудий и нуклеусов в АГ4. В северо-восточной части раскопа прослеживаются концентрации артефактов, вытянутые перпендикулярно относительно направления склона (см. рис. 2.-2; 3.-3,4).

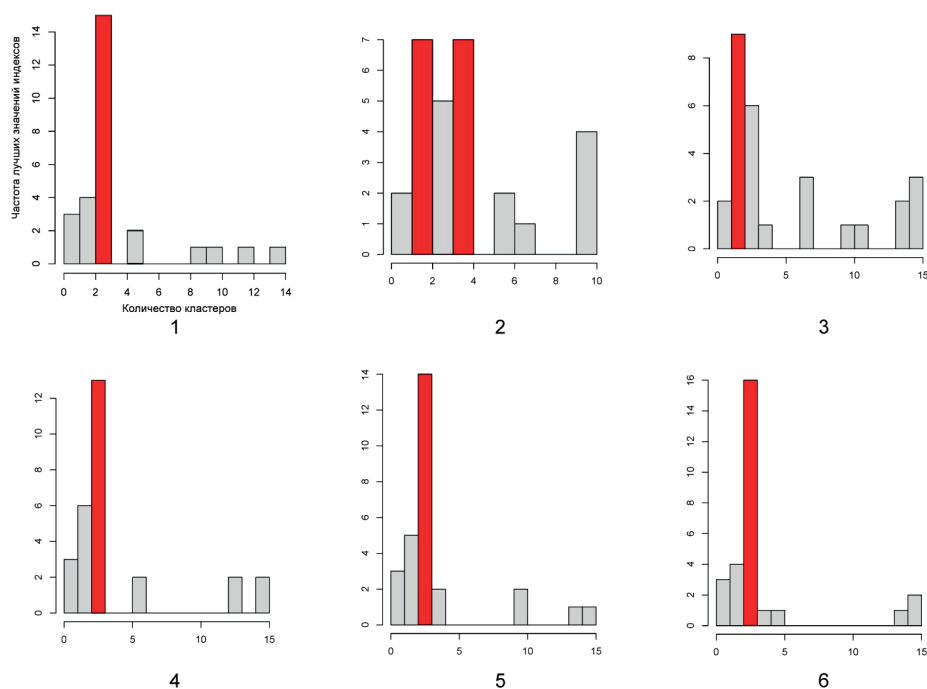

Рис. 4. Гистограммы, показывающие оптимальное число кластеров по индексам качества:

1 — все находки; 2 — преформы и материал со следами обработки; 3 — нуклеусы и нуклевидные обломки; 4 — нецелевые сколы; 5 — целевые сколы; 6 — орудия

Fig. 4. Histograms showing the optimal number of clusters according to quality indices:

1 — all finds; 2 — preforms and material with traces of processing; 3 — nuclei and nucleoid fragments; 4 — non — target chips; 5 — target chips; 6 — tools

При пространственной кластеризации КС всех находок АГ4, трехкластерное деление даёт наилучшие показатели индексов (рис. 4). Кластер КС2 в юго-западной части раскопа охватывает концентрацию находок в кв. А, Б, В-2', В3' (рис. 5). Эти результаты согласуются с данными, полученными нами ранее с использованием иерархической кластеризации [Марченко, Рыбин, Хаценович, 2020]. Разделение на три кластера является оптимальным для большинства категорий находок, за исключением преформ и нуклеусов (см. рис. 4.-2–6). При этом в результате кластеризации находок по категориям центры кластеров нецелевых сколов оказываются выше по склону, чем центры кластеров орудий и целевых сколов (см. рис. 5).

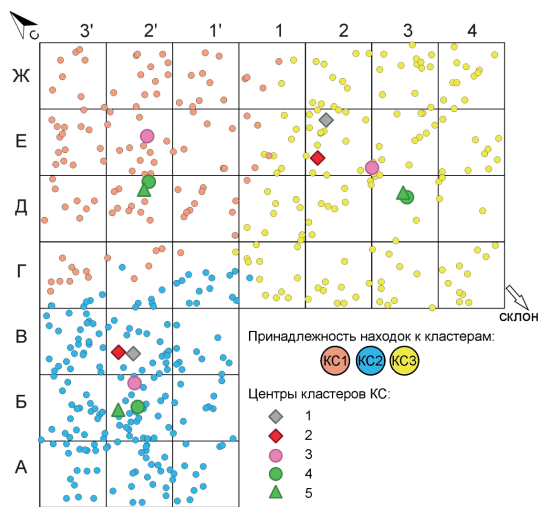

Рис. 5. Результаты кластерного анализа алгоритмом *k*-средних с обозначением центров кластеров: 1 — преформы и материал со следами обработки; 2 — нуклеусы и нуклеидные обломки; 3 — нецелевые сколы; 4 — целевые сколы; 5 — орудия

Fig. 5. Results of cluster analysis by *k*-means algorithm with the designation of cluster centers: 1 — preforms and material with traces of processing; 2 — nuclei and nucleoid fragments; 3 — non — target chips; 4 — target chips; 5 — tools

Отличие фиксируется в распределении нуклеусов, для которых оптимальным является двухкластерное разделение, и преформ — с оптимальными двух- и четырехкластерными разделениями (см. рис. 4.-2, 3). Следовательно, нуклеусы и преформы не образуют центров кластеров в северной части раскопа (см. рис. 5).

При кластеризации по составу находок с использованием метода неограниченной кластеризации (далее — НК) выделяется оптимальное разделение на два кластера (табл. 1, рис. 6).

Таблица 1

Толбор-4, АГ4 (2005). Результаты неограниченной кластеризации

Кластер	Число квадратов, входящих в кластер	Число смежных квадратов	p-уровень значимости смежности
1	22	59	0,476
2	15	36	0,057
Всего	37	95	0,124

Компактно расположенные и близкие по составу находок квадраты образуют кластер НК2 ($p = 0,057$), выделяющийся на фоне остальной площади раскопа (т. е. кластера НК1) сравнительно небольшой долей целевых сколов и увеличенной долей мелких продуктов расщепления, отнесенных нами в категорию нецелевых сколов. Примечательна диагональная граница кластера НК2 с южной стороны (см. рис. 6, кв. Г1, Д2, Е3, Ж4).

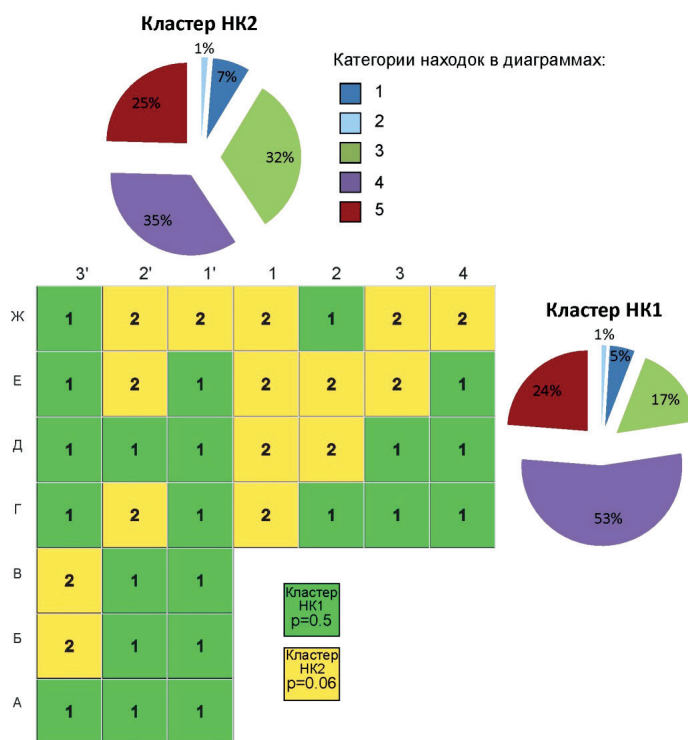

Рис. 6. Результаты неограниченной кластеризации (цифровые обозначения см. на рис. 5)

Fig. 6. Results of unlimited clustering, numerical designations see Fig. 5

Обсуждение

Выявленные закономерности в распределении находок в северо-восточной части раскопа, на наш взгляд, являются результатом склоновых процессов. Образование крупными глыбами на склонах «плотин», которые препятствуют более мелкой фракции продвигаться ниже, описано в качестве характерного проявления конжegliфлюкционного процесса [Воскресенский, 1971, с. 114]. Кроме того, сгруппированные каменные объекты, вне зависимости от их размеров, меньше смещаются потоками воды [Leopold et al., 1966; Isaacs, 1967], что уменьшает возможность их дальнейшего перемещения.

Сделанные нами наблюдения за распределением находок разных размерных групп позволяют предположить, что описанные выше механизмы работают и на объектах небольших размеров, поэтому также могут быть ответственны за распределение каменных артефактов на некоторых участках АГ4 стоянки Толбор-4. Вытянутые поперек склона концентрации мелких и более крупных находок расположены последовательно (ср. рис. 3.-3 и 3.-4), что статистически подтверждается результатами кластерного анализа (ср. центры кластеров нецелевых и целевых сколов на рисунке 5; состав кластеров на рисунке 6) и чередуются с пустыми участками тех же очертаний (рис. 7).

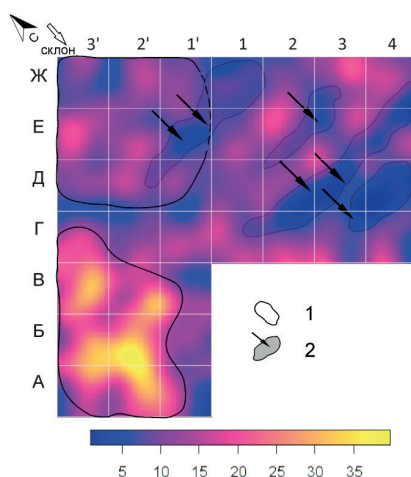

Рис. 7. Планиграфическая реконструкция археологического горизонта 4:

1 — участки, где выделена пространственная организация деятельности;

2 — участки и направление деформации археологического горизонта

Fig. 7. Planographic reconstruction of the archaeological horizon 4:

1 — areas where the spatial organization of activity is highlighted; 2 — areas and the direction of deformation of the archaeological horizon

На остальной площади планиграфически выделяются два участка: северный и юго-западный. Северная часть раскопа (см. рис. 5, кластер КС1) выделяется меньшей долей нуклеусов на фоне высокого процента орудий. В юго-западной части раскопа фиксируется разнообразное по составу скопление (см. рис. 5, кластер КС2). В нём в кв. Б, В2' сосредоточены нуклеусы для пластин (5 единиц из 7, обнаруженных в раскопе 2005 г.) и микропластин (3 из 4 ед.). Здесь же наблюдается самая высокая концентрация целых сколов (кв. А2' и В2', см. рис. 3). Пика концентрации в данном скоплении достигают и орудия (кв. В3'), в числе которых единственное в раскопе 2005 г. бифасиально обработанное орудие (кв. В3'), орудие с вентральной подтеской (кв. Б2').

Заключение

Таким образом, согласно проведенному анализу и учитывая результаты естественно-научных наблюдений [Коломиец и др., 2009] и анализа направлений [Марченко, Хаченович, Рыбин, 2022], на части исследованной площади АГ4 (линии Ж, Е, Д, 1'-4) зафиксированы следы постдепозиционного склонового смещения при промерзаниях и протаиваниях грунта в условиях сравнительно высокой влажности. Однако выделяется и скопление (кв. А, Б, В-2', В3'), отличное по форме от концентраций, образованных естественными процессами (см. рис. 7), и имеющее в своем составе находки различных размеров, что также не соответствует закономерностям, выявленным в северо-восточной части раскопа.

Эти факты дают основание предположить более высокую сохранность данного участка археологического горизонта, вероятно, связанную с изначально высокой концентрацией находок, а также сравнительным выполаживанием здесь древнего склона,

что препятствовало значительному смещению находок. Скопление представляет собой следы различной деятельности, но учитывая свидетельства постдепозиционного нарушения АГ4, сложно судить, является ли оно результатом одного или нескольких эпизодов посещения. Состав скопления связан как с первичным расщеплением (включая нуклеусы для сколов различных пропорций), так и с использованием орудий. Учитывая отсутствие следов использования огня и редкость фаунистических остатков в АГ4, деятельность по первичному расщеплению представляется основной на исследованном участке. Однако состав находок в северной части раскопа, где при низкой плотности находок высок процент орудий и целевых сколов, позволяет предполагать, что в этой зоне была сосредоточена именно орудийная деятельность.

Сравнивая полученные результаты с имеющимися данными по нижележащим археологическим горизонтам начального верхнего палеолита (АГ5 и АГ6), можно отметить отсутствие принципиальных изменений в пространственной организации по сравнению с АГ5. Если нижний археологический горизонт 6 демонстрирует все признаки стоянки-мастерской на выходах сырья, то АГ5 фиксирует более разнообразную по характеру деятельность, в том числе с использованием сильно модифицированных орудий [Марченко, Хаценович, Рыбин, 2022], что сближает его с АГ4.

Таким образом, судя по имеющимся данным, на протяжении начального и раннего верхнего палеолита человеческие коллективы всё более интенсивно осваивали пространство стоянки, их деятельность могла включать в себя различные операции, что позволяет предположить возможность более длительного заселения этого участка стоянки и/или наслаивание следов нескольких визитов, сопряженных с разнообразной поселенческой активностью.

Проведенный анализ археологического горизонта финала раннего верхнего палеолита на стоянке Толбор-4 позволил выявить и локализовать участки, где распределение находок существенно нарушено постдепозиционными процессами, а также выявить участки пространственно организованной деятельности, связанной не только с первичным расщеплением, но и с использованием орудий.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 24–18–01099 «Критические трансформации в развитии культуры верхнего палеолита на территории Северной и Центральной Азии».

Acknowledgements and funding

This work is supported by the Russian Science Foundation project No. 24–18–01099, “Critical Transformations in the Development of Upper Paleolithic Culture in Northern and Central Asia.”

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воскресенский С. С. Динамическая геоморфология. Формирование склонов. М. : Изд-во Московского ун-та, 1971. 230 с.

Деревянко А. П., Зенин А. Н., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верх-

него палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 16–38.

Ким Дж.-О., Мьюллер Ч.У., Клекка У.Р., Олдендерфер М.С., Блэшфилд Р.К. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ: пер. с англ. М. : Финансы и статистика, 1989. 215 с.

Коломиец В.Л., Гладышев С.А., Безрукова Е.В., Рыбин Е.П., Летунова П.П., Абзаева А.А. Природная среда и человек в позднем неоплейстоцене Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1. С. 2–14.

Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Изучение пространственного зонирования каменных артефактов на стоянке Толбор-4 (Северная Монголия) в финале МИС-3 посредством кластерного анализа // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2 (30). С. 128–137. DOI:10.14258/tpai (2020) 2 (30).–09.

Марченко Д.В., Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Пространственная организация стоянок у выходов каменного сырья: исследование с помощью кластерного анализа (на примере нижних археологических горизонтов памятника Толбор-4, Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. XXVIII. С. 181–191. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2022.28.0181-0191>.

Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2020. 539 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Марченко Д.В. Модель технологического развития в индустриях ранних стадий верхнего палеолита Северной Монголии: по результатам новых раскопок стоянки Толбор-4 // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 162–177. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-09).

Baddeley A., Turner R. Spatstat: An R Package for Analyzing Spatial Point Patterns // Journal of Statistical Software. 2005. Т. 12 (6). P. 1–42. <https://doi.org/10.18637/jss.v012.i06>.

Baxter M. J., Beardah C. C., Wright R. V. S. Some archaeological applications of kernel density estimates // J Archaeol Sci. 1997. Т. 24. P. 347–354. <https://doi.org/10.1006/jasc.1996.0119>.

Bivand R., Pebesma E., Gomez-Rubio V. Applied spatial data analysis with R, Second edition. NY: Springer, 2013. 405 p.

Charrad M., Ghazzali N., Boiteau V., Niknafs A. NbClust: An R Package for determining the relevant number of clusters in a data set // Journal of Statistical Software. 2014. Т. 61 (6). P. 1–36. <https://doi.org/10.18637/jss.v061.i06>.

Gabucio M. J., Bargalló A., Saladié P., Romagnoli F., Chacón M. G., Vallverdú J., Vaquero M. Using GIS and Geostatistical Techniques to Identify Neanderthal Campsites at archaeolevel Ob at Abric Romaní // Archaeol. Anthropol. Sci. 2023. Т. 15. Art. № 24. <https://doi.org/10.1007/s12520-023-01715-6>.

Isaac G. L. Towards the interpretation of occupation debris: some experiments and observations // Kroeber Anthropological Society Papers 37. 1967. P. 31–57.

Kintigh K. W., Ammerman A. J. Heuristic approaches to spatial analysis in archaeology // American Antiquity. 1982. Т. 47. P. 31–63.

Leopold L. B., Emmett W. W., Myrick R. M. Channel and hillslope processes in a semiarid area New Mexico: erosion and sedimentation in a semiarid environment // Geological survey professional paper. 1966. T. 352-G. 193 p.

Peeples M. Unconstrained Clustering. 2020. URL: <http://www.mattpeeples.net/modules/UnconstrainedClustering.html> (дата обращения: 06.11. 2024).

R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2023. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 20.10.2024).

Spagnolo V., Ronchitelli A., Marciani G., Aureli D., Martini I., Boscato P., Boschin F. Climbing the time to see Neanderthal behaviour's continuity and discontinuity: SU 11 of the Oscurusciuto Rockshelter (Ginosa, Southern Italy) // *Archaeol. Anthropol. Sci.* 2020. T. 12. Art. № 54. <https://doi.org/10.1007/s12520-019-00971-9>.

Whallon R. Unconstrained clustering for the analysis of spatial distributions in archaeology // *Intrasite Spatial Analysis in Archaeology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. P. 242–277.

REFERENCES

Voskresenskii S. S. *Dinamicheskaya geomorfologiya. Formirovanie sklonov*. [Dynamic geomorphology. Slope formation]. Moscow: Moskovskii universitet Publ., 1971, 230 p. (in Russian).

Derevianko A. P., Zenin A. N., Rybin E. P., Gladyshev S. A., Tsybankov A. A., Olsen D., Tseveendorzh D., Gunchinsuren B. Tekhnologiya rasshchepleniya kamnya na rannem etape verkhnego paleolita Severnoi Mongolii (stoyanka Tolbor-4) [Lithic reduction technology in the early Upper Paleolithic of Northern Mongolia (Tolbor-4 site)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2007, no. 1 (29), pp. 16–38 (in Russian).

Kim J.-O., Mueller Ch. W., Klekka U. R., Aldenderfer M. S., Blashfield, R. K. *Faktornyi, diskriminantnyi i klasternyi analiz: Per. s angl* [Factor, discriminant and cluster analysis]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1989, 215 p.

Kolomiets V. L., Gladyshev S. A., Bezrukova E. V., Rybin E. P., Letunova P. P., Abzaeva A. A. Prirodnaya sreda i chelovek v pozdnem neopleistotsene Severnoi Mongolii [Natural Environment and Man in the Late Neopleistocene of Northern Mongolia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2009, no. 1, pp. 2–14 (in Russian).

Marchenko D. V., Rybin E. P., Khatsenovich A. M. Izuchenie prostranstvennogo zonirovaniya kamennykh artefaktov na stoyanke Tolbor-4 (Severnaya Mongoliya) v finale MIS-3 posredstvom klasternogo analiza [Cluster Analysis for Spatial Distribution of Lithic Artifacts at the Tolbor-4 site (Northern Mongolia) during final MIS-3]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2020, no. 2 (30), pp. 128–137 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-09).

Marchenko D. V., Khatsenovich A. M., Rybin E. P. Prostranstvennaya organizatsiya stoyanok u vykhodov kamennogo syr'ya: issledovanie s pomoshch'yu klasternogo analiza (na primere nizhnikh arkheologicheskikh gorizontov pamyatnika Tolbor-4,

Severnaya Mongoliya) [Spatial Arrangement of Sites Located Near Raw Material Outcrops: A Cluster Analysis Using Materials from Lower Archaeological Horizons at the Tolbor-4 Site, Northern Mongolia]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2022, vol. XXVIII, pp. 181–191 (in Russian). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2022.28.0181-0191>.

Rybin E. P. *Regional'naya variabel'nost' kamennykh industrii nachala verkhnego paleolita v Yuzhnoi Sibiri i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii. diss. ... d-ra ist. nauk* [Regional variability of early Upper Paleolithic lithic industries in South Siberia and eastern Central Asia. Doctor of Historical Science Thesis]. Novosibirsk, 2020, 539 p. (in Russian).

Rybin E. P., Khatsenovich A. M., Marchenko D. V. Model' tekhnologicheskogo razvitiya v industriyakh rannikh stadii verkhnego paleolita Severnoi Mongolii: po rezul'tatam novykh raskopok stoyanki Tolbor-4 [Model of Technological Development in the Early Upper Paleolithic Industries of Northern Mongolia: Based on the Results of New Excavations of the Tolbor-4 site]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019, no. 4 (28), pp. 162–177 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-09).

Baddeley A., Turner R. Spatstat: An R Package for Analyzing Spatial Point Patterns. *Journal of Statistical Software*. 2005, vol. 12 (6), pp. 1–42. <https://doi.org/10.18637/jss.v012.i06>.

Baxter M. J., Beardah C. C., Wright R. V. S. Some archaeological applications of kernel density estimates. *J Archaeol Sci*. 1997, vol. 24, pp. 347–354. <https://doi.org/10.1006/jasc.1996.0119>.

Bivand R., Pebesma E., Gomez-Rubio V. *Applied spatial data analysis with R, Second edition*. NY: Springer, 2013, 405 p.

Charrad M., Ghazzali N., Boiteau V., Niknafs A. NbClust: An R Package for determining the relevant number of clusters in a data set. *Journal of Statistical Software*. 2014, vol. 61 (6), pp. 1–36. <https://doi.org/10.18637/jss.v061.i06>.

Gabucio M. J., Bargalló A., Saladié P., Romagnoli F., Chacón M. G., Vallverdú J., Vaquero M. Using GIS and Geostatistical Techniques to Identify Neanderthal Campsites at archaeolevel Ob at Abric Romaní. *Archaeol. Anthropol. Sci*. 2023, vol. 15, art. no. 24. <https://doi.org/10.1007/s12520-023-01715-6>.

Isaac G. L. Towards the interpretation of occupation debris: some experiments and observations. *Kroeber Anthropological Society Papers* 37. 1967, pp. 31–57.

Kintigh K. W., Ammerman A. J. Heuristic approaches to spatial analysis in archaeology. *American Antiquity*. 1982, vol. 47, pp. 31–63.

Leopold L. B., Emmett W. W., Myrick R. M. Channel and hillslope processes in a semiarid area New Mexico: erosion and sedimentation in a semiarid environment. *Geological survey professional paper*. 1966, vol. 352-G, 193 p.

Peeples M. *Unconstrained Clustering*. 2020. URL: <http://www.mattpeeples.net/modules/UnconstrainedClustering.html> (accessed November 6, 2024).

R Core Team. *R: A language and environment for statistical computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2023. URL: <https://www.R-project.org/> (accessed October 20, 2024).

Spagnolo V., Ronchitelli A., Marciani G., Aureli D., Martini I., Boscato P., Boschini F. Climbing the time to see Neanderthal behaviour's continuity and discontinuity: SU 11 of the Oscuruscio Rockshelter (Ginosa, Southern Italy). *Archaeol. Anthropol. Sci.* 2020, vol. 12, art. no. 54. [https://doi.org/ 10.1007/s12520-019-00971-9](https://doi.org/10.1007/s12520-019-00971-9).

Whallon R. Unconstrained clustering for the analysis of spatial distributions in archaeology. *Intrasite Spatial Analysis in Archaeology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984, pp. 242–277.

Статья поступила в редакцию: 26.11.2024

Принята к публикации: 10.06.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 903–03

DOI (10.14258neur(2025)3–03)

*А. С. Савельева**Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН,
Кемерово (Россия)*

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ КУРГАНА № 4 МОГИЛЬНИКА УТИНКА ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам раскопок В. В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи)

С целью пополнения данных о смене традиций бронзолитейного производства тагарской культуры на сарагашенском и тесинском этапах в северной лесостепи предпринято изучение элементного состава бронз из разновременных погребальных комплексов кургана № 4 могильника Утинка. Три могилы V–IV вв. до н. э. и склеп II–I вв. до н. э. исследованы и атрибутированы в 1974, 1975 гг. В. В. Бобровым. Для сравнения сплавов вещей, предназначенных для умерших в тагарскую эпоху индивидов, данные о составе металла рассмотрены в контексте принадлежности предметов к наборам, сопровождавшим конкретных погребенных. Элементный состав металла 36 изделий из сплавов на основе меди установлен методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой. Материалы включают пять предметов из склепа; 11 — из могилы 1; 15 — из могилы 2; пять — из могилы 3. Анализ полученных данных показал, что для металла инвентаря трех могил V–IV вв. до н. э. преобладающей лигатурой является олово, присутствующее в этом качестве во всех изученных бронзовых сплавах из могил 1 и 2, а также в металле 80% предметов из могилы 3. Кроме того, в качестве лигатуры в бронзах могилы 2 выявлен свинец. В отношении металла предметов из склепа II–I вв. до н. э. легирование оловом выявлено как единичный случай. Здесь установлено преобладание мышьяка, присутствие сурьмы и свинца в качестве легирующих компонентов сплавов. Сравнение металла предметов из четырех наборов сопроводительного инвентаря показало в основном единство рецептов бронз в рамках комплектов. По характеру распределения лигатур и естественных примесей к меди предполагается изготовление двух пар предметов из металла одной отливки (чекан № 104 и вток № 53 из могилы 2; полусферки № 22 м и 22б из могилы 3).

Ключевые слова: тагарская культура, сарагашенский этап, тесинский этап, северная лесостепь, могильник Утинка, набор сопроводительного инвентаря, элементный состав, сплавы на медной основе, атомно-эмиссионная спектроскопия с индуктивно связанной плазмой (АЭС ИСП).

Цитирование статьи:

Савельева А. С. Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка тагарской культуры (по материалам раскопок В. В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3 С. 47–65. DOI (10.14258nreur(2025)3–03).

Савельева Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово (Россия).
Адрес для контактов: antverpen@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>.

A. S. Savelieva

The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo (Russia)

ELEMENTAL COMPOSITION OF THE METAL OF THE ACCOMPANYING INVENTORY FROM THE BURIAL MOUND NO. 4 OF THE UTINKA BURIAL GROUND OF THE TAGAR CULTURE (BASED ON THE MATERIALS OF THE EXCAVATIONS OF V. V. BOBROV IN 1974, 1975 IN THE NORTHERN FOREST-STEPPE)

In order to supplement the data on the change of the traditions of bronze production of the Tagar culture at the Saragashen and Tesin stages in the northern forest-steppe, it was undertaken the study of the elemental composition of bronzes from the burials of different periods in the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground. Three burials from the 5th-4th centuries BC and a crypt from the 2nd-1st centuries BC were excavated and attributed in 1974 and 1975 by V. V. Bobrov. To compare the alloys of items intended for specific individuals who died in the Tagar era, the data on the composition of the metal are considered in the context of the items belonging to the sets that accompanied specific buried individuals. The elemental composition of the metal of 36 objects made of copper-based alloys was determined using inductively coupled plasma atomic emission spectroscopy. The studied materials are represented by five objects from the crypt; 11 objects from grave No. 1; 15 objects from grave No. 2; five objects from grave No. 3. Analysis of the obtained data showed that for the metal of the inventory of three graves of the 5th-4th centuries BC, the predominant ligature is tin, present in this capacity in all the studied bronze alloys from graves No. 1 and No. 2, as well as in the metal of 80% of the objects from grave No. 3. In addition, lead was found as a ligature in the bronzes of grave No. 2. In relation to the metal of objects from the

crypt of the 2nd-1st centuries BC, alloying with tin was identified as an isolated case. The predominance of arsenic and the presence of antimony as alloying components of the alloys were established here. A comparison of the metal of objects from four sets of accompanying inventory showed, in general, the unity of the bronze recipes within the sets. Based on the nature of the distribution of ligatures and natural impurities to copper, it is assumed that two pairs of objects were made from the metal of one casting (chase No. 104 and ingot No. 53 from grave 2; hemispheres No. 22m and 22b from grave 3).

Keywords: Tagar culture, Saragash stage, Tesinsky stage, northern forest-steppe, Utinka burial ground, set of accompanying inventory, elemental composition, copper based alloys, inductively coupled plasma atomic emission spectroscopy (ICP AES).

For citation:

Savelieva A. S. Elemental composition of the metal of the accompanying inventory from the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground of the Tagar culture (based on the materials of the excavations of V.V. Bobrov in 1974, 1975 in the northern forest-steppe). *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30. No 3. P. 47–65 (in Russian). DOI (10.14258neur(2025)3–03)

Savelieva Anna Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Laboratory of Archaeology of the Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo (Russia).

Contact address: antverpen@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>.

Введение

В 1974, 1975 гг. В.В. Бобровым проводились раскопки кургана № 4 могильника Утинка (Утинского/Утинкинского), расположенного на берегу оз. Утинка, на окраине одноименного поселка в Мариинско-Ачинской лесостепи (Тисульский муниципальный округ Кемеровской области).

Сведения об обстоятельствах открытия памятника противоречивы. Согласно опубликованным данным могильник из 14 курганов открыт А.М. Кулемзиным в 1970 г. [Кулемзин, Бородин, 1989: 109]. В Полевом отчете 1976 г. указано, что Утинский курганный могильник из 12 курганов открыт А.И. Мартыновым в 1967 г. совместно с И.И. Баухником и А.М. Кулемзиным [НА КМАЭЭ, № 527: 1, 2]. Исследования памятника велись с 1972 г. работами А.И. Мартынова, А.В. Циркина, А.М. Кулемзина, Ю.М. Бородкина и В.В. Боброва [НА КМАЭЭ, № 810: 23; Кулемзин, Бородин, 1989: 109] на курганах № 1–3 [НА КМАЭЭ, № 373], № 5 [Бобров, 1979а: 254], № 9, 11 и 12 [НА КМАЭЭ, № 354].

За весь период раскопок было обнаружено большое разнообразие железных предметов, глиняных сосудов, изделий из камня, пасты и бересты, фрагменты меха, кожи и шерстяной ткани, изделия из бронзы, в том числе бронзовая бляха высокого художественного мастерства с изображением двух яков [Бобров, 1979а; Дэвлет, 1980: 10, 20; Миняев, 1980: 30; Торевтика..., 2010: 23]. Несмотря на то, что предметы из раскопок могильника относятся к числу почти полностью утраченных [Боброва, Бело-

усова, 2012: 45], материалы из кургана № 4 составляют исключение и хранятся в Музее археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ в составе коллекции 64 [Каталог..., 2004: 52, 53].

Объект раскопок 1974, 1975 гг. — курган № 4, известный также как Каменный [НА КМАЭЭ, № 810: 23; НОА ИА РАН, № 5793: 2], включал разновременные склеп и три могилы. Могилы 1, 2 и 3 отнесены В. В. Бобровым к V–IV вв. до н. э. — тисульскому этапу лесостепной тагарской культуры по определению А. И. Мартынова [Бобров, 1979б: 179]. Склеп датирован II–I вв. до н. э. на основании сходства с тесинскими склепами и третьим типом памятников II–I вв. до н. э. минусинских степей, по М. Н. Пшеницыной, — «могилами, устроенными на более древних могильниках» [Бобров, 1979б: 170, 171, 176, 180, 181].

Могильник Утинка является примером археологического комплекса с разновременными и хорошо документированными захоронениями, поэтому анализ элементного состава медно-бронзового инвентаря из кургана Каменного (№ 4) актуален в качестве источника для пополнения данных о смене традиций бронзолитейного производства тагарской культуры на ее сарагашенском [Савельева, Герман, 2015; Савельева, Герман, 2016] и тесинском [Савельева, Герман, Боброва, 2016] этапах по материалам памятников северной лесостепи. Кроме этого, наличие в утинкинских могилах предметных наборов, сопровождавших конкретных погребенных, создает предпосылки для обращения к вопросу о сходстве или различии в рецептурах сплавов вещей, предназначавшихся для отдельных индивидов, умерших в тагарскую эпоху.

Методы

Данные об элементном составе металла предметов из трех могил и одного склепа кургана № 4 могильника Утинка получены методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой. Анализ произведен в 2016 г. на атомно-эмиссионном спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO в ЦКП ФИЦ УУХ СО РАН (аналитик — канд. хим. наук Р. П. Колмыков). В каждом случае анализу подвергалась порошкообразная проба, отобранная с участка поверхности изделия, предварительно очищенного обточкой от загрязнений и окислов. Пробы отбирались автором с помощью минидрели Hammer MD170A и представляли собой мелкодисперсную стружку характерного медного цвета с желтым металлическим блеском массой около 0,01 г.

В результате анализа получены данные о количественном содержании в пробах металла 20 элементов (в процентах массы). 12 из них интерпретируются в контексте принадлежности к легирующим или геохимическим компонентам сплавов на медной основе. Концентрации алюминия, марганца, магния, кремния, серы, фосфора, селена и телура приводятся в таблицах справочно.

Материалы

В склепе, по наблюдениям В. В. Боброва, обнаружены кости примерно 20 погребенных. Сопроводительный инвентарь, помимо прочего, составляют бронзовые кольца, ложечковидные застёжки, пронизка и неопределимый обломок изделия [Бобров, 1979б: 174–176]. Установлен элементный состав металла пяти изделий из сплавов на медной основе.

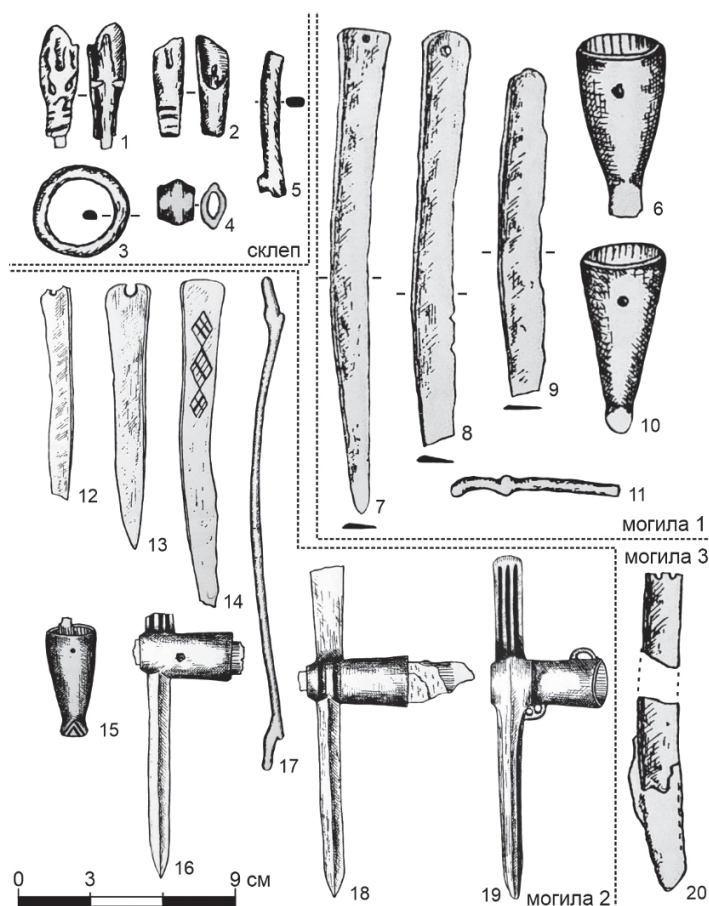

Рис. 1. Медно-бронзовый инвентарь из кургана № 4 могильника Утинка: 1 — № 11б; 2 — № 11м; 3 — № 10; 4 — № 89; 5 — № 14; 6 — № 28; 7 — № 33; 8 — № 30; 9 — № 31; 10 — № 29; 11 — № 32; 12 — № 60; 13 — № 71; 14 — № 58; 15 — № 53; 16 — № 47; 17 — № 59; 18 — № 45; 19 — № 104; 20 — № 26 (рисунки приводятся по: [Бобров, 1979б])
 Fig. 1. Copper-bronze implements from mound No. 4 of the Utinka burial ground: 1 — No. 11b; 2 — No. 11m; 3 — No. 10; 4 — No. 89; 5 — No. 14; 6 — No. 28; 7 — No. 33; 8 — No. 30; 9 — No. 31; 10 — No. 29; 11 — No. 32; 12 — No. 60; 13 — No. 71; 14 — No. 58; 15 — No. 53; 16 — No. 47; 17 — No. 59; 18 — No. 45; 19 — No. 104; 20 — No. 26 (figures are given by: [Bobrov, 1979b])

В числе следующих пяти изделий из сплавов на медной основе:

Две ложечковидные застёжки. Застёжка № 11б (рис. 1.-1) длиной 40 мм с продольным желобком на внешней стенке. Застёжка № 11м (рис. 1.-2) повреждена, длиной 38 мм с двумя поперечными выпуклыми поясками на внешней стенке втулки. Обе застёжки обнаружены среди костей скелетов, сосредоточенных у восточного угла могилы, в 0,4 м от черепа погребенного «М» [НОА ИА РАН, № 5793: 14; Бобров, 1979б: 174].

Кольцо № 10 (рис. 1.-3) диаметром 34 мм из круглого в сечении прута, с заходящими друг на друга концами. Пронизка-обоймочка № 89 (рис. 1.-4) бочонковидная с дутыми

краями, слегка уплощенная, с горизонтальным пояском по центру, шириной до 5 мм. Высота изделия 8 мм, ширина 17 мм, диаметр 12 х 8 мм. Кольцо и пронизка обнаружены среди разрозненных костей в почти пустой части могилы [Бобров, 1979б: 176].

Обломок изделия в виде стерженька № 14 (рис. 1.-5) неясного первоначального вида. Представляет собой слегка изогнутый прут с отходящим вблизи одного из концов коротким «отростком» длиной 4 мм. Обнаружен среди костей шести погребенных, сосредоточенных у восточного угла могилы и вдоль ее северо-восточной стенки [Бобров, 1979б: 174].

В могиле 1, по наблюдениям В. В. Боброва, «кости скелетов почти не сохранились», а предметы «находились в беспорядке и неравномерно» [Бобров, 1979б: 176], включая выпуклые бляшки, целые и в обломках пластинчатые гривны, ножи, втоки и обломок предмета неизвестного назначения (ПНН). Установлен элементный состав металла 11 изделий из сплавов на медной основе. В их числе:

Четыре полусферические бляшки №№ 37, 39, 41, 43 и гривна № 42, обнаруженные у остатков костей черепа погребенного «А», в 0,7 м от северо-восточной стенки, в северном углу могилы [НОА ИА РАН, № 5793: 6; Бобров, 1979б: 176].

Вток № 28 (рис. 1.-6) с трапециевидным основанием, нож № 33 (рис. 1.-7) змейчатообушковый с прямым однодырчатым навершием, нож № 30 (рис. 1.-8) дугообразнообушковый с овальным однодырчатым навершием, нож № 31 (рис. 1.-9) дугообразнообушковый с овальным навершием, вток № 29 (рис. 1.-10) с лопаточковидным основанием и фрагмент ПНН № 32 (рис. 1.-11) со стилизованной головкой животного на сохранившемся конце и овальным уплощенным сечением стержня. Все эти предметы найдены разрозненно. По заключению В. В. Боброва, в этой могиле остатки погребенных были сдвинуты в угол, «возможно, для новых захоронений» [НОА ИА РАН, № 5793: 6].

В могиле 2 насчитывалось девять погребенных [Бобров, 1979б: 176]. В числе бронзового инвентаря обнаружены чеканы, ножи, гривны, полусферические бляшки, проколки, зеркала, оленя бляшка, биконическая бусина, втоки. Установлен элементный состав металла 15 изделий из сплавов на медной основе:

Зеркала № 52, 62б, 62м, 56, 57 и гривны № 51 и № 55, найденные разрозненно.

Нож № 60 (рис. 1.-12) змейчатообушковый, сопровождал одного из погребенных головой к юго-западной стенке у южного угла могилы.

Нож № 71 (рис. 1.-13) дугообразнообушковый с овальным однодырчатым навершием сопровождал одного из двух погребенных, уложенных в верхнем ярусе захоронения.

Нож № 58 (рис. 1.-14) в меховом чехле, змейчатообушковый, с орнаментом на рукояти, представленным тремя заштрихованными ромбами. Сопровождал погребенного «Е» в центре могилы [НА КМАЭЭ, № 810: 27, 28; Бобров, 1979б: 177].

Вток № 53 (рис. 1.-15), найденный на одном древке с чеканом № 104, — с трапециевидным основанием, украшенным елочным орнаментом. Также сопровождал погребенного «Е» в центре могилы [НА КМАЭЭ, № 810: 27, 28; Бобров, 1979б: 177].

Чекан № 47 (рис. 1.-16) сопровождал погребенного головой к юго-западной стенке у южного угла могилы.

ПНН № 59 (рис. 1.-17) со стилизованными головками животных на концах, с отверстием в стержне, сопровождал погребенного «Е» в центре могилы [НА КМАЭЭ, № 810: 27, 28; Бобров, 1979б: 177].

Чекан № 45 (рис. 1.-18) с двумя горизонтальными каннелюрами по втулке между бойком и обушком, с четырехгранным бойком. Найден рядом с погребенными в ряд вдоль северо-восточной стенки у восточного угла могилы.

Чекан № 104 (рис. 1.-19) на одном древке со втоком № 53, с плоским, каннелированным, с заоваленным краем обушком, с двумя круглыми отверстиями в петельке под бойком и еще петелькой у основания втулки со стороны обушка. Наряду с ПНН № 59, ножом № 58 и втоком № 53 чекан № 104 сопровождал погребенного «Е» в центре могилы [НА КМАЭЭ, № 810: 27, 28; Бобров, 1979б: 177].

В могиле 3 захоронены четверо погребенных в сопровождении бронзовых зеркал, ножей, проколов, иглы, полусферических бляшек, гривны и бусины [Бобров, 1979б: 178, 179]. Установлен элементный состав металла пяти изделий из сплавов на медной основе. В их числе:

Нож № 26 (рис. 1.-20) дугообразнообушковый, в кожаном чехле, прошитом нитками. Обнаружен под обломками сосудов между черепами троих погребенных головой к юго-западной стенке.

Три полусферические бляшки № 21, 22 м, 22б обнаружены у черепа центрального захоронения — погребенного «Б» [НОА ИА РАН, № 5793: 8; Бобров, 1979б: 178].

Зеркало № 16 дисковое с петелькой обнаружено с погребенными в стороне от центрального захоронения.

Результаты

Таблица 1

Результаты элементного анализа металла сопроводительного инвентаря из склепа кургана № 4 могильника Утинка*

Наименование предмета	№ музейного хранения	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au
застежка ложечковидная	64/11 (б)	0,010	0	7,4860	2,6250	0,4475	0	0,0039	0,3020	0,0101	0,0008
застежка ложечковидная	64/11 (м)	0,048	0,0025	5,3770	2,9810	0,1306	0,0089	0,0021	0,2001	0,0017	0,0037
кольцо	64/10	0,310	0,0260	0,4647	0,1370	0,0098	0,0952	0,0033	0,1101	0,0170	0,0075
пронизка	64/89	1,056	0,4521	1,7410	0,5058	0,0781	0,0893	0,0277	0,1347	0,0178	0,0039
обломок	64/14	0,496	1,0200	4,0810	1,6020	0,0952	0,0753	0,0028	0,2941	0,0070	0,0038

Продолжение таблицы 1

Наименование предмета	№ музейного хранения	Ag	Al	Mn	Mg	Si	S	P	Se	Te
застежка ложечковидная	64/11 (б)	0,0337	0,0006	0	0,0066	0	0,0447	0,0201	0,0006	0
застежка ложечковидная	64/11 (м)	0,0604	0,0011	0	0,0055	0,0496	0,0120	0,0390	0,0094	0,0075
кольцо	64/10	0,0415	0,0139	0,0006	0,0236	0,0515	0,0028	0,0726	0,0094	0,0075
пронизка	64/89	0,1765	0,0026	0,0017	0,0208	0,0046	0,0057	0,1583	0,0104	0,0037
обломок	64/14	0,0909	0,003	0,0000	0,0028	0,0157	0,0057	0,0491	0,0067	0,0079

*Примечание: здесь и в последующих таблицах концентрации элементов приведены в процентах массы (mass%); во всех случаях медь — основа; значение «0» указыва-

ет на концентрации элемента в количестве ниже порога чувствительности прибора; курсивом выделены данные по вещам из наборов.

Для *склепа* (табл. 1) по характеру распределения концентраций компоненты олова (1,056%), свинца (1,02%), мышьяка (от 1,741%) и сурьмы (от 1,602%) фиксируются как легирующие. По соотношению лигатур выделяются четыре металлургические группы сплавов:

- 1) «чистая» медь (Cu): кольцо № 10;
- 2) мышьяковисто-сурьмянистая бронза (Cu+As+Sb): ложечковидные застёжки № 11б и № 11м;
- 3) мышьяковисто-сурьмянисто-свинцовистая бронза (Cu+As+Sb+Pb): обломок изделия № 14;
- 4) мышьяковисто-оловянистая бронза (Cu+As+Sn): пронизка № 89.

Таблица 2

Результаты элементного анализа металла предметов сопроводительного инвентаря из могилы 1 кургана № 4 могильника Утинка

Наименование предмета	№ музейного хранения	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au
нож	64/31	3,205	0,0742	0,2214	0,0149	0,0046	0,0198	0,0194	0,0699	0,0042	0,0018
вток	64/28	3,275	0,0816	0,2115	0,0144	0,0118	0,0107	0,0082	0,0728	0,0042	0,0023
нож	64/30	7,325	0,2786	0,1231	0,0242	0,0099	0,0404	0,0197	0,0523	0,0057	0,0022
ПНН	64/32	9,360	0,1631	0,2239	0,0337	0,0031	0,0960	0,0650	0,0636	0,0061	0,0029
нож	64/33	6,681	0,5639	0,2271	0,0206	0,0039	0,6958	0,0075	0,0780	0,0104	0,0018
вток	64/29	5,244	0,1295	0,1872	0,0172	0,0094	0,0164	0,0118	0,0631	0,0083	0,0023
<i>гривна</i>	<i>64/42</i>	<i>3,250</i>	<i>0,3436</i>	<i>0,0940</i>	<i>0,0082</i>	<i>0,0168</i>	<i>0,0185</i>	<i>0,0034</i>	<i>0,0546</i>	<i>0,0071</i>	<i>0,0033</i>
<i>полусферка</i>	<i>64/41</i>	<i>2,086</i>	<i>0,1288</i>	<i>0,2676</i>	<i>0,0241</i>	<i>0,0125</i>	<i>0,1463</i>	<i>0,0108</i>	<i>0,0535</i>	<i>0,0056</i>	<i>0,0037</i>
<i>полусферка</i>	<i>64/37</i>	<i>4,805</i>	<i>0,1856</i>	<i>0,3410</i>	<i>0,0361</i>	<i>0,0140</i>	<i>0,1613</i>	<i>0,0077</i>	<i>0,0709</i>	<i>0,0072</i>	<i>0,0033</i>
<i>полусферка</i>	<i>64/39</i>	<i>5,616</i>	<i>0,3350</i>	<i>0,7828</i>	<i>0,0563</i>	<i>0,0245</i>	<i>0,0141</i>	<i>0,0020</i>	<i>0,0671</i>	<i>0,0072</i>	<i>0,0031</i>
<i>полусферка</i>	<i>64/43</i>	<i>7,320</i>	<i>0,0478</i>	<i>0,0641</i>	<i>0,0171</i>	<i>0,0317</i>	<i>0,0445</i>	<i>0,0333</i>	<i>0,0500</i>	<i>0,0142</i>	<i>0,0046</i>

Продолжение таблицы 2

Наименование предмета	№ музейного хранения	Ag	Al	Mn	Mg	Si	S	P	Cr	Se	Te
нож	64/31	0,0362	0,0013	0	0,0043	0,0220	0,0042	0,0192	0	0,0094	0,0050
вток	64/28	0,0425	0,0019	0	0,0040	0	0,0035	0,0142	0	0,0050	0,0015
нож	64/30	0,0442	0,0007	0	0,0037	0,0095	0,0047	0,0141	0	0,0078	0,0023
ПНН	64/32	0,0508	0,0060	0,0003	0,0104	0,1998	0,0069	0,0338	0,0015	0,0239	0,0239
нож	64/33	0,0534	0,0023	0,0011	0,0172	0,0275	0,0038	0,0226	0	0,0059	0,0039
вток	64/29	0,0546	0,0025	0,0003	0,0043	0,0028	0,0066	0,8000	0	0,0104	0,0024
<i>гривна</i>	<i>64/42</i>	<i>0,0522</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>0,0157</i>	<i>0,0069</i>	<i>0,0099</i>	<i>0,0340</i>	<i>0</i>	<i>0,0030</i>	<i>0</i>

Наименование предмета	№ музейного хранения	Ag	Al	Mn	Mg	Si	S	P	Cr	Se	Te
полусферка	64/41	0,0575	0,0382	0,0006	0,0287	0,0321	0,0141	2,9020	0	0,0045	0,0010
полусферка	64/37	0,0686	0,0011	0	0,0157	0	0,0107	0,0958	0	0,0051	0,0008
полусферка	64/39	0,0810	0	0	0,0112	0	0,0086	0,0297	0	0,0072	0,0020
полусферка	64/43	0,0885	0,0519	0,0019	0,0515	0,0106	0,0068	0,0252	0	0,0066	0,0026

Все проанализированные предметы из могилы 1 (табл. 2) изготовлены из оловянистой бронзы (Cu+Sn). Олово — легирующий компонент сплавов в концентрациях от 2,086%.

Таблица 3

Результаты элементного анализа металла предметов сопроводительного инвентаря из могилы 2 кургана № 4 могильника Утинка

Наименование предмета	№ музейного хранения	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au
чекан	64/45	4,978	2,2520	0,3947	0,0381	0,0201	0,1145	0,0042	0,1304	0,0126	0,0025
гривна	64/51	4,379	0,1309	0,1900	0,0114	0,0100	0,0571	0,0089	0,0545	0,0071	0,0056
гривна	64/55	4,387	0,1127	0,2039	0,0105	0,0150	0,0595	0,0081	0,0581	0,0077	0,0061
зеркало	64/52	8,604	1,6790	0,2973	0,0285	0,0158	0,1533	0,0127	0,0624	0,0045	0,0071
нож	64/58	6,142	0,2824	0,5861	0,0223	0,0184	0,3588	0,0241	0,0722	0,0132	0,0023
вток	64/53	5,786	0,4944	0,2964	0,0201	0,0126	0,0779	0,0029	0,0868	0,0096	0,0020
ПНН	64/59	5,804	2,0160	0,4174	0,0452	0,0117	0,1180	0,0103	0,1203	0,0121	0,0082
чекан	64/104	7,045	0,4255	0,8967	0,0848	0,0137	0,0208	0,0033	0,0942	0,0079	0,0021
зеркало	64/62 (б)	4,961	0,3048	0,4662	0,0199	0,0098	0,2110	0,0079	0,0632	0,0098	0,0015
нож	64/71	5,297	0,1694	0,3858	0,0215	0,0074	0,0713	0,0027	0,0811	0,0104	0,0028
чекан	64/47	5,476	0,3731	0,2915	0,0148	0,0127	0,1630	0,0048	0,0779	0,0104	0,0023
зеркало	64/57	7,950	0,5180	0,2992	0,0253	0,0113	0,1078	0,0051	0,0773	0,0121	0,0021
зеркало	64/56	5,695	1,1720	0,2986	0,0220	0,0064	0,0705	0,1308	0,0996	0,0121	0,0027
нож	64/60	6,005	0,7997	0,3717	0,0264	0,0075	0,1596	0,0299	0,0555	0,0080	0,0030
зеркало	64/62 (м)	1,463	9,5180	0,2007	0,0202	0,0224	0,1752	0,1164	0,1938	0,0236	0,0100

Продолжение таблицы 3

Наименование предмета	№ музейного хранения	Ag	Al	Mn	Mg	Si	S	P	Cr	Se	Te
чекан	64/45	0,0968	0,0020	0	0,0125	0,0209	0,0056	0,0161	0	0,0052	0,0011
гривна	64/51	0,0453	0	0	0,0152	0,0031	0,0047	0,0175	0	0,0064	0,0036
гривна	64/55	0,0504	0	0	0,0059	0	0,0054	0,0252	0	0,0053	0,0015
зеркало	64/52	0,0650	0,0013	0,0001	0,0201	0,0000	0,0021	0,0138	0	0,0075	0,0021
нож	64/58	0,0685	0,0055	0,0001	0,0023	0,0392	0,0052	0,0482	0	0,0154	0,0055
вток	64/53	0,0723	0	0,0002	0,0230	0,0068	0,0035	0,0137	0	0,0051	0,0021

Наименование предмета	№ музейного хранения	Ag	Al	Mn	Mg	Si	S	P	Cr	Se	Te
ПНН	64/59	0,0734	0,0014	0,0004	0,0188	0,0089	0,0037	0,0095	0	0,0073	0,0036
чекан	64/104	0,0799	0,0035	0	0,0039	0,0029	0,0027	0,0250	0	0,0068	0,0019
зеркало	64/62 (б)	0,0742	0,0105	0,0017	0,0319	0,0873	0,0070	0,0458	0	0,0174	0,0110
нож	64/71	0,0745	0,0014	0,0007	0,0323	0,0423	0,0043	0,0289	0	0,0081	0,0047
чекан	64/47	0,0747	0,0138	0,0001	0,0065	0,0376	0,0074	0,0271	0	0,0061	0,0025
зеркало	64/57	0,0790	0	0,0002	0,0205	0,0184	0,0072	0,0121	0	0,0071	0,0029
зеркало	64/56	0,0801	0,0027	0,0006	0,0441	0,0437	0,0057	0,0218	0	0,0071	0,0065
нож	64/60	0,1160	0,0081	0,0009	0,0400	0,1214	0,0142	0,0897	0,0001	0,0099	0,0122
зеркало	64/62 (м)	0,8564	1,7160	0,0126	0,1183	0,2986	0,0325	0,5920	0,0022	0,0114	0,0113

Для могилы 2 (табл. 3) по характеру распределения концентраций компоненты олова (от 1,463%) и свинца (от 1,172%) фиксируются как легирующие. По соотношению лигатур выделяются три металлургические группы сплавов:

- 1) оловянистая бронза (Cu+Sn): вток № 53, гривны № 51 и № 55, зеркала № 57 и 62б, ножи №№ 71, 58, 60, чеканы № 104 и № 47;
- 2) свинцовисто-оловянистая бронза (Cu+Pb+Sn): зеркало № 62 м;
- 3) оловянисто-свинцовистая бронза (Cu+Sn+Pb): зеркала № 52 и № 56, ПНН № 59, чекан № 45.

Таблица 4

**Результаты элементного анализа металла предметов
из могилы 3 кургана № 4 могильника Утинка**

Наименование предмета	№ музейного хранения	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au
нож	64/26	9,309	0,1439	0,1404	0,0314	0,0033	0,0304	0,0823	0,0770	0,0071	0,0023
полусферка	64/21	4,792	0,5261	0,6438	0,0754	0,0254	0,0131	0,0017	0,0593	0,0061	0,0028
полусферка	64/22 (м)	8,510	0,2040	0,1980	0,0654	0,0074	0,2274	0,0132	0,0702	0,0121	0,0021
полусферка	64/22 (б)	10,470	0,3495	0,2177	0,0453	0,0168	0,2857	0,0141	0,0741	0,0135	0,0040
зеркало	64/16	0,080	0,0477	0,4781	0,1185	0,0364	0	0,0011	0,1191	0,0036	0,0026

Продолжение таблицы 4

Наименование предмета	№ музейного хранения	Ag	Al	Mn	Mg	Si	S	P	Se	Te
нож	64/26	0,0567	0,0082	0	0,0103	0,0614	0,0037	0,0342	0,0126	0,0055
полусферка	64/21	0,0581	0	0	0,0038	0	0,0108	0,0407	0,0059	0,0006
полусферка	64/22 (м)	0,0633	0	0	0,0070	0,0253	0,0095	0,0137	0,0062	0,0042
полусферка	64/22 (б)	0,0774	0,0051	0,0002	0,0267	0,0239	0,0117	0,0159	0,0065	0,0016
зеркало	64/16	0,0516	0,0000	0,0000	0,0007	0,0000	0,0013	0,0131	0,0051	0

Для могилы 3 (табл. 4) по характеру распределения концентраций компонент олова (от 4,792%) фиксируется как легирующий. По наличию лигатуры выделяются две металлургические группы сплавов:

- 1) «чистая» медь (Cu): зеркало № 16.
- 2) оловянистая бронза (Cu+Sn): нож № 26, полусферические бляшки №№ 21, 22 м, 22б.

Обсуждение результатов

В аспекте сравнения элементного состава разновременных комплексов инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка (рис. 2) представляются наиболее показательными единичный случай легирования оловом и явное преобладания мышьяка в качестве лигатуры в металле предметов из склепа II–I вв. до н. э. Примечательно здесь также присутствие сурьмы (от 1,602% до 2,981%) в наборе легирующих компонентов. Аналогии бронзам из утинкинского склепа по совокупному месту сурьмы, как составляющей медно-бронзовых сплавов, прослеживаются в материалах Косогольского клада. В его коллекции 27 предметов отнесены С. С. Миняевым на долю тесинских, из которых 17 (преимущественно, поясных пластин и ложечковидных застёжек) содержат сурьму в концентрациях от 1% до 7% [Миняев, 1978: 28, 29].

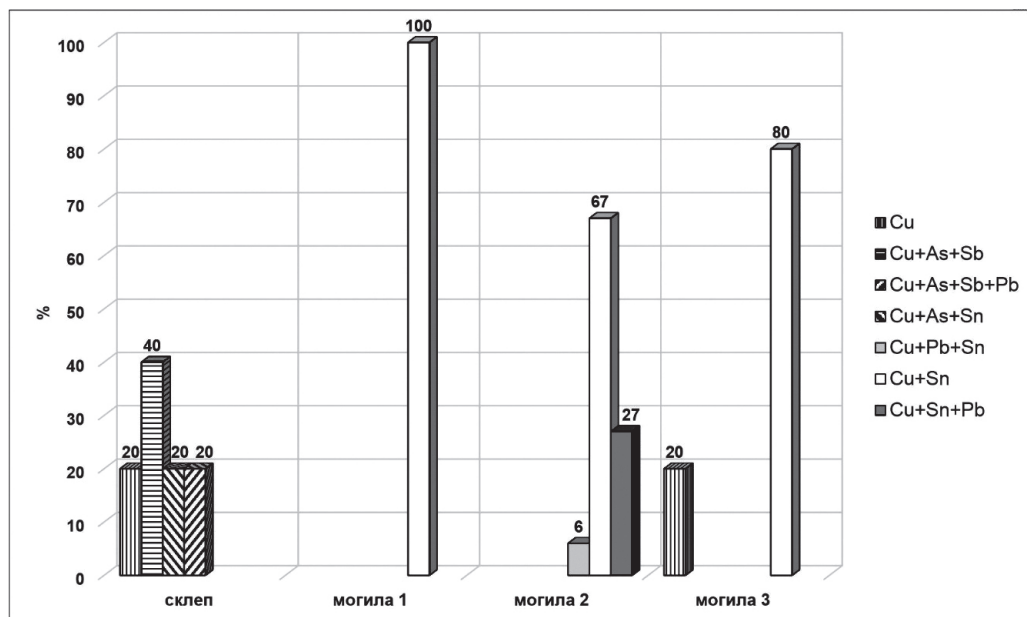

Рис. 2. Соотношение типов сплавов металла медно-бронзового инвентаря из погребальных комплексов кургана № 4 могильника Утинка

Fig. 2. The ratio of types of metal alloys of copper-bronze inventory from the burial complexes of kurgan No. 4 of the Utinka burial ground

Для металла инвентаря трех могил V–IV вв. до н. э. абсолютно преобладающей искусственной присадкой является олово, которым легированы все проанализирован-

ные бронзы могилы 1 и могилы 2, а также 80% металла предметов из могилы 3. Также в качестве лигатуры в бронзах могилы 2 зафиксирован свинец (от 1,172% до 9,518%). Традиционное для сарагашенского этапа тагарской культуры распространение трехкомпонентных бронз (по материалам памятников Минусинских котловин) объясняет С. В. Хавриным необходимостью улучшения литейных качеств сплава при изготовлении уменьшенных копий предметов [Хаврин, 2007: 121]. Оловянистые бронзы — ведущий тип сплава на сарагашенском этапе тагарской культуры как по материалам лесостепных памятников, так и в минусинских степях.

Обратимся к рецептурам бронз, характерным для определенных *категорий предметов*. В склепе вещи разных категорий — кольцо, пронизка, обломок изделия — изготовлены из разных типов сплавов, тогда как обе ложечковидные застёжки — из мышьяковисто-сурьмянистой бронзы. К выводу об отсутствии зависимости типа сплава от характера изделия по тесинским материалам из погребений у горы Тепсей ранее пришли С. С. Миняев и М. П. Грязнов [Миняев, Грязнов, 1979: 162]. О ложечковидных застёжках как находках, предположительно, сопровождавших одного погребенного, речь пойдет ниже.

В трех могилах V–IV вв. до н. э. из оловянистой бронзы изготовлены все проанализированные предметы таких категорий, как втоки (3 экз.), гривны (3), ножи (7) и полусферческие бляшки (7). Из двух ПНН: № 32 (могила 1) — из оловянистой бронзы, а № 59 (могила 2) — из оловянисто-свинцовистой бронзы. Из трех чеканов (могила 2): № 47 и № 104 — из оловянистой бронзы; № 45 — из оловянисто-свинцовистой бронзы. Из пяти зеркал могилы 2: № 62 м — из свинцовисто-оловянистой бронзы; № 62б и № 57 — из оловянистой бронзы; № 52 и № 56 — из оловянисто-свинцовистой бронзы.

Зеркало № 16 из могилы 3 — медное. На фоне неоднократно подтвержденной тенденции изготавливать инвентарь на сарагашенском этапе тагарской культуры в основном из оловянистой бронзы, обращает на себя внимание разнообразие рецептов сплавов зеркал. Анализ металла данной категории тагарского предметного комплекса ранее уже позволил подчеркнуть присутствие сплавов со свинцом как характерную особенность минусинских бронз. В них, в отличие от лесостепных комплексов, сплавов, легированных свинцом, больше [Савельева, Герман, 2016: 122, 123; Савельева, 2019: 49]. Наряду с происхождением почти всех зеркал (кроме № 16) из одной могилы, данный факт может косвенно указывать на тяготение металла погребального комплекса могилы 2 к минусинским традициям цветной металлообработки, выделяющим его на фоне могил № 1 и № 3. Свидетельство тому — найденное здесь же зеркало № 62 м, в составе которого концентрации свинца (9,518%) существенно преобладают над концентрациями олова (1,463%), что можно расценивать как явный признак «импортного» для северной лесостепи происхождения этой вещи.

Интересен вопрос о типах медно-бронзовых сплавов применительно к предметам из *наборов инвентаря*, сопровождавших отдельных погребенных. К таковым относятся:

- 1) ложечковидные застёжки № 11б и № 11 м в склепе;
- 2) полусферки № 37, 39, 41, 43 и гривна № 42 в могиле 1;

3) ПНН № 59, нож № 58, чекан № 104 и вток № 53 в могиле 2;

4) полусферки № 21, 22 м и 22б в могиле 3.

В склепе ложечковидные застёжки изготовлены из сплава одной металлургической группы — мышьяковисто-сурьмянистой бронзы. С осторожностью можно предположить, что лигатуры мышьяка и сурьмы (рис. 3) (скорее всего в виде рудных минералов) вводились разрозненно в сплавы этих изделий, так как между мышьяком и сурьмой не наблюдается положительной корреляции. При этом в случае с застёжкой № 11б введение большего количества мышьяка (по сравнению с застёжкой № 11м) привело и к большим концентрациям висмута, цинка, никеля и кобальта в сплаве. В случае с застёжкой № 11м введение большего количества сурьмы (по сравнению с застёжкой № 11б), привело к большим концентрациям олова, свинца, железа, золота и серебра в сплаве. Таким образом, состав металла застёжек сходен лишь по рецептуре (легирован мышьяком и сурьмой), что может отражать единство металлургических традиций, по всей видимости, хронологического порядка. Геохимически их металл не имеет достаточных признаков сходства, что может объясняться применением меди и минералов мышьяка и сурьмы из разных рудных источников.

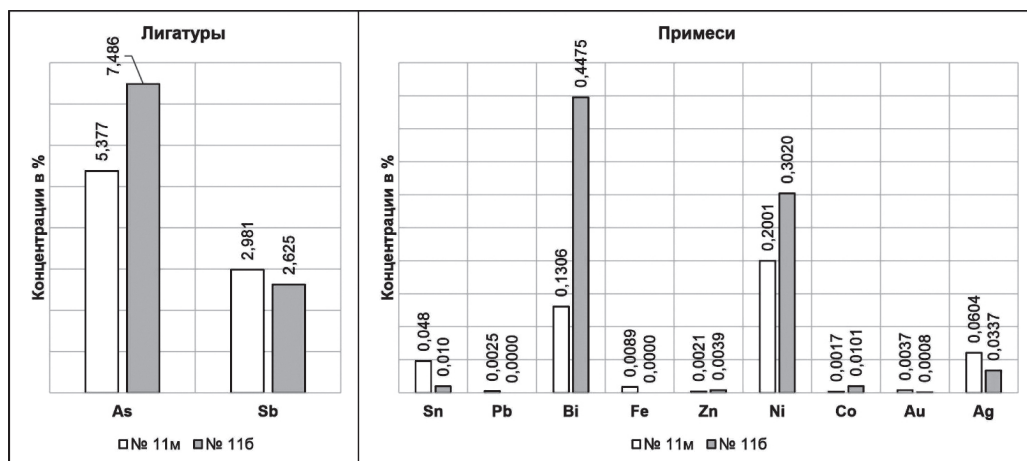

Рис. 3. Концентрации искусственных лигатур и естественных примесей к меди в составе металла ложечковидных застёжек из склепа кургана № 4 могильника Утинка

Fig. 3. Concentrations of artificial ligatures and natural impurities to copper in the metal composition of spoon-shaped fasteners from the crypt of kurgan No. 4 of the Utinka burial ground

В могиле 1 набор представлен четырьмя однотипными полусферками и гривной. Несмотря на принадлежность к одной химико-металлургической группе — оловянистым бронзам — большим содержанием олова отличается полусферка № 43 (рис. 4). Возможно, с этим фактором связано и большее содержание в ее металле (по сравнению с остальными четырьмя предметами) висмута, цинка и кобальта. Меньшие в этой полусферке концентрации свинца и мышьяка также позволяют рассматривать этот предмет обособленно.

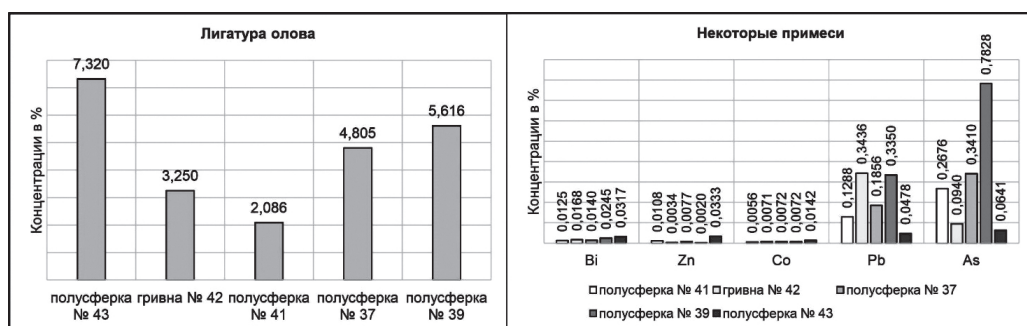

Рис. 4. Концентрации лигатуры олова и некоторых естественных примесей к меди в составе металла полусферок и гривны из могилы 1 кургана №4 могильника Утинка

Fig. 4. Concentrations of tin ligature and some natural impurities to copper in the metal of hemispheres and hryvnia from grave 1 of burial mound No. 4 of Utinka burial ground

В составе набора из четырех предметов, сопровождавших центральное захоронение в могиле 2, нож № 58, вток № 53 и чекан № 104 изготовлены из оловянистой бронзы, ПНН № 59 — из оловянисто-свинцовистой бронзы (рис. 5). По всей видимости, оловянистый бронзовый сплав ПНН № 59 мог быть легирован свинцом в виде металла, поскольку введение этой искусственной добавки не сказалось сколько-нибудь значительно на концентрациях примесных к меди компонентов в сторону увеличения их концентраций.

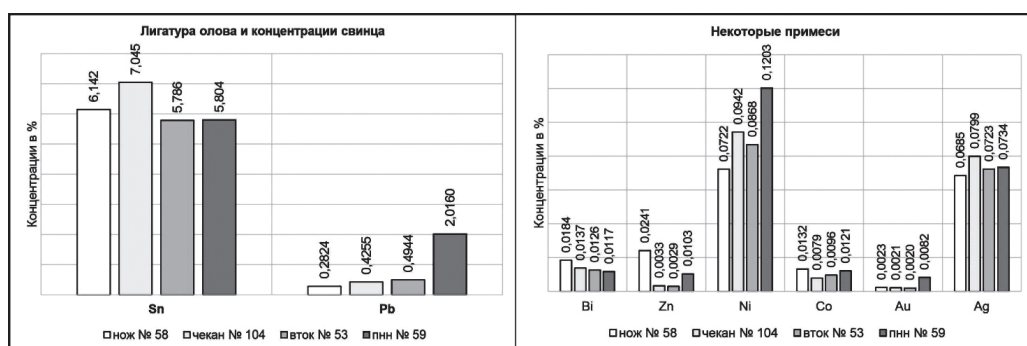

Рис. 5. Концентрации лигатур и некоторых естественных примесей к меди в составе металла ножа, чекана, втока и ПНН из могилы 2 кургана №4 могильника Утинка

Fig. 5. Concentrations of ligatures and some natural impurities to copper in the composition of the metal of the knife, chisel, current and PN from grave 2 of burial mound No. 4 of the Duckling burial ground

Особый интерес представляет сравнение состава металла чекана № 104 и втока № 53. Оба предмета изготовлены из оловянистой бронзы. В металле этих вещей представляются количественно близкими концентрации свинца, висмута, цинка, никеля, кобальта, золота и серебра.

Три полусферки из набора инвентаря, сопровождавшего одного погребенного в могиле 3, изготовлены из оловянистой бронзы (рис. 6). При этом полусферка № 21 содержит меньшие концентрации олова, а полусферки № 22 и № 22б по концентрациям примесных компонентов более сходны между собой. Об их большем геохимическом родстве свидетельствуют содержания мышьяка, сурьмы, висмута, железа, цинка, никеля и кобальта.

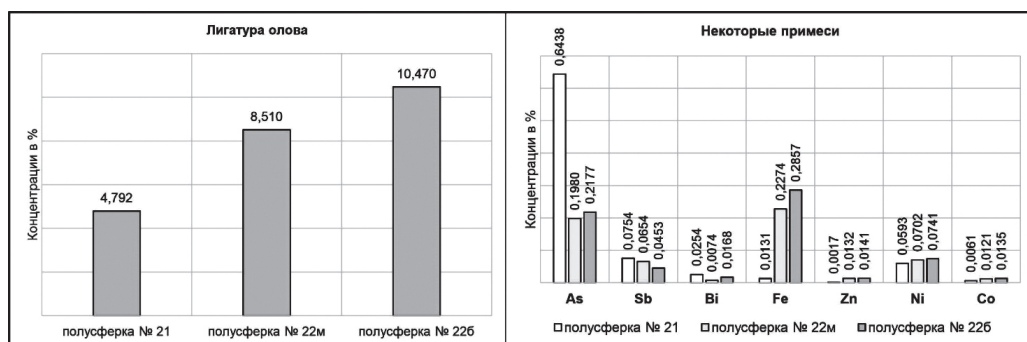

Рис. 6. Концентрации лигатуры олова и некоторых примесей к меди в составе металла полусферок из могилы 3 кургана № 4 могильника Утинка

Fig. 6. Concentrations of tin ligature and some impurities to copper in the metal of hemispheres from grave 3 of burial mound No. 4 of Utinka burial ground

Сравнение состава металла предметов из наборов, сопровождавших конкретных погребенных, демонстрирует в основном единство рецептов бронз в комплектах. По сходным концентрациям рудных примесей к меди обращают на себя внимание следующие предметы из сопроводительных наборов: чекан № 104 и вток № 53 из могилы 2, к тому же найденные на одном древке. По всей видимости, эти изделия были отлиты из металла одной отливки. Также о происхождении сплава из одной отливки может свидетельствовать сходство концентраций естественных примесей к меди в составе металла полусферки № 22 и полусферки № 22б из могилы 3. Ранее С. В. Хавриным в ходе исследований бронз тагарской культуры по материалам могильника Катюшкино уже указывалось на наличие в могилах пар бронзовых предметов со сходным химическим составом (чекан № 22 и вток № 25; чекан № 10 и вток № 15 из могилы 3 кургана № 3), «которые, вероятнее всего, могли быть изготовлены одновременно из металла одной плавки» [Хаврин, 2007: 120].

Заключение

Методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой установлен элементный состав металла 36 предметов из сплавов на основе меди из четырех разновременных погребальных комплексов кургана № 4 могильника Утинка, исследованного В. В. Бобровым в 1974, 1975 гг. В результате анализа полученных данных выделены легирующие компоненты сплавов и рецептуры бронз. В склепе II–I вв. до н. э. в качестве искусственных присадок выявлены компоненты мышьяка и сурьмы. В трех могилах V–IV вв. до н. э. главной лигатурой является олово, содержащееся в этом каче-

стве в металле 97% изделий (в 30 из 31). В предметном комплексе V–IV вв. до н. э. также присутствует невысокая доля сплавов со свинцом. В этом отношении особо выделяется могила 2, которая по доле легированных свинцом бронз демонстрирует тяготение к бронзолитейным традициям минусинских степей, где в сарагашенское время трехкомпонентные сплавы были более характерны, чем в лесостепи.

Предпринятая попытка проследить особенности цветного металла в рамках наборов сопроводительного инвентаря, предназначенных для конкретных индивидов, погребенных в кургане № 4, позволила выявить две пары предметов из таких комплектов. Особенности элементного состава их сплавов указывают на возможное происхождение из металла одной отливки чекана № 104 и втока № 53 (могила 2); полусферок № 22 м и № 22б (могила 3). Перспективность дальнейшей работы по сравнению бронз из наборов сопроводительного инвентаря в захоронениях тагарской культуры подкрепляется обширной источниковой базой. Результаты исследований материала, из которого изготовлен сопроводительный инвентарь в рамках комплектов, дополняют такие традиционные для изучения погребальной практики признаки, как категория, тип и взаиморасположение вещей в могиле.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания (Проект № 124041100079–5 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири. 2024–2025 гг. № ГЗ рег. 2025 г. FWEZ-2024–0021).

Acknowledgements and funding

The work was carried out within the framework of the state assignment (Project No. 124041100079–5 Sociocultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval societies in the contact zones of Western and Central Siberia. 2024–2025. No. SA reg. 2025 FWEZ-2024–0021).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобров В. В. О бронзовой поясной пластине из тагарского кургана // Советская археология. 1979а. № 1. С. 254–256.

Бобров В. В. Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979б. С. 170–181.

Боброва Л. Ю., Белоусова Н. А. Вклад А. И. Мартынова в создание археологических фондов музеев города Кемерово // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово, 2012. С. 39–48.

Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины (II в. до н. э. — I в. н. э.) // Свод археологических источников. М. : Наука, 1980. Вып. Д. 4–7. 67 с.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири». Кемерово : СКИФ, 2004. Вып. 1. 112 с.

Кулемзин А. М., Бородин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1989. Вып. 1. 158 с.

Миняев С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М. : Наука, 1980. Археология СССР. САИ. Д4. С. 29–34.

Миняев С. С. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 26–45.

Миняев С. С., Грязнов М. П. Спектральный анализ бронз из погребений у горы Тепсей // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 162.

Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук. Ф-1. Р-1. Д. 5793. С. 2, 6, 8, 14.

Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Д. 354.

Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Д. 373.

Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Д. 527.

Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Д. 810.

Савельева А. С. Об элементном составе металла зеркал тагарской культуры // Ученые записки Музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 9. С. 40–52.

Савельева А. С., Герман П. В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 108–118.

Савельева А. С., Герман П. В. Сарагашенский комплекс бронз из могильника Серебряково I // Археология Южной Сибири: К 40-летию кафедры археологии КемГУ. Вып. 27. Кемерово, 2016. С. 115–123.

Савельева А. С., Герман П. В., Боброва Л. Ю. Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. Вып. 1 (65). С. 43–52.

Торевтика крупным планом: каталог фотовыставки. Барнаул, 2010. 51 с.

Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб. : Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–123.

REFERENCES

Bobrov V. V. O bronzovoi poyasnoi plastine iz tagarskogo kurgana [About the bronze belt plate from the Tagar burial mound]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. 1979a, no. 1, pp. 254–256 (in Russian).

Bobrov V. V. Tagarskii kurgan na oz. Utinka [Tagarsky burial mound on Lake Utinka]. *Drevnie kul'tury Sibiri i tikhoookeanskogo basseina* [Ancient Cultures of Siberia and the Pacific Basin]. Novosibirsk, 1979b, pp. 170–181 (in Russian).

Bobrova L. Yu., Belousova N. A. Vklad A. I. Martynova v sozdanie arkheologicheskikh fondov muzeev goroda Kemerova [Contribution of A. I. Martynov to the creation of archaeological funds of museums of the city of Kemerovo]. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. K 80-letiiu A. I. Martynova* [Archaeology of Southern Siberia. On the 80th Anniversary of A. I. Martynov]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, iss. 26, pp. 39–48 (in Russian).

Devlet M. A. Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny (II v. do n. e. — I v. n. e.) [Siberian openwork belt plates (2nd century BC — 1st century AD)]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Collection of Archaeological Sources]. Moscow: Nauka, 1980, iss. D. 4–7, 67 p. (in Russian).

Katalog kollektsii muzeya «Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri» [Catalogue of collections of the museum «Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia»]. Kemerovo: SKIF, 2004, iss. 1, 112 p. (in Russian).

Khavrin S. V. Tagarskie bronzy Shirinskogo rayona Khakasii [Tagar bronzes of the Shirinsky district of Khakassia]. *Sbornik nauchnykh trudov v chest» 60-letia A. V. Vinogradova* [Collection of scientific papers in honor of the 60th anniversary of A. V. Vinogradov]. Saint Petesburg: Kul't-Inform-Press, 2007, pp. 115–123 (in Russian).

Kulemzin A. M., Borodkin Yu. M. *Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoi oblasti: Materialy k Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury SSSR* [Archaeological monuments of the Kemerovo region: Materials for the Collection of historical and cultural monuments of the USSR]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo, 1989, iss. 1, 158 p. (in Russian).

Miniaev S. S. Proizvodstvo i rasprostranenie poyasnykh plastin s zoomorfnymi izobrazheniyami (Po dannym spektral'nogo analiza) [Production and distribution of belt plates with zoomorphic images (According to spectral analysis)]. Devlet M. A. *Sibirskie poiasnye azhurnye plastiny II v. do n. e. — I v. n. e.* [Siberian openwork belt plates of the 2nd century BC — 1st century AD]. Moscow: Nauka, 1980. *Arkheologiya SSSR. SAI*, is. D4, pp. 29–34 (in Russian).

Miniaev S. S. Rezul'taty spektral'nogo analiza Kosogol'skogo klada [Results of spectral analysis of the Kosogol treasure]. *Etnokul'turnaia istoriya naseleniya Zapadnoi Sibiri* [Ethnocultural History of the Population of Western Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1978, pp. 26–45 (in Russian).

Miniaev S. S., Griaznov M. P. Spektral'nyi analiz bronz iz pogrebenii u gory Tepsei [Spectral analysis of bronzes from burials at Mount Tepsei]. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei na Enisee* [Complex of Archaeological Monuments Near Mount Tepsei on the Yenisei]. Novosibirsk, 1979, pp. 162 (in Russian).

Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk [Scientific and industry archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1. Inventory 1. File 5793 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Muzeya «Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific archive of the Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia of Kemerovo State University]. File 354 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Muzeya «Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific archive of the Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia of Kemerovo State University]. File 373 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Muzeya "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri" Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific archive of the Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia of Kemerovo State University]. File 527 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Muzeya "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri" Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific archive of the Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia of Kemerovo State University]. File. 810 (in Russian).

Savel'eva A. S. Ob elementnom sostave metalla zerkal tagarskoi kul'tury [On the elemental composition of the metal of the Tagar culture mirrors]. *Uchenye zapiski Muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"* [Scientific notes of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"]. 2019, no. 9, pp. 40–52 (in Russian).

Savel'eva A. S., German P. V. Bronzy iz kurgannogo mogil'nika tagarskoi kul'tury Nekrasovo II (po materialam raskopok 1970 g.) [Bronzes from the burial mound of the Tagar culture Nekrasovo II (based on excavations in 1970)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2015, no. 6 (38), pp. 108–118 (in Russian).

Savel'eva A. S., German P. V. Saragashenskii kompleks bronz iz mogil'nika Serebriakovo I [Saragashensky complex of bronzes from the burial ground Serebryakovo I]. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: K 40-letiiu kafedry arkheologii KemGU* [Archaeology of Southern Siberia: On the 40th Anniversary of the Department of Archaeology of KemSU]. Kemerovo, 2016, iss. 27, pp. 115–123 (in Russian).

Savel'eva A. S., German P. V., Bobrova L. Yu. Bronzy kurgana Alchedat I v kontekste metallurgii tesinskogo etapa tagarskoi kul'tury v Mariinskoi lesostepi [Bronzes of the Alchedat I burial mound in the context of the metallurgy of the Tesinsky stage of the Tagar culture in the Mariinsky forest-steppe]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2016, iss. 1 (65), pp. 43–52 (in Russian).

Torevtika krupnym planom: Katalog fotovystavki [Toreutics Close-Up: Photo Exhibition Catalogue]. Barnaul, 2010, 51 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 27.08.2024

Принята к публикации: 16.06.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 903.5 (51)

DOI 10.14258nneur(2025)3–04

*А. А. Тишкин, С. Ю. Бондаренко, Ал. Ал. Тишкин (мл.), П. Эрдэнэпурэв**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье представлен краткий обзор начального опыта исследований широко распространенных мемориальных комплексов, оставленных древними кочевниками на территории Внутренней Азии. Обозначается необходимость продолжения специального изучения такого важного историко-культурного явления, в котором большое значение имели «оленные» камни. Дается определение понятия «мемориальный комплекс» в контексте особенностей выявленных и исследованных археологических памятников. Предложены варианты интерпретаций и первичной систематизации полученных данных. Приведены отдельные показательные примеры конкретных объектов, зафиксированных на территориях Монголии, Алтая и Тувы. Широкое распространение воинских мемориальных комплексов в рамках культуры херексуров и «оленных» камней позволяют реконструировать идеологию архаичной кочевой империи, существовавшей в конце II — первой трети I тыс. до н. э. Обозначены отдельные проблемы и перспективы изучения рассматриваемого типа археологических памятников. Отмечены пути их решения путем привлечения междисциплинарного подхода, геоинформационных систем и цифровых технологий. Такие исследования обеспечат необходимый информационный потенциал для понимания историко-культурной ситуации в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, древние кочевники, мемориальный комплекс, «оленные» камни, фотограмметрия

Цитирование статьи:

Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю., Тишкин Ал. Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П. Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 66–84. DOI 10.14258nneur(2025)3–04.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, главный научный сотрудник Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** tishkin210@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>.

Бондаренко Сергей Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Адрес для контактов: bonsu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>.

Тишкин Алексей Алексеевич (мл.), магистр археологии, лаборант-исследователь Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: mattcraft@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-2788-4824>.

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж, магистр истории, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: eegiip48@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>.

A. A. Tishkin, S. Y. Bondarenko, Al. Al. Tishkin (Jr.), P. Erdenepurev

Altai State University, Barnaul (Russia)

MEMORIAL COMPLEXES OF ANCIENT NOMADS OF INNER ASIA: RESULTS AND PROSPECTS OF STUDY

The article provides a brief overview of the research experience of widespread memorial complexes left by ancient nomads in the territory of Inner Asia. It is said that it is necessary to continue studying this important historical and cultural phenomenon, in which the “deer” stones were of great importance. The definition of the concept of “memorial complex” is given in the context of the features of the identified and investigated archaeological sites. Variants of interpretations and primary systematization of the obtained data are proposed. Individual examples of the studied objects on the territory of Mongolia, Altai and Tuva are given. The widespread use of military memorial complexes within the framework of the Kherksur and “Deer” Stones culture makes it possible to reconstruct the ideology of the archaic nomadic empire that existed at the end of the II — 1st third of the I millennium BC. Some problems and prospects for studying this type of archaeological sites are outlined. The ways to solve them using an interdisciplinary approach, geoinformation systems and digital technologies are highlighted. Such researches will provide the necessary information potential for understanding the historical and cultural situation in the period under review.

Keywords: Inner Asia, ancient nomads, memorial complex, “deer” stones, photogrammetry

For citation:

Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu., Tishkin Al. Al. (Jr.), Erdenepurev P. Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study. Nations and religions of Eurasia. 2025. T. 30, № 3. P. 66–84 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–04

Tishkin Alexey Alexeevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Chief Researcher of the Department of Support for Research and Development Work of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Contact address: tishkin210@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Bondarenko Sergey Yuryevich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Support of Research and Development Work of the Altai State University, Barnaul, Russia. **Contact address:** bonsu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>

Tishkin Aleksey Alekseevich (Jr.), Master of Archaeology, Research Assistant of the Department of Support for Research and Development Work of the Altai State University, Barnaul, Russia. **Contact address:** mattcraft@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-2788-4824>

Erdenepurev Purevdorzh, Master of History, Postgraduate Student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University, Barnaul (Russia).

Contact address: eeglip48@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>.

Введение

На территории Внутренней Азии известно более 1500 «оленных» камней. Они являются важными источниками, так как детально отражают культуру древних кочевников, проживавших в конце II — 1-й трети I тыс. до н. э. Эти своеобразные изваяния обнаружены в разных местах и давно рассматриваются исследователями, которые отметили их связь с конкретными археологическими объектами. Основная цель данной статьи — продемонстрировать роль и значение «оленных» камней в мемориальных комплексах для дальнейшего изучения этого важного историко-культурного явления (рис. 1). Такой подход обеспечит возможность для реконструкции военно-политического и социально-экономического уровня развития крупного кочевого объединения в конце периода поздней бронзы и в переходное время к раннему железному веку.

Вероятно, началом указанного направления можно считать публикацию А. М. Позднеева о результатах его поездок по Монголии, датируемых 1892–1893 гг. Среди отмеченных «оленных» камней особое внимание было уделено комплексу с семью изваяниями возле почтовой станции «Дагань-дэль» (рис. 1.-5) на юге Центральной Монголии [Позднеев, 1896: 228–231]. Этот крупный объект, названный херексуром, отличался формой и комбинацией составных частей от других погребальных объектов. Но главной особенностью являлось наличие «оленных» камней, которые, по мнению А. М. Позднеева [1896: 229], располагались над могилами и составляли два ряда. Представленные описания и фотографии изваяний дают возможность для сравнительного анализа современного состояния комплекса, который был обследован авторами статьи в 2023 г., что найдет отражение в отдельной публикации.

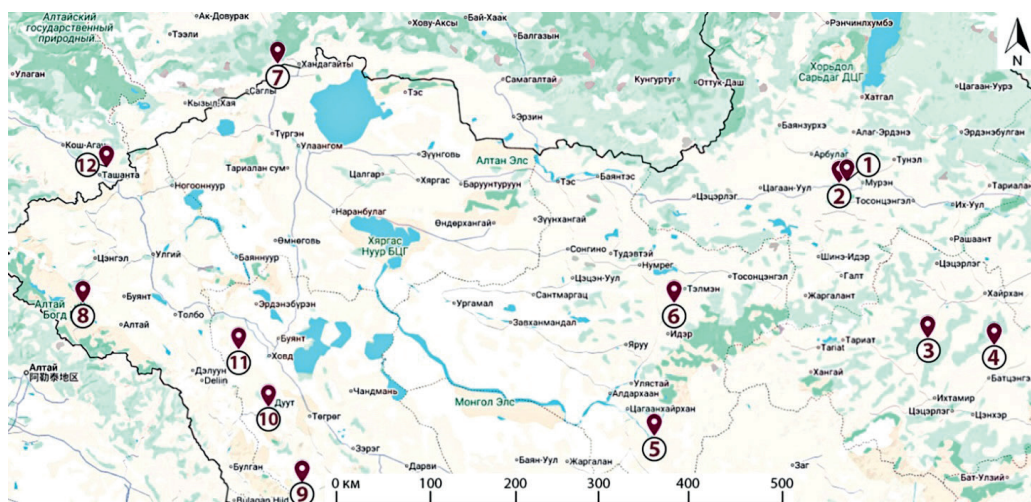

Рис. 1. Обследованные объекты на территории Внутренней Азии: 1 — Ушкийн-Увэр; 2 — Суртийн дэнж; 3 — Жаргалантын ам; 4 — Хушуун дэнж-04; 5 — Дааган дэл; 6 — Дунд шургахын ам; 7 — Ховужук-Аксы; 8 — Годон-гол; 9 — Нууртын дөв; 10 — Унхэлцэг; 11 — Давдаг хутул; 12 — Юстыдский комплекс

Fig. 1. The surveyed objects in the territory of Inner Asia: 1 — Ushkiyn-Uwer; 2 — Surtiyn denj; 3 — Jargalantyn am; 4 — Khushuun denj-04; 5 — Daagan del; 6 — Dund shurgakhyn am; 7 — Khovuzhuk-Aksy; 8 — Godon-gol; 9 — Nuurtyн div; 10 — Unkheltseg; 11 — Davdag hutul; 12 — Yustytsky complex

Важно отметить работу В.В. Волкова и Э.А. Новгородовой [1975] «Оленные камни Ушкийн-Увэра». В ней опубликован схематичный план необычного комплекса (рис. 2.-1), который был найден рядом с херексурами на территории Северной Монголии (рис. 1.-1). Исследователи дали описание выявленных изваяний. В конце статьи ими отмечено, что скопления «оленных» камней «...по всей вероятности, не связаны с погребениями, а входили в состав какого-то культового сооружения, скорее всего, жертвенника» [Волков, Новгородова, 1975: 84]. Дальнейшая масштабная научно-исследовательская деятельность В.В. Волкова [2002] на обширной территории Монголии позволили выявить и опубликовать несколько комплексов, аналогичных Ушкийн-Увэру.

Существенный вклад в изучение традиций ритуального использования «оленных» камней внесли А.А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар. Результаты нашли отражение в серии статей, а также опубликованы в совместной монографии [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2021]. Одной из основных их заслуг является проведение тщательных раскопок вышеуказанного комплекса Ушкийн-Увэр. В результате была получена наиболее полная информация об особенностях устройства памятника (рис. 2.-2). Исследователи отметили доминирующую роль «оленных» камней на нем. Кроме этого, были приведены доказательства о единстве планировки ансамблей сооружений с изваяниями и ритуально-погребальных комплексов херексуров Центральной Монголии, а также сделан вы-

ным). Планируется дальнейшее детальное изучение его и ранее полученных находок с помощью цифровых технологий.

Публикация трехтомного каталога «оленных» камней Монголии и анализ привлеченных аналогичных материалов из соседних территорий [Монгол..., 2021; Төрбат и др., 2021] хорошо демонстрирует широкое распространение мемориальных комплексов древних кочевников на территории Внутренней Азии. Эти данные и имеющийся опыт создают основу для целенаправленного выявления и исследования рассматриваемых археологических объектов.

Результаты исследований

В ходе экспедиционных работ нами был обследован ряд мемориальных комплексов. Предварительно можно выделить несколько типов таких памятников исходя из размеров занимаемой территории, а также по числу «оленных» камней, наличию и особенностям других сооружений. Например, в долине Годон-гола (местность Цагаан асгат, Баян-Ульгийский аймак Монголии) выявлены остатки более 150 изваяний и стел (рис. 1.-8), размещенных примерно в одну дугообразную линию рядом с херексурами (рис. 4.-1–2), самый крупный из которых имеет лучи-дорожки от кольцевой ограды к центральной насыпи. Данный комплекс неоднократно обследовался многими археологами. В 2015 г. под руководством одного из авторов статьи там была выполнена пробная микалентная копия плоскости публикуемого ниже «оленного» камня. Географические координаты памятника, полученные с помощью GPS-приемника, такие: N — 48°30'22.263"; E — 88°57'2.566". Неподалеку находится много разных погребально-поминальные комплексы.

Осенью 2023 г. удалось осуществить фотограмметрию нескольких «оленных» камней. Рендеры и компьютерные графические прорисовки четырех древних изваяний публикуются впервые (рис. 5–7). Прежде чем их представить стоит дать небольшие пояснения. Фотограмметрия осуществлялась фотоаппаратом SONY ILCE-7RM4A с объективом 55 мм и кольцевой фотовспышкой. На реальном объекте невооруженным глазом выбивка заметна далеко не везде, а при обычном фотографировании и при типографской печати неизбежна потеря информации. Поэтому мы используем для презентации имеющихся композиций компьютерную подсветку выбитых контуров. Она формируется с помощью наложения реального и просчитываемого изображения при дальнейшем их совмещении по специальному алгоритму, который позволяет не перекрывать основную текстуру и в то же время дает представление о нахождении рисунков на ее поверхности (все рендеры и графические прорисовки сделаны для статьи С. Ю. Бондаренко).

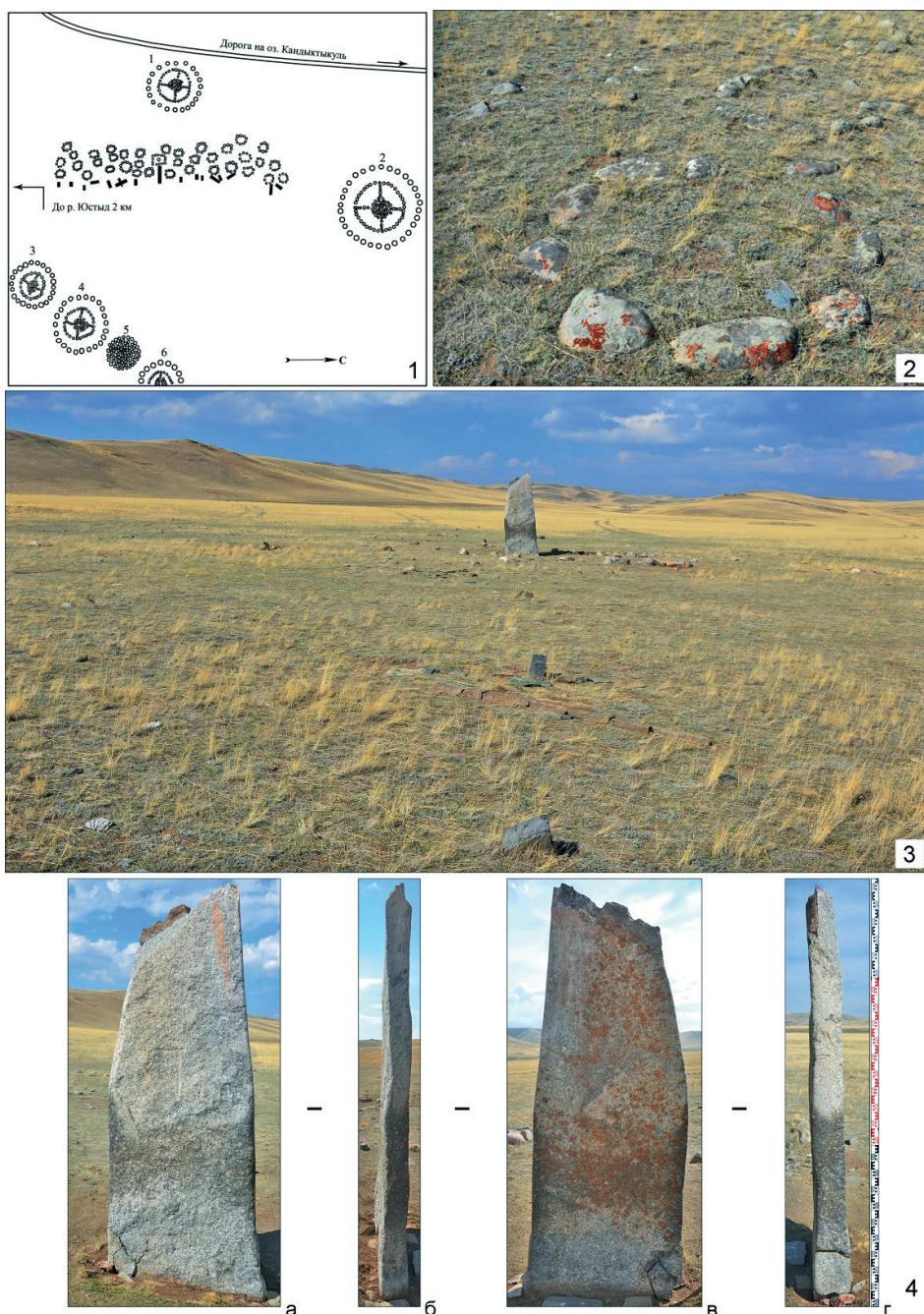

Рис. 3. Юстыдский комплекс. 1 — часть глазомерного плана (по: [Кубарев, 1979, рис. 3]),
 2–4 — поминальники, современный вид и центральный «оленный» камень
 Fig. 3. The Yustydy complex. 1 is a part of the eye plan (according to [Kubarev, 1979, Fig. 3]),
 2–4 are memorial monuments, a modern view and a central «deer» stone

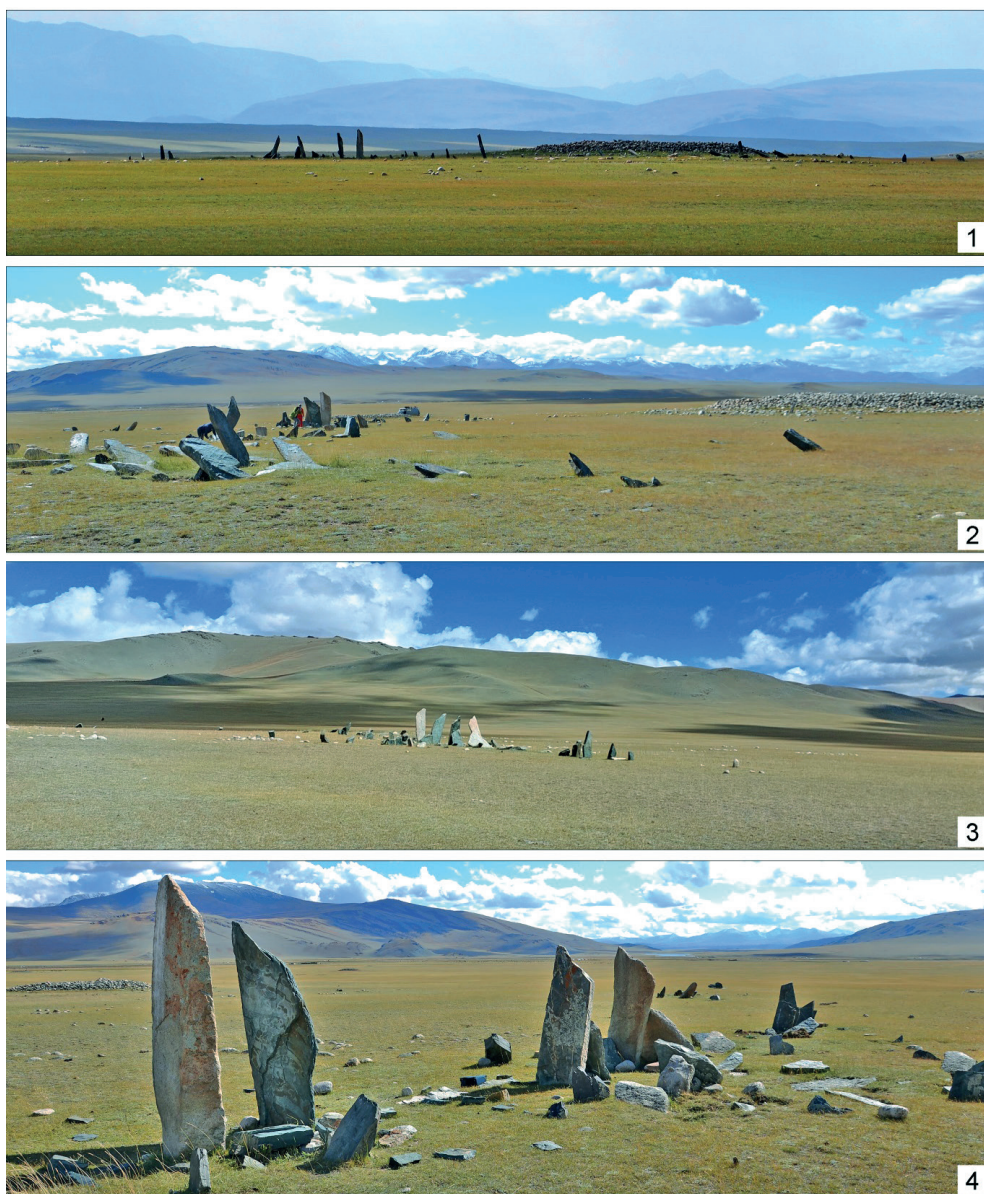

Рис. 4. Остатки изваяний и стел в долине Годон-гола на северо-западе Монгольского Алтая
(виды с разных сторон)

Fig. 4. The remains of sculptures and steles in the Hodon Gol valley in the north-west of the
Mongolian Altai (views from different sides)

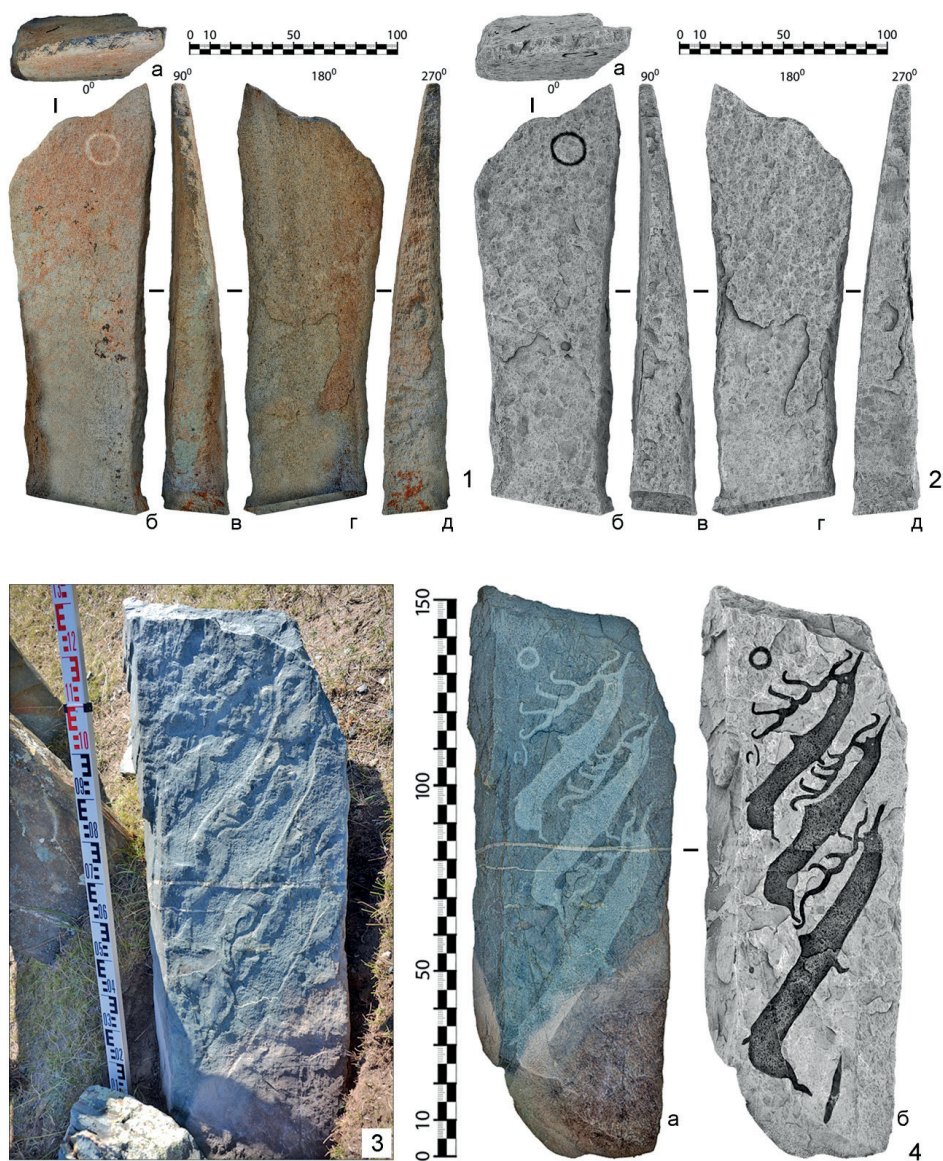

Рис. 5. Годон-гольский мемориальный комплекс. «Оленные» камни:

1 — простое изваяние; 2 — часть наклонной плиты

Fig. 5. The Godongola Memorial Complex. «Deer» stones:

1 — a simple sculpture; 2 — part of an inclined slab

Рис. 6. Годон-гольский мемориальный комплекс. «Олений» камень:

1 — рендер ортогональных видов изваяния с подсветкой выбивки;

2 — компьютерная прорисовка выбитых контуров

Fig. 6. The Godongola Memorial Complex. "The Deer" Stone:

1 — rendering of orthogonal views of the sculpture with illumination of the embossing;

2 — computer drawing of the embossed contours

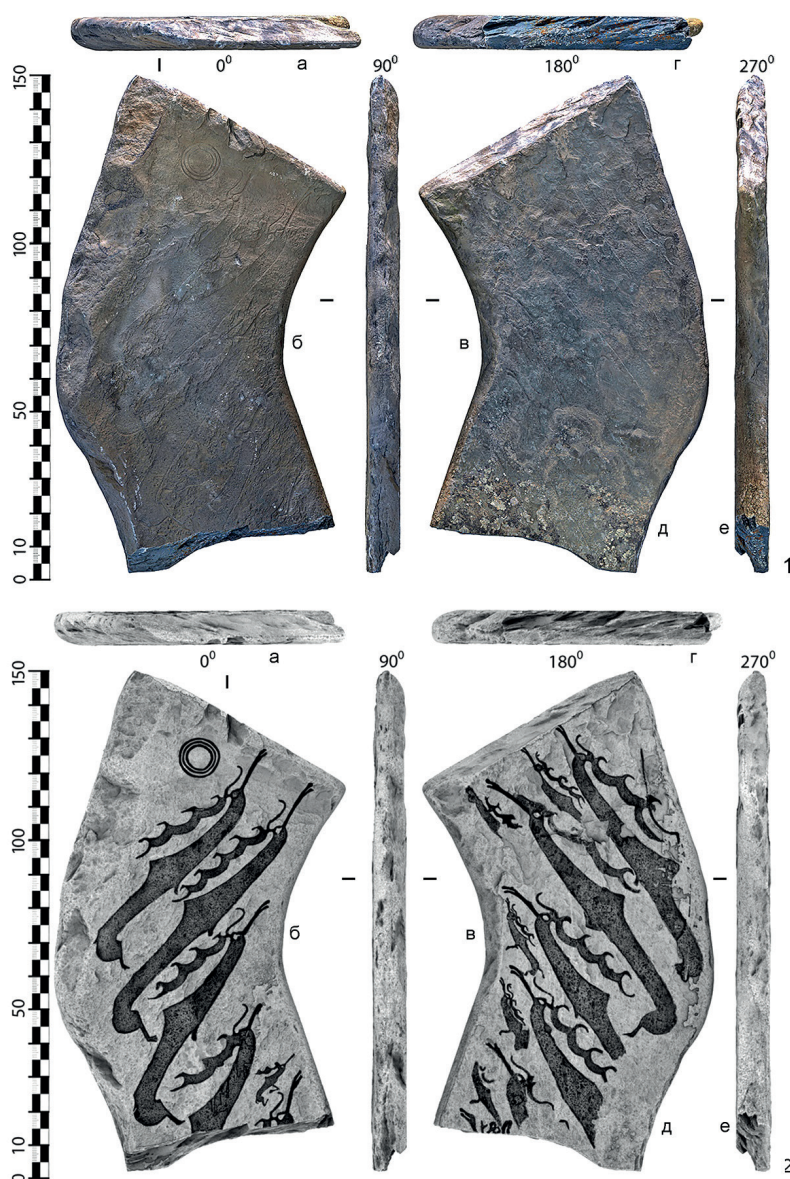

Рис. 7. Фрагмент «оленного» камня: 1 — рендер ортогональных видов изваяния с подсветкой выбивки; 2 — компьютерная прорисовка выбитых контуров
 Fig. 7. Fragment of the "deer" stone: 1 — rendering of orthogonal views of the sculpture with illuminated embossing; 2 — computer drawing of the embossed contours

Первое публикуемое изваяние стоит почти в центре цепочки (рис. 4.-3-4) и представляет собой грубо обработанную стелу (видимые размеры — 206×70×32,5 см). Отражена узнаваемая форма «оленного» камня со скошенным верхом (рис. 5.-1). Поверх-

ность обелиска сильно эродирована и склонна к отслаиванию. Несмотря на детально проведенную фотограмметрию и высокую полигональность полученной модели, какие-либо изображения не были выявлены (рис. 5.-1, 2). Только в верхней части на одной из широких сторон зафиксирована серьга в виде кольца (диаметр 17 см, ширина линии выбивки 1,2–1,4 см). По всей видимости, данный «оленный» камень является одним из простых образцов, характерных для периферии их распространения [Тишкин и др., 2024].

Следующий «оленный» камень находился в полулежачем положении (рис. 5.-3), поэтому фотограмметрия осуществлялась только для трех смежных граней. Было сделано более 300 фотоснимков и создана модель в 300 млн полигонов, демонстрирующая высокую детализацию поверхности (рис. 5.-4а). На публикуемой прорисовке одной из широких сторон (рис. 5.-4б) отражены имеющиеся изображения. В верхней части располагается небольшое кольцо (серьга) диаметром 6,3 см (ширина линии выбивки 1,2 см). Ниже размещены три полных фигуры стилизованных оленей (размерами 56×25 см, 60×22 см, 79×35 см). Самое нижнее изображение крупнее, чем следующие, что создает иллюзию перспективы и движения этой группы символических животных. Основная часть их выбивки, кроме некоторых мест, сохранилась неплохо. Камни такого типа стойки к атмосферным воздействиям и отслаиванию. К сожалению, изображения второй стороны остались не зафиксированными.

Еще одно изваяние находится в вертикальном положении с небольшим наклоном (рис. 4.-4). Учитывая плохую сохранность каменной поверхности и то, что выбивка сделана крайне неглубоко (она больше видна в оптическом диапазоне как светлая часть, чем как впадины), фотограмметрия осуществлялась особым образом. Была выполнено более 1000 снимков и получена модель в 2 млрд полигонов, что позволило максимально точно и полно выявить изображения (рис. 6.-1, 2). Стела имеет такие видимые размеры 228×91,5×20 см. Она является плоским камнем, заостренным сверху и с грубо обработанными узкими гранями для придания изваянию нужной формы (рис. 6.-1а–д). На одной из широких сторон заметны остатки двух концентрических окружностей диаметром 12 и 15 см, процарапанных линией шириной 0,4–0,5 см, которые практически не создают впадин и выглядят незаконченными. На всей этой плоскости по ширине расположены семь изображений стилизованных фигур оленей разной степени сохранности, имеющие размеры от 50 до 97 см в длину и от 12 до 35 см в высоту (рис. 6.-1б, 2б).

Нижние выбивки выполнены слишком близко друг к другу для того, чтобы поместить их целиком. Головы у этих оленей отсутствуют, как и место, где они могли бы быть выбиты. Возможно, важнее было отразить определенное их число (на обеих сторонах по семь фигур). Также на этой стороне видны современные вандальные надписи, цифры и рисунки (рис. 6.-1б), которые пришлось отсеивать вручную на этапе прорисовки (рис. 6.-2). На противоположной стороне расположены семь стилизованных фигур оленей с такими размерами: длина от 75 до 94 см, высота от 16 до 30 см (рис. 6.-1г, 2г). Поверхность камня имеет плоскостные сколы, и она дополнительно не обрабатывалась, что отразилось на специфике нанесенных изображений. Стоит заметить, что эту плоскость вандалы почему-то вообще не тронули. Торцевые стороны изваяния не имеют изображений (рис. 6.-1а, в, д; 2а, в, д).

При осмотре насыпи ближайшего херексура (рис. 4.-1, 2) П. Эрдэнэпурэв в западной центральной части обнаружил обломок верхней части ранее неизвестного «оленного» камня. Находка представляет собой плоскую плиту дугообразной формы размерами 147×85,5×10,5 см. Было сделано более 750 фотоснимков, на основании которых сформирована 3D-модель из 1,7 млрд полигонов, что обеспечило очень высокую степень детализации (рис. 7.-1) и способствовало качеству графической прорисовки с помощью специальной компьютерной программы (рис. 7.-2). Выбор такого подхода основывался на том, что поверхность изваяния изначально была темной и в некоторых местах разрушенной. Линии выбивки оказались нечеткими, и они не все точно определялись в полевых условиях при естественном освещении. Поверхность найденной части «оленного» камня до нанесения изображений обрабатывалась. Вероятно, ему специально придали именно такую дугообразную форму и оформили верхнюю часть перпендикулярно линиям сторон (рис. 7.-1а, д, е; 2а, б, д). К сожалению, нижняя часть изваяния не была нами найдена. Поэтому непонятно, какая форма могла быть у целого изваяния. В качестве предположения можно указать, что утерянная часть невелика. Камень достаточно тонкий и хрупкий (рис. 7.-1в, г, е; 2 в, г, е), а вид «бумеранга» также не предполагает дальнейшего развития нижней части. Подобная форма не является оригинальной. Ее можно увидеть среди опубликованных «оленных» камней [Монгол..., 2021].

На одной широкой стороне рассматриваемого изваяния (рис. 7.-1б; 2б), вверху, левее осевой линии, изображена серьга в виде трех концентрических окружностей (диаметры — около 8, 10 и 12 см, ширина четких линий — 0,5 см). Ниже расположены три целых фигуры стилизованных оленей (размерами 78×22 см, 91×26 см и 75×24 см), а также только передняя часть четвертого (размерами 44×20 см). Изображение пятого животного маленькое (18×8,5 см), но оно выполнено очень подробно и в деталях отличается от предыдущих силуэтов. В самом низу, у слома, сохранилась только клювовидная морда еще одного оленя. Противоположная сторона (рис. 7.-1д; 2д) имеет отдельные повреждения поверхности, что привело к утрате части изображений. Она содержит выбивки разных фигур стилизованных оленей. Сохранились два полных и крупных изображения (размерами 84×16 см и 91×22 см). У двух поменьше остались передние части (60×21 см и 58×17 см), а у третьего только голова с фрагментами рогов (28×12 см). Еще в разных местах выявлены пять маленьких фигурок оленей с частично утраченными деталями (размерами 27×8 см, 16×8 см, 25×9 см, 22×9 см, 20×10 см). Также в самом низу, у слома, просматривается часть выбивки еще одного животного, вероятнее всего, аналогичного более крупным силуэтам. Судя по полученным изображениям (рис. 7), на обнаруженном крупном фрагменте «оленного» камня было не менее 17 фигур.

Аналогичные древние изваяния так называемого монголо-забайкальского типа, зафиксированные на рассмотренном Годон-гольском мемориальном комплексе, были широко распространены на территории Внутренней Азии [Турбат и др., 2021]. Необходимо продолжить исследования данного памятника для возможной реконструкции, а также дальнейшего выявления, документирования и изучения «оленных» камней на масштабном их скоплении.

Самым известным мемориальным комплексом в Центральной Монголии, по всей видимости, является Жаргалантын ам (рис. 1.-3). Судя по размерам и числу «оленных»

камней [Төрбат и др., 2011], он может быть отнесен к крупным памятникам рассматриваемого плана.

В ходе систематических обследований относительно часто встречались мемориальные комплексы «средних» размеров, где располагалось около 10 «оленных» камней. В качестве примера приведем опубликованные результаты детального исследования комплекса Суртийн дэнж (рис. 1.-2) на территории Северной Монголии, неподалеку от Ушкийн-Увэра. Его основу составлял ряд, как минимум, из шести «оленных» камней, возле которых позднее были установлены еще два изваяния [Ковалев, Эрдэнэбаатра, 2021, с. 51–52, рис. 2, 9–11]. Этот ряд дополняли 13 жертвенников и 18 кольцевых выкладок.

Этот пример можно дополнить фотоснимками вышеупомянутого и хорошо известного памятника Дааган дэл (рис. 8.-1, 2), на котором также установлены восемь «оленных» камней (может быть, с этим связана какая-то мифологизированная история?).

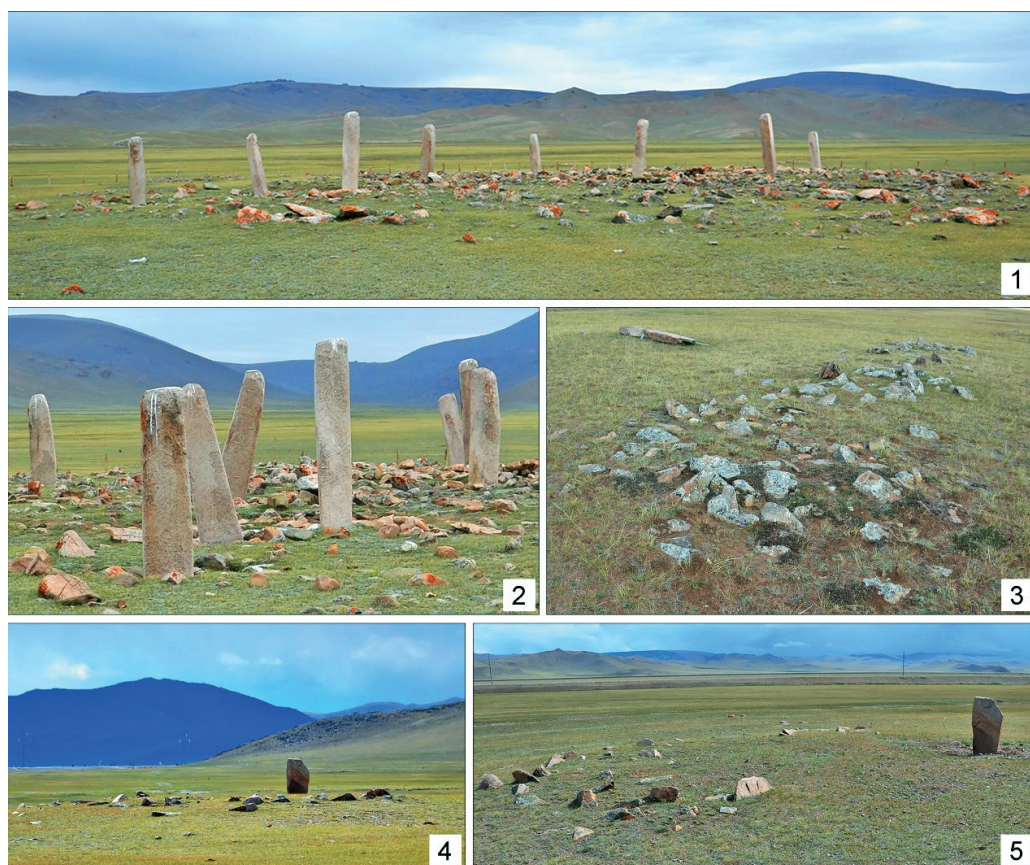

Рис. 8. Мемориальные комплексы на памятниках Дааган дэл (1, 2) и Дунд шургахын ам (3–5) в Завханском аймаке Монголии

Fig. 8. Memorial complexes at Daagan del (1, 2) and Dund shurgahyn am (3–5) monuments in Zavkhan Aimag of Mongolia

Рис. 9. Скопления «оленных» камней: 1 — у пос. Баян зурх; 2 — в местности Нууртын дөв;
3 — у Тавтын хутула

Fig. 9. Clusters of «deer» stones: 1st village Bayan zurkh; 2 — in the area of Nuurtyn dev;
3 — at Tavtyn hutula

По всей видимости, аналогичный, но сильно разрушенный мемориальный комплекс располагался на памятнике Хушуун дэнж-04 (рис. 1.-4) в Центральной Монголии. Об этом свидетельствуют результаты проведенных там работ [Тишкин и др., 2024].

Нами также обследовались малые мемориальные комплексы, где находилось от двух до пяти изваяний, а также персональные — вообще с одним «оленным» камнем. На последние объекты стоит обратить особое внимание, так как их устройство демонстрирует составляющую единицу при формировании более крупных образований. Серия персональных мемориальных комплексов (рис. 8.-3–5) находится на памятнике Дунд шургахын ам, расположенном в Центральной Монголии (рис. 1.-6) [Монгол..., 2021].

Мемориальные комплексы с «олеными» камнями обнаружены в урочище Ховужук-Аксы (рис. 1.-7) на юге Тувы. Один из таких объектов с двумя изваяниями в сопровождении ритуальных каменных выкладок тщательно раскопан и опубликован [Килуновская, 2021: 93–98, рис. 1.-32]. Дальнейшие обследования зафиксированных памятников [Килуновская, 2021, рис. 2], в том числе с участием некоторых авторов статьи, позволили выявить более крупные мемориальные комплексы, которые оказались разрушены. Основным свидетельством этого стало существенное число выявленных «оленных» камней, а также места первоначального размещения таких изваяний.

Следует отметить, что некоторые «оленные» камни произвольно были установлены уже в современный период исходя из разных обстоятельств. Для примера приведем фото такого скопления у поселка Баян зурх (рис. 9.-1) и укажем на объект с названием Унхэлцэг (рис. 1.-10) [Монгол..., 2021]. В данной ситуации не нужно их путать с рассматриваемым типом памятников.

Кроме этого, часто «оленные» камни обнаруживаются на перевалах или рядом с ними. Такая ситуация фиксировалась на изученных нами памятниках Давдаг хутул (рис. 1.-11), Нууртын дөв (рис. 1.-9; 9.-2), Тавтын хутул (рис. 9.-3) и др. Такие объекты могли выполнять другую роль.

Заключение

Представленная информация позволяет предварительно выделить, как минимум, пять условных групп мемориальных комплексов древних кочевников на территории Внутренней Азии: масштабные, крупные, средние, малые и одиночные. Они, по всей вероятности, могут отражать разный уровень значимости для существовавших кочевых социумов (от сакральных центров больших объединений до родовых (клановых, семейных) и индивидуальных).

Где-то такие памятники сохранились более-менее полностью, где-то лишь частично, а где-то были практически полностью разрушены. Но масштабность данного явления прослеживается четко. Такая ситуация может свидетельствовать о реализации мифологизированной доктрины в объединении высокого социального уровня. Мемориальные комплексы численно преобладают в Центральной и Северной Монголии, но они есть и западнее на территории Монгольского Алтая. Такая локализация может свидетельствовать о наличии дуального деления в архаичной кочевой империи, памятники которой рассматриваются в рамках культуры херексуров и «оленных» камней.

Под мемориальным комплексом древних кочевников в представленном контексте мы понимаем специально организованный объект с размещенными «оленными» кам-

нями и разными каменными конструкциями (платформы, жертвенники, поминальники и др.), которые сооружены для сохранения памяти об выдающихся людях и важных событиях. В связи с тем, что оформленные изваяния олицетворяют в основном воинов, то рассматриваемые памятники вполне можно обозначать и как древние военные мемориалы (*memoralis* с латинского языка переводится как памятный). В их планиграфии прослеживаются закономерности и определенные архитектурные решения, а также отражено смысловое содержание (вполне возможно, мифологизированное) и выполнены ритуально реализованные действия не только отдельной группой людей, но и крупным социумом во Внутренней Азии в рамках общей идеологической линии. Такие комплексы играли важную объединяющую роль, являлись местом проведения необходимых ритуалов и мероприятий. Такая практика была широко распространена в древности и сохранилась до наших дней.

Обозначенная тема требует дальнейшего системного изучения. Необходимо проведение раскопок и использования современных методов, что существенно дополнит сведения археологических обследований.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22–18–00470–П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Acknowledgements and funding

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22–18–00470–P “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волков В. В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.
- Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 78–84.
- Килуновская М. Е. Комплекс с оленными камнями на могильнике Ховужук-Аксы (Овюрский хошуун Республики Тыва) // Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Харь говь, Суртийн дэнж. СПб. : СПбГМИСР, 2021. С. 93–115.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Харь говь, Суртийн дэнж. СПб. : СПбГМИСР, 2021. 160 с.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И. В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1. С. 82–92.
- Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.
- Позднеев А. М. Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1896. Т. 1. 697 с.

Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Бондаренко С.Ю., Горбунов В.В., Эрдэнэпүрэв П., Цэнд Д., Энхзул Ж. Результаты исследований на памятнике Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия): плановые работы и сенсационные находки // *Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья*. СПб. : ИИМК РАН, 2024. С. 260–263.

Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю., Бообек уулу Б. Современное документирование простых «оленных» камней в Кыргызстане // *Теория и практика археологических исследований*. 2024. Т. 36, № 1. С. 212–223. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-11)

Монгол ба бүс нутгийн буган хушууний соёл: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I–II [Культура оленных камней в Монголии и за ее пределами : академический каталог. Тома I–II]. Улаанбаатар : Адмон ХХК, 2021. 496 с. (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хошоод [Оленные камни Жаргалантын-ам]. Улаанбаатар : НОМХУР, 2011. 192 с. (на монг. яз.)

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл [Монгольская и региональная культура памятников оленеводства]. Улаанбаатар : Мөнхийн үсэг, 2021. Т. III. 448 с. (на монг. яз.).

REFERENCES

Kilunovskaia M. E. Kompleks s olennymi kamnyami na mogil'nike Khovuzhuk-Aksy (Oviurskii khoshuun Respubliki Tyva) [Complex with deer stones at the Khovuzhuk-Aksy burial ground (Ovyur khoshun of the Republic of Tyva)]. Kovalev A. A., Erdenebaatar D. *Olennye kamni v rituale drevnikh kochevnikov Mongolii. Khar' gov', Surtiin denzh* [Kovalev A. A., Erdenebaatar D. Deer stones in the ritual of the ancient nomads of Mongolia. Black River, Surat Terrace]. Saint Petersburg: SPbGMISR, 2021, pp. 93–115 (in Russian).

Kovalev A. A., Erdenebaatar D. *Olennye kamni v rituale drevnikh kochevnikov Mongolii. Khar' gov', Surtiin denzh* [Deer stones in the ritual of the ancient nomads of Mongolia. Black River, Surat Terrace]. Saint Petersburg: SPbGMISR, 2021, 160 p. (in Russian).

Kovalev A. A., Erdenebaatar D., Rukavishnikova I. V. Sostav i kompozitsiya sooruzhenii ritual'nogo kompleksa s olennymi kamnyami Ushkiin-Uver (po rezul'tatam issledovaniia 2013 g.) [Composition and compositional equipment of the ritual complex with deer stones of Uski-Uver (based on research results in 2013)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2016, no. 1, pp. 82–92 (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnie izvaianiya Altaya (Olennye kamni)* [Ancient sculptures of Altai (Deer stones)]. Novosibirsk: Nauka, 1979, 120 p. (in Russian).

Pozdneev A. M. *Mongoliya i mongoly: rezul'taty poezdki v Mongoliyu, ispoln. v 1892–1893 gg. A. Pozdneevym* [Mongolia and self-designation: the results of a trip to Mongolia, in full. From 1892–1893 by A. Pozdneev] Saint Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk. 1896, vol. 1, 697 p. (in Russian).

Tishkin A. A., Iderkhangai T.-O., Bondarenko S. Yu., Gorbunov V. V., Erdenepurev P., Tsend D., Enkhzul Zh. Rezul'taty issledovaniia na pamyatnike Khushuun denzh-04 (Tsentral'naya Mongoliya): planovye raboty i sensatsionnye nakhodki [Research results at the Khushuun denzh-04 monument (Central Mongolia): planned work and sensational finds].

Kul'tury i tsivilizatsii Tsentral'noi Azii ot neolita do srednevekov'ya [Culture and civilization of Central Asia FROM the Neolithic to the Middle Ages]. Saint Petersburg: IIMK RAN, 2024, pp. 260–263 (in Russian).

Tishkin A. A., Tabaldiev K. Sh., Bondarenko S. Iu., Boobek uulu B. Sovremennoe dokumentirovanie prostykh “olennykh” kamnei v Kyrgyzstane [Modern documentation of simple “deer” stones in Kyrgyzstan] *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani* [Theory and Practice of archaeological research]. 2024, vol. 36, no. 1, pp. 212–223. <https://doi.org/10.14258/tpai> (2024) 36 (1).–11

Volkov V. V. *Olennye kamni Mongolii* [The deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyi mir, 2002, 248 p. (in Russian).

Volkov V. V., Novgorodova E. A. Olennye kamni Ushkiin-Uvera (Mongoliia) [The deer stones of Uski-Uvera (Mongolia)]. *Pervobytnaia arkheologiia Sibiri* [Historical archeology of Siberia.]. Leningrad: Nauka, 1975, pp. 78–84 (in Russian).

Mongol ba bus nutgiin bugan khushuunii soel: Erdem shinzhilgeenii katalog. Bot' I–II [Deer stone culture in Mongolia and beyond: an academic catalog. Volumes I–II]. Ulaanbaatar: Admon KhKhK, 2021, 496 p. (in Mongolian).

Tөрбат Ts., Baiarsaikhan Zh., Batsykh D., Baiarkhyi N. *Zhargalantyn amny bugan khoshood* [Deer Stones Jargalantyn-am]. Ulaanbaatar: NOMKHUR, 2011, 192 p. (in Mongolian).

Tөрбат Ts., Gantulga Zh., Baiarkhyi N., Batsykh D., Төрбаиар N., Erdene-Ochir N., Batbold N., Tselkhagarav Ts. *Mongol ba bys nutgiin bugan khoshoonii soel* [Mongolian and regional culture of reindeer husbandry monuments]. Ulaanbaatar: Мөнххиin үсег, 2021, vol. III, 448 p. (in Mongolian).

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Принята к публикации: 29.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94

DOI 10.14258nreur(2025)3–05

О. В. Ерохина

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург (Россия)*

В. Ю. Захаров

*Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Москва (Россия)*

«СТРОГОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ИЛИ ВЫСЕЛЕНИЕ?»: К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ НЕМЦЕВ В ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1916 ГГ.

С началом Первой мировой войны на долю немецкого населения Российской империи выпали тяжелые испытания, так как на них навесили ярлык «паразитов на теле русского народа». В отношении них были приняты законодательные акты, носившие ограничительный или запрещающий характер. В настоящее время существует немало работ, в которых авторы обращались к изменениям и проблемам положения немцев в указанный период. Но изучали они в основном регионы Поволжья, Новороссии, Сибири и Кавказа, что касается Петроградской губернии, то эта тема почти не привлекала внимание исследователей. Авторами данной статьи предпринята попытка показать, как введенное в 1914–1916 гг. «ликвидационное законодательство» повлияло на жизнь и деятельность немецких колонистов. Основными источниками для нашей статьи послужили материалы архивных фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Российского государственного исторического архива и периодической печати. Авторы статьи пришли к следующим выводам. Политика властей носила непродуманный характер. Их вмешательство в вопросы частного землевладения, когда имения немецких собственников ликвидировались без уче-

та их экономической прибыльности и наличия российского подданства, пагубно сказалось не только на самих хозяйствах, но и ударило по экономике государства. Кроме того, многочисленные нарушения со стороны чиновников провоцировали массу жалоб на их действия. В результате местной и центральной администрации приходилось пересматривать свои решения, если немцы доказывали свое российское подданство или их родственники получили награды на полях сражений.

Ключевые слова: Первая мировая война, российские немцы, антинемецкая кампания, Петроградская губерния, немецкие колонисты, ликвидационное законодательство, Санкт-Петербург, Петроград, Крестьянский Поземельный банк, немецкое засилье

Для цитирования:

Ерохина О. В., Захаров В. Ю. «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 85–102. DOI 10.14258nreur(2025)3–05.

Ерохина Ольга Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** erohina1@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5158-7110/>
Захаров Виталий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** vz1974@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4308-5943>

O. V. Erokhina

Pushkin Leningrad State University, Sankt-Petersburg (Russia)

V. Yu. Zakharov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow (Russia)

“STRICT SUPERVISION OR EVICTION?”: TOWARD A QUESTION OF THE SITUATION OF GERMANS IN PETROGRAD PROVINCE IN 1914–1916

With the outbreak of the First World War, the German population of the Russian Empire had a hard time as they were labeled as “parasites on the body of the Russian people”. Legislative acts were adopted against them, which were restrictive or prohibitive in nature. At present, there are many works in which the authors addressed the changes and problems of the situation of Germans during the period in question. But they studied mainly the regions of the

Volga region, Novorossiia, Siberia and the Caucasus, as for the Petrograd province, the topic almost did not attract the attention of researchers. In the article the authors attempt to show how the “liquidation legislation” introduced in 1914–1916 influenced the development of the Petrograd province. The authors attempt to show how the “liquidation legislation” introduced in 1914–1916 affected the life and activities of German colonists. The main sources for our article were materials from the archival collections of the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the Russian State Historical Archive and the periodical press. The authors of the article came to the following conclusions. The policy of the authorities was ill-conceived. Their interference in the issues of private land ownership, when the estates of German owners were liquidated without taking into account their economic profitability and the presence of Russian citizenship, had a detrimental effect not only on the farms themselves, but also hit the economy of the state. In addition, numerous violations on the part of officials provoked a lot of complaints about their actions. As a result, local and central administrations had to reconsider their decisions if Germans proved their Russian citizenship or if their relatives received awards on the battlefields.

Keywords: World War I, Russian Germans, anti-German campaign, Petrograd Province, German colonists, liquidation legislation, St. Petersburg, Petrograd, Peasant Land Bank, German domination

For citation:

Erokhina O. V., Zakharov V. Yu. «Strict supervision or eviction?»: toward a question of the situation of germans in Petrograd province in 1914–1916. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 85–102 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–05.

Erokhina Olga Viktorovna, doctor of Historical Sciences, Professor, Pushkin Leningrad State University, Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Sankt-Petersburg (Russia). **Contact address:** erohina1@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5158-7110>

Zakharov Vitaly Yuryevich, doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Bauman Moscow State Technical University, Moscow (Russia). **Contact address:** vz1974@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4308-5943>

Введение

Первая мировая война приводит к обострению проблемы «немецкого засилья» в Российской империи. По мере того, как усугубляется ситуация на фронте, изменяется и отношение к немцам внутри страны со стороны российского общества и власти. Разжиганию антинемецких настроений в стране в немалой степени способствовала периодическая печать, выражавшая интересы той части населения, которая мечтала избавиться от конкурентов в лице немцев. Затем к росту антинемецких настроений подключится правительство, приняв «ликвидационное законодательство» 1915–1916 гг., которое будет применено не только к германским подданным, но и российским немцам (иностранным выходцам).

К концу 1914 г. к этому процессу подключаются представители разных слоев населения. Появляются многочисленные брошюры, разжигавшие в России ненависть к немецкому населению. На защиту немцев встанет ученый и политический деятель К. Э. Линдеман, который обращал внимание на их русское подданство и возможные потери государства при реализации ограничительных законов [Линдеман, 1915]. В. С. Дякин, обратившийся в советский период к этой теме, попытался определить последствия «ликвидационных» законов для страны в сферах сельского хозяйства, торговли и промышленности [Дякин, 1968]. Однако исследователи стали активно заниматься этой проблемой только с конца XX в., потому что появилась возможность использовать материалы местных архивов Поволжья, Сибири, Кавказа и других регионов [Вердиева, 2000; Воронежцев, 2002; Кижаева, 2004].

Вместе с тем некоторые исследователи акцентировали внимание непосредственно на изучении отношения российского общества к теме «немецкого засилья» в Российской империи и конкретно в Петроградской губернии. Следует отметить, что несмотря на относительную изученность этого вопроса данная проблематика не нашла еще должного отражения в отечественной историографии. Цель нашей статьи — охарактеризовать положение немцев в Петроградской губернии в период Первой мировой войны. Для этого нами были привлечены документы из фондов Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, а также материалы периодической печати.

Выселение германских подданных

Санкт-петербургская (Петроградская с 19 августа 1914 г.) губерния относилась к местностям, где было объявлено военное положение, поэтому первоначально власти обратили внимание на лиц, относящихся к германским и австрийским подданным. 5 августа 1914 г. постановлением петроградского губернатора А. В. Адлерберга отдельным гражданам было предписано выехать из столицы во «внутренние губернии империи», где за ними должны были установить полицейский надзор, а иностранцев выслать за границу [Санкт-Петербургские губернские ведомости, 1914. 6 авг.].

Газета «Голос Руси» призвала обратить внимание также и на немецких колонистов, потому что они являлись «передовыми отрядами Германии». Их пригласили показать русскому крестьянину, как следует обращаться с землей. Но наше правительство допустило «ошибку, отдав им лучшие земли. В результате «учителя» богатели, а русский пахарь-землероб беден, как и встарь» [Голос Руси, 1914. 1 сент.].

22 сентября 1914 г. был издан указ «Об установлении временных ограничений в отношении приобретения прав на недвижимые имущества, а также и заведование ими, подданными государств, которые состоят в положении войны с Россией», который также запрещал приобретать подданным неприятельских стран недвижимое имущество на территории империи [Собрание узаконений, и распоряжений правительства. 1915 г. Отд. 1. 1-е полуг. Пг., 1915: 2427]. Сначала предписания получали владельцы предприятий, потом инженеры, мастера, рабочие, а также и владельцы магазинов. Например, из «Компании Зингер» находящейся в Петрограде, был уволен 131 германский подданный. На Шлиссельбургском пороховом заводе уво-

лили немецких служащих и их жен как политически неблагонадежных [ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 591].

В периодической печати стали публиковать заметки, в которых освещали процесс выселения немцев из Петрограда и обращалось внимание на их двойное подданство. Произошло это после образования Германской империи, когда 1 июня 1870 г. был принят закон, по которому разрешалось принимать чужое подданство, если это представлялось кому-либо выгодным, но это не означало прекращение подданства Германии и разрыва связи с ней.

Газеты обращали внимание на тот факт, что немцу «достаточно раз в 10 лет выполнить пустую формальность — занести свое имя в особый реестр у ближайшего немецкого консула, чтобы оставаться... подданным германского императора» [Утро России, 1914. 19 авг.]. Одновременно с этим звучали призывы к бойкоту всего немецкого: «...мы хорошо знаем, где именно, в какой лавочке у нас сидит немец, мы даже знаем, кто из них вполне обруселый и, следовательно, окультуренный немец, а кто и поныне состоит в унижительном подданстве Кайзера» [Царскосельское дело, 1914. 8 авг.].

Чтобы избежать выселения, немцы писали прошения во всевозможные инстанции, поскольку многие из них хотели получить российское подданство. В них они указывали: те, кто дал подписку выехать добровольно за границу, что дали ее по недоразумению; кто-то просил выслать не за границу, а в северные губернии; представляли поручительства высокопоставленных лиц; предъявляли медицинские свидетельства о болезни; обращали внимание, что члены их семей участвовали в сражениях с германскими войсками и некоторые даже имели награды [Петроградский курьер, 1914. 29 окт.]. Хотя просители понимали, что мужчинам призывного возраста это грозило призывом в действующую армию. К ноябрю 1914 г. Совет министров удовлетворил 383 ходатайства германских и австрийских подданных, из которых 238 были несовершеннолетними [Петроградский курьер, 1914. 9 окт.].

Прошения поступали от людей разных сословий и возраста. Например, от надворного советника, присяжного поверенного Э. И. Штемпеля, проживавшего в Петрограде на Каменноостровском проспекте в доме 26. Он писал, что его отец Элиас Штемпель женился на русской в 1881 г. Сам с рождения жил в России и получил образование сначала в Одесской 4-й гимназии, а потом в Императорском Новороссийском университете. В 1903 г., достигнув совершеннолетия, принял русское подданство. В 1913 г. получил место юрисконсульта при правлении Русского для внешней торговли банка. Себя считал русским «как по рождению, так и по условиям среды, в которой рос и воспитывался» [РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–Зоб, 5]. После выяснения всех обстоятельств его дела была установлена фиктивная передача хлеботорговой компании от отца Элиаса Штемпеля, австрийского подданного, его сыну Эмилию. Совет министров в этих действиях увидел враждебный характер, и прошение отклонили [Бочков, 2016: 213–225].

Второе прошение было от 66-летнего петроградского ремесленника Георга Христиана Гесселя. На Крестовом острове он владел участком земли площадью 208,5 кв. саж., который был включен в список ликвидационного имущества 7 апреля 1915 г. под № 116 [Петроградские губернские ведомости. 1915. 7 апр.]. Гессель обращал внимание на тот факт, что еще ребенком остался сиротой и жил среди русских людей. В ре-

зультате «утратил всякую связь с страной и нацией, из коей некогда вышли умершие родители» [РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 19. Л. 11–15]. Сообщил, что смог стать хозяином булочной и получить русское подданство в 1899 г. Затем записался в мещане посада Колпино и в 1911 г. в петроградские ремесленники. Вместе со всеми документами он приложил удостоверение о том, что состоит на действительной службе в 1-й роте 1-го пехотного запасного батальона. Однако власти не нашли оснований, чтобы удовлетворить его ходатайство.

31 декабря 1914 г. было издано постановление о добровольном выселении оставшихся германских подданных до 15 января 1915 г. Уездные исправники и полицмейстеры должны были взять с них подписки о получении извещения и предупредить, что после указанной даты «они будут предаваемы военно-полевым судам для суждения по законам военного времени» [Петроградский курьер, 1915. 1 янв.].

Газета «Голос Руси» еще 17 декабря 1914 г. опубликовала статистические данные о численности земельных владений германских и австрийских подданных. По данным 1905 г. в 50 губерниях они владели 352430 дес., а к 1909 г. размер увеличился на 11072 дес. земли [Утро России, 1914. 17 дек.]. Из них в Петроградской губернии им принадлежало 21562 дес.

К середине 1915 г. в Петроградской губернии было ликвидировано пять имений, принадлежавших «неприятельским подданным», общей площадью 2956 дес. 1853 кв. сажень [РГИА. 1284. Оп. 190. Д. 3106. Л. 291]. К 1 апреля 1916 г. 167 человек добровольно продали свою землю, общей площадью 3280 дес. 717 кв. саж., на сумму 3108715 руб. [РГИА. 1284. Оп. 190. Д. 3106. Л. 195].

В 1916 г. в Петроградской губернии на добровольной основе было совершено 114 сделок и продано 3224 дес. 1388 кв. саж. земли за 1802606 руб. По окончании добровольного срока продаж на торги было выставлено 24 владения «неприятельских подданных» в размере 7449 дес. на общую сумму 301256 руб. [РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 16. Л. 389].

Положение немецких колонистов

С октября 1914 г. в Совете министров началось обсуждение законопроекта о ликвидации немецкого землевладения. Тогда же министр внутренних дел Н. А. Маклаков представил на рассмотрение доклад «О мерах к сокращению немецкого землевладения и землепользования», который послужил основой для будущего «ликвидационного законодательства». В нем был дан обзор мероприятий, которые российское правительство предпринимало по сокращению немецкого землевладения более 30 лет — с 1880-х гг. до Первой мировой войны, а также указывалось на нежелание немецких колонистов ассимилироваться.

Н. А. Маклаков считал, что «...иностранцы поселенцы могут почитаться русскими подданными лишь формально, на самом же деле, по политическим убеждениям, языку, обычаям и религии, тяготеют к своим зарубежным сородичам». Вместе с тем им приводились данные о процентном соотношении немцев к русским в Российской империи: в Петроградской губернии они составляли 3%, Волынской 6%, Области войска Донского 1% и т.д.

Министр внутренних дел предлагал предоставить губернаторам 25 приграничных губерний и областей право высылать административным порядком из пределов ве-

ренных им губерний всех лиц, лишенных права владеть недвижимыми имуществами [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 3106. Л. 1–80б]. В итоге доклад министра внутренних дел Н. А. Маклакова лег в основу будущего «ликвидационного законодательства» 1915 г.

Осенью 1914 г. начальники военных округов получили предписание главнокомандующего армиями выселять из прифронтовых земель немцев-колонистов старше 15 лет, владеющих в сельских местностях землею или иным недвижимым имуществом, а также и безземельных, приписанных к их обществам, но проживавших в городах. Выселению не подлежали жены, дети и матери мужчин, которые находились в действующей армии.

Для колонистов отменялась реквизиция зерна, лошадей, повозок, чтобы оставить им средства для переезда. Переселяемым по железной дороге разрешалось брать с собой «сверх пуда багажа, перевозимого бесплатно, еще 20 фунтов» [РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1725. Л. 14, 42, 43]. Если у них не было своих средств, то военное ведомство должно было осуществить перевозку за свой счет [РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1732. Л. 110].

Вместе с этим был составлен табель оценки земель для расчета пошлин в Петроградской губернии, в основу которого легла стоимость одной десятины. В волостях Петроградского уезда цена десятины составляла в зависимости от волости от 50 до 300 руб., а Петергофском уезде — от 75 до 140 рублей [Петроградские губернские ведомости, 1915. 9 янв.].

В периодической печати отмечалось, что с момента приглашения Екатериной II немецкое «колонистское землевладение ширилось». Немцы должны были обрусеть и поднять сельскохозяйственный уровень населения, но этого не произошло. Теперь в России происходит переоценка всех ценностей, «связанных с немецким вопросом» [Голос Руси, 1914. 11 ноября].

Однако газета «Петроградский курьер» обращала внимание на то, что принятие закона может привести к тяжелым последствиям «для целой значительной группы лиц» (колонистов. — *О. Е., В. З.*). Поэтому тщательное внимание должно быть уделено тому кругу лиц, которые подвергнутся новым правилам, чтобы «не причинять ненужных тягот тем, кто не является носителем политической опасности, с которой закон борется, и не ускользнули действительные проводники пангерманизма в русской жизни» [Петроградский курьер, 1914. 11 ноября].

В январе 1915 г. мнение газеты изменилось. Теперь она писала, что внутренний смысл германской колонизации в России стал проявляться только после объявления войны со стороны Германии. Если раньше большинство населения достаточно равнодушно относилось к этому, то в настоящий момент всех «поразило распределение германских колоний вдоль наших границ, главных путей сообщения» [Петроградский курьер, 1915. 21 янв.].

2 февраля 1915 г. был утвержден закон «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских и турецких подданных» [Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 г. Отд. 1. 2-е полуг. Пг., 1915: 559–564]. Им запрещалось приобретать, владеть и пользоваться недвижимым имуществом в городах, в течение года они должны были продать его. Но если оно находилось вне городских поселений и на территории 21 губернии, включая Петроградскую, а также Области Войска Донского, местности Кавказского края, Великого княже-

ства Финляндского и Приамурского генерал-губернаторства, то в течение шести месяцев обязаны были продать добровольно свое имущество или по окончании этого срока оно выставлялось на публичные торги. Если человек по ошибке попадал в списки, то у него был месяц для подачи жалобы в Правительствующий Сенат по Первому Департаменту. В Петроградской губернии под действие этого закона подпадало 186 имуществ иностранных подданных [ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16851. Л. 1].

Следует отметить, что 2 февраля были подписаны еще два закона, но уже направленные на ограничение прав немецких колонистов — «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов, состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских и германских выходцев», «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских и германских выходцев в приграничных местностях» [Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 г. Отд. 1. 2-е полугод. Пг., 1915: 564–566, 566–568].

Действие этих законов распространялось на имущество поселян-собственников, колонистов и лиц — иностранных выходцев немецкого происхождения, находящееся в стоверстной и стопятидесятиверстной полосах. Срок добровольной продажи недвижимого имущества давался: для стоверстной полосы до одного года и четырех месяцев, а для сто пятидесятиверстной — до девяти месяцев со дня обнародования списков.

Не всем удавалось воспользоваться правом добровольной продажи, но были и счастливицы. Например, поселанин Новосаратовской колонии Петроградской губернии Б. Б. Шеф смог продать свое имущество уже 27 мая 1915 г. крестьянину из местечка Турца Еремичской волости Новогрудского уезда Минской губернии [ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16859. Л. 21].

После издания указов было разослано распоряжение министра внутренних дел, чтобы земские начальники чаще посещали местности, населенные лицами немецкого происхождения, для «ознакомления с отдельными сторонами общественной деятельности..., внутренним бытом, состоянии общественного и хозяйственного порядка и общем настроении населения» [ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 23. Д. 149. Л. 1–10б]. Также предлагалось принять все возможные меры, чтобы в качестве волостных писарей в колонистских обществах нанимали исключительно лиц русского происхождения. Но исправник Царскосельского уезда в ноябре 1915 г. сообщал о том, что в Колпинской волости выборные волостные и сельские должности занимают немцы и «один только волостной писарь — русский» [ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 461. Л. 13об]. При этом отмечалось, что делопроизводство в волостных правлениях и судах ведется исключительно на русском языке [ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 52. Д. 34. Л. 4–4об].

Вслед за этим последовало распоряжение петроградского губернатора земским начальникам о предоставлении данных о количестве волостей поселян-собственников, наличии земельной собственности и численности немецкого населения. По отчетам исправников в Петроградском уезде таких лиц насчитывалось 1703 человека, Петергофском — 569, Царскосельском — 1058, Шлиссельбургском — 876 [ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 23. Д. 826]. В Петроградское губернское правление были представлены сведения по 38 немецким колониям [ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 23. Д. 149].

Уездные исправники сообщали, что в немецких колониях, находящихся во вверенных им уездах, никаких германофильских или противоправительственных настроений не замечалось, однако за колонистами установлено строжайшее наблюдение. В отчетах иногда встречались прямо противоположные мнения одного и того же исправника.

В феврале 1915 г. царкосельский уездный исправник в рапорте отмечал: «Колонисты немцы живут замкнуто, среди них нет русских; в браки вступают со своими же немцами колонистами; народ предупредительный, грамотный. Хотя они до сего времени ничего вредного не проявляли, но нельзя положиться, чтобы они не могли не допустить чего-либо предосудительного заранее обдуманно и тайно. Поэтому поселение их здесь в Царкосельском уезде, вблизи резиденции ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА едва ли желательна» [ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 23. Д. 852. Л. 14об. — 15]. Однако в ноябре этого же года он писал, что ничего предосудительного за немцами не замечено, и с гордостью отмечал, что они пожертвовали 600 руб. на оборудование в одном из лазаретов одной койки для раненных воинов и получили за это благодарность от императрицы Марии Федоровны [ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 461. Л. 1–2].

На основании закона от 2 февраля 1915 г. местные власти должны были составить списки немцев — иностранных подданных. В столице первые списки были опубликованы 3 апреля 1915 г. в газете «Петроградские губернские ведомости» и состояли из фамилий более 240 германских и австрийских подданных [Петроградские губернские ведомости, 1915. 3 апр.].

Вместе с этим были подготовлены списки немецких колонистов и фамилии первых 94 человек, которые опубликовали 4 апреля в газете «Петроградские губернские ведомости» [Петроградские губернские ведомости, 1915. 4 апреля]. Продолжение списка публикуют 7 апреля 1915 г., а дополнительные списки — 1 июля и 17 декабря 1915 г., а также 6 апреля 1916 г. После этого указанным лицам под расписку были вручены уведомления.

Списки содержали многочисленные неточности и ошибки. К тому же немецкие колонисты считали, что «под понятие «выходцев» нельзя подводить «потомков этих выходцев»» [ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16828. Л. 2]. Поэтому колонисты стали собирать документы, подтверждающие российское подданство, и писать прошения в разные инстанции. Жители селения Янино Шлисербургского уезда предъявили в губернское присутствие свидетельство о том, что их предки переселились в Россию из Гессен-Дармштадта в 1766 г. и тогда же приняли российское подданство [ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16831. Л. 22]. Однако на прошении об исключении из списков, составленных на основе закона от 2 февраля 1915 г., Правительствующий Сенат написал отказ, обосновав его тем, что просители являлись потомками германских выходцев.

Колонисты селения Этюп Ф. К. Дроммер, Г. К. Дроммер, Я. К. Шеф, И. К. Шеф, Ш. П. Риттер, М. М. Риттер и В. К. Шеф в прошении акцентировали внимание на том, что они не подпадают под законодательные условия выселения. Они писали, что являются русскими подданными с 1834 г.; проживают в пределах г. Павловска, а не на внегородской земле; предки пользовались землей на основе права наследственной аренды земли; поселились на этой земле благодаря опеке государыни императрицы Марии Федоровны. Но главное — «...весь род Шеф происходит по женской линии от первого

колониста Риттер, на дочери коего и был женат родоначальник наш, — Шеф и таким образом ныне существующий род Шеф является уже четвертым поколением по женской линии от первого Риттер». Кроме того, И. К. Шеф участвовал в Японской кампании, у Ш. П. Риттера два сына находились в действующей армии, у М. М. Риттера тоже сын был на фронте [ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16941. Л. 5–6]. Несмотря на то, что они имели право на льготу по закону, им было в ней отказано.

В законе предусматривалось освобождение от ликвидации землевладения, если в высеяемой семье ближайший родственник имел боевые награды. Этим решила воспользоваться поселянка Петергофской колонии А. Я Браун. В прошении в Петроградское губернское правление она обращала внимание на то, что ее сын Н. Ф. Браун, служивший в 10-й кавказской инженерно-строительной дружине, был награжден георгиевским крестом. Ее прошение не удовлетворили только потому, что не было предоставлено подтверждающих документов [ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 16972. Л. 1–2].

Зачастую власти формально подходили к делу, и главным критерием для них являлось то, что поселяне-собственники были бывшими колонистами, приехавшими из германских земель. Подтверждением тому является ответ на прошение в Петроградское губернское правление поселянам Среднерогатского, Новосаратовского и Стрельнинского сельских обществ пришел отказ, потому что: «1) предусмотренные 2 февраля 1915 г. положения распространяются на лиц, бывших в германском подданстве: поселян-собственников, колонистов, поселенцев, иностранных хлебопашцев и потомков этих лиц по мужской линии; 2) жалобщики входят в состав членов обществ, образованных из потомков германских выходцев по мужской линии; 3) ссылка просителей на факт перехода их предков в *русское подданство до 1 января 1880 г. не имеет для дела значение*; 4) *заявление просителей о нахождении их и их сыновей в действующей армии тоже не может иметь значение*» (курсив наш. — О. Е., В. З.) [ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16834. Л. 1–1об.].

Однако поселяне Новосаратовской колонии решили обратиться с жалобой в Сенат. Они указали на тот факт, что из колонии на фронт ушло 157 человек, из них 8 убито и 11 ранено. Кроме того, 7 человек имели награды: по одному человеку: георгиевские кресты всех четырех степеней и произведен в подпрапорщики, георгиевские кресты включительно до второй степени, георгиевский крест четвертой степени и медаль на георгиевской ленте четвертой степени, георгиевский крест четвертой степени, а остальные трое заслужили медали на георгиевской ленте четвертой степени. Рассмотрев документы просителей, Правительствующий Сенат принял решение отменить постановление Петроградского губернского правления, которое нарушало закон, и поручить ему повторно рассмотреть дело.

Российские предприниматели решили воспользоваться антинемецкими настроениями и «ликвидационным законодательством» в своих интересах. Например, Русско-балтийский вагонный завод арендовал для своих нужд у военного ведомства участок земли, расположенный вблизи среднерогатской колонии. Однако заводу для строительства ангаров под аэропланы необходим был участок больших размеров, и управляющий В. А. Чоголков предлагал выселить немецких колонистов, а их землю приобрести в собственность или взять в аренду [ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 461. Л. 3–3об].

Не отставала от общей антинемецкой тенденции и Государственная Дума. В ней была создана комиссия по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни под председательством Г. В. Скоропадского. Ее членами было предложено «всех немцев гнать в шею из России», а землю у них отобрать. Ими также обращалось внимание на необходимость борьбы с административным засильем немцев [Петроградский курьер, 1915. 13 авг.].

В 1916 г. заканчивался срок добровольной продажи имущества иностранных подданных и выходцев. В связи с этим и. о. петроградского губернатора М. Н. Толстой считал, что прежде чем приступить к принудительной ликвидации внегородских имуществ, необходимо «озаботиться составлением описей и оценок имений, проверкой и утверждением их, изготовлением торговых листов и других документов, связанных с публичными торгами». Для этого у губернского правления не хватит людей, придется приглашать вольнонаемных служащих, которых по вечерам предстоит учить, но у правления нет для этого средств.

В результате Министерство внутренних дел предоставило М. Н. Толстому пять полицейских из Привислянкой губернии. Но он указывал на тот факт, что работы очень много и ее нужно провести в короткий срок и быстро, но после проведения мобилизации количество чиновников в губернском правлении сократилось. Поэтому просил разрешения пригласить из вольнонаемных служащих еще трех человек, а также выделить дополнительные денежные средства на следующие расходы: делопроизводителю — 150 руб. в месяц, канцелярскому чиновнику — 90, писцу — 75 и на канцелярские нужды 75 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16851. Л. 1–2, 506–6].

В российском обществе были желающие использовать ситуацию в собственных интересах. Так, в феврале 1916 г. действительный статский советник В. П. Носович обратился с прошением к министру внутренних дел об открытии в Петрограде комиссионерской конторы первого разряда под названием «Бюро для содействия немцам колонистам, выселяющимся из пределов России», чтобы выступать посредником между обществом Канадской тихоокеанской железной дороги и колонистами. Общество хотело предоставить в пользование колонистов, которые желали выселиться из Российской империи из-за принятия «ликвидационного законодательства» от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. около 9 млн дес. незаселенной земли. Кроме того, на расходы по бесплатному проезду, выдачу ссуд и пособий на первоначальное обзаведение собиралось выделить сумму в размере 700 млн долларов. В. П. Носович как посредник готов был помогать колонистам с продажей земли или принимать «свидетельства Крестьянского поземельного банка без права реализации таковых в течение 25 лет» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1437. Л. 2–9]. Однако Совет министров отклонил его прошение.

13 декабря 1915 г. Совет Министров принял решение о внесении изменений и дополнений в ликвидационные законы от 2 февраля 1915 г. [Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 г. Отд. 1. 2-е полуг. Пг., 1915: 3545–3556]. В результате расширился круг лиц, на которых распространялись закон и полномочия Крестьянского поземельного банка. Этот банк получил право преимущественной покупки земли у немецких колонистов с одобрения Николая II, потому что появлялась возможность создать земельный фонд казенных земель [РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3118. Л. 231].

В начале 1916 г. в Совете Министров был поднят вопрос о сокращении посевных площадей в стране в 1915 г., а также выражалась обеспокоенность о предстоящем посевном сезоне. Причина заключалась в том, что немцы в связи с попаданием в ликвидационные списки не были уверены, что, затратив капиталы и вложив свой труд, смогут собрать урожай. В связи с этим губернаторы просили министра внутренних дел объявить им, что все засеянные весной поля будут оставлены в их пользовании до окончательной уборки урожая. Если владельцы забросили свои хозяйства, то разрешить Крестьянскому поземельному банку понижать оценку земель в размере от 5–10% годовой доходности.

Ставка верховного главнокомандующего тоже была озабочена возможным сокращением посева хлебов, что, по её мнению, представляло «угрозу интересам государства и армии». Предлагалось принудить владельцев ликвидируемых земель продолжить их обработку, предоставив им право аренды сроком на два года.

Совет Министров принял решение продолжать процесс ликвидации землевладения немцев. Но вместе с тем следовало известить их, что если земли перешли Крестьянскому банку, то «все сделанные в текущем году яровые посевы обеспечат пользование землею за нынешними владельцами до полной уборки урожая» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 328. Л. 2, 4об. — 5, 15–16, 45–46]. Также банку было разрешено понижать оценочную стоимость приобретаемых имений.

Особый комитет по борьбе с немецким засильем подвел итоги антинемецкой кампании к 1917 г. В Петроградской губернии в 1916 г. к отчуждению намечалось 837 землевладений «неприятельских подданных» в размере 49437 дес. земли и 1096 землевладений «неприятельских выходцев», владевших 24428 десятинами. Крестьянским поземельным банком было куплено 664 землевладения: 256 «неприятельских подданных» и 408 «неприятельских выходцев». На 1 января 1917 г. на торги было выставлено 24 землевладения площадью 7449 дес. на сумму 301256 руб. Получается, что одна десятина продавалась в среднем по 42 руб. В то время как в предыдущем году банк продавал землю по 60 руб. за десятину [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310а. Л. 297–298; Ф. 1483 Оп. 1. Д. 16. Л. 25, 34, 84, 384–386, 389, 390].

Следует отметить, что в Петроградской губернии в 1916 г. были отмечены случаи добровольного отчуждения земель в частные руки. Всего было продано 167 владений: 128 «неприятельских подданных» и 39 «неприятельских выходцев» в размере 3280 дес. 117 кв. саж. на сумму 3108715 руб. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310б. Л. 195].

Заключение

С началом Первой мировой войны в стране развернулась антинемецкая кампания, которая охватила все регионы Российской империи. Немаловажную роль в ее наращивании сыграла периодическая печать. Самым первым мероприятием данной кампании была высылка германских и австрийских подданных из губерний, расположенных вдоль западной границы, в том числе и из Петроградской губернии. По закону военного времени иностранные подданные считались военнопленными. Высылали всех независимо от звания, возраста и пола за границу или в отдаленные губернии страны. Иностранцы, чтобы остаться в России, просили о предоставлении российского подданства, некоторые из них его получили. Но самой значимой была кампа-

ния по применению «ликвидационного законодательства» в отношении немецкого землевладения и землепользования. В Петербургской губернии, как и в остальных, была проведена перепись колоний и колонистов. Списки были составлены с многочисленными нарушениями и вызвали многочисленные жалобы на действия чиновников.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23–18–20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025>, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>.

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23–18–20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баах С.В. «Немецкое засилье»: идея борьбы с «внутренним» немцем в деятельности общественных и государственных учреждений Российской империи // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности : материалы Международной научной конференции. М. : МСНК-пресс, 2005. С. 230–235.

Бочков Е.А. Эмилий Штемпель — агент германской разведки или жертва ограничительного законодательства // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 213–225.

Вердиева Х. Немцы Северного Азербайджана в годы Первой мировой войны // Немцы России и СССР, 1901–1941 гг. : материалы Международной научной конференции. М. : Готика, 2000. С. 63–70.

Воронежцев А. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М. : МДЦ Холдинг, 2002. С. 71–94.

Голос Руси. 1914. 1 сент.

Голос Руси. 1914. 11 ноября.

Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война: 1914–1918. М. : Наука, 1968. С. 227–238.

Иванова Н.И. Первая мировая война и немецкие колонисты Санкт-Петербургской губернии // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 118–128.

Кижяева Т.А. Дискриминация немцев России в годы Первой мировой войны (на примере Алтайского округа) // Ключевые проблемы истории российских немцев : материалы X Международной конференции МАИИКРН. М. : МСНК-пресс, 2004. С. 304–317.

Линдеман К.Э. Законы 2-го февраля 1915 г. (Об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России: критический разбор. М. : Тип. К. А. Меньшова, 1915. 115 с.

Морозова Н.В., Назарова Т.П. Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2015. 336 с.

Петроградские губернские ведомости. 1915. 3 апр.

Петроградские губернские ведомости. 1915. 4 апр.

Петроградские губернские ведомости. 1915. 7 апр.

Петроградские губернские ведомости. 1915. 9 янв.

Петроградский курьер. 1915. 1 янв.

Петроградский курьер (Петроград). 1915. 21 янв.

Петроградский курьер (Петроград). 1915. 13 авг.

Петроградский курьер. 1914. 9 окт.

Петроградский курьер. 1914. 29 октя.

Петроградский курьер. 1914. 11 ноября.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 28. Д. 3118.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1437.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310а.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310б.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 190. Д. 328.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1483 Оп. 1. Д. 17.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1483. Оп. 1. Д. 16.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1483. Оп. 1. Д. 19.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1725.

Санкт-Петербургские губернские ведомости. 1914. 6 авг.

Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны. СПб. : РНБ, 2004. 176 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 г. Отд. 1. 1-е полуг. Пг., 1915. 1904 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 г. Отд. 1. 2-е полуг. Пг., 1915. 196 с.

Утро России. 1914. 19 авг.

Утро России. 1914. 17 дек.

Царскосельское дело. 1914. 8 авг.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 253. Оп. 10. Д. 461.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 253. Оп. 10. Д. 584.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 253. Оп. 10. Д. 591.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 253. Оп. 10. Д. 16972.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Д. 16828.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Д. 16831.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Д. 16834.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Д. 16941.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Д. 16851.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Д. 16859.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Д. 16965.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 258. Оп. 23. Д. 149.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 258. Оп. 23. Д. 826.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 258. Оп. 23. Д. 852.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 258. Оп. 52. Д. 34.

Шрадер Т.А. Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: материалы Международной научной конференции. М. : Готика, 1998. С. 196–204.

Шубина А.Н. Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 336 с.

REFERENCES

Baax S.V. “Nemetskoe zasil'e”: ideya bor'by' s “vnutrennim” nemtsem v deyatel'nosti obshhestvenny'kh i gosudarstvenny'kh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii [“German Overpopulation”: the idea of fighting the “internal” German in the activities of public and state institutions of the Russian Empire]. *Rossiiskie nemtsy v inonatsional'nom okruzhении: problemy' adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti. Materialy' mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russian Germans in a foreign environment: problems of adaptation, mutual influence, tolerance. Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow: MSNKpress, 2005, pp. 230–235 (in Russian).

Bochkov E.A. Emiliy Shtempel' — agent germanskoi razvedki ili zhertva ogranichitel'nogo zakonodatel'stva [Emiliy Stempel — an agent of German intelligence or a victim of restrictive legislation]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2016, no. 1, pp. 213–225 (in Russian).

Dyakin V.S. Pervaya mirovaya voyna i meropriyatiya po likvidatsii tak nazyvaemogo nemetskogo zasil'ya [The First World War and measures to eliminate the so-called German

domination]. *Pervaya mirovaya voina: 1914–1918* [World War I: 1914–1918]. Moscow: Nauka, 1968, pp. 227–238 (in Russian).

Golos Rusi [Voice of Russia]. 1914, November 11th (in Russian).

Golos Rusi [Voice of Russia]. 1914, September 1st (in Russian).

Ivanova N. I. *Pervaya mirovaya voina i nemetskie kolonisty Sankt-Peterburgskoi gubernii* [The First World War and German colonists of St. Petersburg Province]. *Ezhegodnik mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev* [Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans]. 2015, no. 1, pp. 118–128 (in Russian).

Kizhaeva T. A. *Diskriminatsiya nemtsev Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (na primere Altaiskogo okruga)* [Discrimination of the Germans of Russia during the First World War (on the example of the Altai District)]. *Klyuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev. Materialy X mezhdunarodnoi konferentsii MAIIKRN* [The key problems of the history of Russian Germans. Materials of the X International conference of the IICRN]. Moscow: ZAO “MSNK-press”, 2004, pp. 304–317 (in Russian).

Lindeman K. E. *Zakony 2-go fevralya 1915 g. (Ob ogranichenii nemetskogo zemlevladieniya v Rossii) i ikh vliyanie na ekonomicheskoe sostoyanie Yuzhnoi Rossii: kriticheskiy razbor* [Laws of February 2, 1915 (On Restriction of German Land Ownership in Russia) and Their Impact on the Economic Condition of Southern Russia: A Critical Review]. Moscow: Tip. K. L. Men'shova, 1915, 115 p. (in Russian).

Morozova N. V., Nazarova T. P. *Evolutsiya “obraza vraga” v soznanii russkogo obshchestva v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam tsentral'noi pechati)* [Evolution of the “image of the enemy” in the consciousness of Russian society during the First World War (on the materials of the central press)]. Volgograd: FGBOU VO Volgogradskii GAU, 2015, 336 p. (in Russian).

Petrogradskie gubernskie vedomosti [Petrograd Province Gazette]. 1915, January 9th (in Russian).

Petrogradskie gubernskie vedomosti [Petrograd Province Gazette]. 1915, April 3rd (in Russian).

Petrogradskie gubernskie vedomosti [Petrograd Province Gazette]. 1915, April 4th (in Russian).

Petrogradskie gubernskie vedomosti [Petrograd Province Gazette]. 1915, April 7th (in Russian).

Petrogradskii kur'er [Petrogradsky Courier]. 1915, January 1st (in Russian).

Petrogradskii kur'er [Petrogradsky Courier]. 1915, January 21st (in Russian).

Petrogradskii kur'er [Petrogradsky Courier]. 1915, August 13rd (in Russian).

Petrogradskii kur'er [Petrogradsky Courier]. 1914, October 9th (in Russian).

Petrogradskii kur'er [Petrogradsky Courier]. 1914, October 29th (in Russian).

Petrogradskii kur'er [Petrogradsky Courier]. 1914, November 11th (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 23. Inventory. 28. Case. 3118 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1276. Inventory 12. File 1437 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1284. Inventory 190. File 310a (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1284. Inventory 190. File 310b (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1284. Inventory 190. File 328 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1483. Inventory 1. File 16 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1483. Inventory 1. File 19 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1493. Inventory 1. File 17 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian State Military History Archive]. Fund 1759. Inventory 4. File. 1725 (in Russian).

Sankt-Peterburgskie gubernskie vedomosti [St. Petersburg Gubernskie vedomosti]. 1914. 6 avgusta (in Russian).

Shubina A. N. *Otnoshenie vlasti i obshchestva k probleme tak nazyvaemogo nemetskogo zasilya v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny: dis.... kand. ist. nauk* [The attitude of the authorities and society to the problem of the so-called German domination in Russia during the First World War: diss. ... Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 2012, 336 p. (in Russian).

Shrader T. A. Rezul'taty agrarnoi politiki tsarskogo pravitel'stva v Petrogradskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny [Results of the agrarian policy of the tsarist government in Petrograd province during the First World War] *Migratsionnye processy sredi rossiiskikh nemtsev: istoricheskii aspekt. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Migration processes among Russian Germans: a historical aspect. Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow: "Gotika", 1998, pp. 196–204 (in Russian).

Sobolev I. G. *Bor'ba s "nemetskim zasilem" v gody Pervoi mirovoi voyny* [Struggle against "German domination" during the First World War]. Saint Petersburg: RNB, 2004, 176 p. (in Russian).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva [Collection of decrees and orders of the government]. 1915 g. Otd. 1. 1-e polug. Pg., 1915, 1904 p. (in Russian).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva [Collection of decrees and orders of the government]. 1915 g. Otd. 1. 2-e polug. Pg., 1915, 196 p. (in Russian).

Tcarskosel'skoe delo [The Tsarskoselskoye affair]. 1914, August 8th (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 253. Inventory 10. File. 461 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 253. Inventory 10. File 584 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 253. Inventory 10. File 591 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 253. Inventory 10. File 16972 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 254. Inventory 1. File 16828 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 254. Inventory 1. File 16831 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 254. Inventory 1. File. 16834 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 254. Inventory 1. File 16851 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 254. Inventory. 1. File 16859 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 254. Inventory 1. File 16941 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 254. Inventory 1. File 16965 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 254. Inventory 1. File. 16941 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 258. Inventory 23. File. 149 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 258. Inventory 23. File 826 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 258. Inventory 23. File 852 (in Russian).

Tsentral'ny'i gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). Fund 258. Inventory 52. File 34 (in Russian).

Utro Rossii [Morning of Russia]. 1914, August 19th (in Russian).

Utro Rossii [Morning of Russia]. 1914, December 17th (in Russian).

Verdieva Kh. Nemtsy Severnogo Azerbaidzhana v gody Pervoi mirovoi voiny [Germans of Northern Azerbaijan during the First World War]. *Nemtsy Rossii i SSSR, 1901–1941 gg.: Materialy' mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Germans of Russia and the USSR, 1901–1941: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow: Gotika, 2000, pp. 63–70 (in Russian).

Voronezhcev A. Nemetskie kolonisty v Povolzh'e v gody' Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Saratovskoi i Samarskoi gubernii) [German colonists in the Volga region during the First World War (on the materials of Saratov and Samara provinces)]. *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitie (1871–1941 gg.)* [The Germans of Russia: Socio-economic and spiritual development (1871–1941)]. Moscow: ZAO “MDCz Xolding”, 2002, pp. 71–94 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 11.05.2025

Принята к публикации: 30.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 94 (47).084.5

DOI 10.14258nneur(2025)3–06

*О. В. Кобец**Смоленский государственный университет спорта, Смоленск (Россия)*

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВ БЕЛОРУСИЗАЦИИ В 1920-Е ГГ.: ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

После решений по национальному вопросу X и XII съездов РКП(б) белорусизация как часть общей политики коренизации начнет реализовываться не только в самой Белоруссии, но и в российских регионах в местах компактного проживания белорусского населения. К таковым в первую очередь относились приграничные губернии: Псковская, Смоленская и Брянская. В первой из трех «самыми белорусскими» считались присоединенные к ней после ликвидации в 1924 г. Витебской губернии три уезда — Себежский, Невельский и Велижский.

Однако даже в этих уездах тема белорусов и белорусизации начнет появляться в повестке дня местных властей только с 1925 г., и то под постоянным давлением со стороны Москвы.

На основе проработанных и ранее никем не использованных материалов фондов Наркомпроса и ВЦИК РСФСР Государственного архива РФ и Государственного архива Псковской области, а также публикаций газеты «Псковский набат» можно с полным основанием утверждать, что слабость работы с белорусами в губернии определялась следующими обстоятельствами. Во-первых, местное население, а вместе с ним и власти, от волостных исполкомов до губернского, считали, что отдельного белорусского народа, как и языка, нет, а есть небольшая часть великороссов, говорящая на «испорченном» или «жаргонном» русском языке. А значит, не было, с их точки зрения, и оснований заниматься белорусизацией. Во-вторых, проживавшие на Псковщине белорусы, были малочисленны и разбросаны по отдельным деревням в отличие, например, от колоний латышей. Это обстоятельство не позволяло вести среди них какую-либо коллективную работу. В-третьих, всю первую половину 1920-х гг. властям было не до белорусизации. В первую очередь она предполагала перевод школ на белорусский язык. Но начавшаяся одновременно новая экономическая политика привела к массовому закрытию школ, особенно первой ступени, в связи с переводом их на местный бюджет. Новая экономическая политика оказалась фактически мало совместимой с задачами белорусизации.

Ключевые слова: новая экономическая политика, советская национальная политика, белорусизация, Псковская губерния, 1920-е гг.

Цитирование статьи:

Кобец О. В. Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 3. С. 103–120. DOI 10.14258neur(2025)3–06

Кобец Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая аспирантурой Смоленского государственного университета спорта, Смоленск (Россия).
Адрес для контактов: cobets.olga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6060X>

O. V. Kobets

Smolensk State University of Sports, Smolensk (Russia)

NEW ECONOMIC POLICY AGAINST BELARUSIZATION IN THE 1920S: PSKOV PROVINCE

Following the decisions on the nationalities question made at X and XII congresses of the Russian Communist Party of the Bolsheviks, Belarusization as part of the general nativization policy started to be implemented not only in Belarus itself, but also in Russian regions in places where the Belarusian population lived compactly. These primarily included the border governorates of Pskov, Smolensk and Bryansk. In the first of the three, three districts — Sebezhsky, Nevelsky and Velizhsky — were considered the «most Belarusian» after the liquidation of Vitebsk governorate in 1924.

However, even in these districts, the topic of Belarusians and Belarusization began to appear on the agenda of local authorities only in 1925, and then under constant pressure from Moscow.

Based on the materials of the funds of the People's Commissariat of Education and the Central Executive Committee of the RSFSR of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Pskov Region, developed and previously unused, as well as publications of the Pskov Nabat newspaper, it can be argued with good reason that the weakness of working with Belarusians in the province was determined by the following circumstances. Firstly, the local population together with the authorities, from the volost executive committees to the governorate one, believed that there was no separate Belarusian people, as well as no language, but there was a small part of Great Russians who spoke “corrupted” or “slangy” Russian. So, from their point of view, there was no reason to engage in Belarusization. Secondly, the Belarusians who lived in the Pskov region were few in number and scattered in separate villages, unlike, for example, the communes of the Latvians. This circumstance did not allow for any collective work among them. Thirdly, the authorities had no time for Belarusization during the first half of the 1920s. First of all, it involved the transfer of schools to the Belarusian language. But the new economic policy that began at the same time led to the mass closure

of schools, especially the primary ones, due to their transfer to the local budget. In fact, the new economic policy turned out to be incompatible with the objectives of Belarusization.

Keywords: new economic policy, Soviet national policy, Belarusization, Pskov Province, 1920s.

For citation

Kobets O. V. New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 103–120. DOI 10.14258nreure(2025)3–06.

Kobets Olga Viktorovna, PhD in History, Associate Professor, Head of Postgraduate Studies at Smolensk State University of Sports, Smolensk (Russia). **Contact address:** kobets.olga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6058-160X>

Введение

Начнем с пояснений того, как увязываются эти два, казалось бы, совсем не пересекающихся исторических процесса. В действительности оказывается, что связь между ними не только самая что ни на есть непосредственная, но и прямая. Белорусизация — это часть общей новой национальной политики советской власти, провозглашенной вначале на X съезде РКП(б) в марте 1921 г., а затем уже после XII съезда партии осуществлявшаяся в формате общей политики коренизации. Конечно, изначально понятие «белорусизация» относилось непосредственно к Белоруссии, как и украинизация к УССР. Но после Рижского мирного договора 1921 г. и в значительной мере под воздействием так называемого польского фактора [Борисенко, 2013а; 2013б: 55–65; Дроздов, 2022: 204–225; Короткова, 2018: 48–59; Мезга, 2024: 10–23; Старовойтов, 2024: 59–75] это направление новой национальной политики было предложено Москвой для реализации и в российских регионах. В первую очередь это касалось приграничных губерний, в число которых входила и Псковская.

Белорусизация предполагала, как в самой Белорусской республике, так и в пределах РСФСР, в первую очередь перевод культурно-просветительных учреждений на родной язык, т. е. на белорусский. Здесь речь изначально шла, конечно, о школах. Несколько позже сюда добавилась и задача по созданию белорусских национальных сельских советов с переводом делопроизводства в них также на белорусский язык. Были и другие менее масштабные направления.

Однако тот же X съезд РКП(б) одновременно провозгласил и переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике. И таким образом белорусизация и нэп будут претворяться в жизнь, по сути, параллельно на протяжении всех 1920-х гг., и даже отказ от них произойдет в одно и то же время. С нэпом фактически будет покончено после речи И. В. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., где прозвучало долгожданное для многих «старых» партийцев: «И если мы придерживаемся нэпа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к чорту» [Сталин, 1949: 171]. И далее для убедительности следовала отсылка к В. И. Ленину: «Ленин говорил, что нэп введена

всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введена навсегда» [Сталин, 1949: 171]. Да и вытеснявшее нэп колхозное строительство уже шло в то время полным ходом.

Теперь к вопросу, почему мы используем формулировку «нэп против белорусизации». Ответ включает две основные позиции.

Во-первых, новая экономическая политика, особенно на начальном ее этапе, существенно расстроит работу всей системы образования, поставив ее на грань выживания после снятия школ с централизованного финансирования. И здесь местным властям будет не до белорусизации: надо было предпринимать неимоверные усилия по сохранению массовой школы.

Второе обстоятельство обозначил Сталин в докладе на XII съезде РКП(б) «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». В его выступлении, в отсутствие Ленина, по сути, прозвучало обвинение в адрес новой экономической политики. Но не со стороны хозяйственного уклада, а с политической, увязанной с вопросами национального строительства. В оценке Сталина, введение нэпа подстегнуло рост и усиление русского национализма, появление «новой силы» — великорусского шовинизма, «гнездящегося» в советских учреждениях. А параллельно с шовинизмом русским нэп возвращал и «шовинизмы местные», которые грозили превратить отдельные республики в арену национальной склоки [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 481].

Как были связаны с нэпом проявления шовинизма русского и местного, Сталин не пояснял. Но ставил задачу выстроить работу в многонациональной Российской Федерации так, чтобы советская власть стала для представителя любого народа родной, понятной, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт населения [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 482]. Как видим, и у Сталина на первое место поставлены школы, хотя он и подчеркивал далее, что только на решении вопроса школ «далеко не уедешь», «школами и языком не отговоришься» [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 486]. Мы же рассмотрим именно этот школьный аспект на примере Псковской губернии, а также в увязке с новой экономической политикой.

В основу настоящего исследования положены ранее никем не использованные материалы двух фондов ГАРФ (Наркомпрос и ВЦИК РСФСР), а также документы Государственного архива Псковской области и тематические публикации газеты «Псковский набат». Они позволяют делать основной вывод: белорусизация на Псковщине, даже в том имевшем место незначительном формате, проводилась по установкам и под постоянным давлением со стороны Москвы без какой-либо инициативы со стороны местных властей и участия самого белорусского населения губернии.

Нэп: удар по школам

В самый канун нэпа постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 2 ноября 1920 г. регионам предписывалось начать с 1 января 1921 г. формирование базы текущей статистики по учреждениям народного образования. В Псковской губернии такое первое обследование было проведено в апреле 1921 г. По не совсем полным данным, как признавали это ответственные за обследование, в губернии была 1 291 школа первой ступени с числом работников просвещения — 2 885 человек и 79 541 учащихся в них [Народное образование в Псковской губернии, 1921: 6]. Школ второй

ступени имелось 32. В них работали 320 учителей, и обучалось 3 703 учащихся [Народное образование в Псковской губернии, 1921: 7]. Было также еще 8 так называемых соединенных школ первой и второй ступени с количеством учителей — 104 человека, учащихся в них — 1 995 человек [Народное образование в Псковской губернии, 1921: 8].

По состоянию на сентябрь 1921 г. главная губернская газета «Псковский набат» давала даже более высокие цифры: школ первой ступени в губернии — 1 508, второй — 5, всего учащихся — 99 681 человек. За год произошло увеличение школ на 29, численность учеников выросла на 9 156 человек, коллективы учителей пополнились почти на 400 человек [Псковский набат, 1921]. То был, своего рода, рост по инерции, под поставленные в донэповский период задачи по расширению и укреплению сети школ. И как раз с этого момента пикового роста школ начнется обвальный процесс сокращения школьной сети.

По данным исследователя О. Г. Некрыловой, в течение 1921–1923 гг. число школ первой ступени по стране в целом сократилось с 91 тыс. до 64,5 тыс.; школ второй ступени — с 4,3 тыс. до 2,4 тыс. [Некрылова, 2021: 83]. В это время, приводит она слова наркома образования А. В. Луначарского, «школа умирала на глазах, когда была забота, откуда дров достать, как учителя спасти от голодной смерти, — это было время, когда школа голодала, кричала и когда мы, сидя в Наркомпросе, были бессильными свидетелями развала» (цит. по: [Некрылова, 2021: 83]).

В такой ситуации Совет народных комиссаров 15 сентября 1921 г. принимает декрет «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», который предписывал в целях снабжения работников просвещения в сельских местностях вводить натуральное самообложение сельского населения [Декрет СНК РСФСР..., 1921].

Псковский исследователь народного образования М. Т. Маркова, анализируя этот момент, обращает внимание не столько на мизерность самого продуктового пайка сельского учителя в 1921 г. (1 пуд муки, 1 фунт сахара, 12 кг картофеля, 2 фунта соли, 6 фунтов мяса на месяц), сколько на морально-психологический аспект проблемы. То начинался, в ее оценке, «самый страшный и унижительный период в жизни псковского учительства, так как сбор средств на селе должны были осуществлять сами учителя»! [Маркова, 2004: 96]. Немалая часть крестьянства расценивала натуральное самообложение как дополнительный налог, выражала недовольство, выговаривая при этом, что при прежней власти детей учили бесплатно.

В августе 1922 г. Псковский губоно в справке для местного политического управления с шифром «Секретно» давал такую довольно «открытую картину» материального положения учителей: «Учащие находятся в самых тяжелых материальных условиях. Находящиеся на госснабжении более или менее аккуратно получают паек... в зависимости от ассигнований центра, что происходит с большими задержками... Особенно тяжело положение работников просвещения сельских местностей, снятых с госснабжения... Что же касается денежного вознаграждения, то таковое школьным работникам сельских местностей не выдается с декабря месяца прошлого года, со времени снятия их с госснабжения. Места, не имея средств, не оказывают им никакой помощи в вы-

даче содержания. Губоно абсолютно не имеет никаких средств, чтобы ликвидировать эту задолженность... Многосемейные учащие буквально голодают, есть случаи нищенства» [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2. Л. 3].

Такой же нелюбимой была и оценка состояния системы образования в регионе в 1923 г. и у заведующего Псковским губоно Э.М. Экштейна: «В большинстве уездов школа пережила жуткий 1922/23 учебный год. Жалкое существование, начиная с полуголодного и оборванного школьного работника и полузамерзшей школы, и кончая почти полным отсутствием учебных пособий и учебников» [Маркова, 2004: 98]. «Нужно сказать ясно и определенно, — заключал Экштейн, — что ни договорная кампания, ни платность и другие заплатки, которыми до сих пор старались накормить учителя ... и дать уверенность в том, что ему не придется впредь нищенствовать, не помогут. Кроме того, нужно раз и навсегда избавить учителя от заботы о своем материальном существовании, от зависимости, от прихоти местного населения и не превращать его в сборщика платы, сборов по договорам и проч., это безусловно подрывает его отношения с родителями детей и в последнем счете и с самими детьми. *Учитель должен получать свое содержание от государственных органов власти и в достаточной мере*, чтобы не быть вынужденным нищенствовать и попрошайничать» (курсив наш. — О. К.) [Псковский набат, 1923а].

Конечно, в сравнении с дореволюционным периодом учителя с началом нэпа оказались в крайне печальном материальном и финансовом положении. До революции, отмечает М. Т. Маркова, оплата труда учителя состояла из жалованья за основной труд, пособия за внеурочные занятия по исправлению ученических письменных работ, за каждые пять лет стажа полагалась надбавка, выплачивались пособия по возмещению расходов по болезни не только самого учителя, но и членов его семьи. Ежегодно в сентябре учителя получали квартирные деньги: за отопление и освещение. Из касс учебных заведений оплачивались командировки [Маркова, 2004: 93–94]. Даже в эпоху «военного коммунизма» заменяемый зарплату продовольственный паек составлял в Пскове 22 фунта хлеба и 2 фунта сала в месяц на двоих, а в Печорском уезде к хлебному пайку выдавалось даже масло [Маркова, 2004: 95]. Нэп же с его экономической безысходностью, особенно в начальный период, заставлял учителей массово покидать школу. По оценкам Е. А. Ялозиной, сокращение школьной сети в разных губерниях достигало 45 и даже 60 и более процентов [Ялозина, 2015: 219].

В целом мало чем отличалось положение школы и в Смоленской, и в Брянской губерниях [Кодин, 2021: 187–204; Кодин, 2024б: 139–150]. Так, например, на Смоленщине сеть школ в 1922 г. сократилась до уровня 1914 г. [Рабочий путь, 1922]. На Брянщине к марту 1922 г. уже было закрыто 32% школ. А в докладе местного губоно с названием «Новая экономическая политика и народное образование» отмечалось, что период перехода к нэпу был не просто тяжелым и тернистым, но и «очень больно» затронувшим народное образование, с большим количеством «жертв» [ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 239. Л. 1]. И давалась эмоциональная, по сути, мало отличавшаяся от Псковской и Смоленской губерний, картина состояния школ: «пустых, холодных, с развернутыми крышами, без окон и дверей ..., как мертвецы глядящих в поле слепыми глазами, школ без книг,

карандашей, без света». И с пессимистичным выводом о том, что это было «начало развала дела народного образования» [ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 239. Л. 3].

Договорные школы и платное обучение

Изначально выход из сложной ситуации виделся и предлагался Москвой в привлечении средств населения на содержание школ. Вначале был испробован вариант самообложения населения на нужды школы. Но должного отклика у крестьянства это не нашло. Далее последовали так называемые договорные школы, когда то или иное сообщество брало на себя посредством договора с волостным или уездным отделом образования обязательства по полному содержанию «своей» школы, включая обеспечение учительства.

В целом договорные школы не получили такого отторжения у населения в сравнении с неудачной практикой самообложения. Хотя ситуации были, конечно, разные не только по уездам, но и волостям. Так, например, газета «Псковский набат» в ноябре 1922 г. пишет, что в Троицкой волости Холмского уезда из 13 имевшихся ранее школ первой ступени и одной школы второй ступени осталось только 4 школы первой ступени без какой-либо уверенности, что они «просуществуют» [Псковский набат, 1922б]. И такого рода сомнения были вполне обоснованы, поскольку крестьяне отказывались от школы, думая, что «для своих детей они наймут учителя». Примечательно, что содержать школу без каких-либо особых возражений соглашались родители детей школьного возраста и в первую очередь из числа бедняков. Более обеспеченные обучали своих детей в городе и потому противились подписанию договоров по содержанию деревенских школ.

В целом же к весне 1923 г. картина по отдельным уездам Псковской губернии в части договорных школ была следующей: в Опочечком уезде по договорам содержалась 71 школа, в Торопецком — все 104 школы, в Новоржевском — 88 школ, в Порховском полностью на договорах было 49 школ, 46 частично и 75 «на 2-х фунтовом сборе». И, если в Псковском уезде все 115 школ собрали только 1937 пудов хлеба, или 16 пудов на школу на весь год, то Холмский уезд на 110 школ дал 6 177 пудов, или 45,7 пудов на школу, а Островской на 84 школы в уезде собрал 4986 пудов, или 59,1 пудов на школу [Псковский набат, 1923а]. В условиях, когда уездные и без того скудные бюджеты выделяли на нужды образования мизерный процент средств (Псковский — 4,2%, Островский — 4,7%, Торопецкий — 5,4% и так далее; только Порховский целых 20%) [Псковский набат, 1923а], договорные школы с крестьянством во многом спасали систему образования от неминуемого краха.

Осенью 1923 г. положительные результаты договорной кампании показывал Великолукский уезд: крестьянство взяло на обеспечение 93 школы вместо 79 предшествовавшего года с количеством детей в них 7 600 человек против 2 800 человек года предыдущего [Псковский набат, 1923г]. Большая часть собранных средств планировалась на зарплату учителей (70%), остальное — на ремонт, отопление и учебные пособия.

Принципы договорной кампании были следующими. Граждане брали на себя содержание школы, всех школьных работников и технический персонал в течение учебного года, включая каникулярное время, на основе подробной сметы, прилагаемой к догово-

ру. Также в обязательства населения входили текущий ремонт здания школы, освещение и отопление. Оплата труда школьных работников должна была производиться по ставкам профсоюза работников просвещения [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 5]. Но здесь имелся свой нюанс, как определял его заведующий губоно Экштейн: для содержания школы по договорам крестьяне собирали не деньги, а хлеб. Этим вопросом должны были заниматься школьно-хозяйственные советы. Но реально «этим мало кто занимался». И в такой ситуации учителя, «чтобы не голодать, вынуждены были в ущерб школьной работе взяться за это не свое дело» [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 5].

Всего в губернии осенью 1923 г. было 688 школ, «сданных по договорам», что составляло 90,4% всего числа школ первой ступени. Всего в губернии была 31 школа второй ступени. Но на договорной основе из них не было ни одной: за обучение в школах повышенного типа родители вносили плату [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 5].

В официальную же цифру процента расходов на народное образование в губернском бюджете осенью 1923 г., составлявшего, казалось бы, немаленькое значение — 11,5%, следовало вносить существенную поправку. Как отмечал заведующий губоно Экштейн, эта цифра фактически уменьшалась до 6%, поскольку степень исполнения реального финансирования составляла по уездам до 50% [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 4об.].

В 1923 г. процесс сокращения количества школ в губернии продолжался. И тяжесть положения усугублялась тем, что этот процесс становился стихийным. В мае 1923 г. накануне объединенного пленума губкома партии и губисполкома «Псковский набат» давал следующую сравнительную по годам картину сокращения сети учебных заведений.

**Динамика сокращения количества школ первой и второй ступеней
в Псковской губернии в 1921–1923 гг.***
**The dynamics of the reduction in the number of schools of the I and II levels
in the Pskov province in 1921–1923****

Отчетный период	Количество			
	школ первой ступени	детей в них	школ второй ступени	детей в них
1 октября 1921 г.	1434	91 170	37	7 534
1 октября 1922 г.	933	83 205	20	6 191
1 апреля 1923 г.	878	38 397	31	4 999
Процент сокращения к 1921 г.	38,8	57,9	16,3	33,8

*Составлено по: «Псковский набат». 1923, 17 мая

**Compiled by: «Pskovskiy nabat». 1923, 17 May.

Такого резкого падения численности школ первой ступени (почти на 40%!) не было ни в Смоленской, ни в Брянской губерниях [Кодин, 2024а: 175–199]. В этой связи пленум губисполкома в своей резолюции о народном образовании (20–21 мая 1923 г.) признавал «недопустимым дальнейшее сокращение сети школ и числа обучающихся детей школьного возраста, особенно в сельских местностях» [Псковский набат, 1923б], и на-

мечал меры по улучшению ситуации, делая ставку на договорные школы, платность обучения в городах при максимальных льготах беднейшему населению.

Следует заметить, что не повлияла на стабилизацию ситуации и введенная к этому времени платность обучения. В этом вопросе псковские власти, пытаясь получить гарантированно стабильное поступление средств на содержание школ в местные бюджеты, оказались одними из первых. Уже 30 августа 1922 г. президиум Псковского губисполкома принимает постановление с осторожным названием «О введении платности за пользование услугами просветительных учреждений Псковской губернии». Почему с «осторожным»? Дело в том, что центральные власти до последнего противились платности обучения. Да и сама редакция официального печатного органа губернии делала оговорку о «крайней нежелательности введения платы за обучение» [Псковский набат, 1923а], отдавая предпочтение договорным школам и даже трудно идущему самообложению крестьянства на школьные нужды.

Плата вводилась «временно» на один 1922/23 учебный год и только для всех городских учебных заведений и школ второй ступени в сельской местности. Таким образом, основная массовая школа — деревенские школы первой ступени — оставались бесплатными. В условиях гиперинфляции приоритетной формой оплаты стала рожь — 5, 8, 14 и 18 пудов ржи в год в зависимости от категории плательщика. Хотя допускалась и замена ржи денежными знаками по эквиваленту рыночной стоимости хлеба [Псковский набат, 1922а].

В августе 1923 г. Псковский губисполком уже с отсылкой на постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 22 марта 1923 г., которым определялся порядок взимания платы за обучение в учреждениях Наркомпроса, но, опять же, с припиской «временно, на 1923 — 24 учебный год» вводил своим постановлением официальную плату за обучение в школах первой ступени в городах и поселках городского типа, школах второй ступени в городах и сельских местностях губернии и в учебных заведениях профессионального образования. Перечень категорий населения, освобожденных от внесения платы, как и определяла Москва, был значительным. Стоимость обучения в год очень сильно варьировалась в зависимости от дохода: от 1 до 72 рублей золотом. Если в семье школу посещали несколько детей, то расчет платы был следующим: за первого плата была полной, за второго — 75%, за третьего — 50%, остальные дети освобождались от платы [Псковский набат, 1923в].

В целом есть основания говорить, что к осени 1923 г. в Псковской губернии общими усилиями властей, населения и самих учителей процесс стихийного закрытия школ был остановлен. В годовом отчете губоно отмечалось: «Работа по народному образованию за истекший год, хотя и протекала в тяжелых условиях, но уже наметились определенные проблески на просветительском горизонте, закрытом тучами нэпа с 20 года. Период 1921/22 учебного года был периодом свертывания наших культурно-просветительных учреждений. Мы стихийно отступали на фронте просвещения, не зная где и когда остановимся и закрепимся..., и мы докатились при отступлении до школьной сети ниже довоенной на 31% ... Сейчас можно с удовлетворением констатировать, что ГубОНО при наличии минимального количества средств в течение года восстановило школьную сеть до 94% довоенной сети» [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 3].

Обвинения в шовинизме

Здесь будет уместным заметить, что к этому времени политика белорусизации началась реализовываться и в самой Белорусской республике, а на уровне московских властей было принято решение о необходимости проведения белорусизации в приграничных российских губерниях — Смоленской, Псковской и Гомельской [Борисенко, 2013а: 131].

Время, конечно, было далеко не самое удачное. Местным властям явно было не до белорусизации. Перед ними стояли более важные задачи фактически по спасению массовой российской школы. Хотя на Псковщине, как и в других регионах российско-белорусского приграничья, имелись в тот период и национальные школы.

В отчете губоно за 1923 г. приводились такие цифры национальных школ в губернии: Псков — 1 эстонская, 15 учеников; 1 польская — 25 детей; 1 еврейская — 56 детей; 1 латышская — 59 учащихся. И так далее: всего эстонских школ — 8, польских — 2, еврейских — 2, латышских — 7. Общее количество учащихся в национальных школах — 600 детей. В школах не хватало 10 учителей. Многие помещения требовали капитального ремонта [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 17 об.]. При этом в документах и партийных, и советских органов власти губернии вообще нет никакой речи ни о белорусских, ни об украинских школах.

Тема белорусов и белорусизации на Псковщине начнет появляться с 1925 г. И существенный толчок этому был дан со стороны Наркомпроса, который в мае рассматривал вопрос о состоянии работы по просвещению среди национальных меньшинств Псковской губернии. Решение звучало достаточно резко: «Признавая особо важное значение культурно-просветительной работы среди нацмен Псковской губернии, как губернии пограничной, и принимая во внимание преобладание крестьянского элемента среди населения нацмен (белорусского, эстонского, латышского), признать общее состояние этой работы по Псковской губернии — *неудовлетворительным, особенно в отношении белорусского населения* (курсив наш. — О. К.)» [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7. Л. 104].

По белорусам в постановлении был даже отдельный раздел, причем первый, и только потом шли пункты по работе с еврейским населением, эстонским и латышским. Псковскому губоно предписывалось: произвести в сельских школах учет детей, для которых родным языком является белорусский; учесть школьных работников-белорусов; организовать белорусское бюро при губернском совете по работе с национальными меньшинствами; на губернских курсах по переподготовке учителей отвести достаточное число мест белорусам, организовав для них секцию белорусского языка и белорусоведения [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7. Л. 104, 106].

В ситуации общего кризиса в системе образования, из которого такие слабые губернии, как Псковская, только начинали выходить, несколько странно звучали в решении Наркомпроса и такого рода предложения в адрес губоно: обеспечить национальные школы «помещениями, учебными пособиями и земельными участками..., методической литературой на родном языке» [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7. Л. 104–106]. И совсем необъяснимым, да и неисполнимым для местных властей был следующий пункт: «при приеме в школы I-ой ступени рекомендовать ОНО строго придерживаться принципа обучения на материнском языке» [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7. Л. 106].

Тем не менее фактически с этого времени Москва, в основном в лице Совета по просвещению национальностей нерусского языка (Совнацмена) Наркомпроса, а нередко и отдела национальностей ВЦИК, начинает активно продвигать тему белорусизации для российских регионов. А 26 января 1926 г. по докладу Псковского губоно постановлением президиума Коллегии Наркомпроса специально для отдельной губернии была даже создана комиссия с целью проведения обследования и выяснения на месте вопросов, связанных с переводом культурно-просветительных учреждений Псковской губернии на белорусский язык [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 41].

В губернии на всех уровнях властных структур, вплоть до волостных исполкомов, начинается дискуссия, которая так и не получит своего внятного разрешения вплоть до конца нэпа, — имелось ли в губернии в значительном количестве белорусское население, и надо ли было вести в его среде работу на белорусском языке (создавать белорусские школы, переводить их на белорусский язык преподавания и т.д.).

Здесь вполне уместно будет напомнить уже означенное в начале статьи выступление Сталина на XII съезде РКП(б) в 1923 г. о возвращении нэпом гнездящегося в советских учреждениях великорусского шовинизма, а вместе с ним и шовинизмов местных. В российских регионах под такую характеристику подпадали утверждения местных властей, что в их уездах или волостях «белорусов нет», а имеется лишь великорусское население, говорящее на несколько «испорченном» или «жаргонном» русском языке.

Редко, но с такой позицией соглашались и отдельные инспекторы, проверявшие состояние работы с национальными меньшинствами. Прочитируем из одной такого рода справки по Псковской губернии за 1926 г.: «По полученным мною сведениям от сельских учителей, Союзов Рабпроса, инструкторов Орг. части Губисполкома и Губкома, а также местных работников, выяснилось, что белорусское население имеется в Себежском, Невельском и Велижском уездах¹, но оно настолько обрусело, что говорит на русском языке, примешивая лишь несколько десятков белорусских слов, и что ему в настоящее время понятнее русский язык, причем добавили, что районы, в которых были белорусы, сохранившие свой язык, уже отошли к Белорусской ССР. В оставшихся в Псковской губ. районах населения, говорящего на белорусском языке, не имеется... При объезде мною одной волости, расположенной ближе к границе Белоруссии, а также при обходе базаров, на которые прибывают крестьяне из разных волостей, я не встретил ни одного гражданина, говорившего бы на белорусском языке» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 42].

На такой же позиции пыталось находиться и местное псковское руководство. Это явствует из отчета губисполкома в отдел национальностей ВЦИК весной 1926 г.: «Составляющие наибольший процент среди национальных меньшинств белорусы, проживающие в Невельском, Велижском и Себежском уездах, настолько обрусели, что числятся белорусами лишь по названию, ибо как разговора, так и литературного белорусского языка ими фактически не применяется. Во время проведения предвыборной кампании местам дано было специальное поручение выявить мнения белорусско-

¹ Три перечисленных уезда были переданы в состав Псковской губернии из упраздненной в 1924 г. Витебской губернии.

го населения о желательности ведения среди них культурно-просветительной работы на их родном языке, на что население отозвалось отрицательно» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 36 об.].

Москву очень беспокоила ситуация, когда на 150 тысяч белорусов в Псковской губернии не было «ни одного учреждения на родном языке учащихся» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 77], то есть на белорусском. При наличии в то же время 6 латышских, 10 эстонских, 5 еврейских и одной польской школы [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 15], хотя численность этих национальных меньшинств была очень незначительной в сравнении с белорусским населением.

Однако Псковский губоно и в следующем отчете для Наркомпроса 1927 г. продолжал настаивать на том, что «основная масса белорусов в большей степени русифицировалась. Произведенные обследования ... установили, что лишь весьма небольшой процент родителей белорусов согласны на открытие для их детей чисто белорусских школ. Такое же отношение части взрослого белорусского населения и к белорусским культурно-просвет учреждениям. Если со стороны других национальностей в деле поднятия своей национальной культуры было проявлено много энергии, со стороны же белорусских масс, благодаря быть может их более низкому культурному уровню, энергии в этом направлении проявлено было мало или вовсе не было. Все это отнюдь не означает, что работу среди белорусов не стоит вести. Наоборот. Но указанные моменты естественно были причиной тому, что за три года, пока наиболее населенные белорусские уезды: Невельский, Себежский и Велижский присоединены к Псковской губернии, сделано немного по специально белорусской работе» [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 352. Л. 2]. «Немного сделанного» подтверждалось и признанием, что белорусские школы, как в прочем и избы-читальни, в 1926/27 г. в губернии «не существовали». Было лишь «в виде опыта» введено обучение белорусскому языку для желающих в 7 школах Невельского уезда [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 352. Л. 7об.].

С образованием в 1929 г. Западной области, в которую вошел и Великолукский округ бывшей Псковской губернии с наиболее «белорусскими» Невельским, Себежским и Велижским районами, обвинения в адрес местных властей в великорусском шовинизме только усиливались. Это было связано с общей установкой Москвы завершить в рамках всеобща коренизацию национальных школ в 1932/33 учебном году, а на местах находили «обыкновенно оправдание в том, что якобы украинское, белорусское и даже татарское и пр. население не желают обучать своих детей на родных языках» [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 467. Л. 48].

В конечном счете, так называемые белорусские школы на Псковщине появятся. В 1928/29 учебном году будет называться цифра — 25 школ. Они будут фигурировать и в отчетах местных властей для Москвы. Фактическая же сторона дела была иной. Псковский профессор А. В. Филимонов дает такое заключение: ««белорусскими» эти школы можно было назвать с большой долей условности», поскольку преподавание всех предметов, за исключением белорусского языка, велось в них на языке русском [Филимонов, 2016: 54].

И никакие обвинения в шовинизме здесь все равно не срабатывали. В марте 1932 г. президиум Комитета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса

РСФСР (Комнац) рассматривал вопрос о состоянии культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств Западной области. В докладе заведующего Запоблоно говорилось: «Коренизация в основном у нас проведена, т. е. национальные школы в основном работают у нас на родном языке, за исключением белорусских и украинских школ, которые коренизированы в среднем на 50–60%....мы заявляем, что если все национальности работают на родном языке, то в отношении украинских и белорусских школ дело обстоит неблагоприятно» [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 479. Л. 4об.].

Такое положение дел в угоду времени рассматривалось как очевидные проявления «великодержавного шовинизма и национализма». Специально работавшая в этом направлении комиссия «вопиющих фактов» не выявила. Но в разряд шовинистских причислялись имевшие место отдельные «факты отрицательного отношения некоторой части учащихся к национальной школе белоруссов, к родному языку». Как, например, обращение в Наркомпрос «отдельных учащихся белорусских школ с требованием перевести преподавание на русский язык якобы потому, что русский язык является для них родным» [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 479. Л. 23].

Искусственность и притяннутость «фактов» шовинизма и/или национализма здесь более чем очевидны. Да и объяснение этому, по сути, «лежало на поверхности»: местные власти подстраивались под менявшуюся политическую конъюнктуру и курс Москвы по отношению к белорусизации и украинизации. Так, в Минске в 1929 г. уже начинались процессы против националистически настроенной интеллигенции после июньского доклада на заседании Центрального Комитета компартии Белоруссии руководителя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) В. П. Затонского. Завершится же все постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии». В Киеве «обратные процессы» в отношении украинизации начнут разворачиваться с конца 1932 г. и быстро приведут к полному восстановлению в системе образования и в госучреждениях русского языка.

Заключение

Несмотря на такие антинационалистические партийные решения начала 1930-х гг. в отношении политики украинизации и белорусизации, профессор Гарвардского университета Терри Мартин характеризует Советский Союз того времени как империю положительной деятельности [Мартин, 2011], взяв для названия книги американскую практику поддержки национальных меньшинств. В целом советская политика коренизации, в оценке автора книги, являлась своего рода реализацией Пьемонтского принципа², как в отношении соседних с Советским Союзом государств, в первую очередь с Польшей, так и внутри страны, в том числе и в границах РСФСР. Именно в таком ключе рассматривалась Москвой и белорусизация в приграничных российских регионах, одной из которых являлась и Псковская губерния.

Никаких значительных результатов в этом направлении на Псковщине, как и в соседней Смоленской и в Брянской губерниях, не было достигнуто. Перевод школ в местах более-менее компактного проживания белорусов на национальный язык не состо-

² По названию региона Италии Пьемонта, вокруг которого произошло объединение страны в XIX в.

ялся. В первую очередь из-за нежелания самого белорусского населения, предпочитавшего для своих детей в эпоху модернизации и связанных с ней широких возможностей социального лифта русский язык.

Но не меньшую роль в этом сыграла и новая экономическая политика, которая реализовывалась практически параллельно с политикой коренизации. На первом своем этапе нэп поставил фактически на грань выживания всю массовую школу, сняв ее с централизованного финансирования. Местным властям явно было не до белорусизации. С середины 1920-х гг. задачи белорусизации будут «отодвинуты в сторону» грандиозными и более важными планами для губернского руководства по подготовке к введению всеобщего. А далее уже последуют поиски «взращенных нэпом» проявлений великодержавного шовинизма и местного национализма и, как следствие, сворачивание политики белорусизации в российских регионах и разворот в сторону повышения престижа русского языка.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Белорусизация в российско-белорусском приграничье в 1920–1930-е годы: практика национального строительства» (проект № 24–28–00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>).

Acknowledgments and funding

The research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant «Belarusization in the Russian-Belarusian Border area in the 1920s and 1930s: the practice of Nation-building» (project No. 24–28–00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисенок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М. : Родина МЕДИА, 2013а. 352 с.

Борисенок Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013б. № 6. С. 55–65.

Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 84. Оп. 1. Д. 239.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 296. Оп. 1. Д. 352.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 296. Оп. 1. Д. 467.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 296. Оп. 1. Д. 479.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М. : Изд-во политической литературы, 1968. 921 с.

Декрет СНК РСФСР «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» 15 сентября 1921 г. URL: <https://goo.su/UElePs0> (дата обращения: 25.02.2025).

Дроздов К. С. Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В. В. Трепавлова. М. : Ин-т российской истории РАН, 2022. Вып. 9. С. 204–225.

Кодин Е. В. Белорусский фронт 1920-х годов: состоялась ли белорусизация в российско-белорусском приграничье? // Журнал фронтирных исследований. 2024а. Т. 9. № 3. С. 175–199.

Кодин Е. В. НЭП против белорусизации: проблемы школьного строительства в российско-белорусском приграничье в 1920-е годы, Брянская губерния // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы исследовательского проекта по белорусоведению. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2024б. Вып. 10. С. 139–150.

Кодин Е. В. Школы Смоленщины в эпоху нэпа: от выживания к развитию // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 2 (54). С. 187–204.

Короткова Д. А. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59.

Маркова М. Т. Очерки истории народного образования Псковской губернии. 1900–1927 гг. Псков, 2004. 108 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН: Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 662 с.

Мезга Н. Н. Польский фактор в процессе становления БССР как белорусского национального государства // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : материалы исследовательского проекта по белорусоведению. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2024. Вып. 10. С. 10–23.

Народное образование в Псковской губернии: по предварительным итогам текущего обследования учреждений народного образования 1921 года. Псковское губернское статистическое бюро. Псков: Первая государственная типография, 1921. 26 с.

Некрылова О. Г. Опыт создания договорных школ в условиях строительства советской школьной системы 1920-х гг. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2021. № 2 (27). С. 82–86.

Псковский набат. 1921. 23 сентября.

Псковский набат. 1922а. 12 сентября.

Псковский набат. 1922б. 14 ноября.

Псковский набат. 1923а. 17 мая.

Псковский набат. 1923б. 5 июня.

Псковский набат. 1923 в. 7 сентября.

Псковский набат. 1923 г. 24 октября.

Рабочий путь. 1922, 25 мая.

Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сочинения. М. : Госполитиздат, 1949. С. 141–172.

Старовойтов М. И. Белорусизация в условиях этнолингвистического и урбанизационного процессов в БССР (1920–1930 гг.) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : материалы исследовательского проекта по белорусоведению. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2024. Вып. 10. С. 59–75.

Филимонов А. В. Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.) // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сборник научных трудов. 2016. № 22. С. 45–55.

Ялозина Е. А. Плата за обучение в советской школе в 1920-е гг. // Манускрипт. 2015. № 12. С. 218–221.

REFERENCES

Borisenok Yu. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdu Pol'shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka* [At the sharp turns of the Belarusian history: Society and the State between Poland and Russia in the first half of the 20th century]. Moscow: Rodina MEDIA, 2013a, 352 p. (in Russian).

Borisenok Yu. A. Pol'skii faktor v nacional'no politike sovetskoi vlasti v Belorussii v 1920–1930-e gody [The Polish factor in the national policy of the Soviet government in Belarus in the 1920s and 1930s]. *Novaya i novejshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2013b, no. 6, pp. 55–65 (in Russian).

Dekret SNK RSFSR “O merakh k uluchsheniyu snabzheniya shkol i drugih prosvetitel'nykh uchrezhdenii” 15 sentyabrya 1921 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR “On measures to improve the supply of schools and other educational institutions” September 15, 1921]. URL: <https://goo.su/UElePs0> (accessed: 25 February, 2025) (in Russian).

Drozдов K. S. Belorusizatsiya v Sovetskoi Rossii v 1920–1930-e gg.: tseli, metody i rezul'taty [Belarusization in Soviet Russia in the 1920s and 1930s: goals, methods, and results]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh: K yubileyu V. V. Trepavlova*. [The history of the peoples of Russia in research and documents: On the anniversary of V. V. Trepavlov]. Moscow: Institut rossijskoi istorii RAN, 2022, iss. 9, pp. 204–225 (in Russian).

Dvenadcatyi s'ezd RKP (b). 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskij otchet. [The Twelfth Congress of the Russian Communist Party (b). April 17–25, 1923. Verbatim report.]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968, 921 p. (in Russian).

Filimonov A. V. Belorusy v Pskovskom krae (1920-e gg.) [Belarusians in the Pskov Region (1920s)]. *Uchenye zapiski UO “VGU imeni P. M. Masherova”: sbornik nauchnykh trudov* [Scientific notes of the educational institution “VSU named after P. M. Masherov”: collection of scientific papers]. 2016, no. 22, pp. 45–55 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti (GABO) [State Archive of the Bryansk region (SABR)]. Fund 84. Inventory 1. File 239. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO) [State Archive of the Pskov region (SAPR)]. Fund R-310. Inventory 1. File 2. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO) [State Archive of the Pskov region (SAPR)]. Fund R-310. Inventory 1. File 7. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO) [State Archive of the Pskov region (SAPR)]. Fund R-590. Inventory 1. File 1353. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R 1235. Inventory 120. File. 52. (in Russian).

Gosudarstvennyj arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund A 296. Inventory 1. File 352. (in Russian).

Gosudarstvennyj arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund A 296. Inventory 1. File 467. (in Russian).

Gosudarstvennyj arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund A 296. Inventory 1. File 479. (in Russian).

Gosudarstvennyj arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R 1235. Inventory 120. File 52. (in Russian).

Kodin E. V. Belorusskii frontir 1920-kh godov: sostoyalas' li belorusizatsiya v rossiisko-belorusskom prigranich'e? [The Belarusian frontier of the 1920s: did Belarusization take place in the Russian-Belarusian border area?]. *Zhurnal frontirnykh issledovanii* [Journal of Frontier Studies], 2024a, vol. 9, no. 3, pp. 175–199 (in Russian).

Kodin E. V. Nep protiv belorusizatsii: problemy shkol'nogo stroitel'stva v rossiisko-belorusskom prigranich'e v 1920-e gody, Bryanskaya guberniya [NEP against Belarusization: problems of school construction in the Russian-Belarusian border area in the 1920s, Bryansk province]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem: materialy issledovatel'skogo proekta po belorusovedeniyu* [Russia and Belarus: history and culture in the past and present: materials of the research project on Belarusian studies]. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2024b, iss. 10, pp. 139–150 (in Russian).

Kodin E. V. Shkoly Smolenshchiny v epokhu nupa: ot vyzhivaniya k razvitiyu [Smolensk schools in the NEP era: from survival to development]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Smolensk State University]. 2021, no. 2 (54), pp. 187–204 (in Russian).

Korotkova D. A. “Ukrupnenie BSSR” v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vliyaniya v Pol'she [The “Enlargement of the BSSR” in 1923–1924: the factor of Soviet influence in Poland]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. 2018, no. 5, pp. 48–59 (in Russian).

Markova M. T. *Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Pskovskoi gubernii. 1900–1927 gg.* [Essays on the history of public education in Pskov province. 1900–1927]. Pskov, 2004, 108 p. (in Russian).

Martin T. *Imperiya “polozhitel'noi deyatel'nosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939.* [The Empire of “positive activity”. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN: Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El'cina”, 2011, 662 p. (in Russian).

Mezga N. N. Pol'skii faktor v protsesse stanovleniya BSSR kak belorusskogo natsional'nogo gosudarstva [The Polish factor in the formation of the BSSR as a Belarusian national state]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem: materialy issledovatel'skogo proekta po belorusovedeniyu* [Russia and Belarus: history and culture in the past and present: materials of the research project on Belarusian studies]. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2024, iss. 10, pp. 10–23 (in Russian).

Narodnoe obrazovanie v Pskovskoi gubernii: po predvaritel'nyim itogam tekushchego obsledovaniya uchrezhdenij narodnogo obrazovaniya 1921 goda. [Public education in Pskov province: according to the preliminary results of the current survey of public education institutions in 1921]. Pskovskoe gubernskoe statisticheskoe byuro. Pskov: Pervaya gosudarstvennaya tipografiya, 1921, 26 p. (in Russian).

Nekrylova O. G. Opyt sozdaniya dogovornykh shkol v usloviyakh stroitel'stva sovetskoi shkol'noi sistemy 1920-kh gg. [The experience of creating contractual schools in the context of the construction of the Soviet school system in the 1920s]. *Problemy sotsial'nykh*

i gumanitarnykh nauk [Problems of social sciences and humanities]. 2021, no. 2 (27), pp. 82–86 (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1921. 23 sentyabrya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1922a. 12 sentyabrya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1922b. 14 noyabrya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1923a. 17 maya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1923b. 5 iyunya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1923g. 24 oktyabrya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1923v. 7 sentyabrya (in Russian).

Rabochii put' [Rabochiy Put]. 1922, 25 maya (in Russian).

Stalin I. V. K voprosam agrarnoi politiki v SSSR. Rech' na konferentsii agrarnikov-marksistov 27 dekabrya 1929 g. [On the issues of agrarian policy in the USSR. Speech at the conference of agrarian Marxists on December 27, 1929]. *Sochineniya* [The essays]. Moscow: Gospolitizdat, 1949, vol. 12, pp. 141–172 (in Russian).

Starovoitov M. I. Belorusizatsiya v usloviyakh etnolingvisticheskogo i urbanizatsionnogo protsessov v BSSR (1920–1930 gg.) [Belarusization in the context of ethnolinguistic and urbanization processes in the BSSR (1920–1930)]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem: materialy issledovatel'skogo proekta po belorusovedeniyu* [Russia and Belarus: history and culture in the past and present: materials of the research project on Belarusian studies]. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2024, iss. 10, pp. 59–75 (in Russian).

Yalozina E. A. Plata za obuchenie v sovetskoi shkole v 1920-e gg. [Tuition fees at the Soviet school in the 1920s.]. *Manuskript* [The Manuscript], 2015, no. 12, pp. 218–221 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.05.2025

Принята к публикации: 28.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 314

DOI 10.14258nreur(2025)3–07

*Т. Б. Смирнова**Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омский научный центр СО РАН, Омск (Россия)*

НАРОДЫ СИБИРИ, ИХ ЧИСЛЕННОСТЬ И ЕЕ ДИНАМИКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Распад СССР привел к глобальным и необратимым последствиям во всех сферах жизни нашей страны, в том числе в сфере демографических процессов. В статье анализируется динамика численности народов, проживающих на территории Сибирского федерального округа, в составе которого находятся три республики (Алтай, Тыва, Хакасия), два края (Алтайский и Красноярский), пять областей (Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская). За постсоветский период произошли изменения этнической структуры населения Сибири, а также численности живущих здесь народов. Общая численность населения уменьшилась с 18 млн 490 тыс. чел. в 1991 г. до 16 млн 493 тыс. чел. в 2025 г., то есть на 2 млн чел. за 33 года (11%). Существуют значительные отличия демографических процессов у разных народов. В абсолютных значениях больше всего снизилась численность русских — на 2 млн 795 тыс. чел., уменьшилась доля русских в национальных республиках, в Республике Тыва — с 32 до 10%. Снизилась численность народов, которые называют «старыми диаспорами»: количество украинцев в регионах Сибирского округа за постсоветский период сократилось с 542,0 до 72,8 тыс. чел., белорусов — с 124,3 до 15,7 тыс. чел. Основные причины — снижение рождаемости, естественная ассимиляция и выезд в другие регионы России. Низкая рождаемость, ассимиляция и эмиграция стали причинами снижения численности немцев, евреев, греков, поляков, латышей, эстонцев. Убыль населения в Сибири частично компенсировалась мигрантами из бывших советских республик, в первые годы после распада Советского Союза — русскими и русскоязычными, а затем — представителями титульных народов Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Численность этих «новых диаспор» в Сибири существенно выросла: киргизов — в 3,3 раза, узбеков — в 2,5 раза, для таджиков характерен почти 10-кратный рост. Коренные малочисленные народы Сибири имеют хотя и небольшую, но стабильную численность за счет более высокой рождаемости и социальных льгот. В результате демографических процессов постсоветского периода сложилась совершенно иная, чем в Советском Союзе, этническая структура населения Сибири.

Ключевые слова: народы Сибири, демографические процессы, численность населения, рождаемость, миграции, национальность

Для цитирования:

Смирнова Т.Б. Народы Сибири, их численность и ее динамика в постсоветский период // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 121–141. DOI 10.14258nreur(2025)3–07

Смирнова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, ведущий научный сотрудник Омского научного центра СО РАН, Омск (Россия).

Адрес для контактов: smirnovatb@omsu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

T.B. Smirnova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk Scientific Center SB RAS, Russia (Omsk)

NATIONS OF SIBERIA, THEIR NUMBER AND ITS DYNAMICS IN THE POST-SOVIET PERIOD

The collapse of the USSR led to global and irreversible consequences in all spheres of life of our country, including demographic processes. The article analyzes the dynamics of the number of peoples living on the territory of the Siberian Federal District, which includes 3 republics (Altai, Tuva, Khakassia), 2 territories (Altai and Krasnoyarsk), 5 regions (Irkutsk, Kemerovo, Novosibirsk, Omsk and Tomsk). The post-Soviet period has seen changes in the ethnic structure of Siberia's population and changes in the number of peoples living here. The total population decreased from 18 million 490 thousand people in 1991 to 16 million 493 thousand people in 2025, i. e. by 2 million people in 33 years (11%). There are significant differences in demographic processes among different nations. In absolute terms, the number of Russians has decreased most of all — by 2,795,000 people; the share of Russians in the national republics and in the Republic of Tuva has decreased from 32 to 10%. The number of peoples called “old diasporas” has decreased: the number of Ukrainians in the regions of the Siberian District in the post-Soviet period decreased from 542.0 to 72.8 thousand people, Belarusians — from 124.3 to 15.7 thousand people. The main reasons are lower birth rates, natural assimilation and emigration to other regions of Russia. Low birth rates, assimilation and emigration were the reasons for the decline in the number of Germans, Jews, Greeks, Poles, Latvians and Estonians. The population loss in Siberia was partially compensated by migrants from the former Soviet republics, in the first years after the collapse of the Soviet Union — Russians and Russian-speakers, and later — representatives of the titular peoples of Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan. The number of these “new diasporas” in Siberia has grown significantly: Kyrgyz — 3.3 times, Uzbeks — 2.5 times, Tajiks are characterized by almost 10-fold growth. Indigenous small-numbered peoples of Siberia have, although small, but stable numbers, due to higher birth rates and social benefits. As a result of demographic

processes of the post-Soviet period, the ethnic structure of Siberia's population is quite different from that of the Soviet Union.

Keywords: Nations of Siberia, demographic processes, population size, birth rate, migration, ethnicity

For citation:

Smirnova T.B. Nations of Siberia, their number and its dynamics in the post-Soviet period. *Nations and Religions of Eurasia*. 2025. Т. 30, №3, P. 121–141 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–07.

Smirnova Tatiana Borisovna, doctor of Historical Sciences, Dostoevsky Omsk State University, Professor of the Department of World History, Omsk Scientific Center SB RAS, Senior Researcher, Omsk (Russia). **Contact address:** smirnovatb@omsu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

Введение

Численность народов Советского Союза значительно изменилась после его распада во всех республиках, в том числе и в Российской Федерации. В России прежде всего снизилась и продолжает снижаться общая численность населения: в 1989 г. в РСФСР проживало 147,4 млн чел., в 2002 г. в Российской Федерации — 145,1 млн чел., в 2010 г. — 142,9 млн чел., в 2020 г. (с учетом Крыма) — 146,7 млн чел. В январе 2025 г., по данным Росстата, численность населения России составила 146,0 млн чел. [Численность и состав населения, <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>].

Наиболее заметным снижением численности населения проявляется в северо-восточных регионах страны. Если до распада СССР население Сибири и Дальнего Востока постоянно увеличивалось, то в начале 1990-х гг. происходит «демографический разворот», нарастает миграционный переток населения с востока на запад, в основном в центральные и юго-западные регионы страны.

Убыль населения частично компенсировалась мигрантами из бывших советских республик, в первые годы после распада Советского Союза — русскими и русскоязычными, а затем — представителями титульных народов Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Постоянный миграционный обмен происходит с Республикой Казахстан. Демографические процессы постсоветского периода, имевшие высокую интенсивность, значительно изменили этнический состав населения Азиатской России, а также численность всех населяющих ее народов.

Основным источником для изучения этнодемографических процессов являются переписи населения, которые проводились в СССР, в Российской Федерации и в постсоветских государствах, материалы текущего учета населения, а также материалы этнографических экспедиций, социологических опросов и экспертных интервью. Следует отметить высокую достоверность количественных источников по этнодемографии, особенно Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г.

Перепись населения 1989 г. представляет собой уникальный источник о народонаселении Советского Союза накануне его распада. Эта перепись отличалась разработанной методологией проведения, учитывала международные требования к демографическим показателям, характеризовалась подробностью и высокой степенью достоверности. Все постсоветские переписи по сравнению с ней, особенно «пандемийная» 2020 (2021) г., имели гораздо более низкий уровень проведения и более значительные погрешности. Итоги Всесоюзной переписи 1989 г. издавались в течение нескольких лет, и последние материалы выходили из печати уже после распада Советского Союза.

Это производило сильное впечатление при работе с материалами переписи исчезнувшей страны, население которой находилось в хаотичном движении, русские массового бежали из бывших союзных республик, началась эмиграция в невиданных ранее масштабах, евреи и немцы ринулись в Израиль и Германию, царили разруха, ощущение катастрофы и одновременно — невероятной новизны. И в это самое время типографии продолжали печатать тома статистических данных о стране, которой уже не было. Следует отметить высокую ценность Всесоюзной переписи 1989 г., поскольку сейчас мы имеем очень точный источник данных о народонаселении, в том числе о национальном составе населения республик и других территориальных субъектов на момент обретения ими независимости.

Первая постсоветская перепись была проведена в Российской Федерации в 2002 г., с небольшими погрешностями. Но больше всего претензий было высказано к результатам Всероссийской переписи населения 2020 (2021) г., потому что в материалах этой переписи у 16,5 млн чел. (11% наличного населения) не была указана национальность [Тишков, 2023].

В материалах текущего учета населения национальность перестали фиксировать в 1997 г. [Федеральный закон, <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11681>], национальность мигрантов разрабатывалась статистикой до 2007 г. включительно, а после этого фиксировалось только гражданство [Демографический ежегодник России, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>]. Учитывая все эти сложности с определением национальности, в этнодемографических исследованиях не обойтись без применения качественных методов (наблюдение в полевых исследованиях, интервью, экспертные опросы), хотя основным источником по-прежнему остается статистика.

Общие сведения о численности народов Сибири

Рассмотрим изменения численности народов на территории Сибирского федерального округа (СФО). Очевидно, что Сибирь по своим размерам намного больше, чем такое административно-территориальное образование, как СФО, созданный в 2000 г. К Сибири, конечно же, относится Тюменская область, которая вместе с ХМАО и ЯНАО формально входит в Уральский Федеральный округ. Два региона СФО — Республика Бурятия и Забайкальский край, в 2018 г. были переданы в Дальневосточный федеральный округ (ДФО). Решение это никак не объяснялось официально, комментарии экспертов сводились к тому, что эти отсталые в экономическом плане регионы получили возможности дополнительного финансирования в рамках дальневосточных проектов. На наш взгляд, кроме экономических причин и аппаратных мотивов, свою роль сыграли и демографические обстоятельства: к Дальнему Востоку, стремительно теряюще-

му население, несмотря на многочисленные программы развития и финансовые вливания, присоединялись более стабильные в плане народонаселения территории, которые могли внешне смягчить демографические потери ДФО.

Сибирский округ из-за передачи регионов в другие федеральные округа как на западе, так и на востоке, конечно, уменьшился, но по-прежнему остался огромным. Территория округа составляет 4361,7 тыс. кв. км (25,47% от территории РФ), население на 1 января 2023 г. — 16 млн 645,8 тыс. чел. (11,37% от численности населения России), на начало 2024 г. — 16 млн 567,1 тыс. чел., 2025 г. — 16 млн 493 тыс. чел. [Численность и состав населения, <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>].

В составе округа находятся 10 субъектов Российской Федерации, в том числе, три республики (Алтай, Тыва, Хакасия), два края (Алтайский и Красноярский), пять областей (Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская). Столицей округа является Новосибирск.

На этнический состав населения округа большое влияние оказывает приграничное положение, особенно его южных районов. Протяженность государственной границы составляет в пределах СФО 4348 км, в том числе: с Республикой Казахстан — 2690 км; с Монголией — 1603 км; с Китайской Народной Республикой — 55 км [Официальный сайт полномочного..., <http://sfo.gov.ru/okrug/>]. Именно в южных районах сосредоточено основное население Сибири, что связано с логистикой — здесь проходил Сибирский тракт, была проложена Транссибирская магистраль, проходят федеральные трассы с запада на восток и на юг. Переселение русских, которые составляют в настоящее время подавляющее большинство населения, и других народов, которые вместе с русскими осваивали грандиозные просторы Сибири, проходило как раз по южным рубежам России.

С самого начала освоения и до распада Советского Союза население Сибири постоянно увеличивалось, причем быстрыми темпами и очень неравномерно по историческим периодам. Основными причинами роста населения, помимо высокой рождаемости, были массовые аграрные переселения (особенно масштабные в период Столыпинской реформы), ссылка, эвакуация в годы Великой Отечественной войны (по оценкам, на Восток страны было эвакуировано около 20 млн чел.), депортация народов, освоение целины на юге Сибири, освоение нефтегазовых месторождений на севере, промышленное строительство.

На момент распада Советского Союза, на 1 января 1991 г., его население составляло 290 млн 077 тыс. чел., численность населения Российской Федерации — 148 млн 543 тыс. чел., за Уралом проживало 32 млн 458 тыс. чел. Из них в Западно-Сибирском районе (включая Тюменскую область) проживало 15 млн 158 тыс. чел., в Восточно-Сибирском районе (включая Бурятскую ССР и Читинскую область) — 9 млн 243 тыс. чел., в Дальне-Восточном районе — 8 млн 057 тыс. чел. [Демографический ежегодник 1991 года]. Таким образом, на территории Сибири и Дальнего Востока, которая составляет 75% территории России, проживало 22% населения страны.

Для того, чтобы корректно отобразить динамику численности населения, надо провести расчеты в современных границах СФО. Так, в 1991 г. на территориях, которые сейчас входят в состав СФО, проживало всего 18 млн 490 тыс. чел. По отдельным ре-

гионам численность населения была следующая: Алтайский край (включая 192 тыс. чел. в Горно-Алтайской автономной области) — 2 млн 851 тыс. чел., Красноярский край (включая 569 тыс. чел. в Хакасской автономной области) — 3 млн 625 тыс. чел., Республика Тува — 307 тыс. чел., Иркутская область — 2863 тыс. чел., Кемеровская область — 3180 тыс. чел., Новосибирская область — 2796 тыс. чел., Омская область — 2163 тыс. чел., Томская область — 1012 тыс. чел. [Демографический ежегодник 1991 года].

Если сравнивать данные текущей статистики 1991 г. с результатами Всесоюзной переписи 1989 г., то можно отметить небольшой прирост в 1991 г. во всех регионах, за исключением Тувы, где населения стало меньше из-за начавшейся эмиграции русского населения. Выезд русских из национальных республик в 1990 гг. становится очевидным, причем не только из союзных республик, но и из бывших автономных республик на территории Российской Федерации, провозгласивших свой суверенитет. Так, по данным переписи 1989 г., численность русских в Тувинской АССР составляла 98831 чел. (32% от всего населения), а по переписи 2002 г. — уже только 61442 чел. (20% от всего населения).

Миграции русских в первые годы после распада СССР определяли всю территориальную миграционную ситуацию на постсоветском пространстве. Русские, проживавшие в бывших союзных республиках, массово выезжали в Россию. В первую очередь бежали из республик Центральной Азии, где они подвергались дискриминации, а нередко — прямому насилию. Вместе с русскими из азиатских республик, выстраивающих свои национальные государства, выезжали представители всех нетитульных народов. Ехали в основном к родственникам во всех регионах России, в большом количестве приезжали в Сибирь из-за территориальной близости, недорого жилья, наличия работы. Евреи, греки и немцы двинулись на историческую (или, как они шутили, — на «доисторическую») родину.

Жители Сибири, в свою очередь, стали выезжать в регионы европейской части России, за границу (у кого была такая возможность), по социально-экономическим причинам. Экономический кризис 1990-х гг. привел к девальвации «северных» зарплат и льгот, тяжелые условия и низкий уровень жизни определили тренды внутрироссийской миграции в направлении с востока и севера на запад и юг. С этого момента Сибирь, которая на протяжении всей своей истории освоения приобретала население, стала стремительно его терять. С этого момента сальдо внутрироссийской миграции у Сибири стало стабильно отрицательным, а численность населения неуклонно снижалась.

Конечно, были эпизоды демографических плюсов, связанных с внешними миграциями, или с пиковыми повышениями рождаемости, или с различиями между регионами внутри Сибири, но общая тенденция не менялась с момента распада СССР — это неуклонное снижение численности населения. В результате, общая численность населения на территориях Сибири, входящих в Сибирский федеральный округ, уменьшилась с 18 млн 490 тыс. чел. в 1991 г. до 16 млн 493 тыс. чел. в 2025 г., то есть на 2 млн чел. за 33 года. Потери составляют 11% от населения времен позднего СССР. Скорее всего, снижение несколько больше из-за того, что текущий учет населения ведется по месту регистрации людей, многие из которых выезжают за пределы региона или даже за рубеж, не снимаясь с регистрационного учета.

Снижение общей численности населения продолжается и даже нарастает, особенно это стало заметно в последние годы в связи со снижением естественного прироста населения. Изменения численности населения, которые произошли за 2024 г. в регионах СФО, представлены в таблице 1 [Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025, <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>].

Таблица 1

Численность населения и компоненты ее изменения в регионах Сибирского федерального округа на 1 января 2025 г. в сравнении с численностью на 1 января 2024 г., чел.

Table 1

Population size and components of its change in the regions of the Siberian Federal District as of January 1, 2025, compared with the population as of January 1, 2024

Сибирский федеральный округ	Численность населения		Изменения за 2024 г., в том числе прирост		
	на 1 января 2025	на 1 января 2024	общий	естественный	миграционный
Республика Алтай	210 095	210 765	–670	–173	–497
Республика Тыва	338 483	337 544	939	2 056	–1 117
Республика Хакасия	525 557	528 175	–2 618	–2 571	–47
Алтайский край	2 099 186	2 115 308	–16 122	–17 033	911
Красноярский край	2 837 988	2 846 120	–8 132	–11 594	3 462
Иркутская область	2 322 292	2 330 537	–8 245	–9 901	1 656
Кемеровская область	2 527 219	2 547 684	–20 465	–20 097	–368
Новосибирская обл.	2 786 540	2 789 532	–2 992	–12 666	9 674
Омская область	1 805 806	1 818 093	–12 287	–10 877	–1 410
Томская область	1 039 728	1 043 385	–3 657	–5 275	1 618
Итого	16 492 894	16 567 143	–74 249	–88 131	13 882

Причинами снижения количества людей, живущих в Сибири, являются отрицательная межрегиональная миграция и отрицательный естественный прирост. В настоящее время отрицательное сальдо миграции (включая международную) складывается в Республике Алтай, Республике Тыва, Республике Хакасия, Кемеровской и Омской областях, а отрицательный естественный прирост — во всех регионах, за исключением Тывы. Общее снижение численности населения связано в первую очередь со снижением численности русских.

Русские

Русские составляют большинство населения во всех регионах Сибири, кроме Тывы. Сибирский федеральный округ в целом является лидером по удельному весу русских в этнической структуре населения. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Центральном федеральном округе доля русских составляет 89,1%, в Северо-Западном — 83,07%, в Дальневосточном — 78,9%, еще ниже она в остальных федеральных округах. В целом по Российской Федерации доля русских составляет 80,9% [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/].

[perepis2010/croc/vol4pdf-m.html](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami)]. В Сибирском федеральном округе (без Бурятии и Забайкалья) доля русских, по данным переписи 2020 г., составляет 90,8% [Итоги ВПН-2020, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami].

В 1989 г., перед распадом Советского Союза, численность русских в РСФСР составляла 119 млн 866 тыс. чел. (81,5% населения республики). Численность населения в регионах, входящих сейчас в СФО, составляла 18 млн 654 тыс. чел., из них русские — 16 млн 210 тыс. чел. (87,0%). Лиц, не указавших национальность, на всю РСФСР было 15,5 тыс. чел., в Сибири — несколько сотен, что можно считать статистической погрешностью, поэтому в расчетах национальности этих людей не учитывались. Постсоветские переписи населения столкнулись с проблемой фиксации национальности. Если в документах советского периода (начиная с 1930-х гг.) указание национальности было обязательным и наследовалось (можно было указать национальность отца или матери), то в документах Российской Федерации записи о национальности отменялись, а собственная национальная (этническая) принадлежность стала определяться самим человеком, независимо от происхождения. Национальность перестали указывать не только в личных документах, но и в формах текущего учета населения. Перепись населения стала единственным инструментом фиксации государством национальности (этнической принадлежности).

Национальность (субъективная, мотивированная и ситуативная категория) записывалась со слов человека, поэтому в российских переписях появилось большое количество людей, которые указывали несуществующие национальности (особенно много их было в первой постсоветской переписи 2002 г., когда этническое самоопределение было в новинку). И много было людей, которые не указывали национальность, или указывали национальность «россиянин», отождествляя национальность и гражданство. В 2010 г. в материалах переписи таких людей стало еще больше. При проведении переписи в 2020 г. национальность не была указана у 16,5 млн чел., из них 7 млн чел. отказались отвечать на вопрос о национальности, а остальные были переписаны по данным МВД, в которых национальность не фиксировалась. Более миллиона человек назвали себя россиянами, еще полмиллиона сказали, что не могут определить свою национальность, у них ее нет. Поэтому при определении национального (этнического) состава населения по данным переписи 2020 г., расчеты доли тех или иных национальностей ведутся от тех людей, кто указал свою национальность. Так, по данным Всероссийской переписи 2020 г., численность населения РФ составила 147 млн 182 тыс. чел., указали национальную принадлежность 130 млн 587 тыс. чел. [Итоги ВПН-2020, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami]. В регионах расчеты по 2020 г. также ведутся от тех людей, кто указал свою национальность. В таблице по 2020 г. указана численность населения и через откос (/) показана численность указавших национальность. Доля в процентах указана именно от них. В общую численность русских при разработке материалов переписи были включены те, кто определил свою этническую принадлежность как великороссы, сибиряки, староверы, гураны, кержаки, русаки, семейские, нууча, мещеряки, чалдоны), а также казаки и поморы. Численность русских и их доля по данным переписей 1989 г. и 2020 г. представлена в таблице 2 [Всесоюзная перепись населения 1989 года, <https://>

www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; Итоги ВПН-2020, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami].

Таблица 2

Общая численность населения и численность русских в регионах Сибири по данным переписей населения 1989 и 2020 гг., чел.

Table 2

The total population and the number of Russians in the regions of Siberia according to the population censuses of 1989 and 2020

Регион Сибири	1989			2020		
	Численность, чел.		Доля в процентах	Численность, чел.		Доля от указавших национальность, %
	всего населения	русских		всего населения/указавших национальность	русских	
Алтайский край	2 822 092	2 469 669	87,5	2 163 693/ 1 952 433	1 863 686	95,5
<i>В т. ч. Горно-Алтайская область</i>	<i>190 831</i>	<i>115 188</i>	<i>60,4</i>	-	-	-
Республика Алтай	-	-	-	210 924/ 197 888	106 258	53,7
Кемеровская обл.	3 171 134	2 870 125	90,5	2 600 923/ 2 393 166	2 280 108	95,3
Новосибирская обл.	2 778 724	2 556 934	92,0	2 797 176/ 2 321 488	2 185 710	94,2
Омская обл.	2 141 909	1 720 387	80,3	1 858 798/ 1 678 302	1 488 842	88,7
Томская обл.	1 001 653	883 767	88,2	1 062 666/ 859 664	802 719	93,4
Красноярский край	3 605 454	3 110 972	86,3	2 856 971/ 2 544 665	2 382 723	93,6
<i>В том числе Хакасская авт. область</i>	<i>566 861</i>	<i>450 430</i>	<i>79,5</i>	-	-	-
Республика Хакасия	-	-	-	534 795/ 433 781	356 325	82,1
Иркутская обл.	2 824 920	2 499 460	88,5	2 370 102/ 2 079 287	1 917 265	92,2
Тувинская АССР / Республика Тыва	308 557	98 831	32,0	336 651/ 315 558	31 927	10,1
Итого	18 654 433	16 210 145	87,0	16 792 699/ 14 776 232	13 415 563	90,8

Сравнивая результаты последних советской и российской переписей населения, проведенных с интервалом в 32 года, можно утверждать, что снижение общей численности населения связано в первую очередь со снижением численности русских. Снижение общей численности произошло во всех регионах СФО, за исключением Республики Тыва (+ 28,1 тыс. чел.), Республики Алтай (+ 20,1 тыс. чел.), Томской (+ 61,0 тыс. чел.) и Новосибирской (+ 18,5 тыс. чел.) областей. Уже после проведения переписи в 2021 г. падение численности населения было отмечено и в Томской, и в Новосибирской об-

ластях. Таким образом, устойчивый, хотя и небольшой, рост населения демонстрируют только два национальных субъекта СФО — Республика Алтай и Республика Тыва.

Причина роста населения в этих регионах заключается в высокой рождаемости, которая, в свою очередь, связана с преобладанием здесь сельского населения. При общесибирской доле сельских жителей в 25%, в Тыве они составляют 45%, а в Горном Алтае — 69%, больших городов здесь нет, образ жизни более традиционный. Количество людей, живущих в этих республиках, невелико и не может оказать влияние на демографические тенденции в Сибири целом.

Общее снижение численности населения за постсоветский период в регионах СФО составило 2 млн чел. Количество русских уменьшилось во всех без исключения регионах. Снижение абсолютной численности русских с 1989 по 2020 г. составило в Алтайском крае — 491,0 тыс. чел., Республике Алтай — 8,9 тыс. чел., Кемеровской области — 590,0 тыс. чел., Новосибирской области — 371,2 тыс. чел., Омской области — 231,5 тыс. чел., Томской области — 81,1 тыс. чел., Красноярском крае — 371,9 тыс. чел., Республике Хакасия — 94,1 тыс. чел., Иркутской области — 582,2 тыс. чел., Республике Тыва — 67,0 тыс. чел. В целом, в регионах СФО в период между переписями 1989 и 2020 (2021) гг. русских стало меньше на 2 млн 795 тыс. чел. Если по абсолютным значениям самая большая убыль отмечена в Кемеровской и Иркутской областях, то в процентном отношении по убыли русского населения лидируют Республика Хакасия (минус 21% от численности русского населения в 1989 г.) и Республика Тыва (минус 68%).

Логично было бы предположить, что вместе со снижением абсолютной численности русских должна снижаться и их доля в этническом составе населения. Но доля русских, напротив, выросла повсеместно (кроме Тывы), и это может показаться демографическим парадоксом: абсолютная численность серьезно снизилась, а доля выросла. Проведенный анализ численности всех народов показывает, что этот парадокс является результатом процесса естественной ассимиляции народов, близких к русским по языку и культуре — украинцев, белорусов, немцев, поляков, латышей и др. Эти народы сейчас принято называть старыми диаспорами, в отличие от диаспор новых — представителей народов Закавказья и Центральной Азии, которые жили в Сибири и раньше, но далеко не в таком количестве, как после распада Советского Союза.

Старые и новые диаспоры

Рост численности народа и/или его удельного веса в этническом составе населения может происходить по трем причинам: высокий естественный прирост (превышение рождаемости над смертностью), приток населения в результате иммиграции и третья причина — смена идентичности детьми от смешанных браков, или естественная ассимиляция народа со стороны этнического большинства. Анализируя сложившуюся у народов Сибири демографическую ситуацию, можно сказать, что рождаемость у русских находится ниже уровня естественного воспроизводства уже несколько десятилетий. Впервые суммарный коэффициент рождаемости у русских опустился ниже уровня естественного воспроизводства (он составляет 2,1 ребенка на одну женщину в возрасте 15–49 лет) в 1967 г., когда закончился послевоенный бэби-бум. Перед распадом СССР, в 1988–1989 гг. суммарный коэффициент рождаемости у русских составил 1,934 [Демографический ежегодник 1991 года: 411].

Общее количество рождений в России повышалось в 1985–1987 и 2014–2016 гг. Это были так называемые пиковые подъемы рождений, которые были связаны с вступлением в детородный возраст большого количества женщин, образующих волны послевоенных поколений. Происходило увеличение количества рождений, но сам коэффициент рождаемости неуклонно снижался, что приводило после коротких подъемов к пиковым падениям. Падение рождаемости в 1992–1998 гг. получило название «русский крест» из-за пересечения на графиках кривых смертности и рождаемости, которое означало, что коэффициент рождаемости уже никогда не сможет превысить коэффициент смертности из-за сложившейся структуры поколений. Последнее падение рождаемости началось в 2017 г. и продолжается в настоящее время. Таким образом, естественный прирост у русских имеет отрицательные значения и никак не может обеспечить увеличение их доли в общей структуре населения.

Миграционные процессы в Сибири в постсоветский период имеют положительный вектор внешних (международных) миграций и отрицательный — миграций внутри страны. В 1990-е гг. много русских прибыло в сибирские регионы из стран ближнего зарубежья, главным образом из республик Центральной Азии, но этот миграционный потенциал уже давно исчерпан. Поэтому следует признать, что в настоящее время главной среди причин, увеличивающих долю русских в этнической структуре населения, является третья причина — естественная ассимиляция этническим большинством небольших по численности этнических групп — украинцев, белорусов, поляков, немцев, мордвы и других народов, которые осваивали восточные регионы страны вместе с русскими.

Сибирь всегда была притягательной для переселенцев. Огромные природные богатства края, большое количество плодородной земли привлекали землепашцев, странствия за Уралом были быстро, даже стремительно освоены, в основном вдоль рек и торговых путей, которые напрямую связали Европу с Китаем и другими азиатскими странами. Вместе с русскими, среди которых сначала преобладали казаки, а затем — выходцы из северных и центральных губерний России, в Сибирь переселялись представители самых разных народов: малороссы, белорусы, пермяки и зыряне, болгары и немцы, мордва и черемисы, чуваша и поволжские татары. Основной причиной их переселения на Восток было малоземелье, ужасная «земельная теснота» в европейских губерниях Российской империи. Кроме добровольных аграрных миграций, довольно заметную роль в заселении Сибири сыграли принудительные переселения. В результате ссылки и депортаций в Сибири возникли поселения немцев, поляков, финнов, эстонцев и латышей. Всех этих переселенцев в Сибирь, добровольных и принудительных, имперского и советского периодов, в настоящий момент принято называть старыми диаспорами — в противовес новым диаспорам, которые образовались после распада СССР, и речь о которых пойдет далее.

Из представителей старых диаспор самыми многочисленными были украинцы. В период империи они идентифицировали себя как малороссы, а в советский период — как украинцы. На протяжении всего XX в. украинское население в Сибири увеличивалось. Так, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Томской губернии и Омском уезде Акмолинской области, границы ко-

торых примерно совпадают с границами СФО, проживало 103,6 тыс. чел., указавших родным малорусский язык [Первая всеобщая перепись населения Российской империи, https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=784].

В 1989 г. в регионах, расположенных на этой территории, проживало уже 542,0 тыс. украинцев (12,4% от всех украинцев РСФСР, которых насчитывалось 4,4 млн чел.), больше всего в Красноярском крае — 118,8 тыс. чел. К 2010 г., через два десятилетия после распада СССР, численность украинцев в СФО сократилась до 215 тыс. чел. [Всероссийская перепись населения 2010, https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm], или на 60%. В 2010 г. украинцы составляли всего 1,3% населения РФ (1,9 млн чел.), а в Сибири самая большая их численность была в Омской области — 51,8 тыс. чел., что объясняется наличием на юге Омской области компактных украинских поселений в Полтавском, Русско-Полянском и Одесском районах. В 2020 г. численность украинцев в тех же самых регионах СФО составила уже 72,8 тыс. чел., что в 7,5 раз меньше, чем в последние годы существования СССР. Самая большая группа украинцев проживает в Омской области, но это 18 тыс. сейчас вместо 104 тыс. в 1989 г.

Еще более масштабное сокращение численности произошло у белорусов. В 1989 г. в границах СФО проживало 124,3 тыс. чел. белорусов, а в 2020 г. — всего 15,7 тыс. чел., то есть их численность сократилась в 8 раз. Основное сокращение коснулось регионов с преобладанием городского населения. Например, в Кемеровской области численность белорусов сократилась с 19,3 тыс. чел. до 2,0 тыс., в Иркутской области — с 25,7 тыс. чел. до 2,4 тыс., в Красноярском крае — с 33,9 тыс. чел. до 3,0 тыс., но в Омской области, где есть компактные поселения белорусов в Седельниковском районе, сокращение было меньше — с 10,9 тыс. чел. до 2,5 тыс. Этот факт подтверждает тезис о том, что компактное проживание препятствует естественной ассимиляции, тормозит ассимиляционные процессы, поскольку в более или менее однородной этнической среде меньше смешанных браков, а этническая культура имеет большую сохранность.

Точно такие же процессы многократного сокращения численности характерны и для других старых диаспор. Самое большое сокращение произошло у немцев, но приводить их в пример надо с осторожностью, потому что на сокращение их численности оказала влияние не только ассимиляция, но и массовая эмиграция в середине 1990-х гг. в Германию. Хотя и процессы ассимиляции у немцев были весьма масштабные. По данным архивов ЗАГС, доля смешанных браков превысила у немцев Сибири 50% еще в 1960-х гг. (произошел, как говорят этнографы, «прорыв эндогамии»), а к 1991 г. смешанные браки составляли в среднем 68,3%, а в городах — более 90% [Смирнова, 2002: 153]. Подавляющее большинство потомков таких браков выбирают национальность этнического большинства — в нашем случае русских. Именно процессы естественной ассимиляции, набравшие темпы во второй половине XX в., привели к тому, что доля русских в этнической структуре населения увеличивалась при сокращении абсолютной численности.

Но в то же время в постсоветский период были народы, которые увеличили в Сибири свою численность, причем увеличили кратно. Это так называемые новые диаспоры.

К новым диаспорам относят в первую очередь представителей азиатских народов. Это таджики, узбеки, киргизы, китайцы, вьетнамцы, турки, увеличение численности которых оказывает большое влияние на этническую мозаику регионов. Например, если еще полвека назад этническая карта Сибири состояла из русских сел и деревень, украинских поселков, немецких «колоний», казахских аулов, то сейчас это сплошь смешанные сельские поселения, а в городах явно формируются если не этнические анклавы, то «районы с преимущественным проживанием» мигрантов из Азии. Представители этих диаспор есть почти повсеместно, в некоторых регионах высокой является численность казахов и корейцев.

В случае с казахами диаспора сформировалась не только и не столько в результате миграций, сколько в результате оформления российско-казахстанской границы. Этот способ образования диаспор характерен для лимитрофных государств, которые образовались на постсоветском пространстве. В лимитрофах в результате проведения границы единая в этническом плане территория оказывается в разных государствах, а часть единого прежде народа оказывается за пределами своего национального государства. Так один народ, никуда не перемещаясь в пространстве, оказывается в двух (или нескольких) странах, порождая феномен «разделенного народа». Так, в состоянии диаспоры в РФ оказались казахи, белорусы, украинцы и другие народы, живущие вдоль границы РФ с бывшими союзными республиками.

Казахов, в отличие от украинцев и белорусов, принято относить к новым диаспорам, во-первых, по причине позднего вхождения территории Степи в состав России, во-вторых, из-за такой же модели демографического воспроизводства, как и у других народов Центральной Азии. Это модель с очень высокой, особенно в сравнении с европейскими народами, рождаемостью. Так, накануне распада СССР, суммарный коэффициент рождаемости (количество детей, родившихся за год на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет) у русских составлял 1,934. Это самый низкий показатель среди титульных народов СССР. У казашек этот показатель был равен 4,672 (ребенка на тысячу женщин), у таджичек — 4,758, у киргизок — 2,248, у узбечек — 2,105 [Демографический ежегодник 1991 года: 411].

После распада СССР суммарные коэффициенты рождаемости в республиках Центральной Азии повышаются до 5,1–4,2, затем постепенно снижаются до 2,3–3,1 [Абдурахманов, 2023: 125], но все же остаются выше уровня простого воспроизводства населения. Демографический рост населения в 1990-е гг. привел к массовым миграциям народов Центральной Азии в соседние страны, в том числе в Россию, что в свою очередь, привело к кратному увеличению численности этих народов. Так, в 1989 г. в РСФСР проживало 41724 чел. киргизов, 38208 таджиков и 126899 узбеков. По данным переписи 2020 (2021) г., в РФ проживало 137780 киргизов, 350236 таджиков и 323278 узбеков. Для киргизов увеличение составило 3,3 раза, для узбеков — 2,5 раза, для таджиков характерен почти 10-кратный рост. Скорее всего, их количество больше, но учесть их всех при проведении переписи проблематично. Динамика численности таджиков, узбеков и киргизов в регионах СФО представлена в таблице 3 [Всесоюзная перепись населения 1989 года, https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; Итоги ВПН-2020, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami].

Таблица 3

Численность таджиков, узбеков и киргизов в регионах Сибири в 1989 и 2021 гг.

Table 3

The number of Tajiks, Uzbeks, and Kyrgyz in the Siberian regions in 1989 and 2021

Регион	Таджики		Узбеки		Киргизы	
	1989	2021	1989	2021	1989	2021
Алтайский край	413	5230	1611	2220	782	535
<i>В т. ч. Горно-Алтайская обл.</i>	23	-	85	-	71	-
Республика Алтай	-	96	-	204	-	222
Кемеровская обл.	875	8070	3013	4181	744	1732
Новосибирская обл.	714	9192	2179	8199	1149	6047
Омская обл.	256	1428	1250	2541	890	900
Томская обл.	912	1330	3328	2733	856	1301
Красноярский край	1377	12968	4761	7523	2547	10652
<i>В т. ч. Хакасская авт. область</i>	156	-	767	-	625	-
Республика Хакасия	-	621	-	855	-	1140
Иркутская обл.	852	7092	3517	5109	869	3974
Тувинская АССР / Республика Тыва	72	53	523	99	64	378
Итого	5471	45984	20182	33664	7901	26881

Казахи также увеличили свою численность, но основной рост пришелся на Казахстан: в 1989 г. казахов в Казахской ССР проживало 6 млн 535 тыс. чел., а по переписи 2021 года — уже 13 млн 498 тыс. чел. [2021 жылғы Қазақстан, 2022]. В России численность казахов осталась стабильной: в 1989 г. — 636 тыс. чел., в 2021 г. — 592 тыс. чел. С учетом большого количества людей, не указавших национальность при проведении переписи в 2021 г., можно сказать, что численность казахов за постсоветский период не изменилась, а в некоторых регионах (например, в Астраханской области) даже выросла. В регионах Сибири есть небольшое уменьшение в Омской области — с 75,0 тыс. в 1989 г. до 69,4 в 2021; в Новосибирской области — с 12,3 тыс. чел. до 8,7 тыс. чел., в Алтайском крае — с 11,0 тыс. чел. до 5,6 тыс. чел. Рост численности казахов в Республике Алтай — с 10,7 тыс. чел. в 1989 г. до 12,6 тыс. чел. в 2021 г. В Республике Алтай казахи живут в приграничных с Казахстаном районах, в Усть-Канском и в Кош-Агачском, в котором они составляют более половины населения. Очевидно, что компактный характер расселения этнической группы способствует сохранению ее численности.

Коренные народы

Кроме русских, которые составляют подавляющее большинство в СФО, старых и новых диаспор, в Сибири велика численность народов, которые принято называть коренными. История определения коренных народов и обзор посвященной этому литературы наиболее полно даны А. В. Головневым и Т. С. Киссер [Головнёв, Киссер, 2022]. Три народа Сибири — алтайцы, хакасы и тувинцы являются титульными, то есть давшими названия территориальным автономиям. В настоящее время национальные территории

алтайцев, хакасов и тувинцев имеют статус республик в составе РФ. Национальные автономии коренные народы получили в период установления советской власти в Сибири, а после распада СССР в результате конфронтации с федеральным центром и «парада суверенитетов» статус этих автономий вырос. Так, Республика Тыва была Автономной Советской Социалистической Республикой в составе РСФСР. В 1990 г. была принята декларация о государственном суверенитете Тувинской АССР, в 1991 г. Верховный Совет Тувинской ССР принял решение о переименовании ее в Республику Тува.

В 1990 г. все автономии в составе РСФСР получили статус самостоятельных субъектов. Решением Съезда народных депутатов РСФСР все автономные области были выведены из состава краев в непосредственное подчинение органам государственной власти и управления Российской Федерации. Хакасская автономная область Красноярского края в 1991 г. была преобразована в Хакасскую АССР, а с 1992 г. стала Республикой Хакасия. Горно-Алтайская автономная область, находившаяся в составе Алтайского края, в 1990 г. провозгласила суверенитет, в 1991 г. ее статус был повышен до Горно-Алтайской АССР, которая в 1992 г. была переименована в Республику Горный Алтай.

Процесс образования национальных субъектов РФ в этот период был более масштабным, но впоследствии, когда распад страны сменился интеграцией ее частей, произошло укрупнение регионов с вхождением национальных территорий в состав других субъектов, как правило, на правах районов, иногда — с особым статусом на местном уровне. В 2000-е гг. в состав Красноярского края были включены Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа, произошло объединение Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

Повышение статуса национальных территорий, которое произошло в 1990-е гг., привело к росту национального самосознания титульных народов, этнического национализма, заметной тенденцией стал выезд русских в другие регионы страны, это относится и к Сибири, и к Дальнему Востоку. Так, по данным переписей населения 1989 и 2020 гг., доля русских в Бурятии снизилась с 70 до 64%, в Якутии — с 50 до 33%, в Туве — с 32 до 10%. Доля коренных народов в основном выросла. Снизилась численность хакасов: в 1989 г. в Хакасской автономной области проживало 62,9 тыс. хакасов, а в 2021 г. — 55,1 тыс. из 61,4 тыс. хакасов, учтенных в Российской Федерации. Увеличилась численность алтайцев: с 59,1 тыс. чел. в 1989 г. в Горно-Алтайской автономной области до 73,2 тыс. чел. в Республике Алтай в 2021 г. из 78,1 тыс. алтайцев, зафиксированных в РФ. Самое большое увеличение численности произошло у тувинцев: с 198,4 тыс. чел. в Туве в 1989 г. до 279,8 тыс. чел. в республике в 2021 г. из 295,4 тувинцев Российской Федерации. Очевидно, что большинство представителей коренных народов проживают в своих национальных субъектах.

Еще один коренной народ Сибири — татары, не имеет своей национальной территории в азиатской части страны. Численность татар на территории СФО составляет 108,5 тыс. чел., и имеет тенденцию к снижению. Больше всего татар проживает в Омской, Кемеровской областях и Красноярском крае — около 20 тыс. чел. в каждом из этих регионов.

Есть еще одна категория народов в Сибири — это коренные малочисленные народы (КМН). Эту категорию составляют народы, численность которых на-

считывает менее 50 тыс. чел. [О едином перечне..., <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065057>]. На территории СФО компактно проживают следующие народы, относящиеся к КМН: селькупы, эвенки, кумандинцы, телеуты и теленгиты, тубалары, тувинцы-тоджинцы, долганы, кеты, нганасаны, ненцы, энцы, тофалары, челканцы, чулымцы и шорцы. Таким образом, из 47 коренных малочисленных народов Российской Федерации в СФО живут компактными группами 16 народов.

Некоторые из них делятся на группы, другие живут не в одном субъекте России, а в нескольких. Например, районы компактного проживания эвенков есть в Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Иркутской области, Республике Бурятия, Забайкальском крае, Хабаровском крае, Камчатском крае, Амурской и Магаданской областях. За пределами России эвенки живут в Монголии и в Китае, в котором они признаны одним из 56 коренных народов. Численность эвенков в России составляет 39,2 тыс. чел. [Всероссийская перепись населения 2020 года, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami], за прошедшие сто лет их численность почти не изменилась (в 1926 г. численность тунгусов, как тогда именовались эвенки, составляла 37,5 тыс. чел.) [Всесоюзная перепись населения 1926 года, https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php]. У эвенков есть своя территориальная автономия, с 1930 г. это был Эвенкийский национальный округ, с 1977 г. — Эвенкийский автономный округ (Эвенкия), с 1992 г. округ был самостоятельным субъектом РФ в составе Красноярского края. С 2007 г. он является муниципальным районом Красноярского края с особым статусом, который закреплен на местном уровне.

Большинство КМН имеют стабильную численность благодаря более или менее высокой рождаемости в сельской местности, а также льготам со стороны государства, которые препятствуют естественной ассимиляции. Количество владеющих родными языками снижается, в основном представители малочисленных народов говорят на русском языке. Связано это еще и с тем, что живут они в смешанных поселках, где большинство составляют русские.

Заключение

После распада Советского Союза произошли изменения этнической структуры населения Сибири, изменения численности живущих на территории Сибири народов. Прежде всего снизилась и продолжает снижаться общая численность населения. Это происходит в России в целом, где население в 1991 г. составляло 148,5 млн чел., а в 2025 г. — 146,0 млн чел. (с учетом 1,9 млн жителей Крыма). Наиболее заметным снижением численности населения является на севере и на востоке страны. Если до распада СССР население Сибири и Дальнего Востока постоянно увеличивалось, то в начале 1990-х гг. происходит «демографический разворот», нарастает миграционный переток населения с востока на запад, в основном в центральные и юго-западные регионы.

Общая численность населения на территориях Сибири, входящих в Сибирский федеральный округ, уменьшилась с 18 млн 490 тыс. чел. в 1991 г. до 16 млн 493 тыс. чел. в 2025 г., то есть на 2 млн чел. за 33 года. Потери составляют 11% от населения времени позднего СССР.

У разных народов изменение численности происходило по-разному, можно сделать вывод о значительной этнической дифференциации демографических процес-

сов. В абсолютных значениях больше всего снизилась численность русских — на 2 млн 795 тыс. чел. Убыль русских произошла во всех без исключения регионах СФО, особенно большая она была в Кемеровской области — 590,0 тыс. чел., Иркутской области — 582,2 тыс., Алтайском крае — 491,0 тыс. чел., В процентном отношении русских стало меньше в первую очередь в национальных республиках: в меньшей степени в Хакасии и Республике Алтай, но в значительной мере — в Республике Тыва, где доля русских упала с 32 до 10% всего населения. Основные причины — снижение рождаемости, но главным образом — выезд в другие регионы России.

Несмотря на снижение абсолютной численности русских, их доля в структуре населения повсеместно выросла, кроме Тывы, которая фактически превратилась в моноэтническую республику. Причиной этого «демографического парадокса» является процесс естественной ассимиляции народов, близких к русским по языку и культуре — украинцев, белорусов, немцев, поляков, латышей и др., которые принято называть старыми диаспорами, в отличие от диаспор новых — представителей народов Закавказья и Центральной Азии, которые жили в Сибири и раньше, но далеко не в таком количестве, как после распада Советского Союза. Так, численность украинцев в регионах СФО за постсоветский период сократилась с 542,0 тыс. чел. до 72,8 тыс. чел., численность белорусов упала со 124,3 тыс. до 15,7 тыс. чел. Не было никакой масштабной миграции этих народов на Украину или в Белоруссию, поэтому основной причиной снижения их численности можно считать естественную ассимиляцию со стороны русских, основным механизмом которой являются национально-смешанные браки. Такие же процессы естественной ассимиляции происходили у немцев, евреев, греков, поляков, латышей, эстонцев, но в случае этих народов сыграли свою роль миграционные процессы, выезд из России по программам репатриации.

Убыль населения в Сибири частично компенсировалась мигрантами из бывших советских республик, в первые годы после распада Советского Союза — русскими и русскоязычными, а затем — представителями титульных народов Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Постоянный миграционный обмен происходит с Республикой Казахстан, трансграничные миграции характерны и для русских, и для казахов. Численность новых диаспор в Сибири существенно выросла: киргизов — в 3,3 раза, узбеков — в 2,5 раза, для таджиков характерен почти 10-кратный рост. Численность казахов и татар немного снизилась.

Коренные и коренные малочисленные народы Сибири имеют хотя и небольшую, но стабильную численность, за счет не столько более высокой рождаемости, сколько социальных льгот, влияющих на выбор национальности людьми, имеющими смешанное происхождение. Проживают представители коренных малочисленных народов в основном на своих исконных территориях, в сельской местности, придерживаются традиционного образа жизни, поэтому рождаемость у них более высокая.

Демографические процессы постсоветского периода имели высокую интенсивность, значительно изменили этнический состав населения Азиатской России, а также численность всех населяющих ее народов. Большинство регионов, не имеющих статуса национальной республики, со значительным преобладанием русских, где городское население составляет 80% и выше, имеют самые низкие показатели рождаемости и са-

мые высокие темпы миграционного оттока населения. В результате демографических процессов складывается совершенно иная, чем в позднем Советском Союзе, этническая структура населения Сибири.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено по проекту «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток» (номер госрегистрации проекта 123112100125–7) в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.

Acknowledgments and Funding:

The study was carried out under the project “Asian Russia: demography, ethnic composition of the population and interethnic relations in the new conditions of the turn to the East” (project state registration number 123112100125–7) within the framework of the Scientific Research Program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed to strengthen Russian identity, 2023–2025.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдурахманов А.Д. Переменчивые тенденции рождаемости в Узбекистане: 1991–2021 гг. Демографическое обозрение. 2023. № 3. С. 125–129. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17973>.

Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm (дата обращения: 30.04.2025).

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР. Демоскоп Weekly. Приложения. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (дата обращения: 30.04.2025).

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 30.04.2025).

Головнёв А. В., Киссер Т. С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы // Этнография. 2022. № 3 С. 6–32. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-3> (17) — 6–32.

Демографический ежегодник 1991 года. М. : Статкомитет СНГ, б/г. 431 с.

Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 30.04.2025).

Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.04.2025).

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (дата обращения: 30.04.2025).

О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 (с изменениями). Сайт правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065057> (дата обращения: 30.04.2025).

Официальный сайт полномочного представителя Президента России в Сибирской федеральном округе. URL: <http://sfo.gov.ru/okrug/> (дата обращения: 30.04.2025).

Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г. и компоненты ее изменения. Оперативная информация. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.04.2025).

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской империи кроме губерний Европейской России // Демоскоп. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=784

Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск : ИЦ РУСИНКО, 2002. 210 с.

Тишков В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085>.

Федеральный закон от 15 ноября 1997 года N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11681> (дата обращения: 30.04.2025).

Численность и состав населения. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.04.2025).

2021 жылғы Қазақстан Республикасы халқының ұлттық санағының қорытындылары [Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан]. Нұр-Сұлтан, 2022. 63 с. (на каз. языке).

REFERENCES

Abdurakhmanov A. D. Peremenchivye tendentsii rozhdaemosti v Uzbekistane: 1991–2021 gg. [Changeable birth rate trends in Uzbekistan: 1991–2021]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. 2023, no. 3, pp. 125–129 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17973> S 125.

Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010. Tom 4. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [All-Russian Population Census 2010. Volume 4. National composition and language proficiency, citizenship]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm (accessed April 30, 2025).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po respublikam SSSR [The All-Union Population Census of 1926. The national composition of the population in the republics of the USSR]. *DemoskopWeekly. Prilozheniya* [Demo Weekly. Applications]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam Rossii [All-Union population Census of 1989. National composition of the population by regions of Russia]. *Demoskop Weekly* [Demoskop Weekly]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Golovnev A. V., Kisser T. S. Korennye malochislennyye narody: rakursy i status [Indigenous peoples: perspectives and statuses]. *Etnografiya* [Ethnography]. 2022, no. 3, pp. 6–32 (in Russian). <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-3> (17) — 6–32.

Demograficheskii ezhegodnik 1991 goda [Demographic yearbook 1991]. Moscow: Statkomitet SNG, b/g. 431 p. (in Russian).

Demograficheskii ezhegodnik Rossii [Demographic Yearbook of Russia]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (accessed April 30, 2025).

Itogi VPN-2020. Tom 5 Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami [Results of the VPN2020. Volume 5 National composition and language proficiency]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Itogi Vserossiyskoi perepisi naseleniya 2010 goda. Tom 4. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [The results of the All-Russian population Census of 2010. Volume 4. National composition and language proficiency, citizenship]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (accessed April 30, 2025) (in Russian).

O Edinom perechne korennyykh malochislennykh narodov Rossiyskoi Federatsii. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoi Federatsii ot 24 marta 2000 g. № 255 (s izmeneniyami) [On the Unified List of Indigenous Small-numbered Peoples of the Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 255 dated March 24, 2000 (as amended)]. *Sait pravovoi informatsii* [Legal information website]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065057> (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Ofitsial'nyi sait polnomochnogo predstavatelya Prezidenta Rossii v Sibirskom federal'nom okruge [The official website of the Plenipotentiary Representative of the President of Russia in the Siberian Federal District]. URL: <http://sfo.gov.ru/okrug/> (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2025 g. i v srednem za 2024 g. i komponenty ee izmeneniya. Operativnaya informatsiya. Demografiya [Estimate of the permanent population as of January 1, 2025 and the average for 2024 and the components of its change. Operational information. Demographics]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed April 30, 2025). (in Russian).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoi Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uездam Rossiyskoi Imperii krome gubernii Evropeyskoi Rossii [The first general population census of the Russian Empire in 1897. Distribution of the population by native language and counties of the Russian Empire except the provinces

of European Russia]. *Demoskop* [Demoskop]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=784 (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Smirnova T. B. *Nemtsy Sibiri: etnicheskie protsessy* [The Germans of Siberia: ethnic processes]. Omsk: ITs “RUSINKO”, 2002, 210 p. (in Russian).

Tishkov V. A. O perepisyvanii narodov, ili dekonstruktsiya perepisey naseleniya [On the rewriting of peoples, or deconstruction of population censuses]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2023, no. 4, pp. 183–211 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085>.

Federal'nyi zakon ot 15 noyabrya 1997 goda N 143-FZ “Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya” [Federal Law No. 143-FZ of November 15, 1997 “On Acts of Civil Status”]. *Prezident Rossii* [President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11681> (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Chislennost' i sostav naseleniya. Demografiya [The size and composition of the population. Demographics // Federal State Statistics Service]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed April 30, 2025) (in Russian).

2021 Jılǵı Qazaqstan Respwblıkası xalıqtarınıń ulttıq sanasınıń qorǵanıstarı [Results of the 2021 National Population Census in the Republic of Kazakhstan]. Nыр-Sыltan, 2022, 63 p. (in Kazakh).

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025

Принята к публикации: 02.09.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 94 (470.51=511.131) «1994»:392.5

DOI 10.14258nneur(2025)3–08

*С. Н. Уваров**Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск (Россия)*

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ УДМУРТОВ ПО ДАННЫМ МИКРОПЕРЕПИСИ 1994 Г.

В статье рассматривается брачное поведение у удмуртов Удмуртии по данным микропереписи 1994 г. Она зафиксировала первые промежуточные результаты радикальных рыночных преобразований. Традиционно микроперепись содержала блок вопросов, посвященных брачности, дающих представление, в том числе, о брачном поведении населения. При этом данный перечень был расширен, учитывались новые брачные состояния. Впервые велся учет незарегистрированных браков. Еще раз, как и во время предыдущей микропереписи, в программу включен вопрос о повторных браках. Для исследователей это открывает возможность более детально изучить брачное поведение. В статье перечислены его элементы, но делается оговорка, что основное внимание сосредоточится на брачном состоянии.

На основе материалов микропереписи 1994 г., которые не опубликованы, проводится анализ брачного состояния удмуртского населения в сравнении со всем населением Удмуртской Республики. По ряду показателей в 1994 г. брачное состояние у удмуртов было лучше. Например, выше была доля состоящих в браке, меньше был удельный вес разведенных и разошедшихся, удмурты реже вступали в повторные браки в сравнении со всеми жителями Удмуртии. Правда, среди удмурток было больше вдов, чем у женщин республики. Среди причин — сохраняющиеся для старших поколений последствия Великой Отечественной войны, а также повышенная смертность удмуртских мужчин. Полученные данные свидетельствуют о том, что зарегистрированный брак у удмуртов обладал высокой ценностью, доля сожительства была невысокой. Статистические сведения позволяют сделать однозначный вывод о большей крепости института брака у удмуртов.

Ключевые слова: удмурты, микроперепись 1994 г., брачное поведение, брачное состояние, зарегистрированные браки, сожительства, повторные браки

Цитирование статьи:

Уваров С. Н. Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 142–154. DOI 10.14258nneur(2025)3–08.

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного аграрного университета, Ижевск (Россия). **Адрес для контактов:** sergey.uvarov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>.

S. N. Uvarov

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk (Russia)

MARITAL BEHAVIOR OF THE UDMURTS ACCORDING TO THE 1994 MICROCENSUS

The article examines the marital behavior of the Udmurts of Udmurtia according to the 1994 microcensus. It recorded the first intermediate results of radical market reforms. Traditionally, the microcensus contained a block of questions devoted to marriage, giving an idea, including about the marital behavior of the population. At the same time, this list was expanded, new marital statuses were taken into account. For the first time, unregistered marriages were recorded. Again, as during the previous microcensus, the program included a question on remarriages. For researchers, this opens up the opportunity to study marital behavior in more detail. The article lists its elements, but makes a reservation that the main attention will be focused on marital status.

Based on the unpublished data from the 1994 microcensus, the marital status of the Udmurt population is analyzed in comparison with the entire population of the Udmurt Republic. According to a number of indicators, the marital status of the Udmurts was better in 1994. For example, the proportion of married people was higher, the proportion of divorced and separated people was lower, and the Udmurts remarried less often compared to all residents of Udmurtia. However, there were more widows among the Udmurt women than among women in the republic. The reasons for this include the consequences of the Great Patriotic War that persist in older generations, as well as the increased mortality rate among Udmurt men. The data obtained indicate that registered marriage was highly valued among the Udmurts, and the proportion of cohabitation was low. The statistical data allow us to draw an unambiguous conclusion about the greater strength of the institution of marriage among the Udmurts.

Keywords: Udmurts, 1994 microcensus, marital behavior, marital status, registered marriages, cohabitation, remarriage

For citation:

Uvarov S. N. Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 142–154 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–08.

Uvarov Sergey Nikolaevich, PhD in history, associate professor, head of the department of social and humanitarian disciplines at the Udmurt State Agrarian University, Izhevsk (Russia). Contact address: sergey.uvarov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>.

Введение

Удмурты — один из крупных народов, относящийся к финно-угорской языковой семье. Удмурты довольно компактно проживают в Поволжье и на Урале. Самая большая часть данной этнической общности находится в Удмуртской Республике, где удмурты являются титульным народом. Крупные диаспоры имеются в сопредельных регионах — Татарстане, Башкортостане, Пермском крае, Кировской области, а также Свердловской области. Всего в этих шести субъектах проживает порядка 95 % всех удмуртов России.

Если посмотреть на динамику изменения численности удмуртского населения России, то мы увидим ее рост до 1989 г. и последующее непрерывное падение (рис.).

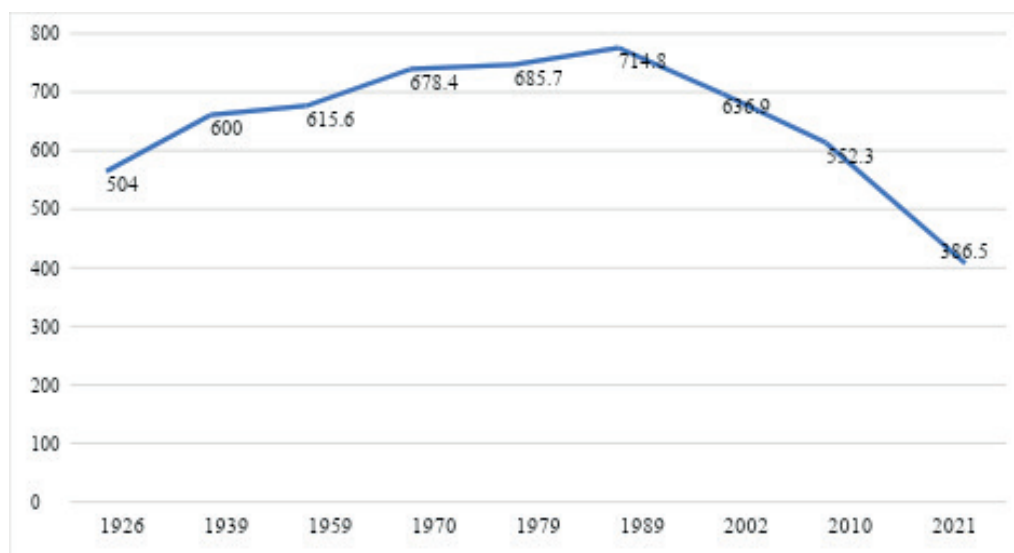

Рис. 1. Численность удмуртов России в 1926–2021 гг., тыс. чел.¹

Fig 1. The number of Udmurts in Russia in 1926–2021, thousand people².

Всего за 1989–2021 гг. численность уменьшилась на 328,3 тыс. чел., или в 1,8 раза. По данным последней переписи в России насчитывалось 386,5 тыс. удмуртов, что составило лишь 0,26% населения страны. В Удмуртии за тот же период численность коренного населения сократилась на 196,6 тыс. чел., то есть в 1,7 раза, а удельный вес в населении республики упал с 30,9 до 20,6%, что является самым минимальным уровнем

¹ Рисунок составлен по: Итоги ВПН-2020; Распределение населения по национальности.

² The figure is based on: Results of the VPN2020; Distribution of the population by nationality.

нем с момента обретения удмуртами государственности в 1920 г. И если в 1989 г. удмурты находились количественно на десятом месте среди других народов России, то к 2010 г. опустились уже на 13-е место, а к 2021 г. — на 21-е. Даже среди финно-угорских народов в нашей стране удмурты теперь не на втором месте, а на третьем: впереди не только мордва, но еще и марийцы [Итоги ВПН-2020, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami].

Уже высказывалось предположение, что такое резкое падение в последний межпереписной период связано с неполнотой учета во время переписи 2020 г. Однако в Удмуртии из не назвавших свою национальность (210,1 тыс. чел.) почти все являлись горожанами (199,0 тыс. чел.), а удмурты в основном проживали в сельской местности [Ажигулова, Уваров, 2024: 463]. Следовательно, мы имеем дело с реальным сокращением численности удмуртов.

Актуальным становится изучение причин сложившейся ситуации. Среди них определенное место занимают перемены в брачном поведении удмуртов, приведшие, в том числе, к снижению рождаемости у них. Под брачным (матримониальным) поведением исследователи понимают совокупность действий, направленных на формирование, поддержание или расторжение брачных отношений как условий для создания семьи. Его элементами выступают:

- заключение брака (неформальных брачных отношений);
- состояние в браке;
- развод и иные формы расторжения брачных отношений;
- готовность к вступлению в брак и мотивация брачности;
- субъективные факторы брачности, например, желаемый доход и иные составляющие социального статуса супруга, самооценка материального положения;
- удовлетворенность состоянием брака;
- готовность и мотивация к разводу;
- объективные факторы брачности и разводимости: например, половозрастная структура общества, обеспеченность жильем, уровень алкоголизации и криминализации населения; уровень доходов населения и др. [Гайдукова, 2024: 234–235].

Очевидно, что на демографических процессах крайне негативно отразились радикальные преобразования, последовавшие после распада СССР. В 1994 г. в России была проведена микроперепись, которая зафиксировала их промежуточные результаты. Традиционно эта перепись содержала блок вопросов, посвященных брачности, дающих представление, в том числе о брачном поведении населения. При этом данный перечень был расширен, учитывались новые брачные состояния. Впервые велся учет незарегистрированных браков. Как и во время предыдущей микропереписи, включен вопрос о повторных браках. Для исследователей это открывает возможность более детально изучить брачное поведение населения, однако работ в данном направлении немного. Особенно недостаточно исследований относительно отдельных народов, в частности, малоизученным является брачное поведение удмуртов.

Семья и брак, брачное поведение населения страны часто становились предметом изучения [Абдульязнов, Рустамова, 2024; Араловец, 2016; Архангельский, 2013; Гурко, 2023; Захаров, 2015; Калачикова, Груздева, 2018; Романенко, 2018; Ростовская,

Кучмаева, 2024; Ростовская, Кучмаева, Архангельский, 2020; Синельников, 2018], этнические особенности — гораздо реже (см. один из немногих примеров: [Абдулманов, 2024]). При разработке материалов микропереписи населения России 1994 г. этнические проблемы стали одними из основных. В перечень национальностей, выделенных для изучения брачности, для которых были рассчитаны таблицы брачности за 1989–1993 гг., вошли и удмурты [Дарский, Ильина, 2000]. Брачному состоянию удмуртов, удмуртской семье также уделялось внимание, но рассматривался либо более ранний период [Лаллукка, 1997; Уваров, 2021], либо более поздний [Борисова, 2010; Поздеев, 2011]. Лишь недавно были введены в научный оборот первые данные микропереписи 1994 г. [Ажигулова, Уваров, 2024; Уваров, 2024]. Поэтому эту работу следует продолжать.

В силу малоизученности темы в статье ставится цель: рассмотреть брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г. В первую очередь, нас интересует такой элемент брачного поведения, как брачное состояние. Источником выступили неопубликованные материалы микропереписи населения 1994 г., извлеченные из Центрального государственного архива Удмуртской республики. Соответственно, они могут помочь изучить брачное поведение удмуртов лишь в Удмуртии. Но поскольку в республике проживает большая часть удмуртского населения страны, то сделанные выводы можно считать относительно справедливыми в отношении всех удмуртов.

Результаты исследования

Поскольку при проведении микропереписи соблюдалась пятипроцентная выборка, то всего было опрошено 81566 чел., из которых 25502 чел. оказались удмуртами (31,2%). Это лишь немногим отличалось от занимаемой ими доли в национальном составе населения Удмуртии. Из них мужчин было 11651 чел. (45,7%), а женщин — 13851 чел. (54,3%). То есть и гендерный признак был точно выдержан.

Сначала проанализируем результаты микропереписи в отношении мужского населения. Подсчеты по выборке показали, что всего в браке состоял 6181 мужчина-удмурт. От числа взрослых (в возрасте 15 лет и старше) удмуртов это составило 71,4% (табл. 1). У мужского населения республики данный показатель равнялся 70,3%. Причем более высокие проценты у удмуртов наблюдались как по официальным бракам (66,2 против 65,4%), так и по сожительству (5,2 против 4,9%). Получается, что в сравнении со всем мужским населением республики удмуртские мужчины были более семейными. Этот вывод подтверждается рядом других показателей. Например, у удмуртов было меньше разведенных — всего 2,0 против 3,5%. Разошедшихся и вдовых тоже было меньше, хотя и не существенно. Разошедшихся (их выделяли отдельно от официально разведенных) у удмуртов было 0,7%, у всех мужчин Удмуртии — 0,8%. Вдовцов-удмуртов имелось 2,3%, у всех мужчин республики — 2,4%. Но при этом никогда не состоявших в браке больше было у удмуртов — 23,5%, у мужской части населения Удмуртии этот показатель имел меньшее значение — 22,9%.

Таблица 1

Брачное состояние у лиц в возрасте 15 лет и старше в Удмуртии*

Table 1

Marital status of persons aged 15 years and older in Udmurtia**

Показатель		Вся республика		Удмурты	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
Всего лиц в возрасте 15 лет и старше, из них:	чел.	27702	34502	8654	10981
Состоит в браке зарегистрированном	чел.	18127	18412	5727	5941
	%	65,4	53,4	66,2	54,1
Состоит в браке незарегистрированном	чел.	1360	1413	454	512
	%	4,9	4,1	5,2	4,7
Никогда не состоявшие в браке	чел.	6340	6469	2033	2145
	%	22,9	18,7	23,5	19,5
Вдовы	чел.	676	5675	199	1864
	%	2,4	16,4	2,3	17,0
Разведенные	чел.	975	2041	174	375
	%	3,5	5,9	2,0	3,4
Разошедшиеся	чел.	219	490	64	143
	%	0,8	1,4	0,7	1,3
Не указавшие состояние в браке	чел.	5	2	3	1

Примечание: *Таблица составлена по: [ЦГА УР. Д. 9. Л. 1, 2, 5, 6].

** The table is compiled according to: [TSGA UR. Fund. 9. File 1, 2, 5, 6].

Как мы уже увидели, большинство отдавало предпочтение официальным бракам. У удмуртов зарегистрированными оказалось 92,7% браков, незарегистрированными — 7,3%. Если рассмотреть только зарегистрированные браки, то для 5471 удмурта (95,5%) он являлся первым по счету, а для 256 чел. (4,5%) — повторным (табл. 2). Что касается незарегистрированных браков, то здесь такого разрыва уже не существовало. У 262 удмурта (57,7%) он был первым, а у 191 чел. (42,1%) — повторным. Получается, что удмурты, находившиеся в повторном браке, не спешили его регистрировать.

У мужчин Удмуртии зарегистрированными являлись 93,0% браков, незарегистрированными — 7,0%. То есть соотношение оказалось практически идентичным имевшемуся у удмуртов, но распределение на первые и повторные браки серьезно различалось. По зарегистрированным бракам для 16785 мужчин (92,6%) он являлся первым по счету, для 1342 чел. (7,4%) — повторным (табл. 2). По незарегистрированным бракам у 744 мужчин республики (54,7%) он был первым, а у 615 чел. (45,2%) — повторным. Таким образом, удмурты реже вступали в повторные браки, в сравнении со всеми жителями Удмуртии.

Таблица 2

**Сравнительная характеристика брачного состояния у мужчин Удмуртии
по данным микропереписи 1994 г.***

Table 2

**Comparative characteristics of the marital status of Udmurt men according
to the micro-census of 1994****

Удмурты-мужчины			
Показатель	все браки	первый брак	повторный брак
Состоящие в браке	6181	5733 (92,8%)	447 (7,2%)
зарегистрированном	5727	5471 (95,5%)	256 (4,5%)
незарегистрированном	454	262 (57,7%)	191 (42,1%)
Все мужчины республики			
Состоящие в браке	19487	17529 (90,0%)	1957 (10,0%)
зарегистрированном	18127	16785 (92,6%)	1342 (7,4%)
незарегистрированном	1360	744 (54,7%)	615 (45,2%)

Примечание: *Таблица составлена по: ЦГА УР. Д. 29. Л. 3, 7.

**The table is compiled according to: TSGA UR. Fund 29. File 3, 7.

Статистическим ведомством также был подсчитан средний возраст по каждому брачному состоянию. Для серьезного анализа только этих данных недостаточно, но они позволяют увидеть определенную картину. У удмуртов-мужчин средний возраст находившихся в зарегистрированном браке равнялся 43,4 лет, в незарегистрированном — 44,8 лет (табл. 3). Никогда не состоявшие в браке в среднем имели возраст 24,8 года, вдовы — 64,1 года, разведенные — 41,5 года, разошедшиеся — 42,2 года.

Таблица 3

**Средний возраст по категориям брачного состояния в Удмуртии
по данным микропереписи 1994 г.***

Table 3

**The average age by category of marital status in Udmurtia
according to the micro-census of 1994****

Показатель	Вся республика		Удмурты	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Состоит в браке зарегистрированном	44,2	42,6	43,4	41,7
Состоит в браке незарегистрированном	44,1	43,4	44,8	45,1
Никогда не состоявшие в браке	23,8	30,5	24,8	36,2
Вдовы	64,3	67,1	64,1	65,7
Разведенные	42,3	46,2	41,5	45,6
Разошедшиеся	42,7	50,0	42,2	51,5

Примечание: *Таблица составлена по: [ЦГА УР. Д. 9. Л. 1, 2, 5, 6].

**The table is compiled according to: [TSGA UR. Fund 9. File 1, 2, 5, 6].

Эти цифры схожи с теми, которые характеризуют мужчин республики в целом. Самая большая разница наблюдалась у никогда не состоявших в браке — ровно один год. Находившиеся в зарегистрированном браке удмурты были моложе на 0,8 года, что, скорее всего, говорит не о более ранней женитьбе, а о меньшем времени нахождения в семейном союзе. Дело в том, что удельный вес официально женатых среди 15–19-летних юношей республики составлял 2,1%, среди 20–24-летних — 37,1%. У удмуртских мужчин было даже меньше: 1,1% и 35,0% [ЦГА УР. Д. 9. Л. 1, 5].

Проанализируем результаты микропереписи в отношении женского населения. Согласно пятипроцентной выборке, в 1994 г. в браке состояло всего 6453 удмуртские женщины. От числа взрослых (в возрасте 15 лет и старше) удмурток это 58,8% (см. табл. 1). У женского населения республики данный показатель равнялся 57,5%. Как и у мужчин, более высокие проценты у удмурток наблюдались и по официальным бракам (54,1 против 53,4%), и по сожительствам (4,7 против 4,1%). Следовательно, в сравнении со всем женским населением республики удмуртки также были более семейными. К тому же у удмурток было меньше разведенных — всего 3,4 против 5,9%, разошедшихся — 1,3 против 1,4%.

Однако среди удмурток больше было вдов — 17,0%, у всех женщин республики — 16,4%. Среди причин — сохраняющиеся для старших поколений последствия Великой Отечественной войны, а также повышенная смертность удмуртских мужчин [Уваров, 2024: 264].

Больше было у удмурток никогда не состоявших в браке — 19,5%, у женской части населения Удмуртии этот показатель имел меньшее значение — 18,7%.

У удмурток зарегистрированными оказалось 92,1% браков, незарегистрированными — 7,9%. Если рассмотреть только зарегистрированные браки, то для 5941 женщины-удмуртки (93,5%) он являлся первым по счету, а для 389 чел. (6,5%) — повторным (табл. 4). Еще 512 браков считались незарегистрированными, в них впервые состояли 256 удмурток и 255 — повторно.

Таблица 4

**Сравнительная характеристика брачного состояния у женщин Удмуртии
по данным микропереписи 1994 г., чел. (%)**

Table 4

**Comparative characteristics of the marital status of Udmurt women,
according to the micro-census of 1994**

Удмуртки			
Показатель	Все браки	Первый брак	Повторный брак
Состоящие в браке	6453	5808 (90,0)	644 (10,0)
зарегистрированном	5941	5552 (93,5)	389 (6,5)
незарегистрированном	512	256 (50,0)	255 (50,0)
Все женщины республики			
Состоящие в браке	19825	17556 (88,6)	2268 (11,4)
зарегистрированном	18412	16883 (91,7)	1529 (8,3)
незарегистрированном	1413	673 (47,6)	739 (52,3)

Примечание: *Таблица составлена по: [ЦГА УР. Д. 29. Л. 15, 19]

**The table is compiled according to: [TSGA UR. Fund 29. File 15, 19]

У женщин Удмуртии зарегистрированными являлись 92,9% браков, незарегистрированными — 7,1%. По зарегистрированным бракам для 16883 женщин (91,7%) он являлся первым по счету, для 1529 чел. (8,3%) — повторным. По незарегистрированным бракам у 673 женщин Удмуртской республики (47,6%) он был первым, а у 739 чел. (52,3%) — повторным. Таким образом, удмуртки, как и мужчины, тоже реже вступали в повторные браки в сравнении со всеми женщинами Удмуртии.

У удмуртских женщин средний возраст находившихся в зарегистрированном браке равнялся 41,7 лет, в незарегистрированном — 45,1 года (см. табл. 3). Никогда не состоявшие в браке в среднем имели возраст 36,2 года, вдовы — 65,7 года, разведенные — 45,6 года, разошедшиеся — 51,5 года. По сравнению с женщинами республики наблюдались заметные отличия. Например, разошедшиеся удмуртки были старше на 1,5 года. Никогда не состоявшие в браке удмуртки были старше таких же женщин республики на 5,7 года, но эта разница возникла в основном за счет старших возрастов (старше 60 лет) [ЦГА УР. Д. 9. Л. 6], которые не смогли выйти замуж из-за потерь во время Великой Отечественной войны.

Отметим, что удмуртские вдовы были значительно моложе — на целых 1,4 года. Моложе были и состоящие в зарегистрированном браке (на 0,9 года). Последние факты, по всей видимости, подтверждают наше предположение о меньшем времени нахождения в семейном союзе из-за преждевременной смерти удмуртских мужей.

Заключение

Полученные результаты показали, что у удмуртов, как и у населения Удмуртии в целом, преобладали официальные браки, доля сожительства была небольшой. По целому ряду показателей в 1994 г. брачное состояние у удмуртов было лучше, чем у населения Удмуртии в целом. Например, выше была доля состоящих в браке, меньше был удельный вес разведенных и разошедшихся, удмурты реже вступали в повторные браки в сравнении со всеми жителями Удмуртии. Правда, среди удмурток больше было вдов, чем у женщин республики. Среди причин — сохраняющиеся для старших поколений последствия Великой Отечественной войны, а также повышенная смертность удмуртских мужчин. Статистические сведения позволяют сделать однозначный вывод о большей крепости института брака у удмуртов. Соответственно, в сокращении численности удмуртов после 1989 г. больше виноваты ассимиляционные процессы.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>.

Acknowledgements and funding

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 23–28–01604), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01604/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулманапов П. Г. Этнорегиональные особенности демографического поведения (по материалам социологического исследования) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 7. С. 133–141.

Абдульязнов А. Р., Рустамова Г. М. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи // Народо́население. 2024. Т. 27. № S1. С. 94–106.

Ажигулова А. И., Уваров С. Н. Брачная структура населения Удмуртии в 1989–2021 гг. // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16. № 4. С. 459–470.

Ажигулова А. И., Чернышева Н. В., Уваров С. Н. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 3. С. 301–309.

Араловец Н. А. Брачное поведение российского населения в 1960–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 35–39.

Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.

Борисова О. А. Особенности брачного поведения населения Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2010. № 1. С. 75–79.

Гайдукова Г. Н. Моделирование брачного и семейного поведения сельского населения: статистический и социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 4. С. 226–244.

Гурко Т. А. Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 72–82.

Дарский Л. Е., Ильина И. П. Брачность в России. Анализ таблиц брачности. М. : Информатика, 2000. 144 с.

Захаров С. В. Браки и разводы в современной России // Демоскоп Weekly. 2015. № 625–626. С. 1–5.

Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.04.2025).

Калачикова О. Н., Груздева М. А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2. С. 1.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов. СПб. : Европейский Дом, 1997. 391 с.

Поздеев И. Л. Особенности демографического поведения финно-угорской молодежи // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4. С. 39–45.

Распределение населения по национальности // Демоскоп. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 30.04.2025).

Романенко Н. М. Теоретико-методологические основы брачно-репродуктивного поведения молодежи: история и современность // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2018. № 3. С. 39–46.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 56–74.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Архангельский В. Н. Поколенческие изменения брачного поведения россиян: социологический анализ // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 45–53.

Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113.

Уваров С. Н. Брачно-семейные отношения у удмуртов России во второй половине XX — начале XXI века // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 254–268.

Уваров С. Н. Удмуртская семья в 1959–1989 гг.: демографический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 1. С. 127–138.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 27. Д. 9.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 27. Д. 29.

REFERENCES

Abdulmanapov P. G. Etnoregional'nye osobennosti demograficheskogo povedeniia (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Ethnoregional features of demographic behavior (based on sociological research)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation]. 2024, no. 7, pp. 133–141 (in Russian).

Abdul'zyanov A. R, Rustamova G. M. Brachnoe i reproduktivnoe povedenie sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Marital and reproductive behavior of modern Russian youth]. *Narodonaselenie* [Population]. 2024, vol. 27, no. S1, pp. 94–106 (in Russian).

Aralovets N. A. Brachnoe povedenie rossiiskogo naseleniia v 1960–1970-e gg. [Marital behavior of the Russian population in the 1960–1970s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2016, vol. 23, no. 1, pp. 35–39 (in Russian).

Arkhangel'skii V. N. Reproductivnoe i brachnoe povedenie [Reproductive and marital behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2013, no. 2, pp. 129–136 (in Russian).

Azhigulova A. I., Chernysheva N. V., Uvarov S. N. Dinamika brachnogo sostoianiya udmurtov Udmurtii v 1959–1989 gg. [Dynamics of the marital status of the Udmurts of Udmurtia in 1959–1989]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world]. 2023, vol. 15, no. 3, pp. 301–309 (in Russian).

Azhigulova A. I., Uvarov S. N. Brachnaya struktura naseleniia Udmurtii v 1989–2021 gg. [Marriage structure of the population of Udmurtia in 1989–2021]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world]. 2024, vol. 16, no. 4, pp. 459–470 (in Russian).

Borisova O. A. Osobennosti brachnogo povedeniya naseleniia Udmurtskoi Respubliki [Features of marital behavior of the population of the Udmurt Republic]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofii. Psikhologii. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2010, no. 1, pp. 75–79 (in Russian).

Darskii L. E., Il'ina I. P. *Brachnost' v Rossii. Analiz tablits brachnosti* [Marriage in Russia. Analysis of Marriage Tables]. Moscow: Informatika Publ., 2000, 144 p. (in Russian).

Gaidukova G. N. Modelirovanie brachnogo i semeinogo povedeniya sel'skogo naseleniia: statisticheskii i sotsiologicheskii analiz [Modeling of marital and family behavior of the rural population: statistical and sociological analysis]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Scientific result. Sociology and management]. 2024, vol. 10, no. 4, pp. 226–244 (in Russian).

Gurko T.A. Semeinye faktory reproduktivnogo povedeniya [Family factors of reproductive behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2023, no. 12, pp. 72–82 (in Russian).

Itogi VPN-2020. Tom 5. Natsional'nyi sostav i vladenie iazykami [Results of the All-Russian Population Census-2020. Volume 5. National composition and language proficiency]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. Izmeneniya reproduktivnogo i brachnogo povedeniia naseleniya Rossii (na osnove analiza vyborochnykh issledovaniy Rosstat) [Changes in the reproductive and marital behavior of the population of Russia (based on the analysis of sample studies of Rosstat)]. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social space]. 2018, no. 2, p. 1 (in Russian).

Lallukka S. *Vostochno-finskie narody Rossii: analiz etnodemograficheskikh protsessov* [The East Finnish peoples of Russia: analysis of ethnodemographic processes]. Saint Petersburg: Evrop. Dom Publ., 1997, 391 p. (in Russian).

Pozdeev I. L. Osobennosti demograficheskogo povedeniya finno-ugorskoj molodezhi [Features of the demographic behavior of the Finno-Ugric youth]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. 2011, no. 4, pp. 39–45 (in Russian).

Raspredelenie naseleniia po natsional'nosti [Distribution of population by nationality]. *Demoskop* [Demoscope] URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Romanenko N. M. Teoretiko-metodologicheskie osnovy brachno-reproduktivnogo povedeniya molodezhi: istoriia i sovremennost' [Theoretical and methodological foundations of marital and reproductive behavior of young people: history and modernity]. *Izvestiia Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Southern Federal University. Pedagogical sciences]. 2018, no. 3, pp. 39–46 (in Russian).

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Demograficheskaya struktura sem'i: genezis metodologicheskogo podkhoda [Demographic structure of the family: genesis of the methodological approach]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2024, no. 1, pp. 56–74 (in Russian).

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Arkhangel'skii V. N. Pokolencheskie izmeneniya brachnogo povedeniya rossiian: sotsiologicheskii analiz [Generational Changes in Marital Behavior of Russians: A Sociological Analysis]. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)* [Alma Mater (Herald of the Higher School)]. 2020, no. 11, pp. 45–53 (in Russian).

Sinel'nikov A. B. Sem'ia i brak: krizis ili modernizatsiya? [Family and Marriage: Crisis or Modernization?]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2018, vol. 24, no. 1, pp. 95–113 (in Russian).

Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic]. Fund R-845. Inventory 27. File 9.

Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic]. Fund R-845. Inventory 27. File 29.

Uvarov S. N. Brachno-semeinye otnosheniya u udmurtov Rossii vo vtoroi polovine XX — nachale XXI veka [Marital and Family Relations among the Udmurts of Russia in the Second Half of the Twentieth — Early Twenty-first Century]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 2024, no. 4, pp. 254–268 (in Russian).

Uvarov S. N. Udmurtskaia sem'ya v 1959–1989 gg.: demograficheskii aspekt [Udmurt Family in 1959–1989: Demographic Aspect]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021, vol. 15, no. 1, pp. 127–138 (in Russian).

Zakharov S. V. Braki i razvody v sovremennoi Rossii [Marriages and divorces in modern Russia]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. 2015, no. 625–626, pp. 1–5 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 11.05.2025

Принята к публикации: 28.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 373 (430+470) (09)
DOI 10.14258nneur(2025)3–09)

И. В. Черказыянова

*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Пушкин (Россия)*

НЕМЕЦКИЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) В XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

В настоящей статье анализируется история школ немецких поселенцев под Петербургом/Ленинградом практически на всем протяжении их существования, от возникновения первых форм обучения при поселении на новых местах и вплоть до закрытия их по политическим мотивам в конце 1930-х гг. Цель работы — выявление общего и особенного в развитии школьного образования и школьного строительства петербургских колонистов в сравнении с колонистами других регионов страны, в первую очередь с немцами Поволжья. Общие черты в становлении и развитии колонистских школ связаны как с традицией протестантов обязательного обучения детей, так и общей политикой правительства в отношении немецкого населения и их образовательной сферы. Характерные черты школ петербургских колонистов проявляются на всех этапах изучаемого периода, что в значительной мере объясняется близостью столицы (в дореволюционный период) и крупнейшего в стране научного, культурного и образовательного центра, статус которого сохранял Ленинград. Особенности проявлялись в обеспеченности немецкого населения школами, возможностью получать педагогов из числа городских учителей, а также особым отношением к немцам со стороны властей как до революции, так и в годы советской власти.

Ключевые слова: российские немцы, немецкие колонии, петербургские колонисты, немцы Поволжья, образование, школа, педагогические кадры, Санкт-Петербургская губерния, Ленинградская область

Цитирование статьи:

Черказыянова И. В. Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX — первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 155–171. DOI 10.14258nneur(2025)3–09)

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. **Адрес для контактов:** cherk@inbox.ru; <http://orcid.org/0000-0002-1569-002X>.

I. V. Cherkazyanova

Pushkin Leningrad State University, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Saint Petersburg (Russia)

GERMAN SCHOOLS OF SAINT-PETERSBURG PROVINCE (LENINGRAD REGION) IN THE XIXTH – FIRST THIRD OF THE XXTH CENTURY: GENERAL REGULARITIES AND PECULIARITIES OF DEVELOPMENT

This article analyzes the history of German settler schools near St. Petersburg/Leningrad practically throughout their existence, from the emergence of the first forms of education during settlement in new places to their closure for political reasons in the late 1930s. The purpose of the paper is to identify the common and special features in the development of school education and school construction of St. Petersburg colonists in comparison with the colonists of other regions of the country, primarily the Germans of the Volga region. The common features in the formation and development of colonist schools are related both to the Protestant tradition of compulsory education of children and the general government policy towards the German population and their educational sphere. Characteristic features of the schools of St. Petersburg colonists are manifested at all stages of the period under study, which is largely due to the proximity of the capital (in the pre-revolutionary period) and the country's largest scientific, cultural and educational center, the status of which was maintained by Leningrad. The peculiarities were manifested in the provision of schools for the German population, the possibility of obtaining teachers from among the city teachers, as well as the special attitude towards Germans on the part of the authorities both before the revolution and during the years of Soviet power.

Keywords: Russian Germans, German colonies, education, school, teaching staff, St. Petersburg Province, Leningrad Region.

For citation:

Cherkazyanova I. V. German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX – first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 155–171 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–09.

Cherkazyanova, Irina Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** cherk@inbox.ru; <http://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

Введение

Школа является тем институтом, который в значительной степени формирует и сохраняет этническое самосознание народа, способствует формированию идентичности. Изучение прошлого опыта этносов и небольших этнических групп и критический подход к этому наследию позволяет применять в современной образовательной практике наиболее успешные формы деятельности, а также учитывать выводы из опыта взаимодействия общества, церкви и государства в вопросах национального образования. Эти положения определяют актуальность темы.

Объектом исследования выступает школьное строительство и образовательный процесс среди петербургских немецких колонистов, предметом изучения является начальная школа переселенцев из германских княжеств и стадии ее развития в разные исторические периоды. Используются проблемно-хронологический и сравнительный методы.

Целью работы является выявление особенностей и закономерностей функционирования подстоличных немецких школ по сравнению с колонистами других регионов на протяжении XIX — первой трети XX в. В задачи исследования входит: определить статистику немецкого населения, школ и уровня грамотности колонистов в дореволюционный и межвоенный периоды; выявить особенности учительского состава и внедрения русского языка в колонистских школах под Петербургом в первой половине XIX в.; проследить общую судьбу городских и сельских немецких школ Петроградской губернии в годы Первой мировой войны; показать особенности немецких школ Ленинградской области в сравнении с немцами Поволжья в первые десятилетия советской власти.

Статистика немецкого населения Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) и школьного строительства

Немецкие колонисты обосновались под Петербургом в ходе двух волн переселения иностранцев в Россию. Первая группа появилась в 1765–1767 гг. (Новосаратовка, Средняя Рогатка, Ижорская/Колпинская и три колонии под Ямбургом). При Александре I основаны так называемые приморские колонии: Стрельнинская, Кронштадтская, Ораниенбаумская, Кипень, Петергофская. Ямбургские колонии (Луцкая, Франкфуртская, Порховская) были населены католиками, в остальных проживали лютеране, чьи церковные приходы относились к Петербургской евангелическо-лютеранской консистории. В структуре населения губернии, по итогам переписи 1897 г., протестанты составляли 267 811 чел. (12,7%), преобладали финны (44,1%), на долю немцев приходилось 21,8% [Памятная книжка, 1905: 66].

Немецкое население петербургских пригородов на протяжении всего исследуемого периода оставалось малочисленным, однако в колониях устойчиво существовали школы с начала появления поселений и вплоть до их запрета в 1938 г. Мы ис-

ходим из того, что школы в колониях являются ровесниками самих поселений, так как религиозная этика протестантизма требовала подготовки детей к конфирмации, поэтому обучение начиналось даже при отсутствии школьных зданий и профессиональных учителей.

В 1848 г. в целом в Петербургской губернии, без учета столицы, насчитывалось 11 890 немцев, из них 11 420 лютеран и 470 католиков [Об инородческом..., 1850, ч. 2: 187]. По данным ревизии 1851 г., численность немецких колонистов Российской империи составляла 368 871 чел. (188 456 душ мужского пола и 180 415 душ женского пола). Мужское население Петербургской губернии насчитывало 1804 чел. Население крупных конгломератов немецких поселений на Волге и юге России занимало верхние строчки в статистических подсчетах. Так, в Саратовской губернии проживало 48 350 немцев, Самарской — 36 079, Таврической — 17 348 [Извлечение из отчета, 1852: прил. 7]. На 1895 г. в Петербургской губернии проживало уже 5603 колониста обоего пола, в том числе незначительная часть из них переехала в города губернии (36 мужчин и две женщины) [Памятная книжка, 1895, ч. 3: 31].

О количестве школ у колонистов в первые десятилетия существования можно судить по данным Министерства государственных имуществ (МГИ). При передаче иностранных колоний из ведения Министерства внутренних дел (МВД) в ведение МГИ (1838) было установлено, что больше половины школ (53,8%) находилось в южных губерниях: Таврической (75), Екатеринославской (45), Херсонской (33). В Саратовской губернии насчитывалось 107 школ, Лифляндской — 9, Черниговской — 9, Петербургской — 8, Воронежской — одна школа [Таблицы учебных заведений, 1838: 54–55].

Общероссийская статистика школ иностранных поселенцев ограничена. Обобщающие сведения начала XX в. дают материалы школьной переписи 1911 г. В начальных школах Министерства народного просвещения (МНП) и духовного ведомства обучалось 151 365 учеников, чьим родным языком был немецкий (2,57% от общего числа учащихся). В основном они учились в сельских школах (130 561 чел., 86%) и около 14% — в городских [Однодневная перепись, вып. 16, 1916: II]. В Бессарабской, Волынской, Донской, Екатеринославской, Самарской, Саратовской, Таврической, Херсонской губерниях, где проживала большая часть немецкого населения, действовало 1195 начальных немецких школ. В них насчитывалось 85 349 учеников (44 016 мальчиков и 41 333 девочек) [Однодневная перепись, вып. 16, 1916: 14]. В Саратовской губернии работало всего 67 школ, однако здесь отмечено самое большое количество учащихся — 19 500 чел. Цифры свидетельствуют об огромной нагрузке на одного учителя. В Петербургской губернии было учтено 2026 учащихся с родным немецким языком, в том числе 919 чел. обучалось в сельской местности, главным образом в Петербургском уезде [Однодневная перепись, вып. 1: 72].

После окончания Первой мировой войны немецкое население Петрограда и губернии резко сократилось. Согласно переписям 1910 и 1920 гг., численность жителей города и пригородов соответственно составляла 46 931 и 11 167 чел. [Статистический сборник, 1922: 11]. По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. следует, что в Ленинграде проживали 16 916 немцев, а всего по губернии, включая Ленинград, — 30 353 чел. [Национальные меньшинства, 1929: 6]. Несмотря на то, что немецкие школы колони-

стов закрывались во время войны, к концу 1920-х гг. в сельской местности работали десять школ.

Таким образом, можно говорить об устойчивости школьной традиции в немецких колониях на протяжении дореволюционного столетия и первых десятилетий советской власти. Численность школ соответствовала количеству наиболее крупных немецких поселений под Петербургом/Ленинградом, количество жителей колоний не влияло на рост числа школ, поскольку изначально в среде немецких колонистов различных губерний действовал принцип разумной достаточности: одно поселение — одна школа.

Школы немецких колонистов под Санкт-Петербургом в XIX в.

Начало школьного обучения у первых переселенцев не было связано с наличием специального здания. Из старейших колоний под Петербургом лишь жители Новосаратовки при поселении внесли в контракт 1765 г. положение о строительстве школы и содержании учителей на средства казны. В первые годы жители петербургских Ижорской и Среднерогатской колоний, основанных в 1760-е гг., не имели возможности построить школьное здание, поэтому по очереди предоставляли для проведения занятий свои дома. В Ижорской колонии подобная практика продолжалась до 1810 г., а в Среднерогатской колонии средства на строительство школы появились уже в 1790-е гг. [Бахмутская, 2020: 163–164].

В «приморских» колониях строительство первых школ также велось за счет казны. Первое школьное здание в Стрельнинской колонии было построено на казенные деньги в 1818 г. В 1896 г. на средства жителей и при содействии Центрального комитета Вспомогательной кассы евангелическо-лютеранских приходов России была построена новая школа. В 1906 г. был воздвигнут каменный дом для учителей. В ремесленной колонии Фриденталь, основанной в 1819 г., школьные занятия с самого начала проводились в доме, принадлежавшем старосте колонии А. Кемперу. Ревизия петербургских колоний в феврале 1859 г. показала отсутствие школ и церквей в небольших «приморских» колониях. Однако это не соответствовало реальности. В Кронштадтской колонии, самой многочисленной, школа работала и принимала детей из близлежащих колоний, учитель получал 85 руб. в год. Ревизор положительно отзывался о работе учителя в Кипени [РГИА. Ф. 383. Оп. 22. Д. 32939. Л. 20, 57].

Обеспеченность всех детей школами при малой нагрузке на одного учителя была одной из особенностей петербургских колонистов. В 1846 г. по ведомству Санкт-Петербургской палаты МГИ состояло 25 крестьянских школ и 8 школ колонистов. В первых обучалось до 950 детей, в колонистских школах — до 600. По подсчетам ведомства, у казенных крестьян один ученик приходился на 65 жителей, а у колонистов — один на шесть жителей [Военно-статистическое обозрение, 1851: 297].

Школьные здания в дочерних колониях появлялись сравнительно поздно, долгое время занятия проходили в арендованных помещениях. Средства на их строительство или ремонт обветшавших строений в виде кредита с рассрочкой на несколько лет выделяла Вспомогательная касса евангелическо-лютеранских приходов России. Чаще всего молитвенный дом и школа занимали одно здание и использовались поочередно. Уровень платежеспособности колонистов определял время рассрочки. Так, колонисты Янино получили в 1884 г. 600 руб. (на 10 лет) на строительство молитвенного дома и школы,

жителям Гражданки в 1887 г. на те же цели выделили 500 руб. (на 5 лет). На постройку школы и молитвенного дома в Овцыно в 1896 г. было выдано 700 руб. (на 10 лет). Школа обошлась в 3500 руб., из которых колонисты внесли 2000 руб., помощь из региональной лютеранской кассы составила 450 руб. Средства на школьное строительство получили и другие колонии: Ковалево (1874), Новопарголовская (1876) и Новоалександровская (1878) [Gernet, 1909: 68–71, 73]. В 1897 г. строительство нового молитвенного и школьного дома началось и в Веселом поселке Шлиссельбургского уезда.

В колониях действовали традиционные церковно-приходские школы, подчиненные духовенству. Внутренний распорядок лютеранских школ регулировался Положением «О правилах для школьного и катехизического учения в колониях саратовских иностранных поселенцев». Законопроект был подан Генеральной евангелическо-лютеранской консисторией и, по сути, закреплял традиционную систему образования у протестантов. Хотя правила 1840 г. были разработаны для саратовских колоний, они стали применяться во всех лютеранских и католических колонистских школах. На южно-российские колонии правила распространились в 1845 г. [РГИА. Ф. 383. Оп. 8. Д. 7153. Л. 12–13], а в 1847 г. и на петербургские.

Правила определяли обязанности духовенства, учителей и родителей. Пасторы должны были внушать прихожанам святость их долга воспитывать детей в любви к Богу и своевременно посылать их в школы. Духовенство обязано было регулярно посещать школы в колониях. Обязанностью родителей было ежедневно отправлять в школу детей или питомцев обоего пола, достигших семилетнего возраста, а в воскресенье посещать уроки катехизиса. Учитель обязан был вести список всем детям школьного возраста, ежедневно отмечать отсутствующих не только на своих уроках, но и на воскресных занятиях по катехизису. Пропуски допускались по уважительным причинам, иначе родители выплачивали штраф.

Важным моментом в жизни школ немецких колонистов империи стало введение русского языка. В 1830–1840-е гг. сначала в Поволжье, а затем и на юге России были созданы специальные учебные заведения (центральные училища), где готовили писарей и учителей начальных школ со знанием русского языка. Это была инициатива государства. В петербургских колониях подобных училищ не было, но русский язык был введен раньше, чем в других регионах, а идея впервые была использована в Средней Рогатке.

В Среднерогатской школе русский язык был введен в 1825 г. учителем Иваном Миллером, прусским подданным, до этого работавшим в Петербурге. Преобразование школы произошло по представлению инспектора петербургских колоний И.П. Бунина [РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195. Л. 1–1 об., 2 об. — 3]. Одновременно в колонии учреждалась система взаимного обучения, организованная по методу Белл-Ланкастера, которая широко применялась в столице. Необходимость начальной школы в колониях не подвергалась сомнению, она была важнейшей частью духовной жизни, но колонисты не соглашались на открытие в селе второй школы или школы повышенного типа, так как это требовало от них дополнительных средств. Поэтому в 1829 г. жители Среднерогатской колонии выступили против учреждения дополнительной школы по финансовым соображениям. Существующая школа была образцовой для всех подстолич-

ных колоний. В ней было 7 классов, учебные занятия продолжались 180 дней в году с перерывом на сезонные полевые работы. В школе изучали закон Божий, Священную историю, немецкий и русский языки, арифметику, естественную историю, дети седьмого класса читали и писали на обоих языках.

В 1829 г. опыт школы взаимного обучения в Средней Рогатке попытались распространить на все колонии. Жители Новосаратовки сразу категорически отказались от нововведения. Колонисты по-разному объясняли отказ от новой формы обучения: одни были и так довольны успехами детей, другие не хотели, чтобы их «дети маршировали», третьи ссылались на мнение пастора, довольного школой [РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195. Л. 10]. Новая методика была внедрена в Стрельнинской колонии. 6 декабря 1829 г. состоялось торжественное открытие новой школы, на нем присутствовали высокие особы из Петербурга [РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1198. Л. 1–3]. Однако метод не прижился ни в Петербурге, ни в колониях, и его впоследствии отменили.

О результативности обучения на русском языке (основы арифметики и чтение) говорят цифры. В 1827 г. через два года после введения русского языка в Средней Рогатке из 74 учащихся умели складывать числа на русском 25 детей и 49 умели читать [РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195. Л. 3].

На развитие школ петербургских колонистов, как и в целом на уровень благосостояния, на процесс освоения русскоязычной культуры колонистами, несомненно, влияла городская среда. Как уже говорилось, близость столицы оказывала влияние на выбор и уровень подготовки учителей, характер обучения колонистских детей. Учительский состав отличался стабильностью, некоторые учителя работали в колониях десятилетиями. Одной из особенностей немецких школ под Петербургом было использование одних и тех же педагогов для детей колонистов и питомцев Петербургского воспитательного дома, живших в колониях.

Карл Бризмейстер работал в Стрельнинской школе, с 1832 г. начал одновременно обучать русской грамоте отдельных питомцев. В 1835 г. он брался обучить русской грамоте возросшее число питомцев за полтора года, при условии, что колонисты будут отпускать воспитанников на занятия 3–4 раза в неделю [ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 7 об.]. Осенью 1837 г. Опекунский совет Воспитательного дома разрешил А. Ф. Родендорфу, учителю колонистских детей и питомцев Средней Рогатки, дополнительно обучать детей из Воспитательного дома в Ижорской и Фриденальской колониях [РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 442. Л. 1об., 6, 16]. Известно, что Родендорф был родом из Митавы, лютеранин, из мещан. На службу поступил 1 октября 1835 г. в школу Средней Рогатки и оставался учителем здесь более 40 лет. Одновременно он исправлял обязанности писаря в сельском приказе. До него в Средней Рогатке десять лет работал Иван Миллер. Учитель Фридрих Вильгельм Бензель (Е. В. Бинзель), иностранец, в 1837 г. занял вакансию в Новосаратовской школе вместо умершего учителя Фролова, с 1843 г. работал одновременно в Овцыно, обучая питомцев [РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 442. Л. 18–18 об.]. Обращает на себя внимание тот факт, что учителями колонистских детей были немцы и русские. Кроме упомянутых учителей (Фролов, Миллер, Бризмейстер, Родендорф, Бинзель), работали коллежский регистратор Михаил Луба (Гражданка, 1852), Бруннер (Новосаратовка, 1864, переведен в Петербург), Эрниц (Новосаратовка, с 1864). [РГИА.

Ф. 758. Оп. 9. Д. 658. Л. 1–1 об.; Д. 442. Л. 72 об.]. Известны учителя Стрельнинской школы. Первыми были М. Вернер, Г. Мазинг, А. Шперер, К. Бризмейстер. Затем преподавали: Эрниц (до 1864), Фурман (1864–1898), Кислинг (1898–1902), Бернарделли (1903–1905), Флор (1905), Узинг (1906–1907), Вейдеман (с 1907) [Гернет, 1910: 22].

Важнейшие перемены в жизни иностранных колонистов произошли в ходе реформы 1871 г., уравнившей колонистов с другими категориями крестьян. Вслед за этим колонистов коснулась военная реформа (1874), а также изменения в сфере образования. Законом от 22 ноября 1890 г. все протестантские школы в округах Санкт-Петербургской и Московской лютеранских консисторий передавались из ведения МВД в МНП, тем самым школы выводились из подчинения церкви [ПСЗ-3, т. 10, № 7211]. Закон касался всех без исключения школ, городских и бывших колонистских, состоящих при лютеранских церквях. Однако закон не распространялся на училища св. Анны и св. Петра в Петербурге.

После передачи лютеранских школ в ведение МНП возобладало светское управление учебными заведениями, за церковью сохранялось лишь духовное назидание, подготовка детей к конфирмации. Колонисты утратили право самим выбирать учителей, теперь педагогов назначало учебное ведомство. Вокруг новых учителей возникали конфликты, поскольку традиционно учитель был самым авторитетным лицом в колонии после пастора, и колонисты очень требовательно относились к этому человеку. Так, осенью 1890 г. пятеро из тринадцати поселян Кронштадтской колонии Ораниенбаумской волости отказались содержать назначенную учительницу, которая «не имела прав учительствовать, но имела незаконную дочь». Волостной суд обязал протестующих вносить плату за преподавание наравне с другими жителями колонии [ЦГИА. Ф. 766. Оп. 1. Д. 596. Л. 1–1 об.].

В 1905 г. школьная сеть немецких поселений состояла из училищ (школ), подведомственных МНП, некоторые были переданы на содержание в земства. Школы действовали в следующих поселениях Новосаратовского лютеранского прихода: Гражданка, Новопарголово, Каменка, Средняя Рогатка, Новосаратовка, Новоалександровка, Веселый поселок [Памятная книжка, 1905: 378]. К земским относилась школа в Кипенской колонии Петергофского уезда. В 1908 г. Стрельнинская школа также была передана земству. На содержании земства состояли две немецкие школы в Новгородской губернии (Александровская и Новониколаевская). В этот период самая большая школа у немцев Петербургского уезда была в Новосаратовке (176 учеников), за ней следовала Среднерогатская (112). В дочерних колониях (Гражданка, Каменка, Новоалександровка, Новопарголовская) обучалось от 28 детей до 41 ребенка [Памятная книжка, 1898: 230, 255]. Как правило, ученики были детьми одного поселения. Однако маленькие ямбургские колонии не имели возможности содержать отдельные школы, поэтому их дети посещали немецкую школу в Ямбурге.

Немецкие школы в годы Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны в стране развернулась «антинемецкая кампания», затронувшая все сферы жизнедеятельности. Запрет на использование немецкого языка в общественных местах сначала был введен в прифронтовых губерниях, а затем распространился на другие регионы. Первой территорией, где был запрещен не-

мецкий язык, была Екатеринославская губерния. По стране прошла серия переименований немецких поселений. Так, Франкфуртская колония в Ямбургском уезде стала поселком Заречное.

Первые запреты в сфере образования касались учителей, подданных неприятельских государств, — с 1 августа им предлагалось перейти в российское подданство. Вскоре были введены меры в отношении учащихся, чьи родители были германскими, австрийскими и венгерскими подданными — прием в школы этих детей приостанавливался до окончания войны.

25 августа 1914 г. появились первые распоряжения МНП относительно языка преподавания в немецких школах, которые касались пока лишь школ Петрограда: с начала 1914/15 учебного года обучение в училищах при немецких и евангелическо-лютеранских и реформатских церквях переводилось на русский язык. Исключение было сделано для выпускных классов: немецкий язык был оставлен лишь для преподавания латинского и греческого языков до конца учебного года [Циркуляр, 1914, № 9: 701]. С 1 сентября аналогичные меры были приняты в отношении немецких училищ при иноверческих церквях Москвы.

24 декабря 1914 г. император утвердил постановление о языке преподавания в немецких колонистских школах [Особые журналы, 1914: 598–599]. Оно распространялось на немецкие начальные училища в Варшавском учебном округе и в поселениях немецких колонистов других округов. Немецкий язык был оставлен только для преподавания закона Божьего и родного языка.

Исполнение запретов регулярно проверялось. 14 июня 1915 г. вышло распоряжение попечителя Петроградского округа «О надлежащей постановке в школе как при преподавании, так и во всем школьном обиходе русского государственного языка» [Циркуляр, 1915, № 6: 454–455]. В целях «ограждения достоинства государственного языка» требовалось срочно заменить все еще сохраняющиеся в некоторых школах дневники, классные журналы, расписания, прочие документы старого образца на немецком языке. Но школы заготовили различные бланки к началу 1914/15 учебного года в больших количествах и не смогли в короткое время заменить их новыми, на преобразования требовались еще и дополнительные средства. Управляющий округом категорически потребовал как в преподавании, так и в школьном общении употреблять исключительно русский язык.

18 августа 1916 г. был принят закон «О воспреещении преподавания на немецком языке», который запрещал немецкий язык во всех учебных заведениях империи, включая Юрьевский университет [Собрание узаконений, 1916, отд. 1: 2342].

В годы войны не было специального закона о закрытии немецких школ, хотя запреты на деятельность школ появлялись на уровне учебных округов, например, в Прибалтике. Тем не менее общая ситуация, связанная с употреблением языка, допуском к работе лишь учителей со знанием русского языка, увольнением преподавателей — подданных неприятельских государств, применением «ликвидационных» законов относительно землевладения и землепользования немцев-подданных России, мобилизации учителей в армию — все это способствовало закрытию школ. К 1 марта 1915 г. только в Екатеринославской губернии было закрыто 75 школ, а всего по Одесскому учебно-

му округу — 112 [РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 59об.]. В январе 1915 г. попечитель Киевского учебного округа ходатайствовал о закрытии 302 школ в Киевской и Волынской губерниях [РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 13–15]. В Эстляндии с 1914 по 1916 г. были закрыты 12 из 17 средних школ с немецким языком обучения, а в остальных стали преподавать на русском языке. [Андреева, 2008: 217] Не избежали этой участи школы петербургских и новгородских колонистов. В 1915 г. закрылись школы в Новониколаевской и Александровской колониях Новгородского уезда. В Ямбурге школа, которую посещали дети близлежащих колоний (Луцкая, Франкфуртская и Порховская), также была запрещена в 1915 г.

Положение немецких школ в Ленинграде и области в довоенный период

Антинемецкая кампания, последовавшая затем Гражданская война и разруха привели немецкое образование в стране в плачевное состояние. Бедственное положение немецких школ отмечалось во всех губерниях. В 1921 г. на школьное образование в стране выделялось только 10% из бюджетных средств. В итоге в 1919–1923 гг. школьная сеть немцев значительно сократилась.

Летом 1919 г. на Третьем съезде Советов Области немцев Поволжья говорилось, что свыше половины всех детей не в состоянии посещать школы, особенно зимой. Главными причинами были: отсутствие школ, острая нехватка учителей, подготовленных в духе новой идеологии, новых учебников, письменных принадлежностей, одежды и обуви. Исходя из местных возможностей, под школы отдавались здания бывших волостных правлений, конфискованные дома зажиточных колонистов [Герман, 2007: 70].

Реальный подъем в строительстве школьного образования немцев начался лишь в середине 1920-х гг. В это время в СССР насчитывалось около тысячи школ, в том числе в РСФСР — 351 (1925), на Украине — 570 (1926) [Дёнингхаус, 2011: 243].

После шестилетнего перерыва в 1921 г. вновь заработали школы под Петроградом, многие дети-переростки были неграмотны, преподавание велось на русском языке. В школе колонии Этюп работали три учителя — одна немка и двое русских, преподавание велось на русском языке, занятия посещали 117 учеников. Тогда же возобновилась работа в Ямбургской школе, занятия посещал 101 ученик, работали три учителя (два немца и одна русская). Отмечалось значительное число неграмотных детей школьного возраста, а немецкий язык школьников представлял смесь русских и немецких слов, поэтому приходилось обучать немецкому языку буквально с азбуки [Шрадер, 1998: 262].

В Новгородской губернии в 1921 г. работали три немецкие школы, но требовалось еще четыре, но положение школ было нестабильным, учителя увольнялись. Поэтому в 1924 г. остались лишь две школы в Новгородском уезде, которые открылись в 1921 г. после назначения туда учителей: в Новониколаевке с 1 октября (немецкий учитель), в Александровке после трехлетнего отсутствия учителя (русский учитель) — со 2 сентября [Немецкие колонии, 2017: 288]. При этом значительное количество детей школьного возраста оставалось вне школы. Сказывались отдаленные последствия закрытия школ в годы войны и длительного отсутствия учителей. В Александровской колонии Новгородского уезда в 1924 г. было выявлено 70 неграмотных молодых людей в возрасте от 12 до 30 лет, не умевших читать и писать ни на немецком, ни на русском языках

[Немецкие колонии, 2017: 77–79]. В 1927 г. в Новониколаевке насчитывалось 98 неграмотных в возрасте от 14 до 30 лет [Немецкие колонии, 2017: 85].

В отчетах за 1923–1924 гг. показатели по немецкому населению Петроградской губернии значительно расходятся (от 8394 до 5729 чел.), но данные о школах стабильны: отмечались 12 школ в крупнейших колониях (Новосаратовская, Среднерогатская, Новопарголовская, Овцыно, Каменка, Колпинская, Стрельнинская, Янино, Красенькая, Кипень, Смольнинская, Ямбург) [Шрадер, 1998: 263]. Сеть немецких школ Ленинградской области в 1928 г. была представлена десятью школами 1-й ступени (здесь не учтены немецкие школы Ленинграда — Анненшуле, Петришуле, Катариненшуле).

В 1920-е гг. нехватка и частая смена педагогов немецких школ была повсеместно характерной чертой. Не хватало учебных заведений для подготовки учителей, работали краткосрочные курсы. Одним из выходов было использование выпускников школ-девятилеток в качестве учителей начальных классов, как это делалось, например, в Республике немцев Поволжья. Однако в изучаемый период у немцев Ленинградской области не было школ повышенного типа, в то время как у поволжских немцев насчитывалось 12 школ-девятилеток. Так, например, в советское время в Стрельнинской колонии была лишь начальная школа 1-й ступени, по окончании которой дети переходили в школу-семилетку, расположенную в Константиновском дворце в Стрельне, т. е. повышенное образование они получали на русском языке.

Подготовка учителей велась на базе педагогических техникумов, открытых в Поволжье (Маркс, Зельман, Красный Кут) и на Украине (Хортица, Пришиб). В 1925 г. из Москвы в Ленинград был переведен Немецкий практический институт народного образования, реорганизованный в Немецкий педагогический техникум. В нем по квотам обучались немецкие студенты со всей страны, но даже забронированные места не всегда были заняты. Выпускники возвращались в те места, откуда их делегировали, некоторые оставались в Ленинграде, «лишних» кадров не было, чтобы их направить в другие районы. На базе техникума проводились краткосрочные курсы для переподготовки учителей. Однако «учительский голод» в стране техникум не мог решить.

Студенты Ленинградского техникума проходили педагогическую практику в Петришуле, старейшей немецкой школе Петербурга. Подготовка воспитателей детских садов не была предусмотрена программой техникума, поэтому в 1927 г. организовали ускоренные занятия для воспитателей из студентов третьего курса и направили на практику в немецкие колонии Сибири, Крыма, Северного Кавказа, Ленинградской области. Так, под Ленинградом работали Берта Шок (Новопорховская колония), Мария Фрей (Каменка), Роза Шок (Средняя Рогатка) [Wosnessenskaja, 1928: 703–708].

Всесоюзная перепись населения 1926 г. показала высокий уровень грамотности немцев области: общая грамотность у мужчин-немцев составляла 82% (на родном языке — 73%), у женщин, соответственно, — 73 и 78% [Национальные меньшинства, 1929: 37]. К середине 1920-х гг. по грамотности немцы Ленинградской области занимали первое место в СССР, за ними следовали немцы АССР немцев Поволжья. На наш взгляд, это объясняется традициями немецких школ, отношением населения к школьным проблемам, близостью города и культурно-образовательными возможностями Петербурга/Ленинграда.

Сворачивание национальных программ и закрытие национальных школ в СССР в 1938 г.

Развитие национальных школ, противоречиво осуществляемое в первое десятилетие советской власти, уже в начале 1930-х гг. стали постепенно сворачивать. Хотя в Конституции СССР 1936 г. (ст. 121) было закреплено право на образование на родном языке, на практике начался явный отход от политики признания и поощрения родного языка в школе и в целом в культурно-образовательной среде. В 1932 г. закрылось Центральное издательство народов СССР, в 1934 г. были упразднены национальные отделы просвещения в органах управления. С августа 1935 г. прекратилось издание журнала «Просвещение национальностей». В апреле 1936 г. перестала выходить газета «Rote Zeitung» («Роте Цайтунг» — «Красная газета»), издававшаяся в Ленинграде с 1931 г.

В 1935 г. была ликвидирована подготовка учителей на базе Немецкого педтехникума Ленинграда. В 1934/35 учебном году латышский, немецкий и польский техникумы Ленинграда были объединены в один Педагогический техникум народов Запада. Но и он просуществовал недолго — 14 апреля 1935 г. приказом наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова был расформирован. Немецкое и польское отделения выводили из Ленинграда, немецкие студенты переводились в АССР немцев Поволжья [Смирнова, 2002: 181].

24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О реорганизации национальных школ», которое поставило точку в развитии национальных школ не титульных наций. Школы надуманно обвинялись в антисоветском влиянии на детей, а педагогов относили к врагам советской власти. Сохранялись лишь школы титульных наций, для немцев это означало ликвидацию школ везде, кроме АССР немцев Поволжья. В целом документ нанес огромный вред национально-языковому строительству, круто изменил политику развития национального образования в СССР. В то же время разворачивалась пропаганда о необходимости изучения русского языка, широко развернувшаяся после выхода 13 марта 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Острота проблемы особенно ощущалась среди новобранцев из среднеазиатских республик, Кавказа, из числа малых народов. Русский язык был нужен, но вместе с тем национальные школы лишались родного языка и превращались в русские.

Раньше других новые запреты коснулись немецких школ Ленинграда и Ленинградской области. 15 июля 1937 г. секретариат Ленинградского горкома ВКП(б) принял постановление «О немецком отделении 33-й школы Октябрьского района», после чего школа была расформирована. К 20 декабря 1937 г. бюро областного обкома партии подготовил проект постановления «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях», который признавал «вредным» существование финских, эстонских, немецких, польских и других школ, а также национальных отделений в средних специальных и высших учебных заведениях. К началу марта 1938 г. в Ленинградской области были реорганизованы 340 различных национальных школ, в том числе 9 немецких [Смирнова, 2002: 167-169].

Заключение

Анализ истории немецкой школы петербургских колонистов и сравнение ее с опытом немецких школ других регионов Российской империи и СССР свидетельствует о многих общих закономерностях, которые были обусловлены национальной политикой царского правительства и советской власти, а также школьной традицией у немцев.

Рациональный подход немцев к делу проявлялся в принципе «разумной достаточности» — в одной колонии работала одна школа, поскольку содержание школы и учителя лежало на плечах самих колонистов. Общность истории школьного образования предопределялась традиционным отношением протестантов и в целом западных христиан к обучению детей, поскольку школы существовали в неразрывной связи с церковью. К неотъемлемым чертам менталитета немцев относятся обязательность посещения школы их детьми обоего пола, уважительное отношение к церкви и учителям, помощь общин в содержании учебных заведений. Наблюдается приоритет духовного перед материальной стороной дела — обучение начиналось раньше, чем появлялось школьное здание.

В кризисные периоды наиболее ярко проявлялась общность судеб школ колонистов. Это наглядно прослеживается во время проведения колонистской реформы 1871 г., в период Первой мировой войны и в годы «большого террора». Школы либо унифицировались под общие правила (1890-е и 1930-е гг.), либо подвергались гонениям вплоть до их запрета.

Вместе с тем отмечаются различия в качестве обучения детей петербургских колонистов, которые в значительной мере определялись близостью колоний к столице. Влияние городской среды сказывалось на выборе учителей, в первые десятилетия это были выходцы из Европы, имевшие опыт проживания в Петербурге. Уровень грамотности и уровень владения русским языком в подстоличных колониях были выше, чем в других колониях. Русский язык здесь был введен раньше, чем в Поволжье и на юге России. В советское время разрыв в уровне грамотности немцев Ленинградской области и АССР немцев Поволжья явно обозначился, о чем свидетельствует статистика — немцы области и города занимали лидирующее положение в стране. История немецких школ (городских и колонистских) в различных регионах империи в период Первой мировой войны также имела некоторые отличия — запреты на использования языка в преподавании коснулись в первую очередь школ Петрограда. Эта особенность повторилась и в период разгула политических репрессий против немцев и западных меньшинств в 1930-е гг.: закрытие немецких школ началось в Ленинграде уже в 1937 г.

В советский период выявились некоторые недостатки в организации немецких школ близ Ленинграда, что также определялось близостью города. Здесь отсутствовали школы повышенного типа, что в некоторой мере влияло на пополнение кадрами сельских школ. Подростки продолжали обучение в школах повышенного типа в Ленинграде на русском языке, в то время как в Поволжье было более десятка школ-девятилеток. В то же время отмечаются и преимущества школ области и города, так как их использовали в процессе подготовки учителей на базе Ленинградского немецкого педтехникума, что говорит о достаточно высоком уровне самих школ.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (проект № 23–18–20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>)

Acknowledgements and funding

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation (project No. 23–18–20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб. : Издат. Дом Миръ, 2008. 312 с.

Бахмутская Е. В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е-1870-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 320 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 3, ч. 1: Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1851. 109 с.

Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.

Дёнингхаус В. В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М. : РОССПЭН, 2011. 727 с.

Извлечение из отчета министра государственных имуществ за 1851 г. СПб., 1852. 188 с.

Национальные меньшинства Ленинградской области : сб. материалов. Л. : Орготдел Лен. облисполкома, 1929. 104 с.

Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти. 1918–1927: сб. док. СПб. : Нестор-История, 2017. 496 с.

Об инородческом, преимущественно немецком, населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. 2. С. 181–209.

Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб. : тип. «Экономия», 1916. Вып. 16. Ч. 1. 150 с.

Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб., 1913. Вып. 1. 112 с.

Особые журналы Совета Министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1914 год. М. : РОССПЭН, 2006. 700 с.

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1895 год. СПб. : губ. тип., 1895. 196 с.

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1898 год. СПб. : губ. тип., 1898. 378 с.

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии. СПб. : губ. тип., 1905. 652 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. Т. 10. № 7211.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 8. Д. 7153.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 22. Д. 32939.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1198.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 758. Оп. 9. Д. 442.

- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 758. Оп. 9. Д. 658.
- Смирнова Т. М. Национальность — питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб. : Сударыня, 2002. 584 с.
- Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1916. Пг., 1916. 988 с.
- Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. 344 с.
- Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи, с показанием отношения числа учащихся к числу жителей. СПб., 1838. 109 с.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 8. Оп. 1. Д. 21;
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 766. Оп. 1. Д. 596.
- Циркуляр по Петроградскому учебному округу. Пг., 1914, 1915.
- Шрадер Т. А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг. // Немцы и образование в России. СПб. : Б-ка РАН, 1998. С. 260–267.
- Gernet A. [Гернет А.] Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungskasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Rußland [История фонда поддержки евангелическо-лютеранских общин в России]. St. Petersburg [СПб.]: Buchdruckerei J. Watsar [Типография Я. Ватсара], 1909. 360 с. (на нем. языке).
- Wosnessenskaja Ch. [Вознесенская Ч.] Die Sommerpraxis der Studenten des Deutschen Pädagogischen Zentraltechnikums in Leningrad 1927 [Летняя практика студентов Центрального немецкого педагогического техникума в Ленинграде в 1927 году] // Wolgadeutsches Schulblatt [Вестник немецкой школы Поволжья]. 1928. № 7. С. 703–708 (на нем. языке).

REFERENCES

- Andreeva N. S. *Pribaltiiskie nemtsy i rossiiskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX veka* [Baltic Germans and Russian government policy in the early twentieth century]. SPb.: Izdat. Dom «Mir'», 2008. 312 s. (in Russian).
- Bakhmutskaya E. V. *Nemetskie kolonii Sankt-Peterburgskoi gubernii. 1760-e-1870-e gg.*: Dis. ... kand. istor. nauk. [German colonies of St. Petersburg province. 1760s-1870s.: Ph. D. Thesis in History]. — SPb., 2002. 320 s. (in Russian).
- Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii* [Military-statistical review of the Russian Empire]. T. 3, ch. 1: Sankt-Peterburgskaya guberniya. SPb., 1851. Razd. pag. (in Russian).
- German A. A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918-1941* [German Autonomy on the Volga. 1918-1941]. M.: MSNK-press, 2007. 576 s. (in Russian).
- Denningkhaus V. V *teni "Bol'shogo Brata": zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR (1917-1938 gg.)* [In the Shadow of Big Brother: Western National Minorities in the USSR (1917-1938)]. M.: ROSSPEN, 2011. 727 s. (in Russian).
- Izvlechenie iz otcheta ministra gosudarstvennykh imushchestv za 1851 g.* [Extract from the Report of the Minister of State Property for 1851]. SPb., 1852. Prilozhenie 7 (in Russian).

Natsional'nye men'shinstva Leningradskoi oblasti [National minorities of the Leningrad Region]: sb. materialov / Sost. P. M. Yanson. L.: Orgotdel Len. oblispolkoma, 1929. 104 s. (in Russian).

Nemetskie kolonii Novgorodskoi gubernii v pervoe desyatiletie sovetskoi vlasti. 1918-1927 [German colonies of Novgorod province in the first decade of Soviet power. 1918-1927]: sb. dok. / Sost.: N.V. Salonikov (otv. sost.), N.S. Fedoruk i dr.; nauch. red. I.V. Cherkaz'yanova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. 496 s. (in Russian).

Ob inorodcheskom, preimushchestvenno nemetskom, naselenii Sankt-Peterburgskoi gubernii [On the alien, mainly German, population of St. Petersburg province]. Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del [Journal of the Ministry of internal Affairs]. 1850. Part 2. Pp. 181-209 (in Russian).

Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda [One-day census of elementary schools in the empire, taken on January 18, 1911] / Red. V. I. Pokrovskii. Vyp. 16, ch. 1: *Itogi po Imperii* [Empire totals]. Pg., 1916. IV, 150 s. (in Russian).

Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v Imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda [One-day census of elementary schools in the empire, taken on January 18, 1911] / Red. V. I. Pokrovskii. Vyp. 1: *S.-Peterburgskii uchebnyi okrug* [St. Petersburg Educational District]. SPb., 1913. [2], II, 28, 112 s. (in Russian).

Osobyie zhurnaly Soveta Ministrov Rossiiskoi imperii, 1909-1917 gg. 1914 god [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1909-1917. 1914] / Otv. sost. B.D. Gal'perina; redkol.: B.D. Gal'perina i dr. M., 2006. 698, [1] s.

Pamyatnaya knizhka Sankt-Peterburgskoi gubernii na 1895 god [Memorable book of St. Petersburg province for 1895]. SPb., 1895. Razd. pag. (in Russian).

Pamyatnaya knizhka Sankt-Peterburgskoi gubernii na 1898 god [Memorable book of St. Petersburg province for 1898]. SPb., 1898. Razd. pag. (in Russian).

Pamyatnaya knizhka Sankt-Peterburgskoi gubernii na 1905 g. [Memorable book of St. Petersburg province for 1905]. SPb., 1905. Razd. pag. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 3-e. T. 10. № 7211. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 383. Inventory 8. File 7153; Fund 383. Inventory 22. File 32 939 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 383. Inventory 29. File 1195 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 383. Inventory 29. File 1198 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 733. Inventory 186. File 2324 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 758. Inventory 9. File 442 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 758. Inventory 9. File 658 (in Russian).

Smirnova T. M. *Natsional'nost' — piterskie: Natsional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoi oblasti v XX veke* [Nationality — Petersburgers: National Minorities of St.

Petersburg and the Leningrad Region in the Twentieth Century]. Saint Petersburg: Sudarynya, 2002, 584 p. (in Russian).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate [Collection of decrees and orders of the Government, published under the Government Senate]. 1916, otd. 1, Petrograd, 1916, 988 p. (in Russian).

Statisticheskii sbornik po Petrogradu i Petrogradskoi gubernii 1922 g. Petrogradg, 1922, 344 p. (in Russian).

Tablitsy uchebnykh zavedenii vseh vedomstv Rossiiskoi imperii, s pokazaniem otnosheniya chisla uchashchikhsya k chislu zhitelei [Tables of educational institutions of all departments of the Russian Empire, showing the ratio of the number of students to the number of inhabitants]. Saint Petersburg, 1838, 109 p. (in Russian).

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 8. Inventory 1. File 21 (in Russian).

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 766. Inventory 1. File 596 (in Russian).

Tsirkulyar po Petrogradskomu uchebnomu okrugu [Circular for the Petrograd school district]. Petrogradg, 1914, 1915 (in Russian).

Shrader T.A. Shkol'noe obrazovanie v nemetskikh koloniyakh Leningradskoi gubernii v 20-kh gg. [School education in the German colonies of Leningrad Province in the 20s]. *Nemtsy i obrazovanie v Rossii* [Germans and Education in Russia]. Saint Peterrburg: B-ka RAN, 1998, pp. 260–267 (in Russian).

Gernet A. *Geshikhte der Allerekst bestetigen Unterstuttsungskasse fyur Efangelish-Luterishe Gemaynden in Rusland* [History of the Highest confirmed support fund for Evangelical-Lutheran congregations in Russia]. Saint Petersburg: Buchdruckerei J. Watsar, 1909, 360 p. (in German).

Wosnessenskaja Ch. *Die Sommerpraxis der Studenten des Deutschen Pädagogischen Zentraltechnikums in Leningrad 1927* [The summer practice of the students of the German Central Pedagogical Technical College in Leningrad in 1927]. *Wolgadeutsches Schulblatt* [Volga German School Journal]. 1928, no. 7, pp. 703–708 (in German).

Статья поступила в редакцию: 11.05.2025

Принята к публикации: 03.09.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 94:314 (47+57) «1930/1950»

DOI 10.14258nneur(2025)3–10

Н. В. Чернышева

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва (Россия)

Е. Л. Ситникова

Вятский государственный университет, Киров (Россия);

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва (Россия)

А. И. Ажигулова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1939–1959 ГГ.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена этническим меньшинствам, проживавшим на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг. Цель публикации — выявить основные тенденции воспроизводства этнических меньшинств Сибири и Дальнего Востока в конце 1930-х — конце 1950-х гг., попадавших в статистическую выборку ЦСУ СССР. Источниками исследования выступили архивные материалы, результаты Всесоюзных переписей населения 1939 г. и 1959 г. Теоретико-методологическую основу научной публикации составила теория демографического перехода с выявлением региональных и национальных особенностей отдельных территорий. Методика исследования представлена общенаучными, историческими и статистическими методами.

В СССР в 1930–1950-е гг. демографический переход имел свои отличительные черты, обусловленные его прерывистостью, социально-экономическими процессами (индустриализация и урбанизация), внутри- и внешнеполитическими событиями, важнейшими из которых являются голод 1930-х гг. и послевоенный голод, Великая Отечественная война, спецификой расселения, национальными особенностями и т.д. Авторами изучен региональный срез воспроизводства отдельных этнических меньшинств (украинцы, белорусы, татары, казахи, евреи, армяне) Сибири и Дальнего Востока, который показал наличие различий в демографическом поведении при соответствии общим тенденциям, характерным для второй фазы демографического перехода.

Ключевые слова: демографический переход, демографические процессы, воспроизводство населения, естественное движение населения, народы СССР, Сибирь, Дальний Восток, Всесоюзная перепись населения, СССР.

Для цитирования:

Чернышева Н. В., Ситникова Е. Л., Ажигулова А. И. Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизводства // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 172–193. DOI 10.14258nreur(2025)3–10

Чернышева Наталья Викторовна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва (Россия).

Адрес для контактов: natiche84@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>.

Ситникова Евгения Леонидовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Вятского государственного университета, Киров (Россия). **Адрес для контактов:** evgsitnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4774-5689>.

Ажигулова Альбина Исламовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва (Россия); доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, Оренбург (Россия).

Адрес для контактов: azhigylova@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-1345-8447>

N. V. Chernysheva

Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E. L. Sitnikova

Vyatka State University, Kirov (Russia);

Institute of Demographic Research of the National Research Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

A. I. Azhigulova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

ETHNIC MINORITIES IN SIBERIA AND THE FAR EAST IN 1939–1959: THE MAIN TRENDS OF REPRODUCTION

The article is devoted to ethnic minorities living in Siberia and the Far East in 1939–1959. The purpose of the publication is to identify the main trends in the reproduction of ethnic minorities in Siberia and the Far East in the late 1930 years and late 1950 years, which were included in the statistical sample of the Central Control Commission of the USSR. The sources of the research were archival materials and the results of the All-Union population censuses

of 1939 and 1959. The theoretical and methodological basis of the scientific publication was the theory of demographic transition with the identification of regional and national characteristics of individual territories. The research methodology is represented by general scientific, historical and statistical methods. In the USSR in the 1930 years and 1950 years, the demographic transition had its own distinctive features due to its discontinuity, socio-economic processes (industrialization and urbanization), internal and external political events, the most important of which are the famine of the 1930 years and the post-war famine, the Great Patriotic War, the specifics of settlement, national characteristics, etc. The authors conducted a regional section of reproduction of individual ethnic minorities (Ukrainians, Belarusians, Tatars, Kazakhs, Jews, Armenians) Siberia and the Far East, which showed differences in demographic behavior, consistent with the general trends characteristic of the second phase of the demographic transition.

Keywords: demographic transition, demographic processes, population reproduction, natural population movement, peoples of the USSR, Siberia, Far East, All-Union population census, USSR.

For citation:

Chernysheva N. V., Sitnikova E. L., Azhigulova A. I. Ethnic minorities in Siberia and the Far east in 1939–1959: the main trends of reproduction. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, No. 3. P. 172–193 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–10.

Chernysheva Natalia Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). **Contact address:** natiche84@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>.

Sitnikova Evgeniya Leonidovna, PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Vyatka State University, Kirov (Russia). **Contact address:** evgsitnikova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4774-5689>.

Azhigulova Albina Islamovna, PhD in History, Researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Associate Professor at the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science at the Orenburg State Pedagogical University. **Contact address:** azhigylova@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-1345-8447>

Введение

Территория Сибири и Дальнего Востока с момента освоения и до сегодняшнего дня является малозаселенной. Отдаленность от политического центра, менталитет национальных меньшинств, специфика экономического уклада — все это накладывает отпечаток на развитие данных районов, заселение территорий, плотность населения. В 1930-е гг. СССР находился в состоянии социально-экономической модернизации, сопровождавшейся не только освоением новых территорий и поиском необходимых для производства природных ресурсов, но и политическими перипетиями, связанны-

ми с принудительными перемещениями населения в отдаленные районы, в том числе в Сибирь и на Дальний Восток.

Рассматриваемый период характеризуется чередой как внутри-, так и внешнеполитических событий. Голод 1932–1933 гг., модернизация общественного строя, репрессии стали причиной изменения демографического поведения населения, изменения его численности. Советско-финская, Великая Отечественная и Вторая мировая войны изменили возрастную-половую структуру населения, а также сократили его численность.

Второй этап демографического перехода сопровождался существенными отличиями как в региональном, так и в национальном разрезе. Данные отличия остаются малоизученными, особенно этнические, а они в многонациональном государстве оказывали существенное влияние на общую демографическую динамику.

Цель статьи — выявить основные тенденции воспроизводства отдельных этнических меньшинств, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока в конце 1930-х — конце 1950-х гг., следовательно, определить данные различия на втором этапе демографического перехода в СССР, когда снижалась смертность, а уровень рождаемости в целом оставался высоким.

В исследовании рассмотрены регионы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, т.е. азиатской части РСФСР.

История создания советских административных территорий Сибири и Дальнего Востока начинается с Октябрьской революции 1917 г. Первая советская реформа проходила в 1923–1929 гг. и была связана с реализацией идеи административно-экономического районирования, разработанной Госпланом. Следующая реформа административно-территориального деления приходится на 1930–1939 гг. она была связана с мобилизационной логикой пятилеток [Тархов, 2003]. Западная и Восточная Сибирь, а также Дальний Восток были вовлечены во все реформы административно-территориального деления как экономически и стратегически важные регионы.

За рассматриваемый период сетка административно-территориального деления изменилась. Данное обстоятельство учитывалось при составлении статистических сводок исследования. К концу 1930-х гг. географически Западная Сибирь включала три административно-территориальных единицы: Омская область, Новосибирская область и Алтайский край. Омская область была образована 7 декабря 1934 г. с центром в Омске и населением 2366633 чел. [РСФСР..., 1940: 223]. В сентябре 1937 г. были образованы Алтайский край (вместе с Ойротской АО) с центром в Барнауле и численностью населения 2520084 чел. [РСФСР..., 1940: 223] и Новосибирская область с центром в Новосибирске и населением 4022671 чел. [РСФСР..., 1940: 211]. В 1943 г. часть районов Омской области отошли Курганской, в 1944 г. — Тюменской областям. Из состава Новосибирской области в 1943 г. была выделена Кемеровская, а в 1944 г. Томская области. В 1937 г. два района Бурят-Монгольской АССР отошли Иркутской и Читинской областям.

Восточная Сибирь состояла из пяти административно-территориальных единиц: Красноярский край, Иркутская область, Читинская область, Бурят-Монгольская АССР, Якутская АССР. Ранее всех были образованы Якутская АССР в 1922 г. с цен-

тром в Якутске и населением 400544 чел. [РСФСР..., 1940: 434] и Бурят-Монгольская АССР 30 мая 1923 г. со столицей в Улан-Удэ и численностью населения 542170 чел. [РСФСР..., 1940: 359]. Данные автономные республики стали результатом стихийной регионализации после Октябрьской революции 1917 г., когда провозглашались автономные и независимые республики [Тархов, 2003]. Красноярский край был образован 7 декабря 1934 г. с центром в Красноярске, численность населения составила 1940002 чел. [РСФСР..., 1940: 54]. Иркутская и Читинская области были образованы в сентябре 1937 г. с центром в Иркутске и населением 1286696 чел. [РСФСР..., 1940: 122] и с центром в Чите и населением 1159478 чел. [РСФСР..., 1940: 337] соответственно. В октябре 1944 г. была присоединена Тувинская народная республика, которая получила статус АО (это была единственная автономная область, которая не входила ни в один из соседних краев) [Тархов, 2005: 89]. В 1944 г. в Туве проживало 95,4 тыс. чел., имелся лишь один городской населенный пункт — город Кызыл с населением 6 тыс. чел. [Гребнева, 1968: 64–65].

Дальний Восток включал две крупных территориальных единицы — Приморский край и Хабаровский край, в том числе с Еврейской автономной областью. Оба края были образованы 20 октября 1938 г.: Приморский край с центром во Владивостоке с численностью населения 907220 чел., Хабаровский край с центром в Хабаровске и населением 1430875 чел. [РСФСР..., 1940: 57, 63].

После окончания Второй мировой войны на присоединенных территориях была образована Южно-Сахалинская область (февраль 1946 г.), которая в январе 1947 г. она была включена в состав Сахалинской области (центр — Южно-Сахалинск). Сахалинская область была выведена из состава Хабаровского края. В 1948 г. из состава края была выведена Амурская область, к которой были присоединены 6 восточных районов Читинской области. В этом же районе в 1946 г. был упразднен последний административный округ на территории СССР — Алданский. В декабре 1953 г. на севере Дальнего Востока из северных частей Хабаровского края (на базе существовавшего в 1939 г. Колымского округа) была сформирована новая Магаданская область, в подчинение которой был передан Чукотский национальный округ [Тархов, 2005: 89].

Учитывая данные административно-территориальные преобразования, исследователи составили сетку регионов на 1939 г. и 1959 г., осуществили сводку статистических данных, далее произвели соответствующие демографические расчеты.

Историография и источниковая база исследования

Источниковая база научной работы представлена результатами Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг., в них содержатся подробные сведения о численности, составе населения, характеристике расселения. Сведения переписи 1939 г. были скорректированы путем добавления спецконтингента. Материалы о воспроизводстве населения представлены формой 1 и формой 3 текущего учета населения. Форма 1 содержала сведения о естественном движении населения в целом (по СССР, РСФСР и территориальным образованиям РСФСР). Форма 3 — демографические сведения по национальностям. Обязательные народы, входившие в форму, — русские, украинцы, белорусы, казахи, армяне, татары, евреи. Остальные народы могли быть включены в зависимости от местности. Сведения формы 3 позволили рассмотреть воспроизводство

населения Сибири и Дальнего Востока с национальной и региональной точек зрения. В качестве источников также использовались опубликованные статистические сборники переписей населения 1939 и 1959 гг., сборник, содержащий сведения об административно-территориальном делении РСФСР [РСФСР..., 1940], электронный ресурс Демоскоп (<https://www.demoscope.ru>).

Научная литература по теме исследования представлена трудами как общесоюзного и республиканского масштаба, так и отдельных регионов. Среди обобщающих исследований демографической ситуации с учетом происшедших катаклизмов XX в. следует выделить работу Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. А. Харьковской [Андреев, Дарский, Харькова, 1993]. В начале 2000-х гг. выходит серия фундаментальных трудов «Население России в XX веке: исторические очерки» [Население..., 2000; 2001]. В первом и втором томах представлен подробный демографический анализ, дана характеристика численности, национального состава. В. А. Исуповым проанализирована демографическая ситуация в РСФСР в 1930–1950-е гг. [Исупов, 2000], определены виды и масштабы миграции населения в предвоенные годы [Isupov, Chernysheva, 2022]. Эволюции административно-территориального деления страны посвящены работы С. А. Тархова [Тархов, 2003; 2005]. Исследователи использовали также работы, в которых затронута этнодемографическая проблематика (В. И. Козлов, А. А. Бурматов, А. С. Бушуев и др.) [Козлов, 1975; Бурматов, 2019; Татары..., 2021]. Существенный пласт работ — региональные историко-демографические исследования, в которых определена демографическая ситуация в азиатской части РСФСР, указана специфика демографических процессов, в некоторых рассмотрена этнодемографическая проблематика (В. А. Гребнева, В. В. Воробьев, Г. А. Ткачева, В. А. Исупов, Л. Н. Славина и др.) [Гребнева, 1968; Воробьев, 1962; История, 2009; Ткачева, 2000; Демографическая, 2017; Славина, 2010].

Методология и методика исследования

Основой исследования выступает теория демографического перехода (теории А. Ландри, Ф. Ноутстайна, А. Г. Вишневского). Несмотря на ряд критических замечаний о нарушении выделенных в рамках теории закономерностей для отдельных стран, в целом с учетом географической, социальной, экономической специфики теория демографического перехода позволяет рассмотреть воспроизводство населения наиболее масштабно, объективно и последовательно. В. Б. Жиромская в научной работе «Основные тенденции демографического развития России в XX веке» выдвинула идею прерывистости демографического перехода в России [Жиромская, 2012], тем самым обозначив его главную специфику. Однако необходимо отметить, что в СССР и РСФСР данная специфика дополнялась также региональными и этнодемографическими особенностями.

Авторами были применены общенаучные методы анализа, сравнения, описания, наиболее подходящие для подобного рода исследований. Из научных методов привлекались проблемно-хронологический (за основу взяты две ключевых точки: 1939 г. и 1959 г. — годы проведения всесоюзных переписей населения и годы сбора сведений текущего учета воспроизводства населения отдельных народов), историко-системный (определение тенденций воспроизводства с учетом общей демографической динамики), статистический (расчеты демографических показателей).

Анализ численности и национального состава населения Сибири и Дальнего Востока

Обратимся к анализу численности и состава населения Сибири и Дальнего Востока. Согласно Всесоюзной переписи 1939 г. население СССР составляло 170,5 млн чел., это официально объявленная цифра. С учетом коррекции и исключения приписанного спецконтингента численность меньше, — 165,5 млн чел. Численность населения РСФСР составляла 109,4 млн чел., без спецконтингента 106,9 млн чел. [Всесоюзная..., 2000]

Численность населения Западной Сибири и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока составляла 16,7 млн чел., или 15,2% от населения РСФСР (см. табл. 1). В данной статье процент приписок не будет включен в численность населения из-за отсутствия сведений о добавлении спецконтингента по национальному признаку. Однако при анализе демографической ситуации необходимо учитывать, что к концу 1930-х гг. Дальний Восток превратился в крупнейший «лагерный» регион. В трех ИТЛ в 1939 г. содержалось 510 тыс. чел., или 39% всех заключенных в лагеря страны [История..., 2009: 125]. В Западной Сибири в 1938 г. проживало 362 тыс. спецпоселенцев, к весне 1941 г. их дополнили поляки в количестве 40 тыс. чел., а также жители Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии [Демографическая..., 2017: 76, 94, 95].

Таблица 1

Численность населения Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г.*

Table 1

The population of Western Siberia, Eastern Siberia and the Far East according to the All-Union Population Census of 1939**

Регион	Численность, чел.	Доля в общей численности населения РСФСР, %
Западная Сибирь	8927267	8,2
Восточная Сибирь	5382059	4,9
Дальний Восток	2366534	2,2
ИТОГО	16675860	15,2

Прмечание: *Составлено по: [Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения...].

**Compiled by: [All-Union Population Census of 1939. National composition...]

В конце 1930-х гг. в СССР происходили масштабные миграционные волны, вызванные социально-экономическими, внутри- и внешнеполитическими причинами. Население прибывало в советские города как стихийно, так и в плановом порядке (оргнабор, государственные трудовые резервы), в сельскую местность в рамках сельскохозяйственного переселения. Урбанизация являлась фактором, способствующим не только территориальному перераспределению населения Сибири и Дальнего Востока, но и изменению его демографического поведения.

По данным ЦУНХУ (Центральное управление народно-хозяйственного учёта) Госплана СССР сальдо миграции населения в города и городские поселения иного типа в 1939 г. составляло +2637 тыс. чел., в 1940 г. +1629 тыс. чел. В 1939 г. в СССР по оргнабору было принято 2315 тыс. рабочих, в 1940 г. 2383 тыс. рабочих, из них 67 и 74% соответственно приходилось на РСФСР.

Городское население Сибири и Дальнего Востока за 1926–1939 гг. возросло более чем в три раза, достигнув 35,2%. По этому показателю азиатская часть РСФСР перегнала европейскую, в городах которой в 1939 г. жила треть населения [Козлов, 1975: 26]. В сельской местности наблюдались иные процессы. Происходил отток населения в города.

В 1930-е гг. особенно быстро росло население западносибирских городов. Для урбанизации Западной Сибири было характерно точечное расселение, т. е. концентрация людского потенциала в немногочисленных, но крупных городских центрах (Новосибирск, Омск, Кемерово и др.) [Демографическая..., 2017: 73]. Главным источником роста городского населения Западной Сибири была сибирская деревня.

Перепись 1939 г. зафиксировала снижение численности населения Дальнего Востока за два года, чему способствовала иммиграция [Ткачева, 2000: 42].

В 1939 г. по стране в рамках сельскохозяйственных переселений переселили 9666 хозяйств. Большинство переселенцев приняли регионы Сибири и Дальнего Востока (Омская область (2517 хозяйств), Красноярский край (1560 хозяйств), Иркутская обл. (1904 хозяйства), Хабаровский край (1716 хозяйств и 4770 глав семей). В 1940 г. было переселено 148705 хозяйств (84,1%), в том числе по межобластному переселению 116265 хозяйств. Основными областями вселения были Восточная Сибирь и Дальний Восток — 83,1% [Isupov, Chernysheva, 2022: 84].

В годы Великой Отечественной войны Сибирь являлась районом для эвакуации населения, предприятий и учреждений. Дальний Восток — территорией обороны в случае нападения со стороны Японии. К 1 января 1943 г. в Западной Сибири проживало около 789 тыс., в Восточной Сибири около 110 тыс. эвакуированных [Демографическая..., 2017: 118].

В 1941–1942 гг. в Западной Сибири зафиксированы самые большие темпы роста численности городского населения. В целом с 1 января 1941 г. по 1 сентября 1945 г. численность горожан Западной Сибири возросла на 26%, т. е. на 728 тыс. чел. [Демографическая..., 2017: 98]. Последующая реэвакуация и потери военных лет существенно повлияли на численность населения, плотность которого не соответствовала обширности территории.

В первые послевоенные годы масштабы миграции в Сибирь и на Дальний Восток снизились, за исключением Сахалинской области. В организованном порядке население мигрировало в основном в рамках оргнабора, сельскохозяйственных переселений и набора в систему Государственных трудовых резервов. Масштабы послевоенной миграции и ее отдельных видов нуждаются в дальнейшем уточнении. В 1954–1959 гг. на целину Южного Урала, Западной Сибири и Восточной Сибири было переселено около 320 тыс. чел. [Население..., 2001: 287].

За 1946–1953 гг. численность городского населения Западной Сибири увеличилась на 36%. В первую очередь за счет промышленных центров, особенно в Кузбассе. Таким образом, к началу 1950-х гг. население региона стало преимущественно городским. Среди мигрантов, прибывающих в Западную Сибирь, было много выходцев с УССР, но основным источником роста оставалась местная деревня. В 1949 г. в рамках принудительных миграций в регион прибыло 94,7 тыс. чел. из Прибалтики [Демографическая..., 2017: 127–128, 130].

Для Дальнего Востока был характерен высокий уровень миграционной подвижности, в том числе внутренней миграции. У дальневосточников формировалась своеобразная психология «временщика» [История..., 2009: 125]. Фактором миграции в середине 1950-х гг. на территории Сибири и Дальнего Востока становится массовое освобождение заключенных и спецпоселенцев.

Миграционная ситуация не была однородной в Сибири и на Дальнем Востоке, как и внутри регионов. Например, на Дальнем Востоке Камчатская, Магаданская и Сахалинская области были территориями массового вселения в первые послевоенные годы. На Дальнем Востоке послевоенные миграции можно разделить на два этапа: середина 1940-х — середина 1950-х гг. — массовый приток мигрантов; вторая половина 1950-х гг. — противоположные тенденции (отток населения стал преобладать, численность населения снижается) [История..., 2009: 127]. Этнический компонент дальневосточных миграций был вторичным явлением. К началу 1950-х гг. среди принудительных мигрантов наиболее крупными по численности были украинцы-оуновцы — 34,0 тыс. чел. и немцы — 9,4 тыс. чел. [История..., 2009: 182].

Первая послевоенная перепись населения была проведена в 1959 г., согласно которой численность населения РСФСР составляла 117,5 млн чел., а рассматриваемых территорий возросла до 23,5 млн чел., или 20,0% от населения РСФСР (см. табл. 2). Как видно из результатов Всесоюзных переписей населения 1939 г. и 1959 г., разница в приросте численности населения оставляла менее 5% от республиканского уровня. В абсолютных показателях численность населения азиатской части РСФСР увеличилась на 29,2%. Подобного существенного роста в европейской части РСФСР не наблюдалось. Население прирастало за счет естественного прироста и миграции, но особенно интенсивно за счет последней. Например, население Восточной Сибири в дореволюционный период (1851–1917 гг.) в среднем ежегодно увеличивалось на 30 тыс. чел., а в 1917–1959 гг. — на 95,2 тыс. чел. [Воробьев, 1962: 8] — во время череды войн, революций и социально-экономических и общественно-политических процессов.

Миграционный приток отмечается в 1950-е гг. (10,1 тыс. чел.), в годы освоения целины (1954 г. — 54,2 тыс., 1955 г. — 115,5 тыс. чел.). Массовый выезд в 1956–1957 гг. являлся следствием реабилитации и восстановления в правах некоторых народов, сложностей, связанных с адаптацией и приживаемостью мигрантов, неразвитостью инфраструктуры, личными причинами.

В городской местности Сибири и Дальнего Востока в 1959 г. проживало почти 54,4%, численность сельского населения сократилась за счет оттока населения в города. В азиатской части РСФСР сокращение шло менее быстрыми темпами, по сравнению с европейской частью РСФСР. Наибольший процент урбанизации к концу 1950-х

гг. был характерен для Дальневосточного региона (69,7%). Здесь во всех краях и областях удельный вес городского населения преобладал над сельским. В Сибири население мигрировало в крупные города (Омск, Новосибирск, Томск, Красноярск и др.), в некоторых областях и краях удельный вес сельского населения преобладал (Алтайский край, Курганская область, Якутская АССР и др.). В целом в Западной Сибири в 1959 г. в городской местности проживало 49,7%, в Восточной Сибири — 53,1% [Всесоюзная перепись..., 1959]. В конце 1950-х гг. в Восточной Сибири индустриализация ускоряется [Славина, 2010: 27].

Таблица 2

Численность населения Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г.*

Table 2

Population of Western Siberia, Eastern Siberia and the Far East according to the All-Union Population Census of 1959**

Регион	Численность, чел.	Доля в общей численности населения РСФСР, %
Западная Сибирь	12250733	10,4
Восточная Сибирь	6960535	5,9
Дальний Восток	4346803	3,7
ИТОГО	23558071	20,0

Прмечание: *Составлено по: [Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения...].

**Compiled by: [All-Union Population Census of 1939. National composition...]

На территории Сибири и Дальнего Востока проживали представители разных национальностей. В процессе освоения данных территорий их национальный состав изменялся. Коренные финно-угорские (ханты, манси), самодийские (селькупы, ненцы) народы, местные тюркоязычные народы (алтайцы, шорцы) отличались малочисленностью, территориальной замкнутостью, приверженностью традициям и обычаям.

Доля русских во всех трех рассматриваемых регионах преобладала как в довоенный, так и в послевоенный периоды. В Западной Сибири русские среди семи представленных национальностей составляли этническое большинство (90,2% в 1939 г. и 92% в 1959 г.). Удельный вес русских в общей численности населения региона увеличился с 61,4% в 1939 г. до 85,6% в 1959 г. По мнению А.А. Бурматова, рост удельного веса русских в Западной Сибири есть результат ассимиляции представителей других народов СССР, который дополнялся миграцией русских на данную территорию [Бурматов, 2019: 3]. Доля остальных народов в общей сложности составляла 7,8% в 1939 г. и 8,0% в 1959 г. Если в предвоенный период доля указанных народов составляла 68%, то к 1959 г. увеличилась до 93% [Всесоюзная перепись..., 1939].

В Восточной Сибири доля русских среди семи народов была еще выше: 93% в 1939 г. и 1959 г. Удельный вес русских в общей численности региона также сохранился — 80,4% по результатам обеих переписей. Численность остальных народов в общей сумме с 1939 г. по 1959 г. осталась 7,0%. Разница в доле общей численности населения ре-

гиона за межпереписной период уменьшилась на 0,2% [Всесоюзная..., 1939]. Таким образом, в Восточной Сибири семь народов являлись преобладающими и определяли общую демографическую динамику.

Численность населения Дальнего Востока была значительно меньше населения Западной Сибири и Восточной Сибири. Русские составляли этническое большинство: 74,9% в 1939 г. и 81,2% в 1959 г. Среди семи народов их удельный вес также возрос — 80% в 1939 г. и 86% в 1959 г.

Численность остальных народов в общей совокупности уменьшилась с 20% в 1939 г. до 14% в 1959 г. Заметно сократилась доля украинцев: с 16% в 1939 г. до 10% в 1959 г., евреев с двух до одного процента соответственно [Всесоюзная перепись..., 1939]. Увеличение удельного веса русских, в том числе в результате ассимиляции, особенно интенсивно происходило в 1926–1959 гг. [Козлов, 1975: 210, 215].

Общая численность представленных национальных меньшинств из текущей сводки изображена на рисунке 1. Согласно результатам обеих переписей населения, доля представленных народов в общей численности населения региона, включая русских, составила в Западной Сибири в 1939 г. 68%, в 1959 г. — 93%, в Восточной Сибири — 87 и 86%, на Дальнем Востоке — 94 и 97% соответственно. Таким образом, к 1959 г. доля рассматриваемых народов в Западной Сибири существенно возросла.

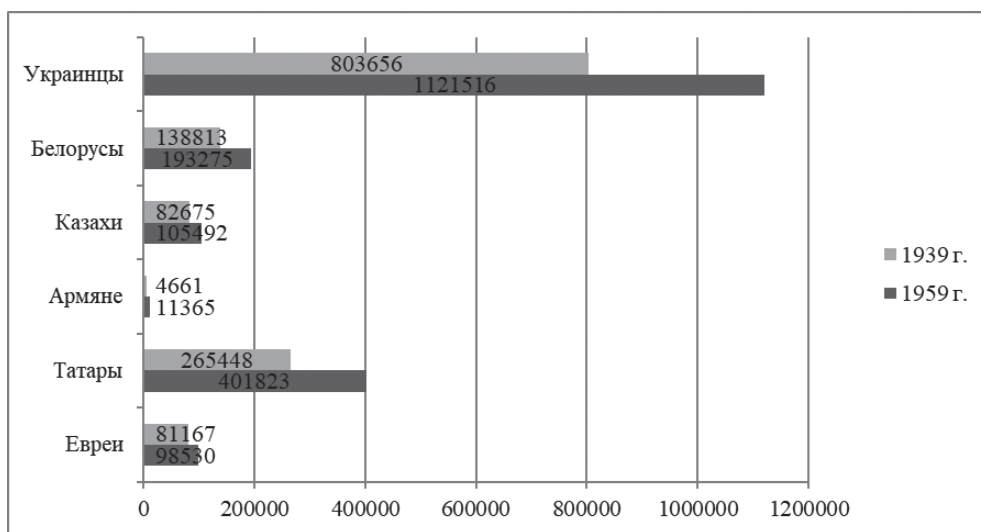

Рис. 1. Сведения о численности этнических меньшинств Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока по Всесоюзным переписям населения 1939 г. и 1959 г., чел. Составлено по: [Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения...; Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения...]

Fig. 1. Information on the number of ethnic minorities in Western Siberia, Eastern Siberia and the Far East according to the All-Union population censuses of 1939 and 1959, people. Compiled by: [All-Union Population Census of 1939. National composition of the population...; All-Union Population Census of 1959. National composition of the population...]

За двадцать лет в азиатской части РСФСР изменилась картина расселения этнических меньшинств. Если в довоенный период большинство украинцев проживало на территории Дальнего Востока (344,5 тыс. чел.), то к 1959 г. их численность стала доминировать в Западной Сибири (463,0 тыс. чел.). В довоенный период преобладающее количество белорусов в азиатской части РСФСР проживало в Западной Сибири (57,0 тыс. чел.), данная тенденция сохранилась к концу 1950-х гг. (80,6 тыс. чел.) [Всесоюзная перепись..., 1959]. Среди этнического меньшинства, включенного в обязательную сборку, со значительным количеством населения были татары. Удельный вес сибирских татар среди народов варьировался от 1,7% до 2,5%.

Воспроизводство населения

Обратимся к анализу воспроизводства населения азиатской части РСФСР и его отдельных народов. В 1939 г. общий коэффициент рождаемости в Западной Сибири — 42,0‰, в Восточной Сибири — 41,5‰, на Дальнем Востоке — 47,1‰. Показатели были значительно выше уровня рождаемости по стране в целом (36,5‰) [Исупов, 2000: 131] и РСФСР (38,4‰) [Исупов, 2015: 6]. Высокий уровень рождаемости у народов азиатской части РСФСР объясняется преобладанием у них традиционного типа воспроизводства.

Последующие двадцать лет межпереписного периода существенно повлияли на показатели рождаемости. Послевоенный половозрастной дисбаланс, политическая ситуация внутригосударственная и международная обстановка, экономический кризис, миграции, изменение структурных характеристик демографических процессов — все эти обстоятельства действовали на воспроизводство населения. В РСФСР послевоенный пик рождаемости пришелся на 1954 г. В период с 1954 по 1959 г. рождаемость снизилась на 5,2%. Показатели рождаемости сократились с 26,9‰ до 23,6‰ [Демографическая..., 2017: 169]. В репродуктивный возраст вступало поколение, родившееся в конце 1930-х гг.

В 1959 г. коэффициент рождаемости составил в Западной Сибири 27,5‰, в Восточной Сибири — 18,9‰, на Дальнем Востоке — 25,0‰. В СССР — 25,2‰, в РСФСР — 23,7‰ [Всесоюзная перепись..., 1959; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824: 3, 3об., 6, 6об.]. В Восточной Сибири уровень рождаемости был ниже показателей по РСФСР в целом и имел наиболее существенное снижение — в 2,2 раза. Активное вселение на территорию Западной Сибири и Дальнего Востока способствовало омоложению населения и, как следствие, более высокой рождаемости.

Обратимся к анализу рождаемости отдельных этнических меньшинств. По Западной Сибири за двадцатилетний период рождаемость значительно сократилась у украинцев, казахов и татар. При этом, несмотря на сокращение, коэффициент рождаемости остался выше союзного и республиканского значений у украинцев, белорусов, казахов, татар и был высоким (рис. 2).

В Восточной Сибири почти в пять раз сократилась рождаемость у казахов, более чем в три раза — среди татар, в два раза у украинцев и евреев, более чем в 1,5 раза у белорусов (рис. 3).

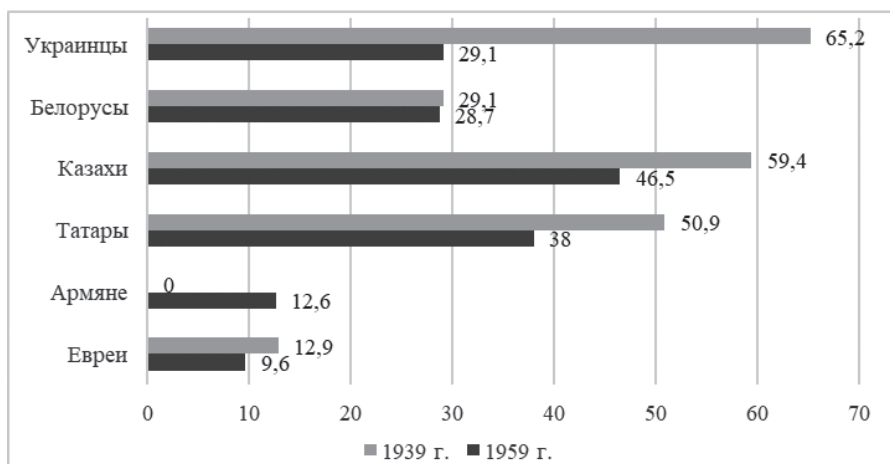

Рис. 2. Сравнительные показатели коэффициента рождаемости у представителей основных этнических меньшинств Западной Сибири в 1939 г. и 1959 г., в промилле. Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 2. Comparative indicators of the birth rate among representatives of the main ethnic minorities of Western Siberia in 1939 and 1959, in ppm. Compiled by: RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152; [The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

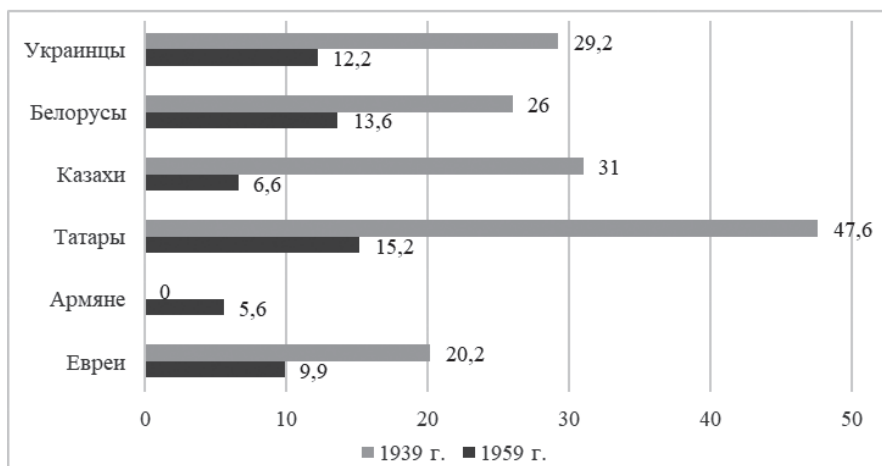

Рис. 3. Сравнительные показатели коэффициента рождаемости у представителей основных этнических меньшинств Восточной Сибири в 1939 г. и 1959 г., в промилле/ Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 3. Comparative indicators of the birth rate among representatives of the main ethnic minorities of Eastern Siberia in 1939 and 1959, in ppm [Compiled by: RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152; The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

На Дальнем Востоке заметно сокращение рождаемости в 2 раза у украинцев, казахов, евреев, также уменьшилась рождаемость у белорусов и татар (рисунок 4). У армян во всех трех регионах невозможно определить коэффициент рождаемости за 1939 г., что связано с отсутствием поступавших сведений.

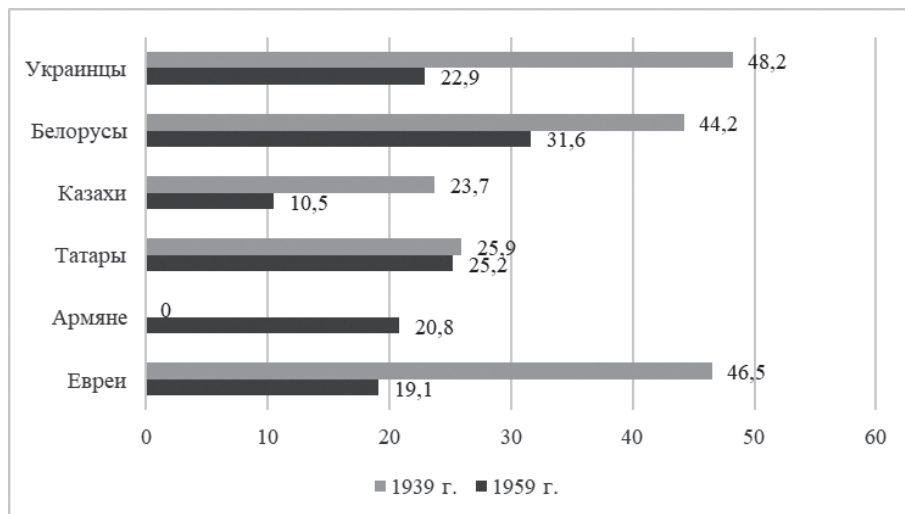

Рис. 4. Сравнительные показатели коэффициента рождаемости у представителей основных этнических меньшинств Дальнего Востока в 1939 г. и 1959 г., в промилле. Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 4. Comparative indicators of the birth rate among representatives of the main ethnic minorities of the Far East in 1939 and 1959, in ppm [Compiled by: RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152; The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

За межпереписной период у всех этнических меньшинств, представленных в статистической выборке, показатели рождаемости снизились. У украинцев уровень рождаемости снизился во всех регионах азиатской части РСФСР в 2,1–2,4 раза. У белорусов уровень рождаемости несмотря на общее сокращение оставался наиболее высоким на Дальнем Востоке. У казахов показатели рождаемости имеют явный процент недоучета, особенно в Восточной Сибири. У татар в конце 1930-х гг. на территории Сибири сохранялся высокий уровень рождаемости, в отличие от Дальнего Востока. Среди сибирских татар было больше тех, которые проживали в районах вселения длительно, в отличие от дальневосточных территорий. В 1930-е гг. на Урал и в Сибирь прибывала часть татарского населения, покидая Поволжье [Татары, 2021: 35]. У армян в 1939 г. в форме 3 рождаемость и смертность не зафиксирована, их численность на территории Сибири и Дальнего Востока была небольшой (1–2 тыс. чел. в каждом регионе). В Сибири евреи преимущественно проживали в восточной ее части. В 1939 г. уровень рождаемости у евреев Восточной Сибири был значительно выше, чем в Западной Сибири. На Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. в связи с образова-

ем Еврейской автономной области численность евреев возросла, а уровень рождаемости был очень высокий — 46,5‰.

Итак, снижение уровня рождаемости у представителей этнических меньшинств было связано с двумя обстоятельствами: последствиями Великой Отечественной войны и послевоенных лет, а также ассимиляционными процессами.

Рассматриваемый период совпал с началом второго этапа демографического перехода, который характеризуется снижением смертности. Демографическая революция была подготовлена всем долгим развитием человечества, ее суть сводилась к становлению нового демографического равновесия (низкая смертность и низкая рождаемость) [Вишневский, 1976: 34]. Однако, как отмечает В.Б. Жиромская, специфика демографического перехода в СССР заключалась в его прерывистости. Это выражалось в том, что его естественное течение неоднократно прерывалось факторами экзогенного порядка [Жиромская, 2012: 11].

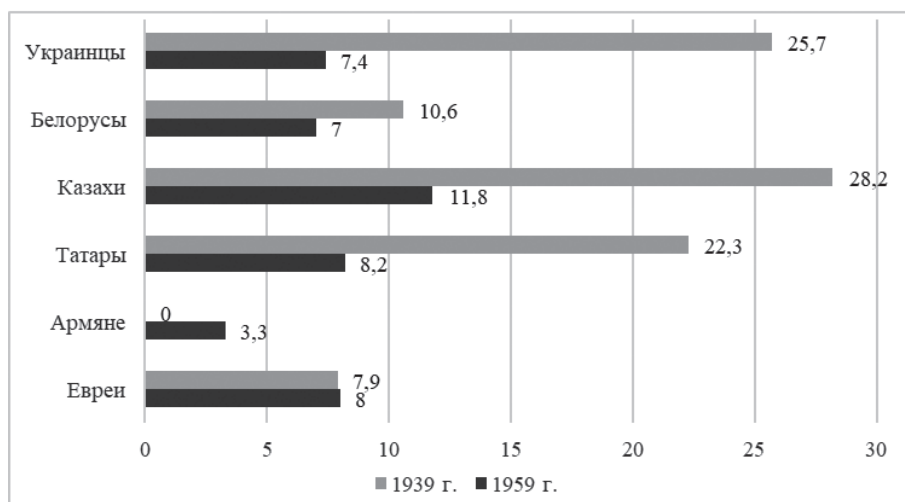

Рис. 5. Сравнительные показатели коэффициента смертности у представителей основных этнических меньшинств Западной Сибири в 1939 г. и 1959 г., в промилле. Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 5. Comparative indicators of the mortality rate among representatives of the main ethnic minorities of Western Siberia in 1939 and 1959, in ppm. Compiled by: [RGAE. F. 1562. Op. 20.

D. 152; The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

По СССР в 1939 г. уровень смертности составлял 17,0‰ (по оценке ЦУНХУ СССР), по современной оценке — 20,1‰ [Исупов, 2000: 126]. В первые послевоенные годы смертность не имела устойчивых тенденций к снижению: воздействие оказывали последствия войны, повышение миграционной активности, послевоенный голод. С конца 1940-х гг. и вплоть до конца 1950-х гг. общий коэффициент смертности в Советском

Союзе начал снижаться (1949 г. — 12,6‰, 1958 г. — 8,0‰) [Андреев, Дарский, Харькова, 1993: 71]. На начало рассматриваемого периода, т. е. 1939 г., в Западной Сибири коэффициент смертности составлял 20,1‰, в 1959 г. снизился до 7,6‰, в Восточной Сибири 19,2 и 7,6‰, на Дальнем Востоке 18,4 и 6,1‰, по трем регионам 19,5 и 7,0‰ соответственно.

На основе сведений рисунков 5–7 можно сделать следующие умозаключения. В период с 1939 по 1959 г. смертность снижается в Западной Сибири среди украинцев в три раза, среди казахов и татар в два раза. В регионах Восточной Сибири и на Дальнем Востоке смертность среди казахов сократилась в три и пять раз соответственно, среди татар в два раза в обоих регионах. При этом смертность среди евреев во всех трех регионах возросла, что было связано с политическими процессами и старением еврейского населения. Однако необходимо учитывать тот факт, что в конце 1930-х гг. в СССР имелась проблема недоучета смертности, особенно младенческой, что искажает общие сведения о ее количестве и относительные показатели также.

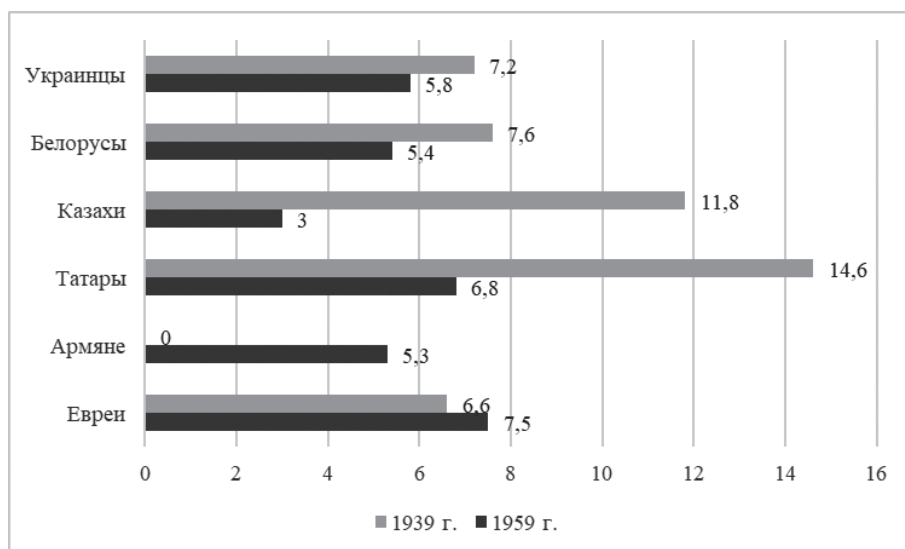

Рис. 6. Сравнительные показатели коэффициента смертности у представителей основных этнических меньшинств Восточной Сибири в 1939 г. и 1959 г., в промилле.. Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 6. Comparative indicators of the mortality rate among representatives of the main ethnic minorities of Eastern Siberia in 1939 and 1959, in ppm. Compiled by: [RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152; The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

Таким образом, если на начало рассматриваемого периода смертность в Сибири и на Дальнем Востоке превышала общереспубликанские показатели, то к концу 1950-х гг. достигла средних показателей по СССР.

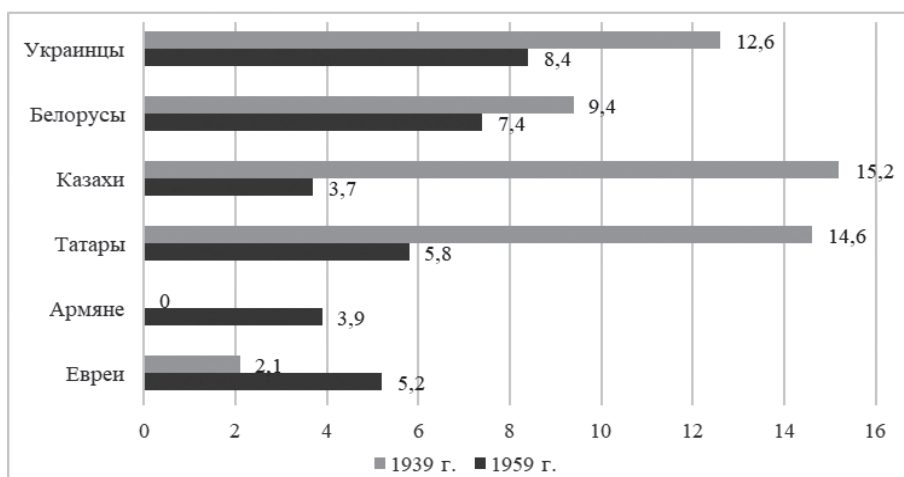

Рис. 7. Сравнительные показатели коэффициента смертности у представителей основных этнических меньшинств Дальнего Востока в 1939 г. и 1959 г., в промилле. Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 7. Comparative indicators of the mortality rate among representatives of the main ethnic minorities of the Far East in 1939 and 1959, in ppm.. Compiled by: [RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152; The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

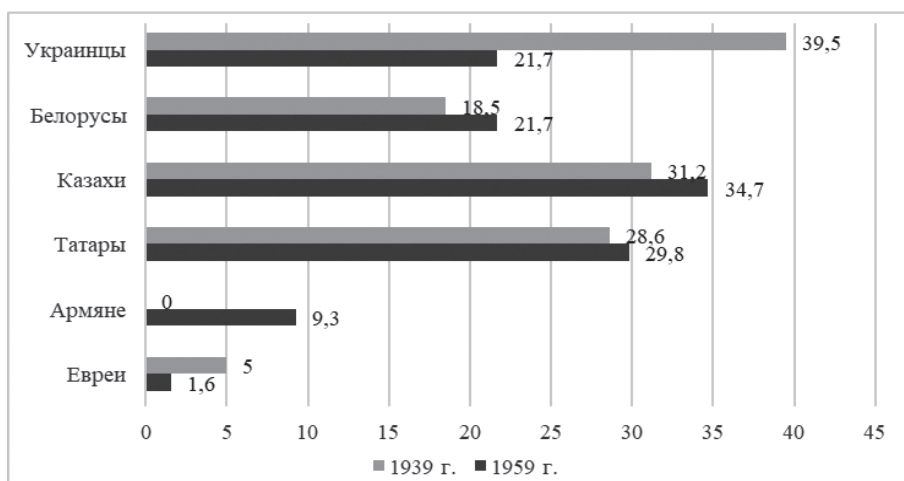

Рис. 8. Коэффициент естественной убыли (прироста) у представителей основных этнических меньшинств Западной Сибири в 1939 г. и 1959 г., в промилле. Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 8. The coefficient of natural loss (increase) among representatives of the main ethnic minorities of Western Siberia in 1939 and 1959, in ppm.. Compiled by: [RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152; The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

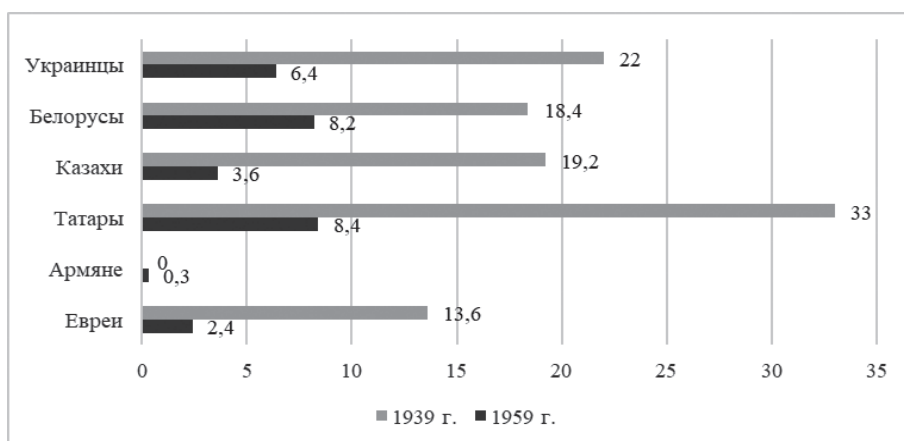

Рис. 9. Коэффициент естественной убыли (прироста) у представителей основных этнических меньшинств Восточной Сибири в 1939 г. и 1959 г., в промилле. Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 9. The coefficient of natural loss (increase) among representatives of the main ethnic minorities of Eastern Siberia in 1939 and 1959, in ppm. Compiled by: [RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152; The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

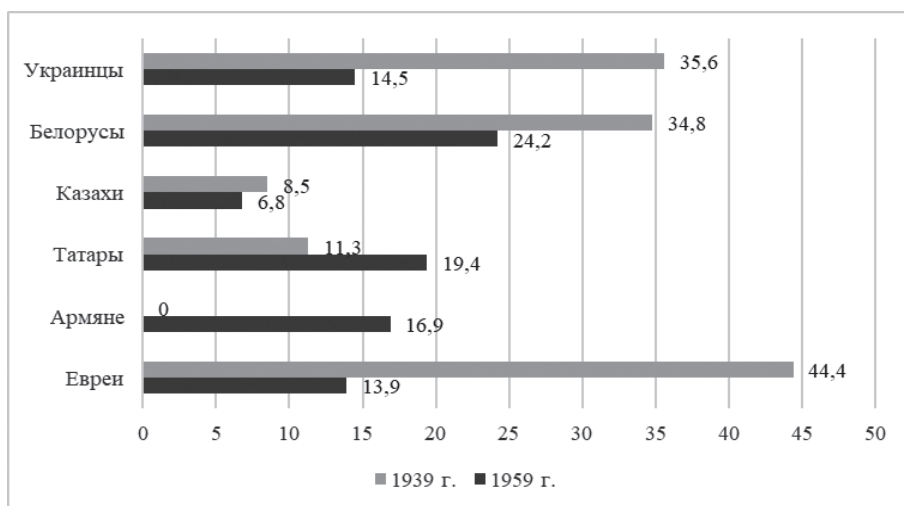

Рис. 10. Коэффициент естественной убыли (прироста) у представителей основных этнических меньшинств Дальнего Востока в 1939 г. и 1959 г., в промилле. Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

Fig. 10. The coefficient of natural loss (increase) among representatives of the main ethnic minorities of the Far East in 1939 and 1959, in ppm. Compiled by: [RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152; The natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...]

Естественный прирост среди всех рассмотренных этнических меньшинств был положительным (рис. 8–10). Если в Восточной Сибири прирост в 1939 г. по всем выделенным народам был выше, чем в 1959 г., то в остальных регионах отличался.

У татар естественный прирост в 1939 г. ниже, чем в 1959 г. по территориям Западной Сибири и Дальнему Востоку. Среди казахов и белорусов Западной Сибири естественный прирост в 1939 г. ниже, чем в 1959 г. Подобные различия обусловлены особенностями демографического перехода у отдельных народов.

Заключение

Население Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока с конца 1930-х гг. по 1950-е гг., как и вся страна, находились в состоянии демографического перехода. Внешние факторы стали причиной прерывистости этих процессов. Этнический аспект наложил свой отпечаток на протяженность демографического перехода.

Тем не менее, в конце 1950-х гг. смертность населения в целом по стране, РСФСР, изучаемым регионам и этническим меньшинствам снизилась. Данная тенденция, наметившаяся еще в период Великой Отечественной войны, стала определяющей в послевоенном демографическом развитии.

На демографическое поведение этнических меньшинств Сибири и Дальнего Востока оказывали воздействие внутри- и внешнеобщественно-политическая ситуация, социально-экономические процессы (урбанизация, миграции и др.), отчасти ассимиляция.

Рождаемость в целом снизилась, но данное снижение не было однородным, сохранялся высокий уровень рождаемости у отдельных народов.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00645, <https://rscf.ru/project/25-28-00645/>

Acknowledgments and funding

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No 25–28–00645, <https://rscf.ru/project/25-28-00645/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М. : Наука, 1993. 139 с.

Бурматов А. А. Изменение национального состава населения Западной Сибири в 1939–1959 гг.) // Исторический курьер. 2019. № 4. С. 1–12.

Вишневский А. Г. Демографическая революция. М. : Статистика, 1976. 240 с.

Воробьев В. В. Изменения в размещении населения Восточной Сибири за 1939–1959 гг. // География населения Восточной Сибири. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 7–20.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=0 (дата обращения: 13.01.2025).

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М. : Наука, 1992. 254 с.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по республикам, краям и областям РСФСР // Демоскоп. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 13.01.2025).

Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (дата обращения: 16.01.2025).

Гребнева В.А. География Тувы. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1968. 120 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2017. 347 с.

Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968 // Демоскоп. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year=1959 (дата обращения: 14.01.2025).

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. : Кучково поле, 2012. 318 с.

История Дальнего Востока России: Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток : Дальнаука, 2009. Т. 3. Кн. 4. 694 с.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск; СПб. : Хронограф, 2000. 242 с.

Исупов В.А. Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3–18.

Козлов В.И. Национальности СССР (этнодемографический обзор). М. : Статистика, 1975. 263 с.

Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.

Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2. 416 с.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824.

РСФСР. Административно-территориальное деление на 1-е апреля 1940 г. М. : Изд-во Ведомостей ВС РСФСР, 1940. 492 с.

Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.) : автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 2010. 47 с.

Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005. № 1. С. 65–101.

Тархов С.А. Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России // Демоскоп. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/analit04.php> (дата обращения: 22.02.2025).

Татары в переписях населения. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 76 с.

Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток : Дальрыбвуз, 2000. 110 с.

Isupov V.A., Chernysheva N.V. Migration of the ussr population in the pre-war years (1939–1940) // Population and economics. 2022. Т. 6. № 2. P. 70–87.

REFERENCES

- Andreev E. M., Darskii L. E., Khar'kova T. L. *Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922–1991* [The population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow: Nauka, 1993, 139 p. (in Russian).
- Burmatov A. A. *Izmenenie nacional'nogo sostava naseleniya Zapadnoi Sibiri v 1939–1959 gg.* [Change in the national composition of the population of Western Siberia in 1939–1959]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier]. 2019, no. 4, pp. 1–12 (in Russian).
- Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX vv.)* [Demographic history of Western Siberia (the end of the XIX–XX centuries)]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2017, 347 p. (in Russian).
- Estestvennoe dvizhenie naseleniya regionov RSFSR po natsional'nosti, 1958–1968 [The natural movement of the population of the RSFSR regions by nationality, 1958–1968]. *Demoskop* [Demoskop]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year=1959 (accessed January 14, 2025).
- Grebneva V. A. *Geografiya Tuvy* [Geography of Tuva]. Kyzyl: Tuvknigoizdat, 1968, 120 p. (in Russian).
- Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii: Mir posle voyny: dal'nevostochnoe obshchestvo v 1945–1950-e gg.* [History of the Russian Far East: The world after the war: Far Eastern society in the 1945–1950 years]. Vladivostok: Dal'nauka, 2009, vol. 3, book 4, 694 p. (in Russian).
- Isupov V. A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the twentieth century: Historical and demographic essays] Novosibirsk: Sib. khronograf, 2000, 242 p. (in Russian).
- Isupov V. A. *Rozhdaemost' naseleniya Rossii v 1939–1945 gg.* [The birth rate of the Russian population in 1939–1945] *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2015, no 1, pp. 3–18 (in Russian).
- Kozlov V. I. *Natsional'nosti SSSR (etnodemograficheskii obzor)* [Nationalities of the USSR (ethnodemographic review)]. Moscow: Statistika, 1975, 263 p. (in Russian).
- Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the XX century: historical sketches.]. Moscow, ROSSPEN, 2000, vol. 1, 463 p. (in Russian).
- Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the XX century: historical sketches.]. Moscow, ROSSPEN, 2001, vol. 2, 416 p. (in Russian).
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE). Fund. 1562. Inventory. 20. File. 152 (in Russian).
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE). Fund. 1562. Inventory. 27. File. 824 (in Russian).
- RSFSR. Administrativno-territorial'noe delenie na 1-e aprelya 1940 g.* [The RSFSR. Administrative-territorial division on April 1, 1940]. Moscow, Izd-vo “Vedomostei VS RSFSR”, 1940, 492 p. (in Russian).
- Slavina L. N. *Sel'skoe naselenie Vostochnoi Sibiri (1960–1980-e gg.): diss. d-ra ist. nauk* [Rural population of Eastern Siberia (1960–1980 years). Ph. D. Thesis in History]. Novosibirsk, 2010, 47 p. (in Russian).
- Tarkhov S. A. *Istoricheskaya evolyutsiya administrativno-territorial'nogo i politicheskogo deleniya Rossii* [Historical evolution of the administrative-territorial and political division

of Russia]. *Demoskop* [Demoskop]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/analit04.php> (accessed February 22, 2025) (in Russian).

Tarkhov S.A. *Izmenenie administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii v XIII–XX vv.* [Changes in the administrative-territorial division of Russia in the XIII–XX centuries]. *Logos* [Logos], 2005, no 1, pp. 65–101 (in Russian).

Tatary v perepisyakh naseleniya [Tatars in population censuses]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 76 p. (in Russian).

Tkacheva G.A. *Demograficheskaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii v 20–30-e gody XX v.* [Demographic situation in the Russian Far East in the 20–30 years of the XX century]. Vladivostok, Dal'rybvuz, 2000, 110 p. (in Russian).

Vishnevskii A.G. *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic revolution] Moscow: Statistika, 1976, 240 p. (in Russian).

Vorobyov V.V. *Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Vostochnoi Sibiri za 1939–1959 gg.* [Changes in the distribution of the population of Eastern Siberia in 1939–1959]. *Geografiya naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Geography of the population of Eastern Siberia]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962, pp. 7–20 (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam Rossii [The All-Union population Census of 1939. National composition of the population by regions of Russia]. *Demoskop* [Demoskop]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=0 (accessed January 13, 2025).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi [The All-Union population Census of 1939. Main results.]. Moscow: Nauka, 1992, 254 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. Chislennost' nalichnogo naseleniya gorodov i drugih poselenii, raionov, raionnykh tsentrov i krupnykh sel'skikh naselennykh mest na 15 yanvarya 1959 goda po respublikam, krayam i oblastyam RSFSR [The All-Union population census of 1959. The number of available population of cities and other settlements, districts, district centers and large rural settlements on January 15, 1959 in the republics, territories and regions of the RSFSR]. *Demoskop* [Demoskop]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (accessed January 13, 2025) (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam Rossii [The All-Union population Census of 1959. National composition of the population by regions of Russia]. *Demoskop* [Demoskop]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (accessed January 16, 2025) (in Russian).

Zhiromskaya V.B. *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The main trends in Russia's demographic development in the 20th century]. Moscow: Kuchkovo pole, 2012, 318 p. (in Russian).

Isupov V.A., Chernysheva N.V. [Migration of the USSR population in the pre-war years (1939–1940)]. *Population and economics*. 2022, vol. 6, no. 2, pp. 70–87 (in English).

Статья поступила в редакцию: 11.05.2025

Принята к публикации: 03.09.2025

Дата публикации: 30.09.2025

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 316.4

DOI 10.14258nneur(2025)3–11

Г. Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань (Россия)*

ОБРАЗ ИСЛАМА В ОФИЦИАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Цель статьи: на примере Республики Татарстан показать насколько совпадают продвигаемые в официальном публичном дискурсе идеи, репрезентирующие ислам, и фреймы о нем, присутствующие в массовом сознании. Научная проблема исследования — сопоставление представлений властного и массового слоя российского общества — предопределила использование принципов сравнительного анализа и полипарадигмальную методологию. Она включала конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана, феноменологический подход Э. Гуссерля и А. Шюца, теорию фреймов И. Гофмана, идеи об образе как культурном феномене и имидже религии в социологической перспективе. Эмпирической базой являются материалы социологического исследования, включающего дискурсивный анализ текстов Посланий руководителя Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2023 гг., данные опроса жителей Казани 2024 г. ($n = 501$) и результаты вторичной оценки данных анкетирования жителей Татарстана 2000-х гг. Новизна исследования заключается в авторском социологическом подходе к изучению образа ислама в представлениях разных социальных групп и в демонстрации возможностей его использования на конкретных данных.

Использование метода сопоставительного анализа позволило выявить конкретные основания образа ислама и их совпадение в официальном публичном дискурсе и общественном мнении. 1. Для раиса Татарстана и жителей республики одинаково значима ассоциация этой религии со сферой межконфессиональных отношений. 2. Совпадающим представлением является фрейм об исламе через этничность. 3. Расхождения между властным и массовым слоем обнаружены по теме «исламская экономика и взаимодействие со странами исламского мира». Она весьма значима для Р.Н. Минниханова, но не занимает высокие позиции в рейтинге ассоциаций об исламе в общественных представлениях. 4. На массовом уровне весьма распространенным основанием восприятия ислама является общественное служение его последователей. Этот маркер активно использует руководитель Татарстана в публичных выступлениях. Одинаково значимый для населения и властного слоя образ ислама как социально ответственной религии является основанием для продвижения в России согласованной стратегии позитивного брендинга этой религии. Она может стать социальным ориентиром для верующих в нынешнем нестабильном мире через служение ближайшему окружению.

Ключевые слова: ислам, имидж, Россия, Республика Татарстан, официальный дискурс, общественное мнение

Цитирование статьи:

Габдрахманова Г. Ф. Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. №. 3. С. 194–222. DOI 10.14258nreur(2025)3–11.

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань (Россия). **Адрес для контактов:** medi54375@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>.

G. F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan (Russia)*

THE IMAGE OF ISLAM IN OFFICIAL RHETORIC AND PUBLIC IDEAS: A COMPARATIVE ANALYSIS BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

The purpose of the article is to show, using the example of the Republic of Tatarstan, the extent to which the ideas representing Islam promoted in the official public discourse and the

frames about it present in the mass consciousness coincide. The scientific problem of the study — a comparison of the ideas of the ruling and mass strata of Russian society — predetermined the use of the principles of comparative analysis and a multiparadigmatic methodology. It included the constructivist approach of P. Berger and T. Lukmann, the phenomenological approach of E. Husserl and A. Schütz, the theory of frames by I. Hoffmann, ideas about the image as a cultural phenomenon and the image of religion in a sociological perspective. The empirical base is the materials of a sociological study, including a discursive analysis of the texts of the Addresses of the Head of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013–2023, data from a survey of Kazan residents in 2024 (n=501) and the results of a secondary assessment of data from questionnaires of Tatarstan residents in the 2000s. The novelty of the study lies in the author's sociological approach to studying the image of Islam in the views of different social groups and in demonstrating the possibilities of its use on specific data.

The use of the comparative analysis method allowed us to identify the specific foundations of the image of Islam and their coincidence in the official public discourse and public opinion. 1. For the rais of Tatarstan and for the residents of the republic, the association of this religion with the sphere of interfaith relations is equally significant. 2. A coinciding view is the frame about Islam through ethnicity. 3. Differences between the ruling and mass layers were found on the topic of “Islamic economy and interaction with the countries of the Islamic world”. It is very significant for R. N. Minnikhanov, but does not occupy high positions in the rating of associations about Islam in public views. 4. At the mass level, a very common basis for the perception of Islam is the public service of its followers. This marker is actively used by the head of the republic in public speeches. The image of Islam as a socially responsible religion, equally significant for the population and the ruling layer, is the basis for promoting a coordinated strategy of positive branding of this religion in Russia. It can become a social reference point for believers in today's unstable world through service to their immediate surroundings.

Keywords: Islam, image, Russia, Republic of Tatarstan, official discourse, public opinion.

For citation:

Gabdrakhmanova G. F. The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 194–222 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–11.

Gabdrakhmanova Gulnara Faatovna, doctor of Sociology Sciences, Head of the Department of Ethnological Research, Sh. Mardzhani Institute of History of the Academy of Sciences, Kazan (Russia). **Contact address:** medi54375@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>

Введение

Трагические события в «Крокус сити холле» 22 марта 2024 г. спровоцировали новую волну обсуждений ислама в координатах угроз и терроризма. В многоконфессиональной и полиэтнической России подобное стереотипное представление связано с во-

просами национальной безопасности и сохранения межконфессионального и межнационального согласия. Дальнейшее развитие консолидационных процессов в РФ будет зависеть от того какие смыслы ислама будут продвигаться в публичном пространстве, как они будут восприниматься разнообразными социальными группами российского общества.

Наряду с практической значимостью исследования образа ислама в России весьма актуальным представляется его теоретическое осмысление как социокультурного явления. Как следует изучать палитру существующих в общественном сознании ассоциаций с исламом — не только негативных, но и иных по характеру? Как сегодня воспринимается и репрезентируется ислам разными слоями российского общества? В чем специфика их представлений и где зона общих идей? Ответам на эти вопросы подчинена цель статьи — на примере Республики Татарстан показать, насколько совпадают продвигаемые в официальном публичном дискурсе идеи, репрезентирующие ислам, и фреймы о нем, присутствующие в массовом сознании. Для ее достижения автором предлагается оригинальный подход к изучению образа ислама, основанный на полипарадигмальной перспективе и сопоставительном анализе представлений двух социальных слоев — властного и массового.

Статья написана с позиций социологической науки. В первом разделе, наряду с привлечением социологических теорий, осуществляется критический обзор доступных публикаций, подготовленных представителями разных отраслей обществоведческого и гуманитарного знания, прямо или опосредованно связанных с проблематикой образа религий (не только ислама) в России за последние 30 лет истории страны. Было важно понять артикулируемые учеными ассоциации с исламом, научный дискурс о нем и научно-исследовательский опыт изучения образа иных религий. Осмысление наработок гуманитарных наук, не обязательно связанных с изучением ислама и мусульманских сообществ, открывает хорошие возможности для полного и адекватного понимания того, что происходит с исламом в России [Бобровников, 2012: 380].

Во второй части статьи представлены результаты эмпирического исследования образа ислама, проведенного автором в Республике Татарстан. Выбор региона объясняется большой численностью представителей мусульманской уммы. Немаловажное значение при определении исследовательского поля имела заинтересованная политика Татарстана в отношении ислама. Речь идет не только о поддержке местным политическим истеблишментом строительства мечетей, исламского образования, но и о продвигаемых им проектах в области исламских финансов, посреднической работе между Россией и исламским миром, членстве Татарстана в международных исламских организациях. Наконец, данный кейс интересен из-за наличия в Татарстане православного сообщества, что позволило внести в исследование проблематику не только представлений об исламе его приверженцев, но и религиозного Другого об этой конфессии.

Отдельный раздел работы посвящен анализу социальных установок мусульман Республики Татарстан. Этот сюжет, построенный на анализе результатов указанного авторского социологического опроса, раскрывает новые, перспективные основания брендинга ислама в России как направления углубления интеграционных процессов в российском обществе.

Категория «образ» в обществоведческой, гуманитарной перспективе и об опыте изучения образа религий

В развитии проблематики образа в науках социогуманитарной направленности заметно преуспели исследователи территориального брейдинга. Благодаря им укрепилось понимание возникающего образа как культурного феномена с его акцентами на социокультурные последствия продвижения имиджа города [Макарова, 2019]. Представленный в многочисленных публикациях анализ процесса формирования «визитной карточки» города, участвующих в нем агентов (властных структур, медийных персон и журналистов, общественных объединений, населения), последовавшего потока инвестиций, туристов и укрепления городской идентичности открывает новые возможности для осмысления конструируемого разнообразными акторами образа религии и связности их деятельности с развитием общества и религиозной сферы. Имидж религии в таком понимании становится самостоятельным объектом изучения, рассматриваемым в контексте дизайна разнообразных политик, потока медиаинформации, социокультурной, религиозной идентичностей, религиозных практик, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений.

Сосредоточение на агентах, задающих повестку когнитивной структуры образа религии, стимулирует обращение к конструктивистской парадигме П. Бергера и Т. Лукмана. Теоретики обращают внимание на то, что социальность конструируется, а «социология знания должна изучать все то, что считается в обществе «знанием», невзирая на обоснованность или необоснованность такого «знания»» [Бергер, Лукман, 1995: 9, 13]. Эта возможная, но не полная целостность «знания» [Социологический словарь..., 2000: 207], построенная на реальных или мнимых основаниях [Козырев, 2008: 32, 36], выступает характеристиками объекта или класса объектов. П. Бергер и Т. Лукман, трактуя «знание» не в смысле осведомленности, обращают внимание на мышление, связанное с определенным историческим контекстом [Бергер, Лукман, 1995: 15]. Поэтому образ можно рассматривать как результат коллективного истолкования социальной жизни; не как объективную реальность, а как социальный конструкт [Тупаева, 2013: 11], сложившийся в определенных условиях.

При коллективном «проговаривании» мира «образ» выступает смысловой и символической категорией, которая передает латентное, вполне «читаемое» для определенного круга «сведущих» реципиентов содержание [Склярчук]. Вопрос о том, кого можно считать «осведомленным» субъектом, становится ключевым для построения архитектуры исследований образа религий. Наиболее изученными в этом плане являются медиа.

Выделяется три влиятельных подхода к изучению института религии и медиа — теории медиатизации религии, медиации религии, религиозно-социального формирования [Гришаева, Шумкова, 2020]. С. Хьярвард подчеркивает, что, несмотря на приверженность современных исследователей разным теоретическим подходам, все они едины во мнении о том, что медиатизация религии меняет репрезентации религии в обществе позднего модерна, а медиа формируют публичный облик религии, фреймируют ее [Хьярвард, 2020]. Практики производства и потребления смыслов религии становятся предметом специального научного изучения. Тема деконструкции образов —

то, кто и как развенчивает мифы о социальных явлениях и проблемах в медиапространстве [Ясавеев, 2004], остается открытой в отношении религиозной сферы.

В постсоветской России изучение проблематики производства смысловой рамки религии в медиапространстве начинается с печатных СМИ. П. А. Баёв, основываясь на результатах контент-анализа одной из популярных в советское и перестроечное время газеты «Аргументы и факты», выявил, что в период с 1984 по 2008 г. российская религия как социальный институт приобрела ассоциированность с символами (распятием, полумесяцем), культовыми зданиями, формальными кодексами поведения (принципами праведной жизни, понятием греха) и идеологией (основополагающими идеями) [Баёв, 2011: 124]. Позже акцентировался факт принадлежности СМИ. В оппозиционных (либеральных) медиа образ РПЦ основывался на негативных коннотациях — архаичности, отсталости от современных реалий, на ее позиционировании как политической организации, порочно связанной с государственной властью. Государственные (консервативные) медиа замалчивают внутренние проблемы РПЦ и прибегают к позитивным интонациям с помощью доминирующего «одобряющего» или «нейтрального» тона о православии и православных [Вяткина, 2012], маркируют образ этой религии как традиционного социального института, носителя исконно русских традиций, духовно-нравственных идеалов, спланивающего православных христиан [Зимова, Фомин, 2021: 89]. Консервативный и прогрессивный дискурсы влияют на позиционирование православного духовенства [Морозов, 2016: 187]. Православные каналы, православные группы в социальных сетях и православные блогеры по силе общественного влияния заметно уступают светским медиа и светским блогерам [Зимова, Фомин, 2021].

Иные интенции в российском медиа пространстве прослеживаются в отношении ислама. 1990-е гг. — время кристаллизации журналистским корпусом негативного облика российского ислама, возникшего в ответ на подъем национализма и открытые вооруженные конфликты на Северном Кавказе. Ислам в СМИ подается как социальная проблема, а основанием фрейма, к которому прибегают журналисты, становится лексический союз «ваххабиты — тоталитарные — попирают (основы Ислама)». К формированию таких представлений подключаются темы о террористических организациях, внешних угрозах и традиционном исламе, в качестве защитника которого стали подаваться лояльные к властям мусульманские организации [Рогозина, 2018: 298].

В последние годы в поле медиа из-за активизации миграции исчезает традиционная ассоциированность ислама в России исключительно с регионами исторического компактного проживания мусульман — Поволжьем, Сибирью и Северным Кавказом [Мухетдинов, 2008]. Журналисты начинают связывать ислам с трудовой миграцией из государств Центральной Азии, прежде всего из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Они подчеркивают засилье приезжих в мечетях, монополию кыргызских, таджикских, узбекских сообществ на исламские приходы в российских городах. СМИ формируют новый облик ислама, когда маркирование трудовых мигрантов из Средней Азии происходит не по этнической идентичности, а по факту принадлежности к исламу. Такая его презентация как транснационального явления кристаллизует новый смысл публичного образа.

Наряду с журналистами, другими «сведущими» агентами, создающими образ религии, выступают участники публичного политического дискурса. Пионером его изучения можно считать А. В. Малащенко, проделавшего большую работу по изучению идей об исламе, инициированных партиями и профессиональными политиками на этапе религиозного возрождения в постсоветское время [Малащенко, 1998]. С. Малахов и Д. Лятников выделили высшую бюрократию, системных и внесистемных политиков, лидеров общественного мнения (экспертов, журналистов, творческих работников, ученых) и мусульманских спикеров (официальные мусульманские организации и их лидеры, низовые общественные активисты) [Малахов, Летняков, 2018]. Фокусированным исследованием смысловых коннотаций публичного политического дискурса об исламе можно считать работу Д. Гараева. Он, обращаясь к текстам «известных российских идеологов джихада 1990–2000-х гг., в которых они различным образом обосновывали, осмысливали джихад и призывали к нему», расписывает «термины и символы, которые они используют, авторитеты и идеи, на которые они ссылаются, темы, которые их волнуют» [Гараев, 2017: 172]. Собственно исламского в текстах оказывается немного, преобладающим является дискурс, имеющий советские и постсоветские корни. Все это вписывается в идейные / интеллектуальные тренды постсоветской России [Гараев, 2017: 198]. К похожему выводу пришел В. Д. Коваленко, изучивший образ современного православного фундаментализма. Он, по оценке исследователя, в большей мере является общественно-ориентированным (постулирование политико-социальных идей или критика существующих процессов и авторитетов), нежели религиозным [Коваленко, 2021]. Это значит, что в публичном политическом дискурсе религиозное всегда сочетается с иными интенциями. В России он в части негативных коннотаций по отношению к исламу и мусульманам, в отличие от западного политического рынка, не отличается разнообразием и не имеет перспектив в силу специфики формирования российской цивилизации, укорененности в ней ислама [Малахов, Летняков, 2018].

Отдельным направлением изучения публичного политического дискурса об исламе является «говорение» о нем православия и лидеров мнения из числа представителей духовенства об исламско-православных взаимоотношениях. Анализ дискурса российских мусульманских и православных спикеров о смысловой рамке ислама фиксирует идейный поворот, произошедший на протяжении последних полутора веков: если рубеж XIX–XX вв. характеризуется репрезентацией ислама православными миссионерами как ложного, враждебного православию учения [Маркова, Шавалиева, 2019], их конструированием образа «истинного» ислама путем внесения в исламское учение христианских смыслов [Марданова, 2020: 351], то позже исламско-православный диалог стал пониматься не как обмен культурной информацией, а как сознательная ориентация на взаимопонимание, на признание права Другого быть Иным [Журавский, 2014: 5–6]. Нынешнее российское культурно-символическое пространство фактически поделено на «православную» и «мусульманскую» зоны влияния, и между хозяевами дискурса заключен негласный пакт о невмешательстве в дела друг друга. Он не исключает публичных выступлений православных и мусульманских священнослужителей друг о друге и продвигаемые ими в публичном пространстве презентации религий.

Поскольку формирование образа может представлять собой не только целенаправленный процесс, но и естественный, и даже одновременно включать и то, и другое [Козырев, 2008: 32, 36], мы наряду с масс-медиа и участниками публичного политического дискурса к носителям и производителям образа религии относим население, которое обладает представлением о самых разных объектах и явлениях. Инструментальные возможности для изучения образа религии на массовом уровне открывает феноменологический подход Э. Гуссерля и А. Шюца. Теоретики не волновали причинно-следственные связи социальных явлений, их занимали смыслы действия, т. е. представления, потребности и интересы людей. Определения ситуаций, основанных на управляющих событиями принципах организации и вовлеченности в события, И. Гофман называет фреймами [Батыгин, 2001: 19]. С помощью них религия распознается и оценивается на повседневном уровне. М. Н. Красильникова выделяет типы фреймов, связанных с религией: собственно религиозный (корпоративный), не выходящий за рамки конкретной конфессии, но возможно распознаваемый другими, межрелигиозный, цивилизационный и этнокультурный [Красильникова, 2021: 75–76]. Они могут переплетаться друг с другом во время повседневных взаимодействий людей.

В изучение фреймов образа религий России большой вклад внесли социологи. Ими выявлено, что в начале 1990-х гг. религия ассоциировалась населением с ориентациями на нравственное воспитание, моральную поддержку, со спасением от несчастья и болезней, т. е. больше с индивидуальной жизнью человека, чем с социальной ролью, национальными традициями и культурами [Мchedлов, Гаврилов, Кофанова, Шевченко, 2005: 68]. Позже исследователи зафиксировали приверженность россиян не только к собственно религиозным основаниям, но и к определенной культурно-цивилизационной традиции, сформировавшейся в том числе под воздействием конкретного религиозного течения [Мchedлова, 2018: 225]. Православие стало восприниматься как неотъемлемый элемент великой России, как ресурс, помогающий преодолеть жизненные трудности, но не связанный с какой-либо собственной ответственностью верующих и их личной активностью [Образ православного верующего...].

Ислам оценивается населением как важный регулятор межличностных отношений, взаимоотношений в семье и нравственности, хотя называющие себя мусульманами отрицают «...всеобщий характер религиозной нравственности, исключительное право религии на формирование нравственной личности» [Абдулагатов, 2009: 136]. В работах подчеркивается восприятие респондентами ислама как части их этнической идентичности [Татары и ислам..., 2014]. Е. Б. Алиева на примере православия акцентирует внимание на важности выделения в культурно-цивилизационном фрейме о православии вымышленных представлений людей (например, порабощение человека, замыкание его в обскурантизме, презрительное отношение к его интеллектуальным способностям, человеконенавистничество), реального опыта контактов (в числе называемых информантами негативных практик верующих — открытое нарушение заповедей, воровство, недобросовестный труд, злоупотребление алкоголем священнослужителями) и собственно цивилизационной составляющей (выражается в более позитивном восприятии российским обществом православия, чем христианства, ассоциируемого с западной или средневековой традицией) [Алиева, 2012: 150–151, 143].

Новым этапом исследований когнитивной структуры образа ислама можно считать рубеж XX–XXI вв. В это время исследователи начинают призывать к изучению внутренних процессов в мусульманском сообществе [Бобровников, 2018], к отказу от имперского знания и сценариев власти, в которые вписываются либо не вписываются ислам и мусульмане, к переключению на субъектность мусульманских общин, их интерпретации событий и оценках окружающего немусульманского общества [Бустанов, Дородных, 2017: 114].

Отдельное внимание обращается на общественную роль ислама в российском обществе, когда все большее число мусульман проявляет религиозный активизм, ориентированный на публичное поле [Патеев, 2021: 15] и в самых разных формах самоорганизации [Патеев, 2020], на новые интерпретации смыслов самореализации, «абсолютизацию религиозных оснований как стержнеобразующих в частной, политической, гражданской, правовой, социально-экономической и иных сферах» на фоне сохраняющихся алармистских построений, связывающих архаику и клерикализацию [Гузельбаева, Мчедлова, 2020: 265, 250].

Квинтэссенцией исследований образа ислама можно считать одноименную международную конференцию, которая прошла 6–8 октября 2016 г. в Швеции, в городе Упсала. Доклады ее участников, к сожалению, не опубликованы, но сделанный Д. И. Булгару и С. А. Рагозиной их краткий обзор позволяет сделать заключение о том, что современные ученые начинают прибегать к разнообразным источникам для изучения смысловых оснований имиджа ислама (визуальным; образам отдельных, весомых в религиозном поле персон; практикам перевода исламских понятий и употребления светских категорий, маркирующих ислам), выделять из дискурсивного потока акцент представителей «официального ислама» на внутреннюю и внешнюю аудиторию и наблюдаемое влияние на него РПЦ, указывать на сохранение ассоциаций с исламом, связанных с поведенческими особенностями его приверженцев и их склонности к терроризму. Все это, по мнению участников конференции, формирует публичный дискурс, задающий представления о российском исламе [Булгару, Рагозина, 2017].

В нашем исследовании образ ислама ограничен изучением смысловых, символических представлений о нем в официальном публичном дискурсе и массовом сознании. Сопоставление публичного, конструируемого и повседневного, смыслообразующего действия людей образов ислама предпринимается впервые и намечает перспективы исследования религии как социокультурного феномена с позиции ее имиджа, формируемого разнообразными акторами.

Источники и методы исследования

В качестве источника для анализа официального публичного дискурса об исламе взяты тексты посланий раиса Республики Татарстан Р. Н. Минниханова Государственному Совету РТ. Послания являются ежегодными и озвучиваются в конце текущего года. Они представляют собой важный документ, в котором первое лицо Татарстана обозначает важные с его точки зрения итоги ушедшего года, связанные с политической ситуацией, экономикой и социальной сферой республики, озвучивает проблемы, требующие решения, намечает векторы развития региона в наступающем году. Он является квинтэссенцией разнообразных идейных смыслов региональной политики. Нами

проанализированы тексты посланий 2013–2023 гг. Они подверглись нечастному анализу, направленному на «выявление порождающей модели содержания текста» [Таршиш 2002: 74], и латентному кодированию — скрытому семантическому анализу, ориентированному на поиск имплицитных значений [Семенова, Корсунская 2010: 68]. Латентным кодированием фиксировались приемы, к которым прибегает руководитель Татарстана говоря об исламе, артикулируемые им признаки этой религии.

Другим источником стали результаты опроса жителей Казани ($n = 501$). Выбор столицы Татарстана в качестве исследовательского поля объясняется тем, что протекающие в ней социокультурные, религиозные процессы носят значимый, нередко публичный характер, влияющий на принятие политико-управленческих решений на региональном и общероссийском уровнях. Учитывалась высокая доля в Казани представителей татарской общности (48,8% среди указавших национальность во время Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.), по большей части исповедующих ислам и являющихся носителями глубоких исламских традиций, исламской культуры. Значимая в Казани доля русских (46,9%) — приверженцев православия, позволила изучить фреймы образа ислама у религиозного Другого. Анкетирование проводилось методом онлайн-панели и частично в режиме непосредственного интервьюирования (с лицами в возрасте 61+). Использовалась квотная выборка, репрезентирующая жителей столицы Татарстана по полу, возрасту и национальности. В анкете, наряду с авторскими, использовались вопросы, разработанные Институтом социологии РАН (включая Центр исследования межнациональных отношений). В исследование включены результаты вторичного анализа социологических опросов жителей Татарстана, проведенных в 2000-х гг.

Образ ислама в публичных выступлениях раиса Республики Татарстан Р. Н. Минниханова

Исламская тематика присутствует во всех выступлениях Р. Н. Минниханова перед местным парламентом. Это показывает ее значимость для первого лица республики. При этом, говоря об исламе, он в обязательном порядке упоминает православие. Для подчеркивания паритетности двух доминирующих в Татарстане конфессий руководитель республики одновременно называет Духовное управление мусульман Республики Татарстан и Татарстанскую митрополию Русской православной церкви (2013) и прибегает к событийной стратегии, называя значимые для мусульманского и православного сообщества республики мероприятия. В числе таких событий — «Изге Болгар жыены», фестивали «Алексеевские перезвоны» и «Музыка веры» (2015), строительство Болгарской исламской академии, воссоздание собора Казанской иконы Божией Матери, визит святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Всероссийский форум татарских религиозных деятелей (2016), включение в Список всемирного наследия ЮНЕСКО Успенского собора и монастыря острова-града Свияжск, строительство комплекса зданий Болгарской исламской академии (2017), форумы мусульманских религиозных деятелей и православной общественности, 200-летие со дня рождения Шигабутдина Марджани (2018), 440-летие обретения Казанской иконы Божией Матери, подготовка к празднованию 1100-летия со дня принятия Ислама Волжской Булгарией (2019), освящение патриархом Московским и всея Руси Кириллом собора

Казанской иконы Божией матери, начало строительства комплекса Соборной мечети в Казани (2021), подготовка к празднованию 300-летия Казанской духовной семинарии, придание федерального уровня юбилейной дате принятия ислама Волжской Булгарией (2022), «мероприятия в рамках работы Группы стратегического видения «Россия — исламский мир» в формате межрелигиозного диалога с участием патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Форум православной общественности Татарстана, годовщина освящения собора Казанской иконы Божией Матери с участием 20 архиереев Русской православной церкви (2023). Таким образом, неперенным спутником продвигаемого в публичных речах образа ислама в Татарстане для Р.Н. Минниханова является православие.

Одновременное обращение Раиса Республики Татарстан к исламу и православию связано с вопросами обеспечения позитивного межконфессионального взаимодействия на подчиненной ему территории. Ее важность Р.Н. Минниханов подчеркивает путем использования в каждом послании слов «межконфессиональный мир», «межконфессиональное согласие», «межрелигиозный диалог». В 2013–2021 гг. религиозная тематика озвучивается Р.Н. Миннихановым во второй части публичных выступлений перед местным парламентом, тогда речи 2022 и 2023 гг. начинаются с нее, а рассуждения строятся в контексте актуализировавшихся вопросов сохранения межконфессионального согласия. Он признается в том, что «...наша выстроенная работа в этноконфессиональной сфере подвергается серьезному экзамену» (2022). Другой особенностью подачи темы «межконфессиональные отношения» в динамичном аспекте являются изменения в лексике о препятствиях позитивным межэтническим отношениям. В текстах обнаружены лишь три категории, касающиеся этого вопроса: 2015 г. — «радикализм» и «экстремизм», 2017 г. — «нетерпимость». Ни одна из них руководителем Татарстана не увязывается с исламом, что свидетельствует о взвешенном характере официального публичного дискурса, стремлении к купированию проблемы в республике.

Во всех речах Раиса Татарстана звучат уверения о наличии в республике «атмосферы дружбы и взаимопонимания» (2021), равенства и уважительных отношений между основными конфессиями Татарстана (2016). Все это, по мнению первого лица региона, является неотъемлемой частью имиджа и конкурентного преимущества республики (2014), базиса стабильности (2020), показателем состояния страны и республики, выражающемся в социальном единстве людей различных вероисповеданий (2018).

Задача культивирования межрелигиозного согласия (2018), обеспечения межконфессионального мира и согласия в Татарстане объявляется Р.Н. Миннихановым приоритетной (2019), непреходящей задачей всех органов государственной и муниципальной власти (2017). Государственно-конфессиональное взаимодействие, презентуемое как соучастие органов государственной власти и управления и конфессиональных сообществ в поддержании межконфессиональных отношений, является для Р.Н. Минниханова еще одним смыслом, ассоциируемым с исламом (так же, как и с православием), и он использует его как часть имиджа Татарстана, продвигаемого на международном уровне. Неслучайно он заверяет, что «...межконфессиональный мир и согласие — все эти ценности всегда были и останутся нашей главной гордостью» (2022).

Важной, просматриваемой в текстах Посланий интенцией, связанной с образом ислама, выступает идея о сопряженности религиозного и этнического. Она выражается в одновременном использовании Р. Н. Миннихановым прилагательных «межконфессиональные» и «межнациональные», словосочетания «этноконфессиональная сфера» (2017), «этноконфессиональная политика» (2021). Говоря об исламе, руководитель республики практически в каждой речи увязывает его с татарским народом. Так, рассуждая о значении начала строительства Соборной мечети в Казани, Раис Татарстана оценивает это как весомый вклад «...в дело сохранения духовного, культурного наследия и самобытности татарского народа» (2021). Упоминая 1100-летие со дня принятия ислама Волжской Булгарией, Р. Н. Минниханов подчеркивает роль этого события в развитии татар (2019). По его мнению, Булгарская исламская академия «призвана стать ... опорой сохранения традиций татарской богословской школы и единения татаро-мусульманского сообщества России» (2016), поэтому следует оказывать поддержку муфтияту по популяризации татарского богословского наследия (2013). Все это показывает неразделимость ислама и татарского народа для руководителя Татарстана, этничность выступает для него отдельной, значимой ассоциацией с исламом.

Другой темой об исламе, просматриваемой в посланиях, выступает духовность. В 2013 г. Р. Н. Минниханов говорит о ней в контексте необходимости возрождения, в 2017 г. рассуждает о духовно-нравственном совершенствовании общества, в 2019 г. оценивает факт воссоздания древнего Булгара и острова-града Свияжск как стимула для обретения духовной жизни, в 2021 г. объявляет главные человеческие ценности в качестве основы традиций народов страны, сохраняемых в том числе религиозными организациями, в 2023 г. подчеркивает нацеленность на отстаивание традиционных духовных ценностей. Особую роль в распространении духовно-нравственных ценностей глава Татарстана возлагает на религиозные объединения, которые, по его мнению, должны уделить особое внимание «...укреплению института семьи и брака, где опора на традиционные духовные ценности имеет основополагающее значение» (2018), «транслировать приоритетность семейных ценностей: любви, уважения, взаимопонимания, ответственного родительства и многодетности» (2019). Связанной с идеей о духовности как смысла ислама выступают важные для руководителя Татарстана вопросы религиозного образования и просвещения. Он считает, что «татарстанцы и, прежде всего, дети должны иметь представление о всех традиционных религиях», и выражает заинтересованность «в дальнейшем совершенствовании отечественного религиозного образования» (2015). Особо он выделяет Академию наук Республики Татарстан, которая, «...алдынғы үзәккә әйләнеп, традицион исламны ныгытуга зур өлеш кертергә тиеш» («... став ведущим научным и духовным центром, должна внести большой вклад в укрепление традиционного ислама». — *перевод наиш*). Так, руководитель региона подтверждает важность для него спайки региональных государственных органов (с подчиняемыми им структурами) и религиозных (мусульманских) организаций в продвижении социальных интересов Татарстана.

Анализ текстов посланий выявил постепенное разворачивание официального публичного дискурса Р. Н. Минниханова в сторону социальных функций ислама. Так, в вы-

ступлении 2013 г. он лишь в обобщенной форме поднимает вопрос о значении государственно-конфессиональных отношений для решения социальных, образовательных и культурно-просветительных задач региона и страны. В Послании 2018 г. утверждает, что «религиозная идентичность оказывает серьезное влияние на общественное сознание», в речи 2020 г. подчеркивает организацию религиозными объединениями востребованной обществом социальной работы (2020). Послания 2021–2023 гг. становятся более семантически разнообразными, в них конкретизируются функции религии. В 2022 г. ислам завуалировано увязывается с молодежной политикой, так как признание Казани как Молодежной столицы Организации Исламского сотрудничества открыло «...новые возможности для привлечения молодежи к международному диалогу», 2023 г. — с наукой, культурой, образованием и спортом. В этом просматривается уточнение высказанной Р.Н. Миннихановым в 2021 г. задачи по развитию сотрудничества «...в самых разных сферах со странами исламского мира». В 2023 г. он впервые использует словосочетание «халяльный образ жизни», условия по созданию которого вменяются в обязанность местных органов власти.

Весьма динамично разворачивается в посланиях идея о значении ислама для политики, социально-экономического развития Татарстана и России. В 2015 г. Р.Н. Минниханов впервые упоминает Группу стратегического видения «Россия — Исламский мир», возобновление деятельности которой, по его мнению, открывает «широкие возможности для сотрудничества». В последующих выступлениях он упоминает эту организацию в контексте задач, поставленных Президентом РФ В.В. Путиным по сближению России с исламскими государствами (2017), развития связей с мусульманскими государствами и организациями (2018), проводимой работы с мусульманскими странами и развития экспорта (2019), обретения контактов (2020). Самой насыщенной выглядит речь 2022 г., в которой Р.Н. Минниханов обращает внимание на Организацию Исламского сотрудничества. Татарстан «уделяет особое внимание развитию многосторонних связей» с входящими в нее странами. Оратор вновь использует событийную стратегию, упоминая визиты Генерального секретаря Организации Исламского сотрудничества, министров Турции, Объединенных Арабских Эмиратов, Туниса (2018), получение в 2022 г. Казанью статуса Молодежной столицы Организации Исламского сотрудничества.

Отдельное звучание приобретает тема исламского банкинга. Руководитель Татарстана признается в ограниченности финансовых ресурсов, поэтому «развитие института исламских финансов» рассматривается им как важное направление, расширяющие возможности экономики, поэтому «нужно максимально ими воспользоваться» (2022). В 2023 г. Р.Н. Минниханов ставит задачу «привлечения зарубежных инвестиций из исламских стран» в рамках принятого федерального закона по партнерским финансам, качественному проведению «эксперимента по созданию благоприятных правовых условий для внедрения партнерских финансов», организации подготовки специалистов по исламскому банкингу, «повышению уровня информированности населения и бизнеса». Основную роль в решении последнего вопроса он отводит Духовному управлению мусульман Республики Татарстан. Всю проводимую в регионе работу

по использованию ресурсного потенциала ислама Р.Н. Минниханов оценивает с точки зрения стратегических задач России. Он уверен, что проводимые в Казани мероприятия являются свидетельством «возросшего интереса мусульманского мира к развитию взаимовыгодного сотрудничества с Российской Федерацией», «обеспечению экономических интересов России в рамках равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества» (2022). Ислам для Р.Н. Минниханова — это экономический ресурс и уникальная возможность республики, способной принести ощутимые дивиденды региону и России в целом.

Содержательный анализ текстов посланий раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова позволил выявить содержание и динамику продвигаемых им идей об исламе. В числе значимых для руководителя региона ассоциаций с этой религией — этническая (татарская) идентичность, социальное служение с точки зрения партнерского (государственно-религиозного) участия мусульманского сообщества в решении социально значимых для региона и страны задач, экономический потенциал мусульманских стран, инструменты исламской финансовой системы. Руководитель поликонфессионального региона включает в «говорение» об исламе категорию «православие», подчеркивая тем самым уникальность подчиненной ему территории и используя категорию «межконфессиональное согласие» в продвижении имиджа Татарстана как территории с благоприятной социальной ситуацией. Дискурс не содержит значимых интенций о радикализме и экстремизме, они исчезают из коммуникативных сообщений об исламе. Нынешняя, значимая для Р.Н. Минниханова повестка образа ислама — это его презентация как стратегического ресурса Татарстана, способного участвовать в продвижении геополитических и экономических интересов России в странах мусульманского мира.

Образ ислама в общественном сознании

Охарактеризуем участников проведенного нами социологического опроса, связанного с религиозной сферой. 30,1% респондентов назвали себя верующими, людьми, которые стараются соблюдать обычаи и обряды, 49,3% — верующими, но не соблюдающими обычаев и обрядов, 8,6% — колеблющимися, 10% — неверующими, атеистами, 2% затруднились с определением своего отношения к религии. По конфессиональной принадлежности распределение ответов выглядит следующим образом: 49,2% участников исследования считают себя мусульманами, 48,2% — православными, по 0,5% — протестантами и иудеями, 1,6% отнесли себя к другим религиям. Сравнение наших данных с результатами опроса, проведенного Р.Н. Мусиной в 2011–2012 гг. (рис. 1), позволяет сделать заключение о существенном увеличении «внешних» проявлений религиозной идентичности у татар-мусульман Татарстана: за прошедшее десятилетие среди них почти в два раза увеличилось число тех, кто время от времени посещает мечеть, держит уразу (полностью или частично), на 20% — иногда читает молитвы, а также отмечает рост «внутренней» религиозности (на 18,3%), связанной с желанием жить по предписаниям ислама.

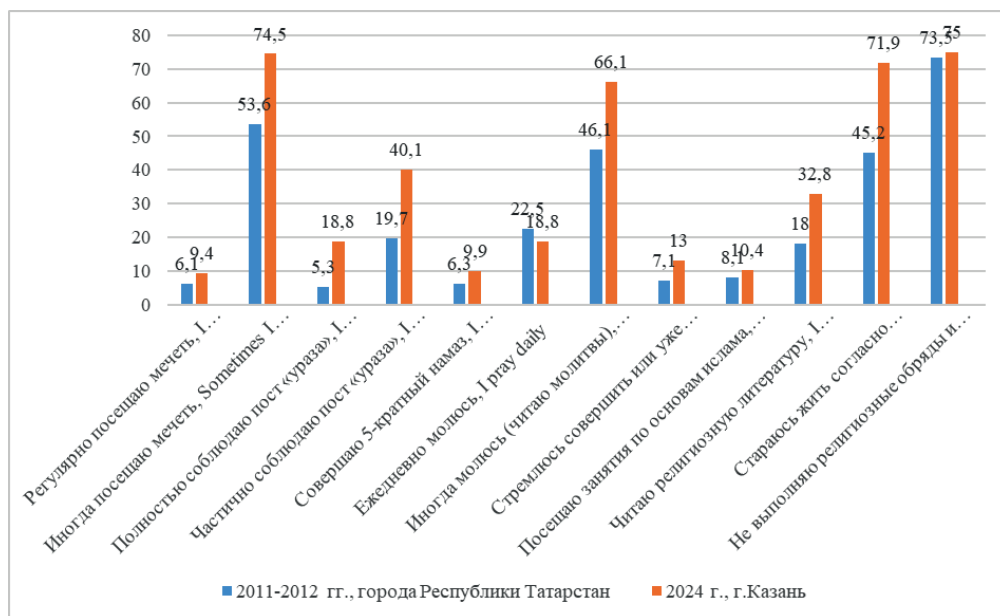

Рис. 1. Динамика проявлений веры у городских мусульман Республики Татарстан, %.

Данные за 2011–2012 гг. [Мусина, 2014: 56]

Fig. 1. Dynamics of manifestations of faith among urban Muslims of the Republic of Tatarstan, %.

Data for 2011–2012 [Musina, 2014: 56]

Дальнейший анализ осуществляется на двух группах респондентов — тех, кто считает себя мусульманином/мусульманкой ($n = 192$) или православным/православной ($n = 188$).

Опрос выявил большой разброс общественных представлений об исламе (рис. 2). Преобладающим как у мусульман, так и православных является ассоциация этой религии с культовыми зданиями и обрядовой, праздничной культурой. На втором месте оказалась связь ислама с татарами и другими российскими народами, исповедующими эту религию. Почти каждый третий участник исследования, независимо от конфессиональной идентичности, трактует ислам в аспекте ближайшего круга — близких и друзей, считающих себя мусульманами. Для респондентов-мусульман более важными оказались смыслы жизни, которые дает им ислам, его восприятие как опоры в трудных жизненных обстоятельствах. Православные чаще ассоциируют эту религию с мигрантами и родным городом, т.е. ислам воспринимается ими как неотъемлемая часть городского ландшафта.

Продвигаемую Республикой Татарстан политику по сближению России со странами исламского мира замечают 10,4% мусульман и 15,1% православных, а исламская экономика известна не более 7% респондентов.

Это позволяет сделать заключение о том, что компоненты образа ислама, которые озвучиваются раисом Республики Татарстан во время публичных выступлений, присутствуют и у небольшой (но представительной!) части жителей Казани. Однако более

значимыми для них оказываются ассоциации, связанные с повседневностью — близкими людьми, местом проживания и народом, представители которого придерживаются мусульманской обрядовой и праздничной культуры. Носители негативных коннотаций об исламе (терроризм, агрессия, архаика, отсталость, необразованность, дискриминация женщин) — это очень узкий слой населения (не более 6%).

Высокая степень увязывания ислама с ближайшим окружением подтвердилась и другим вопросом анкеты о том, откуда респонденты узнают об этой религии (рис. 3). В этом качестве и мусульмане, и православные назвали родных, друзей, знакомых. Ответы показывают, что значимым агентом формирования и тиражирования фреймов о религиях сегодня выступает интернет, причем в отношении православия он конкурирует с телевидением, но по силе влияния на образ ислама является более значимым, чем традиционные СМИ.

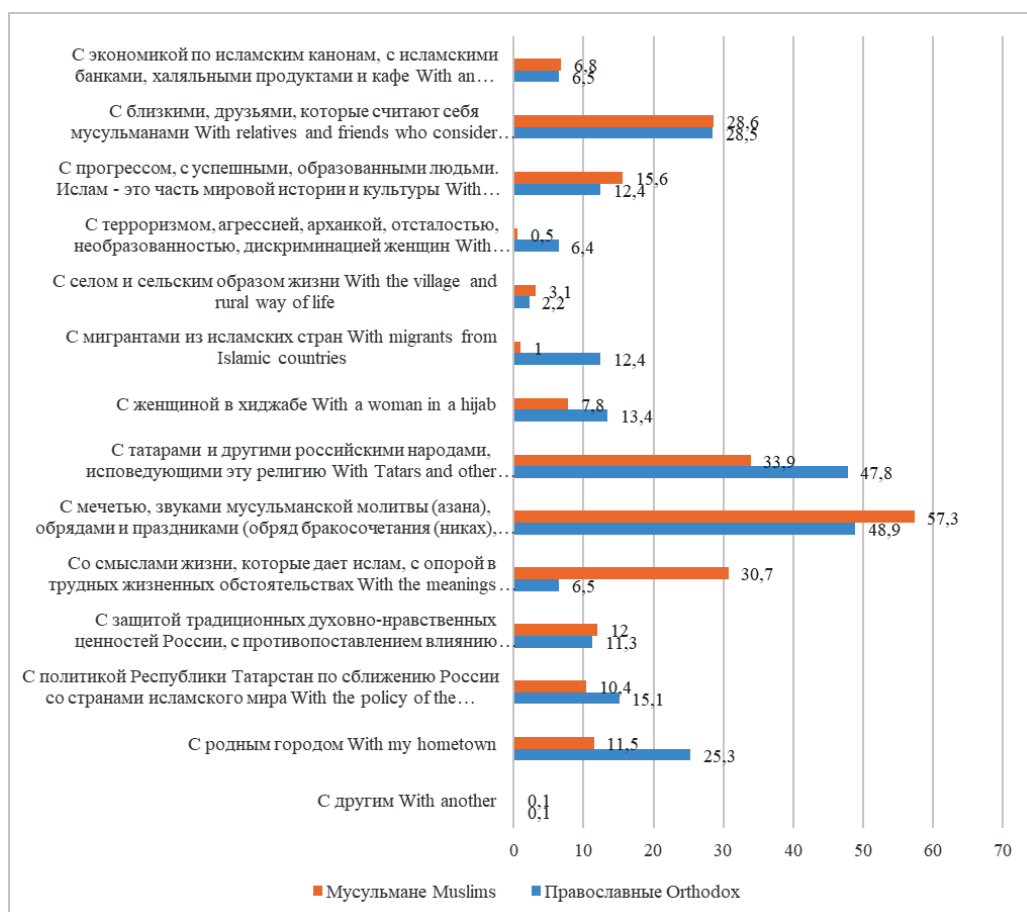

Рис. 2. Ассоциации с исламом у мусульман и православных, % (Сумма не равна 100%, так как респондент мог выбрать до трех вариантов ответа)

Fig. 2. Associations with Islam among Muslims and Orthodox Christians, % (The sum does not equal 100%, the respondent could choose up to three answer options)

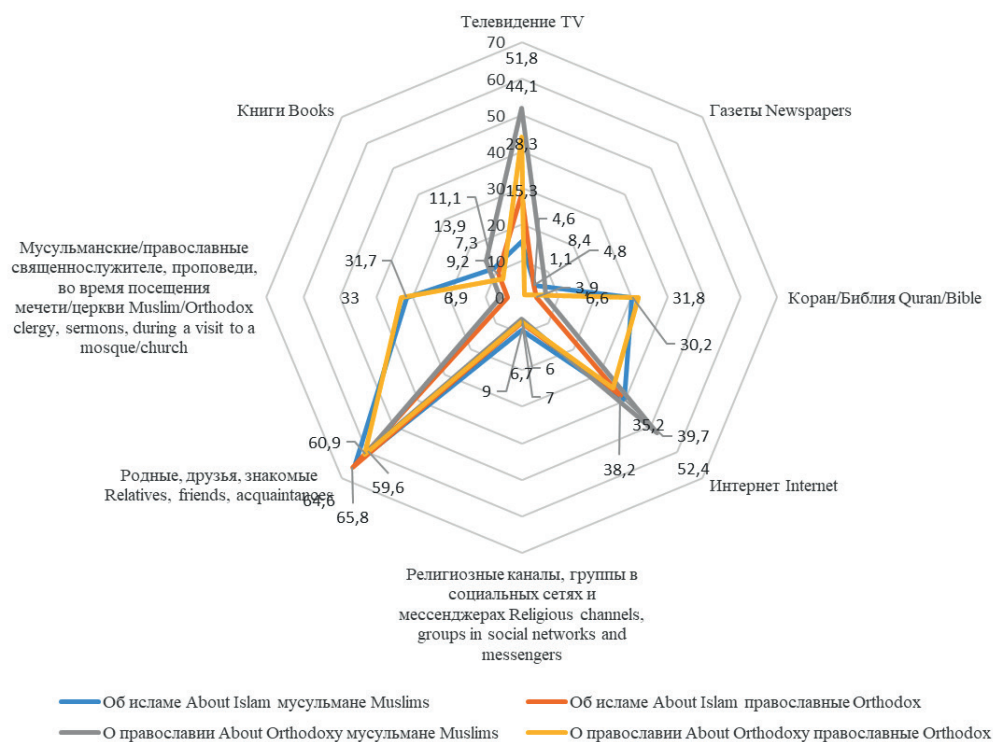

Рис. 3. Источники информации об исламе и православии у мусульман и православных, % (Сумма не равна 100%, так как респондент мог выбрать до трех вариантов ответа)

Fig. 3. Sources of information about Islam and Orthodoxy among Muslims and Orthodox, % (The sum does not equal 100%, the respondent could choose up to three answer options)

Другой вопрос анкеты был направлен на выяснение того, с какими символами или людьми респонденты связывают ислам. Вопрос носил открытый характер, участники могли вписать свой ответ в свободной форме. Самыми частыми оказались упоминания Аллаха, Пророка Мухаммеда, Корана, мечети (в этом качестве прежде всего называлась наиболее узнаваемая, находящаяся в центре Казани — в Казанском Кремле, мечеть Кул Шариф), полумесяца, исламских священнослужителей (с помощью обобщенных понятий «имам», «мулла», «муфтий» и конкретных имен — Гайнутдинов, Самигуллин). Реже указывалось на проявления догматических предписаний ислама — намаз, халяль, таких символов, как зеленый цвет, арабские буквы, одежда, хиджаб, четки. Упоминались исламские праздники — Ураза Байрам и Курбан Байрам. Большое место в символическом ряду заняли конкретные личности — известные зарубежные (Б. Асад, Т. Эрдоган) и российские (Р. Кадыров) политики и спортсмены (Х. Нурмагомедов, М. Тайсон). Но чаще назывались первые лица Республики Татарстан — М. Ш. Шаймиев и Р. Н. Минниханов, а также крупные богословы, общественные деятели из числа татар и представители татарской культуры (Ш. Марджани, Г. Курсави, К. Насыри, Г. Исхаки, Г. Тукай, С. Сайдашев, Т. Миннулин и др.). Их упоминание, как и использование

участниками исследования таких словосочетаний, как «бабушка в платке», «татарский народ», «мои татарские друзья», показывают высокую связность ислама с национальным (с «татарскостью») и дружеским окружением в представлениях жителей Казани.

Значимость этничности для маркирования ислама в Татарстане на повседневном уровне подтвердилась ответами на вопрос о групповой самоидентификации («мы-идентификации») участников исследования, фиксирующем их ощущение близости к тем или иным социальным группам (табл. 1). 68,8% мусульман подчеркнули важную для них идентификацию с этнической группой. Этот показатель выше, чем среди тех, кто называет себя православным. Выявленная сильная, одна из самых значимых среди других самоидентификаций участников исследования связь между признаками «религия-этничность» показывает важность этнических чувств для представителей двух доминирующих конфессий Татарстана (особенно ислама) в самопонимании себя и для когнитивных оснований восприятия этой религии.

Таблица 1

Выраженность связи с социальными группами у верующих, %*

Table 1

Expression of connection with social groups among believers, %**

Ощущаю близость	Мусульмане	Православные	Коэффициент сопряженности
С людьми моего возраста	60,4	48,9	0,157
представителями моей профессии, занятий	50,5	44,7	0,090
гражданами России	58,9	61,2	0,137
жителями Республики Татарстан	68,2	56,4	0,134
жителями Казани	65,1	61,7	0,089
людьми моей веры, того же вероисповедания, что и я	68,2	54,3	0,261
людьми той же национальности, что и я	68,8	52,7	0,174
всеми людьми планеты	26,6	18,1	0,048
людьми того же достатка, что и я	42,2	29,8	0,197
людьми, близкими мне по политическим взглядам	42,2	43,1	0,127
теми, кто не интересуется политикой	32,8	29,8	0,102
европейцами	16,1	11,7	0,165
представителями Востока, Азии	19,3	10,1	0,158

Примечание: *Представлены данные по респондентам, выбравшим ответ «чувствую близость в значительной степени».

**Data are presented for respondents who selected the answer “I feel close to a large extent.”

Анализ результатов упомянутого выше опроса Р. Н. Мусиной показывает, что происходившее в 1990-е — первом десятилетии 2000-х гг. усиление значимости религии в идентификационной матрице жителей Татарстана (так, в 1994 г. религию в качестве компонента этнической идентичности назвали 33% респондентов из числа татар, в 2011–2012 гг. — 49,4% [Мусина, 2014: 62]) на нынешнем этапе не демонстрирует положительную динамику (рис. 4). 42,2% участников нашего исследования из числа му-

сульман чувствуют свою этническую идентичность через религию. Этот показатель выше, чем среди православных. Выявленная в мусульманском сообществе Татарстана тенденция исчерпания потенциала этнического компонента для смысловой рамки ислама требует отдельного изучения.

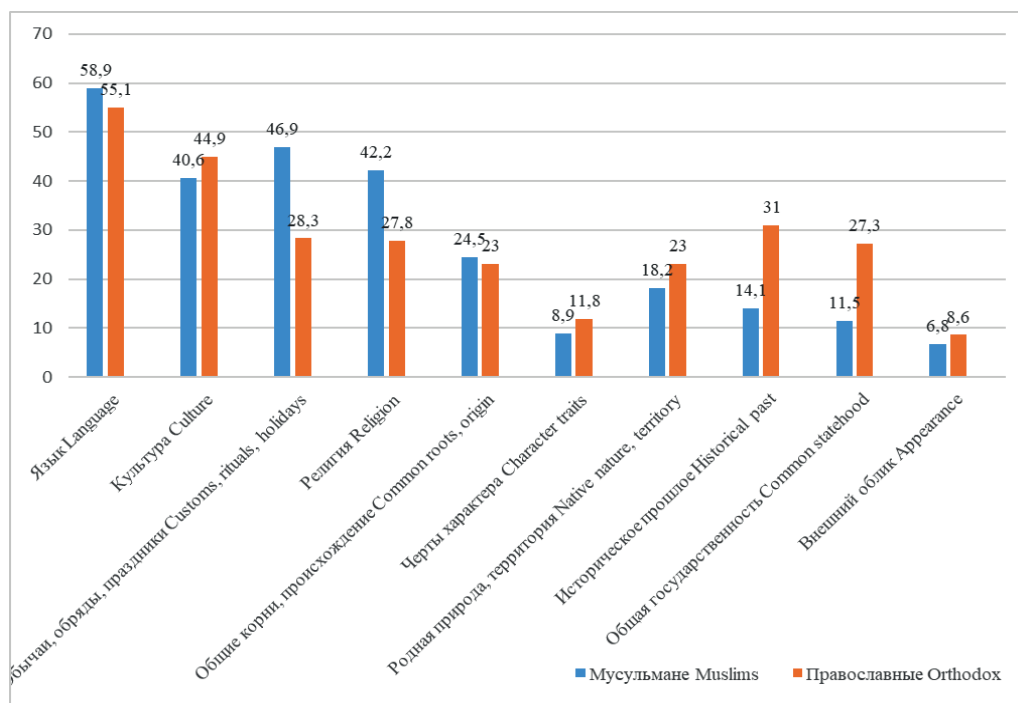

Рис. 4. Компоненты этнической идентичности верующих, %. (Сумма не равна 100%, так как респондент мог выбрать до трех вариантов ответа)

Fig. 4. Components of ethnic identity of believers, %. (The sum does not equal 100%, the respondent could choose up to three answer options)

Социальные функции религии, или О возможностях позитивного брейдирования российского ислама

Глобальная турбулентность до неузнаваемости изменила социальную действительность и социальные законы упорядочивания социальных отношений. У. Бек, еще в 1990-х гг. размышляя о причинах крушения мирового порядка, обозначил три возможные реакции на этот процесс — отрицание, апатию, трансформацию. Последнее теоретик свел к вопросу о том, что каким образом осознание множественности зависящих от человека сценариев будущего и их рискованных последствий повлияет на восприятие человека, трансформирует его, а также на условия жизни и институты общества. По мнению У. Бека, предчувствие разрушений и бедствий принуждает к действию, мобилизует людей поверх границ — национальных, религиозных, этнических [Бек, 2012: 39–40]. Так производятся новые рефлексивные способности, минимизирующие риски в условиях хаоса, дезориентированности и дезинтеграции. Рефлексив-

ность вынуждает искать духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, определения своей роли в политических отношениях и связях с окружающей социальной средой. Одним из индикаторов этого процесса становится социальная ответственность, выступающая способом упорядочивания социальных отношений в хаотичном мире, установления социальной справедливости и фактором устойчивого развития общества в условиях кризисности и нестабильности [Бронизино, Осипова, 2014: 81–82, 85].

Социальная ответственность религий заложена в первоисточниках религиозных вероучений. Религиозные институты реализуют совокупность мероприятий, направленных на достижение социально значимых целей [Балабейкина, Янковская, 2021: 133]. Их социальная ответственность имеет специфику, обусловленную догматическими принципами и мировоззренческими установками членов этих организаций, особенностями законодательно установленных для них правовых отношений [Мевлютов, Гамзатов, 2023]. Нас интересует гражданский аспект социальной ответственности верующих, то, как они реально участвуют в решении социально значимых вопросов современного российского общества.

Около половины верующих помогает малоимущим, жертвует деньги на общественные проекты, участвует в благоустройстве своего подъезда, дома, улицы (табл. 2). Исследование не выявило статистически значимых различий между мусульманами и православными по практикам объединения для решения социальных проблем, членству в общественных организациях, обустройстве родной территории. Сильная связь выявлена по таким показателям, как благотворительность, волонтерство, помощь инвалидам и воспитанникам детских домов. Она показывает более высокий уровень социальной ответственности мусульман по сравнению с православными по отдельным практикам социального служения.

Таблица 2

Проявления социального активизма верующих, %

Table 2

Manifestations of social activism of believers, %

Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев...?	Мусульмане	Православные	Коэффициент сопряженности
отдавать безвозмездно продукты, вещи малоимущим	66,7	54,8	0,122
оказывать помощь инвалидам, воспитанникам детских домов	43,8	25	0,194
участвовать в благоустройстве своего подъезда, дома, улицы	61,5	53,7	0,085
жертвовать деньги на общественно полезные/благотворительные цели	69,3	50,5	0,199
объединяться с другими людьми для решения общих проблем	69,8	63,3	0,077
обращаться с запросом, заявлением, жалобой в государственные органы	37,5	40,4	0,038
принимать участие в собрании какого-либо общества/ассоциации/клуба	30,2	25	0,085
работать волонтером, добровольцем	25	16	0,111

В то же время исследование показало, что мусульмане и православные одинаково чувствуют ответственность за то, что происходит в родном городе (71,4 и 66,5% соответственно) и стране (64,6 и 63,9%) (табл. 3). Это важная основа консолидационных процессов в поликонфессиональном, полиэтническом российском обществе. Более представительный слой с самым высоким уровнем социальной ответственности среди мусульман позволяет расширить смысловую рамку ислама в России как деятельной, интегрированной религии, нацеленной на решение значимых социальных проблем на общегосударственном и локальном уровнях. Эти на первый взгляд привычные фреймы ислама и привычные для него социальные практики получают новый смысл в условиях современной социальной дезинтеграции, способны повлиять на имидж этой религии и помочь мусульманам в обретении жизненных ориентиров в нестабильном мире.

Таблица 3

Уровень социальной ответственности верующих, %

Table 3

Level of social responsibility of believers, %

Чувствуют ответственность за то, что происходит в...	Мусульмане		Православные		Коэффициент сопряженности
	в полной мере	в значительной мере	в полной мере	в значительной мере	
родном городе	27,1	44,3	16,5	50	0,222
стране	26,6	38	17,6	46,3	0,227
мире	16,7	31,3	6,9	25	0,201

Выводы

Сравнительный анализ представлений властной элиты в лице руководителя Татарстана и населения республики об исламе выявил общее и особенное. Одинаково значимой ассоциацией с этой религией является сфера межконфессиональных отношений: она и религиозно Другой упоминается в речах Р.Н. Минниханова и кристаллизуется в виде фрейма в сознании населения. Совпадающим представлением является восприятие ислама через этничность. Это показывает важность этнических чувств для когнитивных оснований образа ислама среди его приверженцев в России. Расхождения между властным и массовым слоем обнаружены по теме «исламская экономика и взаимодействие со странами исламского мира». Она весьма значима для Р.Н. Минниханова, но не занимает высокие позиции в рейтинге ассоциаций об исламе в представлениях общества.

На массовом уровне весьма распространенным маркером ислама как социокультурного явления является общественное служение его последователей. Его активно использует руководитель республики в публичных выступлениях. Идея об исламе как социально ответственной религии может стать основанием для продвижения в России согласованной стратегии позитивного брендинга этой религии.

Исследование раскрыло возможности использования полипарадигмального подхода к изучению образа религии как самостоятельного объекта изучения. Имидж религии может рассматриваться в контексте дизайна разнообразных политик, потока ме-

диаинформации, социокультурной, религиозной идентичностей, религиозных практик, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулагатов З. М. Приоритеты нравственных ориентиров дагестанского мусульманина (по результатам социологического опроса) // Исламоведение. 2009. № 1. С. 123–137.

Алиева А. Б. Образ православия в сознании современных россиян в связи с задачами христианской миссии в современной России // Свет Христов просвещает всех : альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. М. : СФИ, 2012. Вып. 6. С. 142–155.

Баёв П. А. Церковь и служитель культа в медийном дискурсе отечественного социума // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 118–127.

Балабейкина О., Янковская А. Социальная ответственность религиозных организаций (На примере государственной христианской Церкви Англии) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 65 (3). С. 130–138.

Батыгин Г. С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 5–24.

Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5. С. 35–52.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

Бобровников В. Парадоксы изучения современного ислама в России // Государство. Религия. Церковь. 2018. № 1 (36). С. 310–322. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-310-322>

Бронизино Л. Ю., Осипова Е. Д. Социальная ответственность: трансформация исследовательских подходов в контексте «общества риска» // Вестник Московского ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 76–87.

Булгару Д. И., Рагозина С. А. Одна религия — множество мнений: международная конференция «Образ ислама в России» // Государственное управление. Электронный вестник. 2017 г. Вып. 60. С. 333–344.

Бустанов А., Дородных Д. Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 112–133. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-112-133>.

Вяткина Т. Ю. Репрезентации христианства в новостных программах светских телеканалов // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всерос. социол. конгресса. М. : РОС, 2012. С. 4691.

Вяткина Т. Ю. Репрезентация христианства в конфессиональных СМИ (на примере телеканала «Союз») // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 13 (304). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 29. С. 11–13.

Гараев Д. Идеология русскоязычного джихадизма до ИГИЛ: рецепция советского как рождение постсоветского радикализма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 170–201. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-170-201>.

Гришаева Е., Шумкова В. Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 7–40.

Гузельбаева Г.Я., Мчедлова М.М. Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 247–268. <https://orcid.org/10.14515/monitoring>. 2020.3.1617.

Журавский А.В. Очерки христианско-мусульманских отношений: Хрестоматия для теологического, религиоведческого и других гуманитарных направлений и специальностей высших учебных заведений. М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. 192 с.

Зимова Н.С., Фомин Е.В. Медийный образ Русской православной церкви и вызов пандемии // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 4. С. 81–91. <https://orcid.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-81-91>.

Коваленко В.Д. Образ современного православного фундаментализма в социальных медиа // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 2. С. 63–79. <https://orcid.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-63-79>

Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 31–39.

Красильникова М.Н. Теория фреймов как метод современного религиоведения: межрелигиозный фрейм и проблема социального признания мусульман в немусульманских обществах // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 4. С. 70–82. <https://orcid.org/10.28995/2658-4158-2021-4-70-82>.

Макарова Г.И. Брендинг территории и культура: актуальные подходы в зарубежной науке // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. Т. 12, № 2. С. 102–114.

Малахов С., Летняков Д. Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. 2018. № 2 (36). С. 248–270. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271>

Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. 222 с.

Марданова Д.З. Хасан-Гата Габаши против миссионера Евфимия Малова: пример мусульманско-христианской полемики конца XIX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (4). С. 343–372. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-343-372>.

Маркова Н.М., Шавалиева М.Р. «Образ» ислама в работах российских авторов рубежа XIX–XX веков // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. № 3 (31). С. 117–125. <https://orcid.org/10.22405/2304-4772-2019-1-3-117-125>.

Мевлютов А.Ш., Гамзатов А.А. Проблема социальной ответственности в исламе // Minbar. Islamic Studies. 2023. № 16 (1). С. 117–125. <https://orcid.org/10.31162/2618-9569-2023-16-1-117-125>.

Морозов Е.М. Образ священника в средствах массовой информации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 184–193.

Мусина Р.Н. Религиозное возрождение у татар Татарстана: идентичность, религиозные практики, этноконфессиональные ценности и установки // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 43–83.

Мухетдинов Д. В. От издателя // Ислам в Москве: энциклопедический словарь. Н. Новгород : Медина, 2008. 320 с.

Мчедлов М., Гаврилов Ю., Кофанова Е., Шевченко А. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 56–69.

Мчедлова М. М. Место религии и религиозных организаций в жизни российского общества // Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян. М., 2018. С. 217–238.

Официальные Послания Президента Татарстана Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2019 годы // Официальный сайт Президента Республики Татарстан. URL: <http://president.tatar.ru/index.htm/news/227875.htm> (дата обращения: 21.06.2024).

Официальные Послания Президента Татарстана Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2019 годы // Официальный Татарстан. URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/345897.htm> (дата обращения: 21.06.2024);

Официальные Послания Президента Татарстана Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2019 годы // Постоянное представительство Республики Татарстан в Свердловской области. URL: <https://tatur.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta-gosudarstvennomu-sovetu.htm> (дата обращения: 21.06.2024).

Патеев Р. Ф. Исламский активизм и социокультурные трансформации в татарском сообществе // Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: коллективная монография. Казань : Изд-во АН РТ, 2021. С. 13–71.

Патеев Р. Ф. Религиозный активизм в мусульманских сообществах: переосмысление в постсекулярную эпоху // Религиоведение. 2020. № 3. С. 78–87. <https://orcid.org/10.22250/2072-8662.2020.3.78-87>.

Рагозина С. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. 2018. № 2 (36). С. 272–299. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-272-299>.

Романова А. В. Формирование образа православия на российском телевидении // Медиатолерантность — 2020: материалы II Региональной (Поволжской) научно-практической конференции. Казань, 2020. С. 292–298.

Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 324 с.

Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М. : НОРМА, 2000. 488 с.

Таршис Е. Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 71–92.

Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное вырождение и этничность. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Артефакт, 2014. 348 с.

Тупаева А. С. Образ благотворительности в информационном пространстве российских средств массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2013. 27 с.

Филатов С., Лункин Р. Образы Православия и Протестантизма в светских СМИ: благолепие и уродство. URL: <https://cerkovmedia.ru/wp-content/uploads/2021/12/statya-filatov-lungin.pdf> (дата обращения: 03.04.2024)

Хьярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 41–75. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75>.

Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 200 с.

REFERENCES

Abdulagatov Z. M. Prioritety npravstvennykh orientirov dagestanskogo musul'manina (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa) [Priorities of moral guidelines of the Dagestan Muslim (according to the results of a sociological survey)]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2009, no. 1, pp. 123–137 (in Russian).

Alieva A. B. Obraz pravoslaviya v soznanii sovremennykh rossiyan v svyazi s zadachami khristianskoi missii v sovremennoi Rossii [The image of Orthodoxy in the minds of modern Russians in connection with the tasks of the Christian mission in modern Russia]. *Svet Khristov prosveshchaet vseh: Al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta* [The Light of Christ enlightens everyone: Almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute]. Moscow: SFI, 2012, vol. 6., pp. 142–155 (in Russian).

Balabeykina O., Yankovskaya A. Sotcial'naya otvetstvennost' religioznykh organizatsii (Na primere gosudarstvennoi khristianskoi Tserkvi Anglii) [Social responsibility of religious organizations (On the example of the state Christian Church of England)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2021, vol. 65, no. 3, pp. 130–138 (in Russian).

Batygin G. S. Kontinuum freimov: dramaturgicheskii realizm Irvinga Gofmana [Continuum of frames: dramatic realism of Erving Goffman]. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya* [Bulletin of RUDN University. Series Sociology]. 2011, no. 2, pp. 5–24 (in Russian).

Bayev P. A. Tserkov' i sluzhitel' kul'ta v mediinom diskurse otechestvennogo sotsiuma [Church and clergyman in the media discourse of domestic society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2011, no. 2, pp. 118–127 (in Russian).

Beck U. Zhizn' v mirovom obshchestve riska: kosmopoliticheskii povorot [Life in a global risk society: a cosmopolitan turn]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences]. 2012, no. 5, pp. 35–52 (in Russian).

Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: “Medium”, 1995, 323 p. (in Russian).

Bobrovnikov V. Paradoksy izucheniya sovremennogo islama v Rossii [Paradoxes in the Study of Contemporary Islam in Russia]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2018, vol. 36, no. 1, pp. 310–322 (in Russian).

Bronizino L. Yu., Osipova E. D. Sotsial'naya otvetstvennost': transformatsiya issledovatel'skikh podkhodov v kontekste "obshchestva riska" [Social responsibility: transformation of research approaches in the context of the "risk society"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2014, no. 4, pp. 76–87 (in Russian).

Bulgaru D. I., Ragozina S. A. Odnа religiya — mnozhestvo mnenii: mezhdunarodnaya konferenciya "Obraz islama v Rossii" [One religion — many opinions: international conference "The Image of Islam in Russia"]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. Electronic newsletter]. 2017, no. 60, pp. 333–344 (in Russian).

Bustanov A., Dorodnykh D. Dzhadidizm kak paradigma v izuchenii islama v Rossiiskoi imperii [Jadidism as a Paradigm for Studying Islam in the Russian Empire]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, vol. 35, no. 3, pp. 112–133 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-112-133>.

Filatov S., Lunkin R. *Obrazy Pravoslaviya i Protestantizma v svetskikh SMI: blagolepie i urodstvo* [Images of Orthodoxy and Protestantism in secular media: beauty and ugliness]. URL: <https://cerkovmedia.ru/wp-content/uploads/2021/12/statya-filatov-lungin.pdf> (accessed March 4, 2024) (in Russian).

Garaev D. Ideologiya russkoyazychnogo dzkhihadizma do IGIL: retseptsiya sovetskogo kak rozhdenie postsovetskogo radikalizma [The Ideology of Russian-Language Jihadism before ISIS: Reception of the Soviet as the Origin of Post-Soviet Radicalism]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, vol. 35, no. 3, pp. 170–201 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-170-201>

Grishaeva E., Shumkova V. Teorii srednego urovnya v issledovanii religii i media: mediatizatsiya, mediatsiya i RSST [Middle-Range Theories in Religion and Media Studies: Mediation, Mediatization and RSST]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2020, vol. 38, no. 2, pp. 7–40 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40>.

Guzelbaeva G. Y., Mchedlova M. M. Musul'manskіe soobshchestva v Kazani nachala XXI veka: prichiny pod'ema i spada islamskogo molodezhnogo aktivizma [Kazan Muslim Communities at the Beginning of the 21st Century: Causes of the Rise and Fall of Islamic Youth Activism]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2020, no. 3, pp. 247–268 (in Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.

Hjarvard S. Tri formy mediatizirovannoi religii: izmenenie oblika religii v publichnom prostranstve [Three Forms of Mediatized Religion: Changing the Public Face of Religion]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2020, vol. 38, no. 2, pp. 41–75 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75>.

Kovalenko V. D. Obraz sovremennogo pravoslavnogo fundamentalizma v sotsial'nykh media [The Image of Modern Orthodox Fundamentalism in Social Media]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture]. 2021, vol. 5, no. 2, pp. 63–79 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-63-79>.

Kozyrev G. I. “Vrag” i “obraz vraga” v obshchestvennykh i politicheskikh otnosheniyakh [Enemy' and “image of the enemy” in social and political relations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2008, no. 1, pp. 31–39 (in Russian).

Krasilnikova M. N. Teoriya freimov kak metod sovremennogo religiovedeniya: mezhreligiozniy freim i problema sotsial'nogo priznaniya musul'man v nemusul'manskikh obshchestvakh [Frame theory as a method of modern religious studies: interreligious frame and the problem of social recognition of Muslims in non-Muslim societies]. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyi zhurnal o religii* [Studia Religiosa Rossica: scientific journal about religion]. 2021, no. 4, pp. 70–82 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2658-4158-2021-4-70-82>.

Makarova G. I. Brending territorii i kul'tura: aktual'nye podkhody v zarubezhnoi nauke [Territory Branding and Culture: Current Approaches in Foreign Science]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics]. 2019, vol. 12, no. 2, pp. 102–114 (in Russian).

Malakhov, V., Letnyakov, D. Islam v vospriyatii rossiiskogo obshchestva: sravnitel'no-politicheskii aspekt [Islam in the perception of Russian society: comparative political aspect]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2018, vol. 36, no. 2, pp. 248–271 (in Russian). <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271>.

Malashenko A. V. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii* [Islamic revival in modern Russia]. Moscow, 1998, 222 p. (in Russian).

Mardanov D. Khasan-Gata Gabashi protiv missionera Evfimiya Malova: primer musul'mansko-khristianskoi polemiki kontsa XIX v. [Hasan “Ata Gabashi versus the Missionary Evfimiy Malov: An Example of Muslim-Christian Polemics of the Late 19th Century]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2020, vol. 38, no. 4, pp. 343–372 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-343-372>

Markova N. M., Shavaliyeva M. R. “Obraz” islama v rabotakh rossiiskikh avtorov rubezha XIX–XX vekov [The “image” of islam in the works of orthodox authors of the turn of the 19th–20th centuries]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanitarian bulletins of the TSPU named after. L. N. Tolstoy]. 2019, vol. 3, no. 31, pp. 117–125 (in Russian). <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-1-3-117-125>

Mchedlov M., Gavrilov Yu., Kofanova E., Shevchenko A. Konfessional'nye osobennosti religioznoi very i predstavlenii o ee sotsial'nykh funktsiyakh [Confessional features of religious faith and ideas about its social functions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2005, no. 6, pp. 56–69 (in Russian).

Mchedlova M. M. Mesto religii i religioznykh organizatsii v zhizni rossiiskogo obshchestva [The place of religion and religious organizations in the life of Russian society]. *Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiyan* [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians]. Moscow, 2018, pp. 217–238 (in Russian).

Mevliutov A. Sh., Gamzatov A. A. Problema sotsial'noi otvetstvennosti v islame [The problem of social responsibility in Islam]. *Minbar. Islamic Studies* [Minbar. Islamic Studies]. 2023, vol. 16, no. 1, pp. 117–125 (in Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-1-117-125>.

Morozov E. M. Obraz svyashchennika v sredstvakh massovoi informatsii [Clergy public image in Mass Media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2016, no. 6, pp. 184–193 (in Russian).

Muhetdinov D. V. Ot izdatelya [From the publisher]. *Islam v Moskve: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam in Moscow: encyclopedic dictionary]. Nizhny Novgorod: Medina Publishing House, 2008, 320 p. (in Russian).

Musina R. N. Religioznoe vozrozhdenie u tatar Tatarstana: identichnost', religioznye praktiki, etnokonfessional'nye tsennosti i ustanovki [Religious revival among the Tatars of Tatarstan: identity, religious practices, ethno-confessional values and attitudes]. *Tatary i islam v regionah Rossijskoj Federacii: religioznoe vozrozhdenie i etnichnost'* [Tatars and Islam in the regions of the Russian Federation: religious revival and ethnicity]. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014, pp. 43–83 (in Russian).

Ofitsial'nye Poslaniya Prezidenta Tatarstana Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Tatarstan za 2013–2019 gody [Official Messages of the President of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013–2019]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Respubliki Tatarstana* [The official website of the President of the Republic of Tatarstan]. URL: <http://president.tatar.ru/index.htm/news/227875.htm> (accessed: 21 June, 2024).

Ofitsial'nye Poslaniya Prezidenta Tatarstana Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Tatarstan za 2013–2019 gody [Official Messages of the President of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013–2019]. *Ofitsial'nyi Tatarstan* [The official Tatarstan]. URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/345897.htm> (accessed: 21 June, 2024).

Ofitsial'nye Poslaniya Prezidenta Tatarstana Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Tatarstan za 2013–2019 gody [Official Messages of the President of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013–2019]. *Postoyannoe predstavitel'stvo Respubliki Tatarstan v Sverdlovskoi oblasti* [Permanent Representation of the Republic of Tatarstan in the Sverdlovsk region]. URL: <https://tatur.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta-gosudarstvennomu-sovetu.htm> (accessed: 21 June, 2024).

Pateev R. F. Islamskii aktivizm i sotsiokul'turnye transformatsii v tatarskom soobshchestve [Islamic activism and sociocultural transformations in the Tatar community]. *Islam i religioznyy aktivizm v Respublike Tatarstan: Kollektivnaya monografiya* [Islam and religious activism in the Republic of Tatarstan: Collective monograph]. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021, pp. 13–71 (in Russian).

Pateev R. F. Religiozniy aktivizm v musul'manskikh soobshchestvakh: pereosmyslenie v postsekulyarnuyu epokhu [Religious Activism in Muslim Communities: Rethinking in the Post-Secular Era]. *Religiovedenie* [Religion Studies], 2020, no. 3, pp. 78–87 (in Russian). <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2020.3.78-87>.

Ragozina S. Zashchishchaya “traditsionnyi” islam ot “radikal'nogo”: diskurs islamofobii v rossiiskikh SMI [Protecting “Traditional Islam” from “Radical Islam”: Discourse of Islamophobia in the Russian Media]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2018, vol. 36, no. 2, pp. 272–299 (in Russian).

Romanova A. V. Formirovanie obraza pravoslaviya na rossiiskom televidenii [Formation of the image of Orthodoxy on Russian television]. *Mediatolerantnost' — 2020. Materialy*

II Regional'noi (Povolzhskoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii [Mediatolerance — 2020. Materials of the II Regional (Volga Region) scientific and practical conference]. Kazan, 2020, pp. 292–298 (in Russian).

Semenova A. V., Korsunskaya M. V. *Kontent- analiz SMI: problemy i opyt primeneniya* [Media content analysis: problems and experience of application]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2010, 324 p. (in Russian).

Sotsiologicheskij enciklopedicheskii slovar' [Sociological encyclopedic dictionary]. Moscow: Publishing house NORM, 2000, 488 p. (in Russian).

Tarshis E. Ya. *Perspektivy razvitiya metoda content — analiza* [Prospects for the Development of the Content Analysis Method]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M]. 2002, no. 15, pp. 71–92 (in Russian).

Tatary i islam v regionakh Rossiiskoi Federatsii: religioznoe vyrozhdenie i etnichnost' [Tatars and Islam in the regions of the Russian Federation: religious degeneration and ethnicity]. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Publishing house “Artifact”, 2014, 348 p. (in Russian).

Tupaeva A. S. *Obraz blagotvoritel'nosti v informacionnom prostranstve rossiiskikh sredstv massovoi kommunikatsii. Avtoreferat diss. kand. sots. nauk* [The image of charity in the information space of Russian mass media. Ph.D. Thesis in Sociological Sciences]. Maykop, 2013, 29 p. (in Russian).

Vyatkina T. Yu. *Reprezentatsii khristianstva v novostnykh programmakh svetskikh telekanalov* [Representations of Christianity in news programs of secular TV channels]. *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: Materialy IV Ocherednogo Vseros. sotsiol. kongressa* [Sociology and society: global challenges and regional development: Materials of the IV Ordinary All-Russian. sociol. Congress]. Moscow: ROS, 2012, p. 4691 (in Russian).

Vyatkina T. Yu. *Reprezentatsiya khristianstva v konfessional'nykh SMI (na primere telekanala “Soyuz”)* [Representation of Christianity in confessional media (using the example of the Soyuz TV channel)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2013, vol. 29, no 13 (304), pp. 11–13 (in Russian).

Yasaveev I. G. *Konstruirovaniye sotsial'nykh problem sredstvami massovoi kommunikatsii* [Construction of social problems by means of mass communication]. Kazan: Publishing house Kazansk. University, 2004, 200 p. (in Russian).

Zhuravskii A. V. *Ocherki khristiano-musul'manskikh otnoshenii: Khrestomatiya dlya teologicheskogo, religiovedcheskogo i drugih gumanitarnykh napravlenii i spetsial'nostei vysshikh uchebnykh zavedenii* [Essays on Christian-Muslim relations: A reader for theological, religious studies and other humanitarian areas and specialties of higher educational institutions]. Moscow: St. Philaret Orthodox Christian Institute, 2014, 192 p. (in Russian).

Zimova N. S., Fomin E. V. *Mediinyi obraz Russkoi pravoslavnoi tserkvi i vyzov pandemii* [Media image of the Russian Orthodox Church and the challenge of the pandemic]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital sociology]. 2021, vol. 4, no. 4, pp. 81–91 (in Russian). <https://doi.org/0.26425/2658-347X-2021-4-4-81-91>

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Принята к публикации: 02.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 297

DOI 10.14258nneur(2025)3–12

*П. К. Дашковский, Е. А. Шершнёва**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена проблеме социально-экономической адаптации мусульманского населения на территории Енисейской губернии в рамках модернизационных процессов, происходивших в российском обществе во второй половине XIX — начале XX в. Работа подготовлена на основе анализа нормативно-правовых актов, а также архивных материалов, представленных в фондах Государственного архива Красноярского края. Авторы обращают внимание на то, что, несмотря на проводимые в стране реформы, территория Енисейской губернии даже в начале XX в. продолжала оставаться преимущественно краем ссыльных, что, безусловно, оказывало влияние на социальный состав населения, а также его экономическое положение. Русское старожильческое население с неохотой принимало мусульман-поселенцев, что объясняется социальной и экономической неустроенностью большей их части. Анализ источников позволил авторам прийти к выводу, что старожилы не испытывали к мусульманам неприязни по этническому признаку, а все конфликты имели экономическую основу, где религиозный фактор носил косвенный характер. Испытывая экономические затруднения, мусульмане, особенно имеющие статус ссыльнопоселенцев, стремились закрепиться в городе и причислиться к сословию мещан.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Енисейская губерния, Сибирь, государственно-конфессиональная политика, Российская империя

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Шершнёва Е. А. Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30 № 3. С. 223–237.
DOI 10.14258nneur(2025)3–12.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>.

Шершнёва Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

P. K. Dashkovskiy, E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE ETHNO-RELIGIOUS FACTOR IN THE SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION OF THE MUSLIM POPULATION OF THE YENISEI PROVINCE IN THE XIX — EARLY XX CENTURIES

The article is devoted to the problem of socio-economic adaptation of the Muslim population in the territory of the Yenisei province within the framework of modernization processes that took place in Russian society in the second half of the XIX — early XX centuries. The work was prepared on the basis of an analysis of normative legal acts, as well as archival materials presented in the collections of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory. The authors draw attention to the fact that despite the reforms carried out in the country, the territory of the Yenisei province, even at the beginning of the XX century, continues to be mainly the land of exiles, which undoubtedly had an impact on the social composition of the population, as well as its economic situation. The Russian old-timers were reluctant to accept Muslim settlers, which is explained by the social and economic instability of most of them. An analysis of the sources allowed the authors to conclude that the old-timers did not dislike Muslims on ethnic grounds, and all conflicts had an economic basis, where the religious factor was indirect. Experiencing economic difficulties, Muslims, especially those with the status of exiled settlers, sought to establish themselves in the city and be counted among the bourgeoisie.

Keywords: Islam, Muslims, Yenisei province, Siberia, state and confessional politics, Russian Empire

For citation:

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. The ethno-religious factor in the socio-economic adaptation of the Muslim population of the Yenisei province in the XIX — early XX centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 25. No. 3. P. 223–237 (in Russian). DOI. 10.14258neur(2025)3–12.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpm.asu.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>.

Shershneva Elena Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** D2703@yandex.ru; 0000-0001-6766-6438

Введение

На протяжении всей истории существования Российского государства вопрос совместного проживания различных этнических групп на одной территории являлся весьма значимым. С социально-политическими и экономическими изменениями, происходящими в стране, проблема адаптации этнических групп в социальной среде стала ощущаться еще острее. Вливание в иную культурную среду требовало от представителей этнических групп пересмотра прежнего образа жизни, а также очень часто стереотипов поведения и социальных норм. На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи начинаются активные миграционные процессы, которые формируют потребность в единстве национальных окраин империи. Русские поселенцы должны были научить инородцев не только ведению хозяйства по русскому образцу, но и способствовать духовному сплочению в полиэтническом регионе империи [Дамешек, 2008: 196–201].

В последние годы в отечественной историографии особое внимание начинает уделяться вопросам модернизации российского общества на рубеже XIX — начала XX в. [Зубков, Побережников, Шумкин, 2020: 106–126; Центр и регионы: экономическая политика..., 2021]. При этом особого внимания исследователей заслуживает проблема включения окраинных территорий, к которым относилась и Сибирь, в общеимперское социально-экономическое и правовое пространство [Карих, 2008: 64–67; Ремнев, Суворова, 2013]. Основываясь на обширном круге источников, исследователям удается выявить принципы освоения окраинных территорий Российской империи, а также сформировать представление о межэтническом и межрелигиозном диалоге населения Сибири. Особое внимание ученых уделяется мусульманскому населению, проживающему на территории Сибири, а именно его демографическому состоянию, социально-профессиональной структуре и хозяйственной деятельности [Брюханова, Неженцева, Чекрыжова, 2021: 135–154; Павлинова, Старостин, Ярков, 2018; Константинова, Бондаренко, 2021: 32–36].

Целью данного исследования является выявление роли этнорелигиозного фактора в процессе социально-экономической адаптации пришлого мусульманского населения

на территории Енисейской губернии. Для достижения поставленной цели авторы обратили свое внимание на статистические данные, отражающие численность и этнический состав мусульманского населения региона, а также демонстрирующие социальный состав населения, исповедующего ислам.

Источниковая база исследования представлена различными видами источников. Анализ статистических источников, а именно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., отчетов Енисейского гражданского губернатора о состоянии Енисейской губернии, памятных книжек Енисейской губернии, обзоров Енисейской губернии позволили представить численный, а также этносоциальный состав населения Енисейской губернии, исповедующего ислам. Использование архивных материалов, представленных в фондах Государственного архива Красноярского края (Ф. 162. Красноярская городская мещанская управа Красноярской городской управы, Красноярск, Енисейской губернии; Ф. 595. Енисейское губернское управление Министерства внутренних дел), позволяет выявить проблемы социальной адаптации мусульманского населения, а также показать проблемы межэтнического взаимодействия на территории изучаемого региона.

Методологической основой исследования является теория модернизации, позволяющая проанализировать положения мусульманского населения на территории Енисейской губернии в условиях социально-экономических преобразований, происходивших в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. Концепция «фронтирной модернизации» позволяет рассмотреть социально-экономическое положение мусульманского населения на территории Енисейской губернии, а также продемонстрировать проблемы межэтнического диалога в регионе.

Численность, этнический и социальный состав мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.

Во второй половине XIX в. на территории Енисейской губернии наблюдался рост численности мусульманского населения. Если в 1853 г., согласно Отчету Енисейского гражданского губернатора, мусульман в губернии насчитывалось 172 человека, то уже спустя 10 лет, в 1863 г., их численность составляла 600 человек. В начале XX в., по данным на 1913 г., число мусульман в губернии достигло 12384 человек [Отчет Енисейского гражданского губернатора о состоянии Енисейской губернии за 1853 г.; Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 г., 1865; Обзор Енисейской губернии за 1913 год, 1914]. Согласно данным Первой всероссийской переписи населения, в Енисейской губернии в 1897 г. проживали 5027 мусульман. При этом в городах значилось 1370 человек — 27,3% от всего населения губернии, исповедующего ислам, и 3657 человек (72,7%) проживали в сельской местности [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII: 50–51].

В Енисейской губернии мусульманское население было представлено преимущественно татарами, которые проживали в Ачинском, Канском, Красноярском и Минусинском округах губернии [Патканов, 1911. Т. 2: 321–324]. По мнению Н.А. Томилова и С.Н. Корусенко, основывающихся на архивных материалах, а также статистических данных, подготовленных С.К. Паткановым, на рубеже XIX–XX вв. в Сибири возрастает численность татарского мусульманского населения Поволжья и Приуралья [Кору-

сенко, Томилов, 2011: 177–185]. На территории Енисейской губернии к 1897 г. мусульмане-переселенцы составляли 60,75% от коренного населения губернии, исповедующего ислам [Ярков, Старостин, 2021].

Значительный рост мусульманского населения, относящегося к категории переселенцев, связан с начавшейся в стране во второй половине XIX в. аграрной реформой, сопровождавшейся переселенческими процессами на слабозаселенные территории. Во второй половине XIX в. расширяется также этнический состав мусульманского населения Сибири. На территории Енисейской губернии к началу XX в. переселенцы из регионов Кавказа и Средней Азии составили по 1% от всего приезжего населения [Баранцева, 2009: 33–40; Шершнева, 2024. Т. 29: 145–169].

Несмотря на увеличение численности мусульманского населения за счет переселенцев, следует отметить, что Енисейская губерния долгое время почти не была затронута данными процессами. Лишь в начале XX в., когда был практически исчерпан земельный фонд в западносибирских губерниях, переселенческий поток направляется в Восточную Сибирь [Федорова, 2020: 477–494]. При этом следует отметить, что с 1885 по 1887 г. на юг Енисейской губернии переселилось 1080 семей вольнопоселенцев, а в 1891 г. сюда переехали 4000 человек.

Кроме переселенческого и автохтонного компонента, мусульманская община Сибири пополнялась за счет ссыльных. Начиная с XVIII в. Сибирь рассматривалась российским правительством как наиболее пригодный регион для отбывания наказания за разного рода преступления. Впоследствии, уже к XIX в., ссыльные стали некоторой проблемой сибирских сел, на что обращали внимание сибирские публицисты того времени. Однако такие меры являлись отчасти оправданными, так как ссылка была важна для тех мест, куда люди не ехали добровольно [Казаркин, 2008: 31–40; Константинова, Бондаренко, 2018: 3–7].

Еще одним источником увеличения численности мусульманского населения на территории Енисейской губернии стала миграция из-за рубежа. В целом на территорию России в период с 1828 по 1915 г. прибыло 4,15 млн человек [Птицын, 2009: 173–181]. В Сибири, в частности в Енисейской губернии, численность мигрантов из Турции, Бухары и Персии, по данным Первой Всероссийской переписи населения, была невелика и составила 15 человек (8,4% всех иностранцев) [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII: 48–49].

Такой принцип формирования мусульманских общин на территории Енисейской губернии оказывал влияние и на их социальный состав. Согласно Первой Всероссийской переписи населения, 27,3% (1370 человек) мусульман Енисейской губернии проживал в городах. Данный процент был самым высоким на территории Сибири. Однако следует отметить, что численность мусульман в городах менялась в зависимости от времени года за счет сезонных работ. Наиболее распространенными видами занятий среди татар-мусульман были торговля, извоз, работа в сфере обслуживания [Брюханова, Неженцева, Чекрыжова, 2021: 135–154]. При этом больше всего мусульманского населения было задействовано в сфере обслуживания. Согласно имеющимся статистическим данным, в Енисейской губернии в данной области было задействовано 23,9% населения, исповедующего ислам. Извозом занималось 2,4% мусульман, проживаю-

щих в губернии [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII: 116–155].

Достаточно высоким был процент мусульманского населения губернии, занятого в торговой деятельности. Так, согласно Первой Всеобщей переписи населения, в Енисейской губернии процент мусульман, занятых в сфере торговли, составил 5,4% от всего населения губернии, вовлеченного в данную отрасль. При этом следует отметить, что в Енисейской губернии 84% мусульманского населения, согласно статистическим данным, была занята в сельскохозяйственной деятельности [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII: 116–155]. Однако, на наш взгляд, следует отметить, что такое распределение населения по роду занятий осуществляется на основании принадлежности к языковой группе, что позволяет нам выявить только основные тенденции занятости населения, принадлежавшего к конкретной конфессиональной группе.

Наиболее представительным сословием после крестьян и инородцев среди мусульманского населения были мещане. При этом о прослойке интеллигенции среди мусульман Енисейской губернии вообще не следует говорить [Константинова, Бондаренко, 2021: 32–36]. Согласно переписи населения 1897 г., в Енисейской губернии мещане составляли 7,7% мусульманского населения [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII: 166–167]. Такой расчет берется с учетом языковой принадлежности мусульманского населения, проживающего в регионе.

Слабая вовлеченность мусульманского ссыльного населения в аграрный сектор страны подтверждается статистическими данными на 1 января 1898 г., согласно которым по Красноярскому, Енисейскому, Канскому и Ачинскому округам лишь 7,4% ссыльных имели свои хозяйства. Такое экономическое положение ссыльного населения приводило к их уходу на заработки [Соловьева, 1983: 214–226]. К сожалению, какой процент из этой категории населения составляли мусульмане, установить не удалось. Однако общая тенденция позволяет нам судить об актуальности данной проблемы и для мусульманского населения, имеющего статус ссыльных. К тому же факт отправления ссыльных мусульман на прииски подтверждают архивные данные [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309].

Хозяйственная адаптация пришлого мусульманского населения на территории Енисейской губернии

До начала массовой миграции среди сельского население Енисейской губернии преобладали родственные в этническом и конфессиональном отношении группы, большую часть из которых составляли русские, украинцы и белорусы. Второй по численности группой являлось коренное тюркоязычное население, которое было близко к крестьянству по своему социальному облику, хотя в некоторой степени их хозяйственный уклад различался. Иноэтничный компонент в селах составляли в основном потомки ссыльнопоселенцев, которые также старались расселяться компактно [Федорова, 2020: 477–494].

Во второй половине XIX в. мусульмане Сибири представляли собой в основном сельские общества, проживающие в небольших деревнях. Оказавшись на территории Сибири, они стремились воссоздать в условиях чуждой среды элементы прежнего хо-

зяйственного уклада и социальной организации. Таким образом, формировалась групповая стратегия адаптации мусульманского населения в сибирском крае по принципу религиозной консолидации, происходила практически безболезненная инкорпорация в сибирскую культуру [Нам, 2014: 34–49].

Пытаясь легализовать свое положение в Енисейской губернии, ссыльные из мусульман подавали прошения о причислении их к общинам старожилов. Так, 21 июня 1874 г. была направлена докладная записка господину Енисейскому гражданскому губернатору от мусульман Ф. Абдуллова и Б. Миндубаева, в которой они просили ускорить процесс причисления их к крестьянскому обществу Яланской волости. Решение о причислении в крестьянское общество было принято полицейским управлением еще 6 июля 1873 г. В 1875 г. председателем губернского правления было сообщено, что указанные ссыльные татары имеют податные недоимки, которые следует изначально погасить, прежде чем быть причисленными к крестьянскому обществу [ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 152. Л. 1, 7].

Определенные сложности для причисления мусульман к крестьянским обществам представлял и факт их крещения. Так, на основании действующего законодательства мусульмане, принимающие православие, должны причисляться к русским селениям и освобождаются от налогов и податей на три года, что вызывало недовольство со стороны их единоверцев. Данный факт подтверждается документами, направленными Енисейскому гражданскому губернатору в 1874 г. по вопросу причисления мусульманина Нижегородской губернии, принявшему православие, к крестьянской общине православного вероисповедания [ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 152. Л. 1–2 об.].

В некоторых случаях ссыльные, которым удалось обзавестись собственным хозяйством, стремились его укрепить за счет родственников. Примером этого может служить ходатайство поселенца Вознесенской волости с. Березовского М. Узбекова, направленное в апреле 1885 г. в Губернское правление. В своем прошении он указывал, что был сослан в Сибирь ещё в 1869 г. вместе со своей семьёй, однако сыновья его оказались причислены к другим селам, а исправник настаивает на их проживании по месту приписки. В связи с тем, что сам он вести свое хозяйство уже не может, М. Узбеков просил Губернское правление разрешения причислить его сыновей по месту его проживания. Однако крестьяне с. Березовского, обеспокоенные имеющимися за сыновьями М. Узбекова недоимками, просили их долги за обществом не закреплять [ГАКК. Ф. 595. Оп. 27. Д. 3221].

В рамках проводимых реформ в 1896 г. был принят закон о землеустройстве в ряде сибирских губерний [ПСЗ — III. Т. XVI. Ч. 1. № 12998], согласно которому были сделаны попытки регламентации землеустройства в сельских общинах Сибири. Однако все столкновения, возникающие в данный период на территории Енисейской губернии, не имели под собой национальной подоплёки [Хоменко, 2012: 396–402].

В начале XX в. на территории Енисейской губернии увеличивается число мусульманского населения, имеющего социальный статус переселенцев. Таким образом, в процессе проводимых Столыпинских реформ на территорию Енисейской губернии переезжают татары из Казанской губернии. Данная группа татарского населения сосредотачивалась в основном в деревнях, где включалась в крестьянский быт. Переселенцы также

испытывали определенные затруднения при получении земельных наделов. Как правило, им доставались малоплодородные, удаленные от дорог участки в лесных массивах. Лишь в редких случаях, как в Бельской волости Енисейской губернии, было образовано несколько десятков переселенческих участков. В поселки такого плана, как правило, позднее подсеялись единоверцы татар-мусульман [Павлинова, Старостин, Ярков, 2018: 183–184]. Переселенцы стремились селиться в старожильческих селениях. Однако наряду с сельским населением на территории Енисейской губернии в исследуемый период отмечается существенный рост городского населения [Баранцева, 2009: 33–40].

В XIX в. произошло существенное оживление экономической, политической и культурной жизни на территории Сибири. Развитие экономики региона способствовало росту городов, а также увеличению численности городского населения. За период XIX в. численный состав горожан увеличился в 2,5 раза. Возрастало число и ссыльнопоселенцев в городах. Однако ссыльные приписывались преимущественно к деревням отдельных волостей в связи с их происхождением.

Второй по числу конфессиональной группой в городах Сибири являлись мусульмане [Климачков, Гамалей, 2019: 10–15]. Большинство мусульман, оказавшихся на территории Енисейской губернии в качестве ссыльнопоселенцев, стремились быть причислены к мещанскому сословию. Ссыльные преобладали в Енисейской губернии вплоть до 1892 г. Данная группа населения была ориентирована преимущественно на наемный труд и ремесленное производство. Незаинтересованность в организации крестьянских хозяйств оказывала влияние на выстраивание поземельных отношений в регионе. Так, в Енисейской губернии земельные тяжбы были нечастым явлением [Кариш, 2008: 64–67].

В 1876 г. разбиралось дело Юсупова, поселенца из казахов, о причислении его к обществу мещан Енисейска. Енисейской казенной палатой была направлена губернатору информация, в которой было отмечено, что ранее поступало распоряжение об отправке данного поселенца на родину. Однако на основании поданного им прошения, не имея никаких препятствий, Казенная палата в соответствии со ст. 435, 437, 438 IX т. Закона о состоянии не видит никаких препятствий в удовлетворении его ходатайства [ГАКК. Ф. 595. Оп. 17. Д. 555].

Аналогичная проблема была поднята в Красноярске. Так, Енисейским гражданским губернатором в 1886 г. было направлено предписание Красноярскому полицмейстеру о выяснении, нет ли каких-либо препятствий в удовлетворении прошения поселенца Минской волости Гасана кули Сагин-Бека Оглы в проживании его в Красноярске и ведении там мелкой торговли. На данное предписание Красноярский полицмейстер сообщал, что никаких препятствий в удовлетворении данного ходатайства не видит, так как указанный ссыльнопоселенец ни в чем предосудительном не был замечен [ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 3155].

Несмотря на то, что ряд ссыльных обращались в губернские органы с просьбами о причислении их к мещанскому сословию, и данные просьбы удовлетворялись, в 1889 г. Мещанской управой Красноярска было принято решение об отказе принимать в свое общество лиц из татар, так как, по мнению представителей мещанского общества, они являлись неблагонадежными [ГАКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 41. Л. 2]. Однако следует отметить,

что потребность в причислении к мещанскому сословию объяснялась образом жизни, который вели ссыльные у себя на родине. Так, в Енисейскую экспедицию о ссыльных в 1889 г. было направлено прошение Корбулая Гусен Паша оглы, выполняющего функции цирюльника и кузнеца в Енисейске. В связи этим он просил разрешить ему проживать в этом городе. При этом в своем прошении он указывал, что полицейское управление относилось к нему предвзято, обвиняя его в неодобрительном образе жизни [ГАКК. Ф. 595. Оп. 16А. Д. 3037. Л. 1–1 об., 19–19 об., 21–22].

Такое желание ссыльнопоселенцев быть причисленными к мещанским и сельским обществам Енисейской губернии объяснялось попытками устроить свою жизнь на территории, куда они оказались выдворены для несения наказания. Следует отметить, что были прецеденты остаться в губернии и у подданных других государств. Так, в 1898 г. Енисейскому губернатору было направлено прошение от ссыльного из мусульман персидского подданного с просьбой снять с него статус ссыльного и причислить его к мещанскому обществу Красноярска, где он проживает и ведет свою деятельность. В прошении также было отмечено, что возвращаться на родину он не хочет, так как там нет родственников, он готов принять русское подданство [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2183. Л. 2–2 об.]. Красноярским городским полицейским управлением был направлен рапорт Енисейскому губернатору, в котором указывалось, что отбывающий наказание в Красноярске персидский подданный добропорядочного поведения, под судом и следствием за период своего проживания в городе не состоял. Кроме того, он не имел ни семьи, никакого имущества [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2183. Л. 12–12 об.]. Министерством внутренних дел на имя Енисейского губернатора в 1900 г. были направлены сведения, в которых указывалось, что получение российского подданства возможно только с разрешения персидского правительства [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2183. Л. 33–33 об.].

Преобладание мещанского сословия среди мусульманского населения Енисейской губернии подтверждают и данные Всероссийской переписи населения 1897 г. На основании полученных данных в татарской среде преобладало мещанское сословие, аналогичная ситуация была и с кавказскими горцами [Константинова, Бондаренко, 2021: 32–36].

В целом реформы, начатые во второй половине XIX в., касающиеся переселения крестьян в Сибирь, должны были решить проблемы как малоземелья, так и заселения малолюдного края. В ряде волостей из-за масштабной ссылки число причисленных ссыльных равнялось числу старожилов, а иногда и превышало его. При этом ссыльные, не привычные к сельскому труду, начинали бродяжничество, совершали кражи и т. п. Таким образом, такая политика государства, направленная на заселение региона ссыльнопоселенцами, приводила к ухудшению криминогенной обстановки в регионе [Ремнев, Суворова, 2013: 54]. Несмотря на проводимые реформы на рубеже XIX–XX вв. среди мусульманского населения Енисейской губернии, по-прежнему, преобладающее место занимали ссыльнопоселенцы, о чем свидетельствует половозрастная диспропорция в их среде [Брюханова, Неженцева, Чекрыжова, 2021: 135–154]. Кроме того, следует отметить, что в отличие от других вероисповеданий в мусульманской среде слабо было развито отправление к местам ссылок семьями. Большая часть мусульман ста-

ралась селиться в городах. Этому способствовал распространенный среди них образ жизни. Данный факт подтверждается и подаваемыми прошениями.

Заключение

Такими образом, следует отметить, что территория Сибири на протяжении нескольких столетий складывалась как полиэтнический регион, где первостепенным признаком консолидации этнических групп являлся конфессиональный фактор. Особое внимание при изучении процесса освоения Сибири следует уделить Енисейской губернии, так как этот регион долгое время оставался слабо заселенным. О преобладании ссыльно-поселенцев даже в начале XX в. свидетельствуют данные половозрастного состава мусульманского населения края. Принадлежность значительной части мусульман к данной социальной группе вызывала к ним настороженное отношение среди коренного населения. К тому же слабая экономическая обустроенность большей части ссыльно-поселенцев приводила к непринятию со стороны старожилов данной части населения региона. Испытывая экономические затруднения, мусульмане, особенно имеющие статус ссыльнопоселенцев, стремились закрепиться в городе и причислиться к мещанскому сословию. Однако их статус в Енисейской губернии формировал среди местного населения представление о них как о неблагонадежных лицах.

Имперские власти видели в мусульманах компонент, способствующий освоению Сибирского края. Местное население, не испытывая этнической враждебности к представителям мусульманской культуры, относилось к ним весьма настороженно и не было готово принимать их в свою социально-экономическую среду. Связано это было также и с тем, что большинство мусульман, оказавшихся на территории Енисейской губернии, не имели крепкой экономической основы.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23–18–00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

Acknowledgments and funding

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23–18–00117 “The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia.”

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранцева Н.А. Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX — начале XX века: этосоциальные и демографические аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38. С. 33–40.

Брюханова Е.А., Неженцева Н.В., Чекрыжова О.И. Мусульманское население в городах Сибири: по материалам переписи 1897 года // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 4. С. 135–154.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 162. Оп. 1. Д. 41.

- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 8. Д. 309.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 8. Д. 2183.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 16А. Д. 3037.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 17. Д. 555.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 19. Д. 152.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 19. Д. 3155.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 27. Д. 3221.
- Дамешек А. М. К вопросу о реализации проекта «Большой русской нации» в конце XIX — начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. 2008. № 1. С. 196–201.
- Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н. Формирование политики модернизации имперских окраин России в конце XIX в.: предложения и проекты А. С. Ермолова // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 4. С. 106–126.
- Казаркин А. П. Этапы колонизации Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2. С. 31–40.
- Карих Е. В. Поземельные отношения в Енисейской губернии между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 64–67.
- Климачков В. М., Гамалей С. Ю. К вопросу о формировании городского населения Сибири в XIX веке и его политико-правовой культуре // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 10–15.
- Константинова Н. А., Бондаренко О. В. Мусульмане Восточной Сибири конца XIX века: сословная принадлежность и образовательный уровень // Theories and Problems of Political Studies. 2021. Т. 10. Вып. 1А. С. 32–36.
- Константинова Н. А., Бондаренко О. В. Этнический состав мусульман Восточной Сибири на рубеже XIX–XX веков // Theories and Problems of Political Studies. 2018. Т. 7. Вып. 3А. С. 3–7.
- Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Татары Сибири в XVIII — начале XX вв.: расселение, численность и социальная структура // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 177–185.
- Нам И. В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX — начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 10. С. 34–49.
- Обзор Енисейской губернии за 1913 год. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1914. 81 с.
- Отчет Енисейского гражданского губернатора о состоянии Енисейской губернии за 1853 г. // FromThePage. URL: <https://fromthepage.sfu-kras.ru/lib/governors-reports/report-1853> (дата обращения: 10.09.2023).
- Павлинова Р. Н., Старостин А. Н., Ярков А. П. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX — начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. 490 с.
- Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 г. СПб. : Типография К. Вульфа, 1865. 345 с.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб. : Типография Ш. Буссель, 1911. Т. 2. 431 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. LXXXIII. Енисейская губерния. 185 с.

Полное Собрание Законов Российской империи — III. 1899. Т. XVI. Ч. 1. № 12998.

Птицын А. Н. Австро-венгерская иммиграция в Россию во второй половине XIX — начале XX в. и ее экономическое значение // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/3. С. 173–181.

Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.

Соловьева Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1983. С. 214–226.

Федорова В. И. Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков: социально-демографическая динамика // Научный диалог. 2020. № 11. С. 477–494.

Хоменко Д. Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 4. С. 396–402.

Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2021. 660 с.

Шершнева Е. А. Основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 1. С. 145–169.

Ярков А. П., Старостин А. Н. Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. 300 с.

REFERENCES

Barantseva N. A. Pereselenie v Eniseiskuyu guberniyu vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: etnosotsial'nye i demograficheskie aspekty [Resettlement to the Yenisei province in the second half of the XIX — early XX century: ethosocial and demographic aspects]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2009, no. 38, pp. 33–40 (in Russian).

Bryukhanova E. A., Nezhentseva N. V., Chekryzhova O. I. Musul'manskoe naselenie v gorodakh Sibiri: po materialam perepisi 1897 goda [The Muslim population in the cities of Siberia: based on the census of 1897]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2021, no. 4, pp. 135–154 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)]. Fund 162. Inventory 1. File 41 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [GAKK]. Fund 595. Inventory 16A. File 3037 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [GAKK]. Fund 595. Inventory 17. File 555 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [GAKK]. Fund 595. Inventory 19. File 152 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [GAKK]. Fund 595. Inventory 19. File 3155 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [GAKK]. Fund 595. Inventory 27. File 3221 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [GAKK]. Fund 595. Inventory 8. File 2183 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [GAKK]. Fund 595. Inventory 8. File 309 (in Russian).

Dameshek L. M. K voprosu o realizatsii proekta “Bol'shoi russkoi natsii” v kontse XIX — nachale XX v. [On the issue of the implementation of the project “The Great Russian Nation” in the late XIX — early XX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya Irkutsk State University]. 2008, no. 1, pp. 196–201 (in Russian).

Zubkov K. I., Berezhnikov, I. V., Shumkin, G. N. Formirovanie politiki modernizatsii imperskikh okrain Rossii v kontse XIX v.: predlozheniya i proekty A. S. Ermolova [Formation of the policy of modernization of the imperial outskirts of Russia at the end of the XIX century: proposals and projects of A. S. Ermolov] *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2020, no. 4, pp. 106–126 (in Russian).

Kazarkin A. P. Etapy kolonizatsii Sibiri [Stages of colonization of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2008, no. 2, pp. 31–40 (in Russian).

Karikh E. V. Pozemel'nye otnosheniya v Eniseiskoi gubernii mezhdru korennyim i prishlym naseleniem vo vtoroi polovine XIX v. [Land relations in the Yenisei province between the indigenous and the alien population in the second half of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2008, no. 307, pp. 64–66 (in Russian).

Klimachkov V. M., Gamalei S. Yu. K voprosu o formirovanii gorodskogo naseleniya Sibiri v XIX veke i ego politiko-pravovoi kul'ture [On the formation of the urban population of Siberia in the XIX century and its political and legal culture]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought]. 2019, no. 1, pp. 10–15. (in Russian).

Konstantinova N. A., Bondarenko O. V. Musul'mane Vostochnoi Sibiri kontsa XIX veka: soslovnaya prinadlezhnost' i obrazovatel'nyi uroven' [Muslims of Eastern Siberia at the end of the XIX century: class affiliation and educational level]. *The ories and Problems of Political Studies* [Theories and Problems of Political Studies]. 2021, vol. 10, iss. 1A, pp. 32–36 (in Russian).

Konstantinova N. A., Bondarenko O. V. Ehtnicheskii sostav musul'man Vostochnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vekov [The ethnic composition of Muslims in Eastern Siberia at the turn of the XIX–XX centuries]. *The ories and Problems of Political Studies* [The ories and Problems of Political Studies]. 2018, vol. 7, iss. 3A, pp. 3–7 (in Russian).

Korusenko S. N., Tomilov N. A. *Tatary Sibiri v XVIII — nachale XX vv.: rasselenie, chislennost' i sotsial'naya struktura* [Tatars of Siberia in the XVIII — early XX centuries: settlement, number and social structure]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2011, no. 2, pp. 177–185 (in Russian).

Nam I. V. *Institutsionalizatsiya etnichnosti v sibirskom pereselencheskom obshchestve (konets XIX — nachalo XX v.)* [Institutionalization of ethnicity in the Siberian resettlement society (late XIX — early XX century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya Irkutsk State University]. 2014, vol. 10, pp. 34–49 (in Russian).

Obzor Eniseiskoi gubernii za 1913 god [Overview of the Yenisei province in 1913]. Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing House, 1914, 81 p. (in Russian).

Otchet Eniseiskogo grazhdanskogo gubernatora o sostoyanii Eniseiskoi gubernii za 1853 g. [Report of the Yenisei Civil Governor on the state of the Yenisei Province in 1853]. URL: <https://fromthepage.sfu-kras.ru/lib/governors-reports/report-1853/> (accessed September 10, 2023) (in Russian).

Pavlinova R. N., Starostin A. N., Yarkov A. P. *Musul'manskie obshchiny Aziatskoi chasti Rossiiskoi imperii v seredine XIX — nachale XX v.: po materialam uchetykh vedomostei OMDs*. [Muslim communities of the Asian part of the Russian Empire in the middle of the XIX — early XX century: based on the materials of the OMDs accounting statements]. Kazan: Publishing House of Kazan University, 2018, 490 p. (in Russian).

Patkanov S. K. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri* [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia]. St. Petersburg: Sh. Printing House. Bussel, 1911, vol. 2, 431 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House Of the II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1899, collection III, vol. XVI, no. 12998 (in Russian).

Ptitsyn A. N. *Avstro-vengerskaya immigratsiya v Rossiyu vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. i ee ekonomicheskoe znachenie* [Austro-Hungarian Immigration to Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries and Its Economic Significance]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University]. 2009, no. 4/3, pp. 173–181 (in Russian).

Remnev A. V., Suvorova N. G. *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the XIX — early XX century]. Omsk: Nauka Publishing House, 2013, 248 p. (in Russian).

Solovyova E. I. *Rasselenie i polozhenie ssyl'nykh v Sibiri vo vtoroi polovine XIX v.* [Settlement and situation of exiles in Siberia in the second half of the XIX century.]. *Politicheskie ssyl'nye v Sibiri (XVIII — nachalo XX v.)*. [Political exiles in Siberia (XVIII — early XX century)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, pp. 214–226 (in Russian).

Fedorova V. I. *Sel'skoe naselenie Eniseiskoi gubernii na rubezhe XIX–XX vekov: sotsial'no-demograficheskaya dinamika* [Rural population of the Yenisei province at the turn of the XIX–XX centuries: socio-demographic dynamics]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2020, no. 11, pp. 477–494 (in Russian).

Khomenko D. Yu. *Mezhetnicheskie otnosheniya mezhdru korennyim i russkim naseleniem na yuge Eniseiskoi gubernii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)* [Interethnic relations between the indigenous and Russian populations in the south of the Yenisei province (the second half of the XIX — early XX centuries)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev]. 2012, no. 4, pp. 396–402 (in Russian).

Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917) [Center and Regions: the Economic Policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)]. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2021, 660 p. (in Russian).

Shershneva E. A. *Osnovnye napravleniya gosudarstvenno-konfessional'noi politiki v otnoshenii musul'manskikh obshchin Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [The main directions of state-confessional policy towards the Muslim communities of Eastern Siberia in the second half of the XIX — early XX century]. *Nations and religions of Eurasia*. 2024, no. 1, vol. 29, pp. 145–169 (in Russian).

Yarkov A. P., Starostin A. N. *Islam ot Urala do Kamchatki v panorama vekov* [Islam from the Urals to Kamchatka in the panorama of centuries]. Tyumen: Tyumen State University Press, 2021, 300 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.10.2024

Принята к публикации: 30.06.2025

Дата публикации: 30.09.2025

УДК 930

DOI 10.14258nneur(2025)3–13

*С. Р. Чеджемов**Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Владикавказ (Россия)*

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА КАВКАЗЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Конфессиональная история народов Российской Федерации в современных условиях имеет не только чисто историко-аналитический аспект, но и весомую практическую значимость в условиях необходимости использования позитивного опыта прошлого в деле гармонизации межэтнических и конфессиональных отношений. Россия как государство-цивилизация сложилась издавна, однако этот процесс все еще не исследован в должной мере как в силу определенных сословных имперских предпочтений в до-революционной время, так и классовых стереотипов, довлевших над обществом в советскую эпоху. Государство Российское и православная церковь были во многом едины вплоть до декрета В. И. Ленина об отделении церкви от государства. В отношении иных традиционных религий и верования проводилась веротерпимая политика, дающая возможность занимать крупные государственные должности и получать высшие воинские звания не только православным.

Народы Кавказа в XIX — начале XX в. находились юридически в составе Российской империи и их жизнедеятельность, помимо общеимперского законодательства, регламентировалась и локальными актами, что в отличие от законодательства иных империй тех лет, гарантировало им сохранение свободы совести. Автор не согласен с утверждением, что имперская власть террором уничтожала в Осетии традиции настоящего христианства, ислама и народных верований. В статье, на основе анализа материалов народов Кавказа, характеризуются государственно-конфессиональные отношения в русле внутренней политики страны, подчёркивается историческая преемственность гуманистической политики центральной российской власти в национальном регионе страны.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, Владикавказско-Моздокская епархия, Владикавказские епархиальные ведомости, христианство, ислам, мухаджирство, секты, духовная культура

Для цитирования:

Чеджемов С. Р. Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 3. С. 238–250.
DOI 10.14258nneur(2025)3–13.

Чеджемов Сергей Русланович, кандидат исторических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета), Владикавказ, Россия. **Адрес для контактов:** srchedgemov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2260-3016>.

S. R. Chedzhemov

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Vladikavkaz (Russia)

STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE CAUCASUS IN THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

The confessional history of the peoples of the Russian Federation in modern conditions has not only a purely historical and analytical aspect, but also a significant practical significance in the context of the need to use the positive experience of the past in the harmonization of interethnic and confessional relations. Russia, as a state-civilization, has been formed for a long time, but this process has not yet been properly studied both due to certain class imperial preferences in the pre-revolutionary time, and class stereotypes that dominated society in the Soviet era. The Russian state and the Orthodox Church were in many respects united until the Soviet decree of V.I. Lenin on the separation of church and state. With regard to other traditional religions and beliefs, a tolerant policy was carried out, which made it possible not only for Orthodox Christians to occupy major government positions and receive the highest military ranks. In the 20th century, the peoples of the Caucasus were legally part of the Russian Empire and, in addition to the general imperial legislation, their life was also regulated by local acts, which, unlike the legislation of other empires of those years, guaranteed them the preservation of freedom of conscience. The author does not agree with the statement that the imperial and Soviet authorities destroyed the traditions of real Christianity, Islam and folk beliefs in Ossetia by terror. Based on the analysis of the materials of the peoples of the Caucasus, the article characterizes the state-confessional relations in the mainstream of the country's domestic policy, emphasizes the historical continuity of the humanistic policy of the central Russian government in the national regions of the country.

Keywords: Russian Empire, Caucasus, Vladikavkaz-Mozdok Diocese, Vladikavkaz Diocesan Gazette, Christianity, Islam, muhadzhirstvo, sects, spiritual culture

For citation:

Chedzhemov S. R. State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, No. 3. P. 238–250 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–13.

Chedzhemov Sergey Ruslanovich, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Vladikavkaz, Russia. **Contact address:** srchedzhemov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2260-3016>.

Введение и актуальность

В современном мире наши духовные ценности стали предметом враждебного натиска со стороны так называемых западных стран, в которых под видом равенства полов и толерантности осмеиваются нравственные ориентиры, служащие не одно столетие общечеловеческими ценностями, в очернительских тонах описывается наша история и современная повседневность. В этих условиях особое значение предается воссозданию подлинной истории страны и ее народов. Это необходимо не только для формирования объективной картины прошлого, но и использования накопленного положительного опыта в современных условиях.

У православного христианства и традиционного ислама в России особо много приверженцев, да, наверное, без этих религий не было бы современного нашего государства, не случайно их называют государствообразующими. И именно они во многом и послужили основой для формирования российских государственно-конфессиональных ценностей. Их политико-правовое содержание определяет Конституция РФ. 9 ноября 2022 г. был издан специальный Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ Президента..., 2022].

Мы видим четкое и емкое определение сути традиционных ценностей — это «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны». В Основном законе — Конституции нашей страны (ст. 67) прямо утверждается, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [Конституция РФ...] особо востребован опыт межконфессиональных отношений, накопленный в нашем Отечестве до революционных событий 1917 г.

Гражданские в крепости, а как же с тюрьмой народов?

Как мы уже отмечали выше, со времен церковных реформ Петра Великого государство Российское и православная церковь были во многом едины, и это положение дел сохранялось вплоть до советского декрета об отделении церкви от государства. Это была своеобразная особенность российской политико-правовой системы. В отличие, скажем, от англиканской церкви, где монарх признавался и главой церкви, в России глава государства — император всероссийский, или царь — формально не был главой церкви. Признаваясь помазанником Божиим в русской православной традиции, он определял всю церковную политику, но не напрямую, а через специальный исполнительный орган — Святейший Синод. Его руководитель — обер-прокурор был лицом не духов-

ным, он назначался царем и был ему подоточен. Фактически главной его задачей была организация коллективной деятельности высших церковных иерархов в реализации религиозной деятельности Русской православной церкви. Однако Россия была страной многоконфессиональной, объективности ради следует отметить, что в те годы она являла собой один из лучших примеров мирного сосуществования религиозных конфессий.

Правовой механизм взаимодействия религиозных конфессий — сложная и до сих пор малоизученная проблема отечественной истории. В условиях советской власти определенные попытки для этого сделаны были, но осуществлялись они в рамках устоявшегося стереотипа марксистско-ленинского тезиса «религия — опиум народа» и «царская Россия — тюрьма народов». Вошедшие в состав Российской империи народы Кавказа в XIX в. испытали на себе влияние имперского законодательства, однако в советской научной литературе в силу ее идеологизации оно не получило объективной оценки.

В современной литературе справедливо отмечается, что «Российское государство на протяжении многих столетий складывалось как поликонфессиональное политическое образование, где особая роль отводилась Русской православной церкви, получившей статус государственной конфессии. Однако правительство не забывало и о представителях других вероисповеданий, наделяя их определенным объемом прав, привилегий и накладывая ограничения согласно их правовому статусу» [Шершнева, Дашковский, 2024: 179–178].

Доцент Т. Е. Дзеранов считает, что одной из особенностей христианизации Осетии-Алании, «которое по сути совпало с процессом вхождения в состав империи, было то обстоятельство, что осетины воспринимали крещение как акт принятия русского подданства, массово крестились, не вникая в суть христианского учения» [Дзеранов, 2006: 45].

С этим умозаключением можно согласиться лишь частично, была и такая категория населения. Но в целом, это утверждение не характерно для осетин. Одна их часть, причем большая по численности, сохранили христианские традиции, существовавшие в недрах аланского царства и среди них, по сути дела, шел процесс возрождения христианства.

Другая часть придерживалась мусульманского вероучения суннитского направления и вере своей не изменяла, а вот на российской государственной службе проявляли рвение и усердие и очень, наверное, бы удивились, если бы узнали о некоторых «исследованиях», в которых безапелляционно утверждается, что таковые на воинскую и иную государственную службу не привлекались. Ниже мы остановимся на одном из таких — М. А. Кундухове, и пример этот далеко не единичный.

Позволим себе привести еще пример: «Селение Эльхотово, население которого исповедовало Ислам, было окружено войсками Шамиля, который обращался с личным письмом к своим единоверцам-осетинам, призывая их на борьбу с русскими. Эльхотовцы, посоветовавшись, ответили решительным отказом. И тогда завязалось сражение, которое продолжалось несколько дней, в которых заслужили почетное прозвище жители геройского села.

Во время этого же сражения эльхотовец Хурсин Чеджемов, тяжело раненный в бою, тем не менее, оказывал решительное сопротивление врагу в течение трех дней, заняв

выгодное положение в горной пещере. За мужество Х. Чеджемов по представлению военного министра Чернышёва был награжден императором Николаем I Георгиевским крестом [Елхот, 1999: 16].

В начавшемся процессе правовой аккультурации вошедших в состав Российской империи народов Кавказе центральная власть демонстрировала понимание их национальных и конфессиональных интересов в организации внутренней жизни обществ. В этом плане весьма примечательным правовым источником представляется нам именной императорский указ губернатору Астраханского края Якобию и командующему русскими войсками Г.А. Потемкину, в задачу которых входили вопросы ведения переговоров с «кавказскими старшинами» и организация внутренней жизни кавказских народов жизни под скипетром дома Романовых. Екатерина II повелевала губернатору следить за тем, чтобы российские власти «не употребляли народам тамошним притеснений или принуждений» [Полное собрание законов Российской империи, 1830: 389].

Данное указание было дано в связи с постройкой в крепости Владикавказ русской православной церкви. Она выполняла свои задачи не только для воинского контингента, но и для первых православных христиан из числа кавказцев. Под стенами крепости возникло и осетинское селение, которое уже к началу 30-х гг. XIX в., по мере укрупнения границ крепости, т. е. расширения крепостных стен, оказалось внутри самой крепости.

Это была осетинская слободка, населенная осетинскими семьями, получившая название Ирыкау, что в переводе с осетинского означает «селение осетин». Здесь в 20-х гг. XIX в. была построена деревянная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, которая затем была перестроена. Она стала каменной и функционирует и сегодня.

Появление осетинского селения было нарушением общих принципов функционирования крепостей, учреждений. Как мы знаем, сугубо военных, причем не только русских, но в данном случае и крепостное командование, и центральная власть осознанно пошли на это, и данное положение дел попытался нарушить лишь «природный осетин», генерал-майор Мусса Кундухов (1818–1889), бывший начальником Военно-осетинского, а затем и Чеченского округов.

Генерал — мусульманин, командующий округами в Российской империи. В чем суть его конфликта с православным батюшкой?

Значение Муссы Кундухова в истории народов Кавказа весьма неоднозначное. Оценка его деятельности в полной мере несет на себе отпечаток классового подхода и, в силу этого, определённых необъективных характеристик. На наш взгляд, лишь профессору В.В. Дегоеву удалось наиболее полно охарактеризовать эту личность как в публицистическом, так и научном плане [Дегоев, 2003: 12–89]. Ему удалось наиболее точно охарактеризовать весь драматизм деятельности этой личности, которая, увы, во многом сказалась в негативном плане не только на осетинах, но и других кавказских народах, предпринявших в середине XIX в. трагичное переселение в Османскую империю [Дзагуров, 1925: 18].

Именно Кундухов поставил вопрос о выселении осетинского поселения за пределы Владикавказской крепости. В историографии нет единого мнения на оценку причин этой инициативы. Нам представляется, и мы впервые выдвигаем эту версию, что генерал-майор Мусса Кундухов был озабочен тем, что его соплеменники, проживая в воен-

ной крепости, оказались в более привилегированном положении по отношению к другим кавказским народам. В пользу нашего утверждения может свидетельствовать и то, что Кундухов после Осетинского возглавил Чеченский округ и, уже находясь на этой должности, в 1865 г. организовал переселение кавказцев, в основном чеченцев и осетин, в Турцию.

В ранние годы советской власти видный представитель осетинской интеллигенции начала XX в. Г. А. Дзагуров утверждал: «Командующий войсками Терской области М. Т. Лорис-Меликов писал, что М. Кундухов прямо высказал ему мотивы, побудившие его возглавить переселение горцев — спасти туземное население от бедствий, которые неминуемо постигнут эти племена в случае восстания» [Дзагуров, 1925: 18].

Вряд ли эти слова можно всецело принимать на веру, учитывая то обстоятельство, что основная масса народов, исповедовавших ислам, осталась в России, а многие из уехавших вскоре пытаются вернуться, и это многим удавалось. А в народном фольклоре представителей народов, уехавших в Турцию, переселение отразилось в крайне негативных тонах. Например, у осетин, как отмечал известный общественный деятель и ученый Шамиль Джикаев, «переселение было спровоцировано правительством Турции, а в стихах уехавшего Т. Мамсурова потрясающие картины народных бедствий на пути смерти» [Джикаев, 1984: 41]. Аналогичную картину применительно к ногайскому народу в Турции описывает и доцент А. Т. Джумагулова [2014: 38].

Парадоксальным, но и весьма убедительным является выявленный уже в наши дни исторический факт: Под началом «Муссы Кундухова в Турцию выселилось около 5 тысяч семей. В 1868–1870 гг. только в районе г. Саракамыш Карской области Османской империи насчитывалось 8 осетинских селений. В настоящее время не осталось ни одного» [Сокаева, Канукова, Марзоев и др., 2016: 201].

Анализируя подготовленные и изданные по его инициативе мемуары генерала Кундухова, профессор В. В. Дегоев высказал полемичную мысль о том, что Кундухов — «осетин по рождению, он говорит об этом реже, чем о своей принадлежности к мусульманам. Порой создается впечатление, что, употребляя фразу «мой народ», Кундухов имел в виду более широкую общность, нежели осетины. В тональности его высказываний проглядывают признаки характерного для последователей ислама религиозно-космополитического самосознания. Он принимал концепцию европеизации в своеобразном варианте — с сохранением и поощрением мусульманской религии в качестве основы идейного, духовного и культурного единства народов Северного Кавказа. По сути, Кундухов невольно ставил перед Россией абсурдную для нее задачу — в материальном плане цивилизовать Северный Кавказ на европейский лад, а в духовном — объединить его идеями ислама, чтобы в конце концов потерять этот важный регион, предварительно оплатив его независимое существование. Учитывая практическую невозможность сохранения реальной политической самостоятельности столь ценной в стратегическом смысле территории, нетрудно предположить, в чью сферу влияния попал бы Кавказ» [Дегоев, 2003: 8].

Ислам представляется для исследователя потенциальным катализатором нарушения государственного единства империи и залогом выхода кавказских народов из ее состава. Думается, что, учитывая веротерпимость российского государства, данное утвер-

ждение является если и не совсем некорректным, то, во всяком случае, оно не должно приниматься априори.

Последующие события, в том числе и недавнего прошлого, подтверждают нашу идею о том, что ислам — не антипод российского патриотизма и государственной целостности. Современники М. Кундухова, в большинстве своем православные, упрекали генерала в том, что, желая выселить осетин из крепости, он пытается ущемить христиан, поскольку сам генерал придерживался мусульманской веры. Эта идея была основана видным представителем осетинской интеллигенции А. В. Колиевым (1822–1866), бывшим в те годы благочинным осетинских приходов Русской православной церкви. Именно с этой идеей он обратился к экзарху Грузии Евгению, поскольку осетинское православие тогда входило в Грузинский экзархат, и экзарх поддержал осетин.

В советское время утверждалось, что выселение состоялось. Так, видный осетинский ученый Б. А. Калоев писал, что именно в результате этого возникло одно из самым многочисленных осетинских селений Ольгинское, основанное «в 1859 году почти целиком из жителей осетинской слободки Ирыкау» [Калоев, 1967: 124]. Между тем это утверждение верно лишь в той части, что его основу действительно составили осетины-христиане из крепости, но в целом осетинское население осталось на своем прежнем месте проживания, и данный факт неоспоримо свидетельствует о большом количественном составе осетин, постоянно проживающих в военной крепости.

Между двумя выдающимися представителями осетинской интеллигенции тех лет Кундуховым и Колиевым разгорелась жаркая полемика именно по вопросам веры. И у того и у другого были последователи, разделяющие их взгляды, но в целом и осетины мусульмане и христиане в большинстве своем остались верными российскому подданству.

Мы разделяем мысль о том, что определенным показателем верноподданнических чувств осетин было то, что «в годы Кавказской войны осетины, как христиане, как и мусульмане в своем подавляющем большинстве сохранили верность России» [Осетины, 2012: 452]. А что касается «дискуссии», то генерал грозил зарезать Колиева саблей, на что тот отвечал, что погубит генерала гусиным пером [Алборов, 2005: 204].

Конечно, мухаджирство — переселение мусульман Кавказа в единоверную Турцию — свидетельствует не об определенном непреодолимом противостоянии христианства и ислама как вероучений. Скорее, оно свидетельствует о том, что определенные силы пытались использовать, в большинстве случаев безуспешно, воспетое еще Р. Киплингом противостояние Востока и Запада, которым на Земле не суждено сосуществовать вместе. Однако опыт российской истории свидетельствует как раз об обратном. Российская имперская внутренняя политика, при всех нюансах ее правоприменения, в целом отражала и даже предвосхищала истинные интересы народов, нуждающихся не в массовой эмиграции, а в выстраивании социально-экономической модели модернизации во имя самих людей, а не интересов третьих стран, далеких от истинных интересов многонационального российского народа.

К чести самодержавия, говоря словами академика М. М. Ковалевского, центральная власть не ломала веками выверенный общественный порядок жизнедеятельности народов, вошедших в состав империи, а проводила политику правовой аккультурации, в том числе и силами интеллигенции самих народов. Это наглядно видно на примере

того же М. А. Кундухова, автора воззваний относительно кровной мести и некоторых других вредных обычаев, которые вошли в издававшиеся Ада́ты кавказских горцев и регламентировавшие их жизнь [Ада́ты кавказских горцев, 1886]. Опубликованные уже в период «перестройки» мемуары М. Кундухова, выявленные в зарубежных архивах профессором В. В. Дегоевым, являются ценным источником, однако, им, как и многим иным сочинениям эпистолярного жанра, присуща определенная тенденциозность. Впрочем, мы допускаем, что она могла возникнуть в результате авторской правки.

Находящиеся вне России ее бывшие сыны сгущают краски, обрисовывая повседневность своей бывшей родины. На наш взгляд, это можно объяснить не столько их личностными обидами, сколько желанием привлечь западного, а в случае с мемуарами М. Кундухова, и восточного читателя определенной экзотикой описываемых событий. Мемуары были написаны в Турции, впервые увидели свет в Париже на страницах журнала «Кавказ» и разошлись по всему миру. По счастливой случайности профессору Дегоеву удалось найти их в фондах знаменитого Гуверовского института войны, революции и мира.

Вот таким образом, в конце XX в., начиная с 1995 г., российские читатели смогли познакомиться с ними на страницах журнала «Дарья́л». Впоследствии, уже в 2013 г., мемуары генерала вышли отдельным изданием [Кундухов, 2013].

Пример тенденциозного описания наглядно виден в описываемом факте христианизации: «Не желавших казаки связывали, и после сильных побоев, неграмотный поп обливал их водой, а иногда и мазал им губы свиным салом; писарь записывал их имена и прозвания в книгу как принявших по убеждению святое крещение и после требовал от таких мучеников строгого исполнения христианских обрядов, коих не только они, несчастные, но и крестивший их поп не знал и не понимал. За непослушание же подвергали горцев телесным наказаниям, арестам и денежным штрафам» [Кундухов, https://booksafe.net/book/kunduhov_mussa-memuary-145326.html].

Даже если это событие имело место, то и в этом случае оно не характеризует ни отношение российского государства и своим жителям-мусульманам в целом, как и сам обряд крещения в частности. В целом православные церковнослужители действовали согласно устоявшийся канонам, в которых напрочь отсутствует описываемый обряд «салопомазывания» губ крестившихся.

Один из первых профессоров — выходцев из среды горских народов Кавказа — Б. А. Алборов считал, что переселение в Турцию внутри страны объяснялось боязнью «потерять чистоту своих религиозных воззрений» [Алборов, 2005: 175]. Нам эта версия представляется гораздо убедительнее иных.

К этому следует добавить, что геополитические противники России в те годы вынашивали планы собрать в пределах Турции как государства — одного из соперников России — всех недовольных и использовать их в предстоящих столкновениях против России, что наглядно проявляется в западноевропейской политике. Говоря словами Э. Спенсера, использовать народы Кавказа и из их числа «вооружить двести тысяч храбрейших в мире воинов, способных дойти с огнем и мечом до самых ворот Москвы»¹.

¹ Здесь и далее цитируется перевод на русский язык первоисточников, выполненный профессором МГИМО В. В. Дегоевым.

Примечательно, что турецкое правительство первоначально выделяло для переселенцев земли на границах с Россией для того, чтобы было их легче двинуть на войну с Россией. Но этим планом не было суждено сбыться во многом благодаря прозорливости М. Т. Лорис-Меликова, хорошо знавшего Кавказ и бывшего в те годы министром внутренних дел России, который «категорически запротестовал против такого предложения турецкого правительства» [Алборов, 2005: 204].

Политика и повседневность епархиального издания

Весьма ценным источником изучения не только церковной-православной жизни в Российском государстве, но и вообще конфессиональной политики на окраинах Российской империи XIX — начала XX в. являются как свидетельства эпистолярного жанра, так и специальные печатные издания тех лет.

Реальная практика деятельности Русской православной церкви на Кавказе, в том числе и выстраивания отношений с представителями других религий или, как их было принято именовать в те годы, «инославных вероисповеданий» хорошо прослеживается на основе анализа нормативной литературы тех лет, в частности, издававшихся в епархиях специальных печатных изданий.

Например, большая половина современного Северо-Кавказского федерального округа РФ в те годы именовалась Терской областью, столицей которой был город Владикавказ, преобразованный из одноименной крепости в 1860 г. Здесь действовала Владикавказская и Моздокская епархия, официальным печатным органом которой были «Владикавказские епархиальные ведомости» — (в дальнейшем ВЕВ), которые издавались в Москве в 1895–1917 гг.

Номера этого издания сохранились как в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, так и Республики Северная Осетия-Алания. Данное издание осуществлялось в течение всего года, номер выходил один раз в две недели, а затем все номера объединялись в годичный сборник, в котором указывалась сквозная нумерация страниц. В издании существовал принцип разделения материалов по двум разделам или, как тогда писали, частям: официальная и неофициальная.

Официальная часть представляла собой аналог современного издания принятых новых нормативных правовых актов — текущего законодательства. Здесь печатались как законы и подзаконные акты Российской империи, так и материалы канонического права вышеназванной епархии. По своей форме это были императорские указы, манифесты, повеления, распоряжения и т.д.

Ведомости нацеливали выстраивать свою работу во исполнение указов «Его Императорского Величества и Святейшего Правительствующего Синода». Здесь также помещались руководящие директивы архипастыря и епархиального руководства. Вместе с этим публиковались и отдельные мнения мирян, церковных старост по насущным вопросам государственной и церковной деятельности.

Особое внимание уделялось казачеству. Терское казачье войско начиная с 1832 г. посылало своих лучших молодых людей на службу в конвой Его императорского величества. Это была весьма почетная и ответственная миссия, и осуществлялась она под патронажем епархиального начальства, хотя объективности ради следует заме-

тить, что не все кавказские казаки были православными. Среди них были и старове-
ры, и представители некоторых иных сект христианства.

В казачье сословие могли записать выходцев любой национальности. В этом случае указывалась нация и через дефис слово «казак», например, осетин-казак. Иные пред-
ставители кавказских народов именовались либо по национальности, либо с пристав-
кой слова «горец».

Имелись отдельные случаи и «магометанских казаков». Исповедовавшие ислам про-
живали компактно в Терской области, в Грозненской, Нальчикском и Хасав-Юртовских
округах. В иных округах население было смешанным по религиозному составу. В кав-
казских городах население было смешанным по этническому и конфессиональному со-
ставу, но зачастую прослеживался так называемый этнический и религиозный прин-
ципы формирования городских слободок.

Весьма ценным материалам служат статьи, посвященные педагогическим вопро-
сам. Например, Ведомости выступали в качестве своеобразного методического посо-
бия по организации не только обучения в церковно-приходских школах, но в них отра-
жались проблемы подготовки священнослужителей в специальных учебных заведени-
ях. Здесь содержался полный перечень требований соискателям сана священника, диа-
кона, псаломщика.

Общим было требование знать и использовать Святое Писание, владеть навыками
церковного песнопения. Общим требованием было знать и обличать факты русского
раскола [БЕВ, 1905: 31].

Большое значение для церковной деятельности занимающих вышеозначенные долж-
ности имели медико-санитарные знания. В программу обучения входил перечень за-
болеваний: «оспа ветренная, корь, тиф брюшной, заушница эпидемическая, рожа, ост-
рый сочленовый ревматизм, крупозная пневмония, перемежающаяся лихорадка и бо-
лотная кахекция, глисты кишечные, часотка, воспаление дыхательных путей, полости
рта и зева» [БЕВ, 1905: 44].

Значительное внимание уделялось борьбе с инфекционными заболеваниями. Имен-
но при активной помощи православных меценатов удалось выполнить крайне важ-
ную задачу — построить больницу или, как ее тогда именовали, приют для прокажен-
ных [БЕВ, 1896: 71].

Эти заболевания, названия которых ныне воспринимаются в современном здра-
воохранении как анахронизм, были серьезными проблемами общества, и то, что цер-
ковные служащие были знакомы с их симптоматикой, в значительной мере повышали
общий уровень здравоохранения в стране как важнейшей задачи осуществления вну-
тренней политики Российской империи.

Примечательно, что тогдашнее руководство Владикавказско-Моздокской епархии
живо реагировало на так называемый толстовский вопрос. В те годы народ еще не знал,
что Д. Н. Толстой — «зеркало русской революции», и многие действия графа, иду-
щие вразрез с церковной догматикой, критиковались начиная с 1897 г. на страницах
Ведомостей.

Заметки об этом именовались «К почитателям, поклонникам и последователям зна-
менитого русского писателя графа А. Н. Толстого». Особую неприязнь вызывали вы-

сказывания Толстого о браке. Так, например, отмечалось, что «учение Толстого о браке — это губительный путь для личности и семьи, для общества и государства» [ВЕВ, 1897: 141].

В другой статье утверждалось, что «поклонники Л. Н. Толстого забывают или не хотят понять, что иное дело быть художником или поэтом, а иное дело быть истолкователем Святого писания» [ВЕВ, 1898: 394]. Мировоззренческий конфликт Толстого и церкви нарастал и затрагивал все большие круги населения. Обе стороны не делали шагов к примирению. Своеобразной кульминацией этого противостояния было специальное послание Святейшего Синода мирянам, но не акт отречения, как многие истолковывают этот документ «Определение и послание Святейшего Синода о графе Льве Толстом», изданное в феврале 1901 г., в котором утверждалось, что «граф Лев Толстой более не является членом Православной церкви, так как его публично высказываемые убеждения несовместимы с таким членством». Подобное во Владикавказских Епархиальных Ведомостях именовалось «срамословием» [ВЕВ, 1901: 365].

Все вышеизложенное свидетельствует об определенных кризисных явлениях как в обществе, так и в церкви, которые не способствовали укреплению общегосударственного единства.

Ведущей формой правовоспитательной работы были духовные беседы в присутствии родителей обучающихся. В Ведомостях регулярно анализировались эти беседы. Так, например, отмечалось, что в 1895 г. «в мещанской и грузинской школе проводились подобные беседы» [ВЕВ, 1895: 9].

Как видим, школы подразделялись, в том числе, по национальному и сословному принципам.

Исходя из принципа единства государства и Русской православной церкви вплоть до ленинского декрета, представляет значительный интерес обсуждение на страницах Владикавказских епархиальных ведомостей вопросов государственно-правовых реформ. 15 января 1905 г. здесь был напечатан именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка Правительствующему Сенату» [ВЕВ, 1905].

В преамбуле этого документа отмечалась задача усовершенствования порядка управления «По священным заветам предков наших, непрестанно помышляя о благе вверенной нам Богом державы, Мы, при неперменном сохранении незыблемости основных законов империи». По сути дела, это был первый официальный отклик на события, получившие в истории Отечества наименование «Кровавое воскресенье».

Подчеркивалась задача «охранения полной силы закона — важнейшей в самодержавном государстве опоры». Пройдет по историческим меркам совсем немного времени, уже в октябре того же года император в своем манифесте фактически провозглашает в стране конституционную монархию. И в это же время на страницах ведомостей появится материал «Голос из Почаевской Лавры» [ВЕВ, 1905: 298–299].

Почаевская Лавра — крупнейшее и авторитетнейшее духовное учреждение Русской православной церкви на юге страны, которое основали монахи Киево-Печерской лавры, бежавшие от нашествия монголов в 1237 г. Они нашли приют в основанном здесь монахом с Афона Мефодием Почаевским в 1228 г. ските. С тех времен эта Лавра игра-

ла одну из ключевых ролей в формировании православной веры и разрабатываемых на ее основе идеологических постулатах государства. В период российской Смуты, в первой половине XVII в., игумен Почаевской Лавры Иов отстаивал интересы православия и независимости Русского государства.

Сейчас трудно сказать, кто был автором этого материала-воззвания. Можно предположить, что он появился в результате согласованных действий с Синодом. В связи с объявленными выборами в I Государственную думу в статье говорилось: «Трудную и спешную работу задал наш Царь народу своему. Оказал нам великую милость» [БЕВ, 1905: 298].

В целом одобряя законодательные нововведения, высказывалась мысль и об опасностях, кроющихся в процессе формирования первого русского парламента: «А то ведь будут там в Думе царской выборные от всяких других народов, будут и русские безбожники, которые добиваются перестроить наше православное царство на заморский лад» [БЕВ, 1905: 299].

В связи с этим Русская православная церковь активизировала контрпропагандистскую борьбу с идеологией действовавших в стране духовных сект. О них подробно писали на страницах Ведомостей еще в 1902 г. Их называли энтузиастически-мистическими, это были «Хлысты. Саафов, Христос, Богоматерь, Дети Сиона, Коммунисты, Адамиты, Наполеоновцы, Молчалники, Морельщики, Живые покойники, Чувственники и некоторые другие» [БЕВ, 1902: 449].

В те годы это были многочисленные организации, имевшие своих последователей в различных регионах страны. Например, общество княжны Татариновой. Екатерина Филипповна Татаринова, в девичества Буксгевден (1783–1856) — организатор общества «духовных христиан» в аристократической среде Санкт-Петербурга. И хотя она впоследствии отрекалась от противоречащих православному учению взглядов, ее последователи, в том числе и на Кавказе, продолжали свою тайную деятельность.

Так называемые хлысты, или христоверы, в те годы часто упрекались в проведении так называемого обряда христовой любви — «беспорядочном смешении участников и участниц, хотя многие исследователи ставят под сомнение или прямо отрицают это» [Никольский, 1985: 290].

Анализ деятельности вышеуказанных сект заслуживает специального исследования, в рамках нашей статьи мы хотим подчеркнуть лишь то обстоятельство, что в начале XX в. церковноначалие Русской православной церкви пыталось уделить внимание борьбе с ними. Для этого предлагалось всем служащим православных церквей изобличать вредные последствия распространения этих учений и для успешной борьбы с ними изучать их историю и деятельность.

В целом, для русской православной церкви на Кавказе до революции характерно отрицание устоев иных религиозных конфессий, в том числе и христианского сектантства, однако это не сказывалось на внутренней политике российского государства. Так, например, определенная часть казачества придерживалась старообрядчества, что не мешало их представителям с честью служить в рядах Российской армии.

Кавказцы — представители разных этносов, придерживающихся суннитского и шиитского направлений ислама, также служили в армии и достигали генеральских чи-

нов без ущерба для своей религиозной идентичности. Никто не склонял их к принятию христианства. На примере осетинского народа можно назвать имена мусульман, генерал-лейтенантов Хоранова Созрыко Дзанхотович Хоранова (1842–1935), активного участника трех войн — Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской и Первой мировой, боевого товарища генералов И.Ф. Тутолмина и М.Д. Скобелева, Дзамболата Константиновича Абациева (1857–1936), Афако Пациевича Фидарова (1859–1929) и многих иных.

Осетины придерживались суннитского направления ислама. Шиитами были в основном представители живущих на Кавказе персов, а также некоторые чеченские и ингушские братства. Среди чеченцев и ингушей особым почетом пользовался шейх Кунта Хаджи Кишиев (1830–1867). Ныне имя Кунта-Хаджи присвоено главному высшему религиозному заведению Чеченской Республики — Российскому исламскому университету. К-Х Кишиев не только призывал к толерантности в межнациональных отношениях, но и открыто заявлял: «Я не верю в сообщения, что из Турции придут войска для нашего спасения и освобождения... Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу не угодно» [Акаев, 2012: 52].

На страницах Вестника регулярно печатались статистические сведения, характеризующие деятельность образовательных учреждений. Так, например, в том же 1895 г. в Терской области действовало 17 одноклассных школ ведомства вышеназванной епархии. В них обучалось 748 мальчиков и 249 девочек. В отличие от классических гимназий в данной школе обучение не градировалось по половому принципу. Это были смешанные школы, где мальчики и девочки учились совместно [ВЕВ, 1895: 19].

Весьма интересный факт заключается в том, что, вопреки устоявшемуся стереотипу о засилье православия, в школах подведомственных епархии обучались не только православные дети. В этом же 1895 г. школу посещали дети обоего пола, из них 977 православных, 14 сектантов, в основном молокан, хлыстов, баптистов, трое армяно-григорианского вероисповедания и трое мусульман» [ВЕВ, 1895: 19].

Владикавказская и Моздокская епархия, как это явствует из материалов Ведомостей, среди всех сектантов особый вред видела в деятельности секты хлыстов, или, как их еще часто именовали христововеры, или люди Божьи. Среди них существовал культ самобичевания за грехи людские и отрицание православной обрядности, а также государственных устоев. Думается, что именно это и явилось причиной того, что в ряде публикаций учение хлыстов характеризовалось как «убивающее в человеке все хорошее и делает его совершенно безнравственным и возводит в культ разврат» [ВЕВ, 1897: 365].

Владикавказские епархиальные ведомости публиковали не только церковную, т.е. ведомственную статистику, но и общероссийские конфессиональные сведения. Например, в том же 1895 г. в Терской области в 109 школах, подведомственных Министерству народного просвещения Российской империи, обучалось 4950 мальчиков и 1841 девочка. Из них было 5299 православных, 76 человек армяно-григорианского вероисповедания, 76 католиков, 698 протестантов, 108 иудеев и 154 мусульманина [ВЕВ, 1895: 19].

Вместе с тем следует признать, что, впрочем, вполне объяснимо исходя из целей и задач ведомственного издания, что в части неофициальной регулярно печатались материалы, пропагандирующие православие и осуждающие иные религиоз-

ные верования. В основном это были беседы священников и воцерковленных мирян, что обозначалось авторами в специальном примечании. Например, в отношении «людей, зараженных баптизмом и молоканством, но еще верующих учению Св. Отцов и стоящих на переходном пути. Здесь отмечалось, что проповедь сектантов тогда сильна, когда в глазах народа они сумеют уронить достоинства православной иерархии» [БЕВ, 1895: 21].

Отдельной темой во Владикавказских епархиальных ведомостях следует считать тему «присоединения к православию», как это указывалось в издании людей, исповадовавших иную веру. Это были мусульмане, представители христианских сект — молокане и баптисты, католики и иные. Хроника подобных дел освещалась в неофициальной части почти каждого номера с указанием заслуг конкретного священника, совершившего обряд крещения, которому предшествовала его агитационная работа.

С этой целью подопечные районы Терской области объезжал епископ Владикавказский и Моздокский. Отчет одной из таких поездок весьма красноречиво характеризующего подобную работы мы приводим ниже: «Владыка Владимир — (архиепископ Владимир, в миру Филарет Алексеевич Сеньковский, 1845–1917. — С. Ч.) прибыл в одно из осетинских селений еще до заутренней, но в церкви не нашел ни одной верующей женщины. Его лицо омрачилось и только под непонятные нам выкрикивания мужчин женщины появились под благословение и затем старались забраться в уголок, где их не было видно» [БЕВ, 1895: 81].

Православное духовенство тех лет успешно использовало в деле миссионерской пропагандистской работы живую полемику с людьми, которых желало приобщить в вере. Владикавказские епархиальные ведомости не только в каждом номере освещали вопросы приобщающихся к христианской вере, открытия школ грамоты при церквях, новинки педагогической литературы, в том числе и периодические издания. Так, широко был рекламирован своим читателям миссионерско-просветительский журнал «Православный Благовестник» издаваемый с 1893 г. Он, согласно существующему тогда неписаному правилу изданий, состоял из двух частей, официальной и неофициальной.

В официальной части печатались руководящие материалы по вопросам миссионерско-просветительской работы, в неофициальной части были представлены такие познавательные рубрики, как очерки и рассказы из истории распространения христианства в различных странах, миссионерская деятельность на Западе, известия и заметки из газет и писем. Библиографические отзывы о различных книгах и статьях, информация о пожертвованиях и объявления [БЕВ, 1894: 321]. Журнал выходил два раза в месяц. Его редакция располагалась на базе Спасской церкви в Московской Сретенке. Редактором служил Николай Комаров, сведений о котором, к сожалению, нам найти не удалось.

Большую роль на Кавказе играла секта молокан. Одним из первых это выявил и проанализировал известный российский ученый, народник по политическим убеждениям и осетин по происхождению А. Г. Ардасенов в монографии «Переводное состояние горцев Северного Кавказа» под псевдонимом В-Н-А [1896].

Он отмечал: «Молокане появились на Кавказе во второй половине XIX века по мере укрепления здесь основ гражданской жизни. «Трудолюбивый и предприимчивый народ этот не испугался, ободряемый, как говорят, местным начальством. Они привез-

ли с собой всевозможные земледельческие орудия и принялись за хозяйство свое очень основательно и умело, производя все работы машинами» [В-Н-Л, 1896: 14].

Следует отметить, что в дореволюционном Владикавказе успешно функционировал молоканский квартал рядом с Вторничным базаром, рядом с современным зданием ЦУМа. Его выходцы занимали определенную и немаловажную нишу в городской торговле и предпринимательстве.

Выводы

Наше государство — уникальное объединение наций и народностей, представители которых исповедуют все известные на Земле традиционные религиозные верования. Россию справедливо называют государством-цивилизацией, имеющей многовековые традиционные ценности, в основе которых заложена вера в Бога и патриотизм. Решая насущные проблемы, стоящие перед национальными сообществами и государством, интеллигенция Северного Кавказа направляла свои усилия на аналитическое восприятие тенденций развития социально-экономического положения наций и народностей, объединяющихся в единую российскую общность, имеющую свои религиозные отличия.

В этот период для христианства и ислама характерно укрепление конфессиональных институтов и усиление их воспитательной и образовательной деятельности. И у Российского государства в лице монархической формы правления, и у православной и мусульманской конфессий и даже их сектантских сегментов появляется духовная скрепа — патриотизм, приобретающий свои образы и символы, которые использовались в правовоспитательной деятельности.

Проанализировав государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX в., мы считаем, что, хотя российское государство и православная церковь были во многом тождественны на политическом поле страны, между ними имелись определенные существенные различия. Следует признать, что известный декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» констатировал уже устоявшуюся правовую тенденцию, которая сложилась к моменту его принятия. Существовавшая в России государственная власть после отречения императора Николая II уже полностью носила светский характер, практически не оставалось существенных ограничений свободы совести и вероисповедания на Кавказе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адаты кавказских горцев / сост. Ф. И. Леонтович. Одесса, 1882. 449 с.

Акаев В. Х. Толерантность в религиозно-философской системе Кунта-Хаджи Кийшиева // Диалог культур как социальный императив межнационального взаимодействия : материалы Международной научной конференции. Владикавказ, 2012. С. 50–53.

Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им В. А. Гассиева, 2005. 412 с.

Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1894. № 1.

Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1895. № 1.

Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1896. № 2.

- Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1897. № 10.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1897. № 12.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1898. № 15.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1901. № 14.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1902. № 22.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1905. № 2.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1905. № 19.
В-Н-А. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис : тип. П. К. Козловского, 1896. 41 с.
Дегоев В. В. Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии // Звезда. 2003. № 11. С. 12–89.
Джикаев Ш. Свет правды и добра // Антология осетинской поэзии. Переводы. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 5–45.
Джумагулова А. Т. Переселение в Стамбул // Современная наука и инновации. 2014. № 2 (6). С. 36–41.
Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925. С. 18–32.
Дзеранов Т. Е. Религия осетин и русская культура. Владикавказ : СОИГСИ им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, 2006. 260 с.
Елхот. Исторический очерк. Владикавказ : Ир, 1999. 142 с.
Калоев Б. А. Осетины. М. : Наука, 1967. 340 с.
Конституция РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 29.07.2024.).
Кундухов М. А. Мемуары. URL: https://bookscafe.net/book/kunduhov_mussa-memuary-145326.html (дата обращения: 24.07.2024).
Кундухов М. А. Мемуары. Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
Никольский Н. М. История русской церкви. М. : Политиздат, 1985. 445 с.
Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019#:~:text=> (дата обращения: 23.07.2024).
Осетины. М. : Наука, 2012. 606 с.
Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб. : Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 22. 1168 с.
Сокаева Д. В., Канукова З. В., Марзоев И. Т., Дзапарова Е. Б., Дзлиева Д. М. Комплексная экспедиция по изучению осетинской диаспоры в Турции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 1 (82). С. 201–206.
Торкунов А. В., Дегоев В. В. Русская история: государство, цивилизация, внешний мир. М. : Аспект Пресс, 2024. 687 с.
Чеджемов С. Р. Конфессиональная политика Российской империи в середине XIX в. (на примере переселения народов Кавказа, исповедовавших ислам, в Турцию) // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 108–116.

Чеджемов С. Р. Религиозный фактор в системе политико-правового состояния общества: на примере Республики Северная Осетия-Алания // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 142–153.

Шершнева Е. А., Дашковский П. К. Мусульманские мечети Енисейской губернии в правовом поле Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 179–188.

REFERENCES

Adaty kavkazskikh gortsev [Customs of the Caucasian highlanders]. Odessa, 1882, 449 p. (in Russian).

Akaev V. H. Tolerantnost' v religiozno-filosofskoy sisteme Kunta-Khadzhi Kishieva [Tolerance in the religious and philosophical system of Kunta-Khadzhi Kishiyev] *Dialog kul'tur kak sotsial'nyy imperativ mezhnatsional'nogo vzaimodeystviya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Dialogue of Cultures as a Social Imperative of Interethnic Interaction]. Vladikavkaz, 2012. P. 50–53. (in Russian).

Alborov B. A. *Nekotorye voprosy osetinskoi filologii*. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im V. A. Gassieva, 2005, 412 p. (in Russian).

Chedzhemov S. R. Konfessional'naya politika Rossijskoi imperii v seredine XIX v. (na primere pereseleniya narodov Kavkaza, ispovedovavshikh islam, v Turtsiyu). [Confessional Policy of the Russian Empire in the Middle of the Nineteenth Century (on the Example of the Migration of the Peoples of the Caucasus, Professing Islam, to Turkey)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia] 2018, no. 1 (14). P. 108–116 (in Russian).

Chedzhemov S. R. Religiozniy faktor v sisteme politiko-pravovogo sostoyaniya obshchestva: na primere Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Religious factor in the system of political and legal state of society: on the example of the Republic of North Ossetia-Alania]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia] 2022, vol. 27, no. 4. P. 142–153 (in Russian).

Degoev V. V. General Musa Kundukhov: istoriya odnoy illyuzii [General Musa Kundukhov: the story of one illusion]. *Zvezda* [Star]. 2003, no. 11. P. 12–89 (in Russian).

Dzagurov G. A. Pereselenie gortsev v Turtsiyu [Resettlement of highlanders in Turkey] *Materialy po istorii gorskikh narodov* [Materials on the history of the mountain peoples]. Rostov-na-Donu, 1925. P. 18–32 (in Russian).

Dzeranov T. E. *Religiya osetin i russkaya kul'tura* [Religion of Ossetians and Russian Culture]. Vladikavkaz: SOIGSI im. V. I. Abaeva VNTs RAN, 2006. 260 p. (in Russian).

Dzhikaev Sh. Svet pravdy i dobra [The Light of Truth and Goodness]. *Antologiya osetinskoi poezii*. Ordzhonikidze: Ir, 1984. P. 5–45 (in Russian).

Dzhumagulova A. T. Pereselenie v Stambul [Resettlement to Istanbul]. *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern Science and Innovation]. 2014, no. 2 (6). P. 36–41 (in Russian).

Elhot. *Istoricheskij ocherk* [Elkhot. Historical essay]. Vladikavkaz: Ir, 1999, 142 p. (in Russian).

Kaloev B. A. *Osetiny* [Ossetians]. Moscow: Nauka, 1967, 340 p. (in Russian).

Konstitutsiya RF [Constitution of the Russian Federation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed July 29, 2024) (in Russian).

Kundukhov M.A. *Memuary* [Memoirs]. URL: https://bookscafe.net/book/kunduhov_mussa-memuary-145326.html (accessed July 24, 2024).

Kundukhov M.A. *Memuary* [Memoirs]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva, 2013, 92 p. (in Russian).

Nikol'skii N.M. *Istoriya russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow: Politizdat, 1985, 445 p. (in Russian).

Osetiny [Ossetians]. Moscow: Nauka, 2012, 606 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1]. Saint Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1830, vol. 22, 1168 p. (in Russian).

Shershneva E.A., Dashkovskii P.K. Musul'manskie mecheti Enisejskoi gubernii v pravovom pole rossijskoi imperii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. [Muslim Mosques of the Yenisei Province in the Legal Field of the Russian Empire in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries] *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2024, no. 1 (64). P. 179–188 (in Russian).

Sokaeva D.V., Kanukova Z.V., Marzoev I.T., Dzaparova E.B., Dzlieva D.M. Kompleksnaya ekspeditsiya po izucheniyu osetinskoi diaspory v Turtcii [Complex expedition to study the Ossetian diaspora in Turkey]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]. 2016, no. 1 (82). P. 201–206 (in Russian).

Torkunov A.V., Degoev V.V. *Russkaya istoriya: gosudarstvo. tsivilizatsiya. vneshnij mir* [Russian History: State. civilization. the outside world]. Moscow: "Aspekt Press", 2024, 687 p. (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 № 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey" [Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"]. URL: [http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019#:~:text=\(accessed July 23, 2024\)](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019#:~:text=(accessed%20July%2023,%202024)(in%20Russian).) (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1894, no. 1 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1895, no. 1 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1896, no. 2. (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1897, no. 10. (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1897, no. 12 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1898, no. 15 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1901, no. 14 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1902, no. 22 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1905, no. 2 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1905, no. 19 (in Russian).

V-N-L. *Perekhodnoe sostoyanie gortsev Severnogo Kavkaza* [Transitional state of the highlanders of the Northern Caucasus]. Tiflis: tip. P. K. Kozlovskogo, 1896, 41 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 01.08.2024

Принята к публикации: 10.04.2025

Дата публикации: 30.09.2025

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательное рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

• SCOPUS	• Socionet
• ERIN PLUS	• Scholarsteer
• EBSCO	• World Catalogue of Scientific Journals
• E-Library.ru	• Scilit
• CyberLeninka	• Journals for Free
• OAIsters	• Journal TOC
• ROAR	• OAIster
• ROARMAP	• OCLC-WorldCat
• OpenAIRE	• Socolar
• BASE	• JURN
• ResearchBIB	• JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Информация о конференциях
- Персоналии

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail, индивидуальный номер ORCID). Стандартный объем статьи — 30–60 тыс. знаков **без пробелов** (т.е. **0,75–1,5 печ. л.**), (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами с подписями рисунков на **русском и английском языках**. К статье обязательно прикладывается **полный список используемых работ**.

Статья должна содержать **ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов)**. Машинный (компьютерный перевод) не принимается. Аннотация к статье должна быть оригинальной, отражать основное содержание статьи и результаты исследований.

Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: Введение, Тематические блоки (от 1 до 5 блоков), Заключение.

Благодарности и финансирование указываются после текста статьи отдельным тематическим блоком с переводом на английский язык.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого.

Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 000.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).

Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences,
Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I.I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 1. P. 000 (in Russian)

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia).
Contact address: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>.

Введение

[illegible]

Тематические разделы (от 1 до 5)

[illegible]

Заключение.

[illegible]

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а).

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences "Adaptation of peoples and cultures

to changes in the natural environment, social and man-made transformations) (project No. 07-01-00842a)

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в **алфавитном порядке**, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Примеры оформления различных источников:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. No. 2. P. 429–439.

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке: Материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

9. Иностраный источник (не на английском языке):

Монография

李澎田 [Ли Пэнтянь]. 朝鲜文献中的中国东北史料 [Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах]. 北京 [Пекин]. 吉林文史出版社 [Издательство Линь Вэньши]. 1991. 526 с. (на кит. яз.).

где:

李澎田 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;

[Ли Пэнтян] — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;

朝鲜文献中的中国东北史料 — название работы на языке оригинала;

[Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах] — перевод названия работы на русский язык;

北京 — город издания языке оригинала;

[Пекин] — перевод города, где издана работа на русский язык;

吉林文史出版社 — издательство на языке оригинала;

[Издательство Линь Вэньши] — перевод издательства на русский язык;

1991. 526 с. — год, количество страниц на русском языке;

(на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Статья в периодическом издании:

王德朋 [Ван Д.]. 论金与周边政权的商业贸易 [О торговле Цзин с соседними государствами] // 中口社会科学院研究 也院攀报 [Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук]. 2009. № 1. С. 101–106 (на кит. яз.).

где:

王德朋 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;

[Ван Д.]. — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;

论金与周边政权的商业贸易 — название работы на языке оригинала;

[О торговле Цзин с соседними государствами] — перевод названия работы на русский язык;

中口社会科学院研究 也院攀报 — название периодического издания на языке оригинала;

[Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук] — перевод названия периодического издания на русский язык;

2009. № 1. С. 101–106 — год, том, номер / выпуск на русском языке.

(на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Электронный источник

建炎以来系年要录 [Основные записи периода правления императора Гаоцзуна]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?> (дата обращения: 20.04.2024) (на кит. яз.)

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации Библиографического списка, но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык.

Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, **обратите внимание**, что **вместе с транслитерацией** дается **перевод названия источника на английском языке**. Если в работе была использована статья в научном журнале или материал в сборнике, то **переводается как статья, так и журналу/сборнику**, откуда она была взята. Перевод следует расположить в [квадратных скобках]. *Курсивом* в таком случае выделяется, не статья, а название *журнала* или *сборника статей*.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”:

www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) Примеры оформления литературы и архивных материалов:

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4. P. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Fashistskaya mistika: religioznyj aspekt fashistskoj ideologii* [Fascist mysticism: the religious aspect of fascist ideology]. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th

century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005. P. 17–29 (in Russian).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664 (in Russian).

Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass. *Journal of Archaeological Science*. 1995, no. 2. P. 429–439.

Иностраный источник (не на английском языке):

Li Pengtian. *Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào* [Historical Materials of Northeast China in Korean Documents]. Beijing: Lin Wenshi Publishing House, 526 p. (in Chinese).

где:

Li Pengtian — автор;

Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào — название источника в транслитерации с английского языка;

[Historical Materials of Northeast China in Korean Documents] — перевод источника на английский язык;

Beijing: Lin Wenshi Publishing House — город, издательство на английском языке;

526 p. — количество страниц на английском языке;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Статья в периодическом издании

Wang D. Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè mào yì [On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes]. *Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào* [Journal of the Chinese Academy of Sciences]. 2009; (1): 101–106. (in Chinese).

где:

Wang D. — автор;

Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè mào yì — перевод источника в транслитерации на английский язык;

[On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes] — перевод статьи на английский язык;

Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào — перевод названия журнала в транслитерации на английский язык;

[Journal of the Chinese Academy of Sciences] — название журнала на английском языке;

2009 — год выхода журнала;

(1) — номер журнала;

101–106 — страницы, на которых размещена упомянутая статья;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Электронный источник

Jiàn yán yǐlái xì nián yào lù [Important Records of the Years Since Jianyan]. Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=907864&remap=gb> (accessed April 24, 2024) (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не вносятся и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т.п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025. Том 30, № 3

Редактор Л. И. Базина

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 22.09.2025.

Выход в свет 30.09.2025.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 20,0. Тираж 300 экз. Заказ 617.

Издательство Алтайского государственного университета

Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66